

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

αραλιδομένον

Сергей Соловьев

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
παλιπομένων

Сергей Соловьев

Сергей Соловьев

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Водолей Publishers
Москва
2007

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6Р
С51

**Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»**

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Пизанского университета,
проект PRIN Anno 2005 – prot. 2005109219_002**

Составление, подготовка текста и примечания *В. А. Скрипкиной*
Послесловие *С. Гардзонио*
Оформление *М. и Л. Орлушиных*

ISBN 978–5–902312–22–2

© В. А. Скрипкина, состав, примечания, 2007
© С. Гардзонио, послесловие, 2007
© М. и Л. Орлушины, оформление, 2007
© Водолей Publishers, 2007

ЦВЕТЫ И ЛАДАН

*Николаю Петровичу Киселеву,
благосклонному другу моей музы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я предвижу упреки, которые вызовет первая книга моих стихов. Я постараюсь заранее ответить на них. Во-первых, мне скажут, что в моих стихах форма часто преобладает над содержанием, техническая сторона искусства – над мыслью. Прежде всего, я укажу на неопределенность термина «форма». Содержание понятия *форма*, в применении к вопросам эстетики, может иметь произвольную широту. Иные разумеют под «формой» только рифму и метр; иные прибавят сюда *эпитет*, наконец, вообще *образ*, способ изображения, подойдет под понятие «форма». Тогда понятие «форма» покроет все признаки, которыми характеризуется художественное произведение, и сам собою падет вопрос об отношении формы к содержанию.

Я утверждаю, что самый вопрос о преобладании содержания над формой или формы над содержанием не может быть поставлен, ибо ставящий его разлагает неразложимое, предполагает раздельность там, где конкретно существует только единство. Ибо основной закон художественного творчества в единстве мысли, образа, краски, звука. Только то стихотворение имеет право именоваться художественным произведением, в котором нет ничего внешнего, в котором малейший уклон голоса, малейший красочный переход обусловлены внутренней, духовной необходимостью. Стихотворец, облакающий мысль в техническую форму, как в нечто постороннее самой мысли, никогда не создаст художественного произведения. В истинном процессе творчества мы имеем только неделимость творческого акта; мысль рождается одновременно с образом и напевом; она даже не сознается отдельно от оных, что побуждает некоторых эстетиков парадоксально утверждать, что в поэзии нет ничего, кроме формы, сочетания красок и звуков. На самом деле подобное утверждение столь же неосновательно, как и ему противоположное, оценивающее достоинство произведения сообразно с ценностью заключенной в нем мысли. Наконец, не следует забывать философское значение «форма», означающего цель космического процесса, движущее начало, образуя-

щее материю, созидающее из стихийных сил природы образ вечной красоты. Только то, что *формально*, стоит вне законов природной жизни, не подвержено изменению и смерти. Таков нетленный мир математических фигур и формул, таковы создания искусства. Но математика – только формальна; она стоит вне природной жизни. Напротив, искусство исходит из чувственного материала впечатлений; оно ведает материальный мир; начало его – познание *a posteriori*, опытное. Но из чувственного материала впечатлений художник созидает не-материальную действительность; призрачную реальность материи он преобразует в подлинную реальность красоты. Красота начинается там, где кончается природа; но она и мыслима только при наличности природы, исходя от нее и ведая только ее. Отсюда трагизм всякого художника, жреца красоты: как и сама красота, он всегда в мире – и всегда не от мира, всегда в материи – и всегда чужд материи.

Затем, я часто слышал и, вероятно, еще не раз услышу обвинение в *несовременности* моей поэзии, в ее отчужденности от злободневных интересов. Такое обвинение весьма для меня лестно. Да, моя поэзия чужда духу нашего времени, взятому в целом. Ибо дух нашего времени я понимаю так. С падением религиозных норм человечество начало руководствоваться в своем поведении природными началами. Но что такое природа? Природа есть нечто постоянно становящееся, постоянно находящееся в процессе изменения; каждое мгновение она вновь и вновь определяет себя к добру или злу, к Богу или дьяволу. Таким образом, невозможно *быть в природе*; вступая в область природы, всякий неизбежно должен определить себя к добру или злу, к Богу или дьяволу, то есть к началу, трансцендентному природе, вне ее пребывающему. В самой природе заключены противоположные потенции; в ней переплетены мировые Да и Нет; жизнь и смерть; любовь и похоть. Освободившееся от религии человечество пошло по пути вторых потенций природы; из них возникло здание современной цивилизации, образом которой является *город*. Город – это реальное Нет, безобразное дитя природы, созданное духом похоти и смерти. Этот *город* человечество выбрало взамен *града*, обещанного религиями. Искусство также исходит из природы; но оно отправляется от первых ее потенций, творит вечное Да, исходя из духа любви. Этот

мир, созданный из положительных потенций природы, и есть Новый Иерусалим, мистический град, в противоположность современному *городу*.

В-третьих, мне могут указать на несоответствие между частями моей книги, на противоречие между языческими и христианскими настроениями. Я думаю, что, вообще, деление на «язычество» и «христианство» есть только недоразумение, достаточно обличаемое историей. Вместо деления на «язычество» и «христианство» я бы предложил деление на мирозерцание религиозно-эстетическое и научно-философское. Эти два мирозерцания сменяются в истории и постоянно враждуют. Хорошим примером может служить Греция, где научно-философская мысль определенно выступила против религиозно-эстетического миропонимания народных масс. Гомер и Эсхил столкнулись с Сократом и Платоном. В так называемом «христианстве» постоянно смешиваются элементы религиозно-мифические с умозрительными. Христианский мир нисколько не менее, чем дохристианский, питал художественное творчество. Беато Анжелико, Беноццо Гоццолли, Перуджино часто ближе нам, чем Фидий и Пракситель. Ароматы Марии Магдалины заставляют нас забыть урну Антигоны. Но, с другой стороны, христианство в истории является как сила враждебная всему чисто религиозному, всякому мифу, всякому культу. Эта идеалистическая тенденция нашла окончательное свое выражение в протестантстве, где распятый Адонис обратился в учителя синагоги и мистерия литургии заменилась балаганом проповедей и набожного пения.

История ясно показывает нам незыблемость религиозно-эстетического начала. Это начало роднит между собой века и народные массы. Всякое создание научно-философской мысли неизбежно будет преодолено будущим; только миф – несокрушим, только искусство – нетленно. При современном состоянии философской мысли едва ли возможно, без компромисса и самообмана, принять метафизику апостола Павла. Но как прежде цветут масличные ветви, которыми дети еврейские устилали путь Иисусу Христу; и на нашем бедном севере ежегодно встречают «грядущего во имя Господне», и не увянут вовек весенние вербы, которые мы подьемлем как ветви масличные.

Я придаю значение моей книге лишь постольку, поскольку она является ученическим опытом. Сведущий читатель легко уловит в моих стихах подражательные элементы. Главными образцами для меня были: Гораций, Ронсар, Пушкин, Кольцов, Баратынский, Брюсов и Вяч. Иванов. Этим поэтам обязан я тем относительным искусством стихосложения, которое отличает более поздние стихотворения от ранних.

Сергей Соловьев

1906 г. 1 октября, Покров
с. Дедово

МАСЛИНА ГАЛИЛЕИ

Благоухай Сионе!

Декемврий, кг день,
стихира на стиховне

І. ИАКОВ

1

Покинул я родные нивы,
Бежал от отческих полей,
Где жил я – баловень счастливый
Ревекки, матери моей.

Темнеет вечер; голос стада
Звучит в померкнувших горах.
Струится тихая прохлада;
Вечерний ветер гонит прах.

Горит заря огнем багровым.
Слетает пыль с горячих губ...
Накрой меня зеленым кровом
Ты, широковетвистый дуб!

Изгнанник отческого дома,
Я на дороге изнемог.
Кругом не вижу водоема,
Где утолить бы жажду мог.

Вдали край неба стал туманен.
Смешались мысли, как в бреду.

В одежде рваной, весь изранен,
На камень голову кладу.

2

Я знал: меня ты не оставишь,
И на дороге, беглецу,
И мне свой вечный голос явишь,
Как Аврааму и отцу!

Я видел въяве подтвержденье
Отцам дарованных надежд,
И с неба ангелов схожденье,
И блеск серебряных одежд.

В былых утешенный печалях,
Я внял пророчеству о Ней,
И реял духом в светлых далях,
Над рядом белых ступеней.

Я утром вновь пошел в дорогу,
К иным краям, к иной стране,
И жертвенник поставил Богу,
В Вефиле явльшемуся мне.

II. СВЯТОЙ ПУТЬ

М. И. Сизову

Вот кувшин последний выпит,
Хлеб давно иссяк в кульке.
Дряхлый тайнами Египет
Смутно брезжит вдалеке.

Села – реже, горы – диче.
Ослик зыблет колыбель.
С грудью матери девичьей
Слил уста Иммануэль.

Смотрит девушка любовно
Сыну в сонное лицо.
Зверь под ней ступает ровно;
Таёт звездное кольцо.

Тихий мальчик, сон лелея,
Пьет святое молоко.
Край, вскормивший Моисея,
Твой рубеж – недалеко.

А за дальними горами
Брызги крови кормят пыль.
Над детьми стенает в Раме
Матерь древняя Рахиль.

И солдаты в селах рыщут,
Все пороги обагря.
Ненасытно, жадно ищут
Иудейского царя.

Села – реже, горы – диче
Ослик зыблет колыбель.

С грудью матери девичьей
Слил уста Иммануэль.

Солнце. Мрак лучами выпит.
Сын, проснись! потом – дремать.
Дряхлый тайнами Египет
Принял девственную мать.

III. МАРИЯ МАГДАЛИНА

Sur quels pieds tombez-vous, parfums de Madeleine?

A. Musset

Чья это песня во мраке доносится,
Чьи это, чьи это слышны рыдания?
К гробу Христову несет Мироносица
Благоухания.

Там горизонта туманная линия.
Скоро засветит заря Магдалине.
Плавают сумерки, сумерки синие
В тихой долине.

К гробу приходит, никем не замечена.
Там, в глубине кипарисного сада,
В камне пещерном гробница иссечена.
Вот и ограда.

«Вижу зари задрожавшие пятна я,
Серые камни пещеры зардели.
Там погребенный лежит, ароматные
Ткани на теле.

Нашим рыданиям не внемлет,
Скрытый в могильные недра...
Пальмы чернеют, и дремлют
Стройные кедры.

Долами, мраком объятами,
В страхе пошла я сегодня.
Шла умастить ароматами
Тело Господне».

Чья это жалоба носится,
Сумрак предутренний гонит?
К камню припав, Мироносица
Плачет и стонет.

IV. ПЕРЕД ИЕРУСАЛИМОМ

Уж город царственный воздвигся перед Ним.
Он шел, не преступив положенного срока;
В последний раз теперь Он шел в Иерусалим:
Он шел, да сбудется писание пророка.

Дрожали на песке отливы багреца;
Был запад облечен в торжественную ризу,
И отблеск заревой с высокого зубца
Спускался медленно по белому карнизу.

И Он опять прошел по дорогим местам,
Опять увидел стен высокие уступы,
Громады мрамора, дворцы и, здесь и там,
Детей пустыни, пальм разбросанные купы.

Опять привычный взор слепила пестрота
Семьею тесною столпившихся строений
И горделивых стен немая высота.
Он знал, что придут дни последних запустений,
И город рушится, как пепел, как мечта.

А ночь всё медлила, и тихо вечер гас,
Сгущая по стенам причудливые тени.
Он шел в Иерусалим. Он шел в последний раз,
Покорный голосу отеческих велений.

Вспомнил он, вспомнил тогда
Детства забытого лета:
Милые сердцу года,
Домик родной Назарета.

Звезды тихонько горят.
Синяя, звездная тишь...
Там убегающий ряд
Плоских, белеющих крыш.

Дети давно уже спят,
Мальчику только не спится.
Звезды ему говорят,
Что-то далекое снится.

Мать с кувшином поутру
Тихо идет от колодца.
Дети заводят игру,
Говор и смех раздается.

Плавню ступает она,
Легкою тканью одета.
В косы ее вплетена,
Яркая блещет монета.

К матери мальчик бежит,
На спину влез к ней украдкой,
Звонко смеется, шалит
Платья широкого складкой.

Где он ни кинет свой взор,
Всё ему – радость, игрушки.
Звякнул отцовский топор,
Валятся легкие стружки.

Вспомнил, как в детстве сюда
Шли они на богомолье
Всею семьей: вот когда
Детям простор и раздолье.

Старый Иосиф идет,
Важно опершись на посох.
Сына Мария несет,
Солнце играет на косах.

Спят, погруженные в лень,
Возле дороги оливы.

Вьются в древесную тень
Темных дорожек извивы.

Фиг зеленеют плоды,
Скрытые лиственной кущей.
Рощи, холмы и сады –
Радостный мир и цветущий.

Странники дальше идут
Той же дорогой привычной.
Вот – Самария, и тут
Мерзкий народ, злоязычный.

Яркие блекнут поля,
Скрылись веселые рощи.
То – Иудеи земля,
Всё здесь – беднее и проще.

Здесь виноградников нет,
Тянутся горы, белея.
Где ты, родной Назарет?
Где же ты, где, Галилея?

В зное небесном сгорев,
Мертвы поля Иудеи.
Ветви засохших дерев
Вьются как черные змеи.

Синие спят небеса
В дымке молочной тумана.
Блещет вдали полоса
Волн голубых Иордана.

Вот показались вдали
Башен зубчатые кольца.
В рваных одеждах, в пыли
К храму текут богомольцы.

Сколько увидишь здесь лиц,
Как любопытны картины:
Гости с сидонских границ,
С дальних концов Палестины!

Двигается шумно народ,
Пестрыми толпами скучен.
В круглую арку ворот
Ослик вступает, навьючен.

Важный, богатый купец
Едет на праздник всем домом.
Встретясь, болтает отец
С плотником, старым знакомым.

С матерью входит во храм,
В сумрак священных преддверий.
Деньги звенят по столам,
Воют и мечутся звери.

С робостью мальчик вошел.
Вид алтаря ему страшен:
Бык издыхает, и пол
Красною кровью окрашен.

Ноги беспомощно бьют,
В луже купаяся алой.
Голубь воркует; спуют,
Деньги считая, меняла.

Все онемели сердца.
Слово б им грозное кинуть!
«Это ль обитель отца!»
Крикнуть, столы опрокинуть!

Прошедшее сменя, грядущее встает:
Вот прокуратора огромная палата:

Одежду на себе Каиафа злобно рвет,
И подымают бич прислужники Пилата.

На место лобное Он крест свой понесет
Дорогой той, где шел теперь в Иерусалим Он;
Бессильно свалится, и крест Его возьмет
На плечи крепкие могучий телом Симон.

.....

Меркнут далекие гор очертания.
В город пора бы войти.
Гаснешь, темнеешь... прости
Ты, дорогая Вифания!

Ворота города уж были перед Ним,
На белом мраморе погасла позолота.
Он мерной поступью вошел в Иерусалим,
Неслышно миновав раскрытые ворота.

V. ВЕЧЕРЯ

Ex Illo pectore in secreto bibebat.

Augustinus

Окруженный толпой, на одре
Он в таинственной думе лежал.
Догорая, светильник дрожал...
Ночь была на дворе.

Говорить не решался никто,
И для битвы не чувствовал сил.
Я, прильнув к Его груди, спросил:
Кто предаст Тебя, Господи, кто?

И прильнув к Его груди, я креп.
Синий сумрак гляделся в окно.
Он мне подал вино
И разломленный хлеб.

Я с другими прошел на крыльцо,
Не теряя из виду Его.
Разобрать я не мог ничего;
Лишь луною пахнуло в лицо.

Вся дорога была в серебре.
Мы пошли по знакомым садам.
Смутный шепот ходил по рядам...
Ночь была на дворе.

VI. ОТРЕЧЕНИЕ

К костру подсел он, руки грея.
Лицо зажег багровый свет.
«И ты – спутник Назаря?
И ты – из галилеян?» – «Нет».

Ночь холодна, и месяц светел.
Первосвященнический двор
Вдруг огласил рассветный петел.
Прислуга спит. Сгорел костер.

«Где Иоанн и где Иаков?
Где все?» Он вышел. Даль пуста.
И вспомнил, горестно заплавав,
О предсказании Христа.

VII. СЕСТРЕ

Н. И. С.

В рассветный час пошли мы двое,
Росу стряхая с сонных трав,
Неся из смирны и алоя
Благоухающий состав.

Мы шли, не думая о чуде,
В холодном, розовом луче.
Ты миро в глиняном сосуде,
Склонясь, держала на плече.

И так нам страшно вспомнить было
Его позор, и смерть, и боль...
Как раны знойные омыла
Твоих волос ночная смоль.

Как из Его ладоней гвозди
Ты, тихо плача, извлекла,
Смотря на кровь, что, как из гроздей,
Густыми каплями текла.

Мария мать и ты – вы обе –
Его приняли от солдат
И положили в новом гробе,
Возлив на тело аромат.

Смотри: минула ночь субботы,
И новый день сменяет мрак.
Сестра, скажи мне, отчего ты
Нежданно ускоряешь шаг?

Уж близок сад. Вот лилий чаши
Сверкнули из рассветной мглы.

Сестра, зачем одежды наши
Так неестественно белы?

Как ветви здесь нависли густо.
Давай сосуд. Пришли. Пора.
Вот и пещера. Где Он? Пусто!
Кто взял Его? О, кто, сестра?

Кем вход в пещеру отгорожен?
Что совершилось в ночи?
Пустой покров белеет, сложен.
В пещере – белые лучи.

Где труп? где стража? где ограда?
Всё – только белые цветы.
Бегу навстречу! Нет... не надо:
Ты возлюбила – встретишь ты!

VIII. ВИДЕНИЕ СВЯТОГО БЕРНАРДА

На окне раздернуты шторы.
Тонкие кустики гнутся.
Белей и белей
В даль уходящие горы.
Полей
Зеленые полосы выются.

Заходящего солнца лучами
Кельи свод позлащен.
Монах сидит. За плечами,
Откинут, лежит капюшон.

Догорающий луч скользнул,
Задрожав на оконной раме.
Он последний раз блеснул,
Осветив окрестность с горами.

Поднял глаза монах
От священной страницы.
Незабудки в Ее глазах
Сияли под тенью ресницы.

Легки одежды воскрылия...
Ты ль, долгожданная?
Смотрит: в руках Ее лилия
Благоуханная.

Мать Божью встретил святой
Чуть заметным всплеском рук.
На Ее голове золотой
Трепетал и светился круг.

Над овалом лица легли
Золотые косы в порядке.

Голубыми струями текли,
Расплывались одежды складки.

Тихо став пред святым,
С лаской Она глядела.
Одежды – легки как дым –
Ее овеяли тело.

Ни слова тогда не сказал
Марии блаженный инок.
Ворвавшийся луч пронизал
Закружившийся столб пылинок.

Он остался, поверить виденью
Робкой душой не дерзающий,
А Она отплыла легкой тенью,
Ускользящей.

IX. РОДНЫЕ СТРАНЫ

Видел ты эти блаженные доли?
Бледных фиалок луга,
Дымные сосны, янтарные смолы,
В горних пределах снега?

Нежные розы – закатные светлы,
Серые камни, раздолья пещер,
Там, где ласкают святые аскеты
Руки им лижущих кротких пантер.

Всех лучезарные светлы залили,
Всех их питает Господня роса.
Тонут в лазури торжественных лилий,
Девственных, стройных и белых, леса.

О, этих стран неподвижные блески!
Вечно взлетают к вам грезы земли.
Мучениц-дев исступленные всплески...
Светлый жених в озаренной дали.

Рыцарей латы, золотые поножи,
Копья, щиты мелодично звенят.
Там, на цветах украшенном ложе,
Львы возлежат возле белых ягнят.

Остров. Закат. Шелестящие ласки.
Юноши в девах лобзуют сестер.
Волны кудрей, золотые повязки...
Ангел над ними крыла распростер.

Любят, сгорают. Восторги – взаимны.
Бледные руки, скользкие сны.
Гимны Христу, непостижные гимны!
Звезды. Моления. Шепот волны.

Х. СВЯТАЯ ЦЕЦИЛИЯ

Возле органа
Святая Цецилия,
– Вся осиянна –
Божия лилия!

Струны вызывают.
Белые руки
С клавишей зыбких срывают
Тихие звуки.

Звуки – нежны и сладки.
В сиянье воздушного диска,
Волосы – черны и гладки –
На лоб опущены низко.

К груди приколота,
Роза вздыхает.
Искра золота
На стене потухает.

Бледного света
Тени – неверней.
Благовест где-то...
Звон вечерний.

XI. ПРЕСВЯТАЯ ДЕВА И БЕРНАРД

И. С. Щукину

Он за город ушел, где дороги
Был крутой поворот.
Взоры монаха – молитвенно строги.
Медленно солнце спадало с прозрачных высот.

И молиться он стал, на колени упал, и в фигуре
Были смиренность, молитва. А воздух – прозрачен и пуст.
Лишь над обрывом скалы в побледневшей лазури
Зыбкой листвой трепетал засыпающий куст.

Воздух пронзали деревьев серебристые прутья.
Горы волнами терялись, и вечер, вздыхая, сгорал.
Знал он, что встретит сегодня Ее на распутье...
Благовест дальний в прозрачной тиши умирал.

Шагом неспешным прошла, и задумчиво кротки
Были глаза голубые, и уст улыбался коралл.
Пав на колени, он замер, и старые четки
Всё еще бледной рукой своей перебирал.

Осененная цветом миндальным,
Стояла одна у холма.
Замер благовест в городе дальном...
Ты ль – Мария, Мария сама?

Никого. Только золотом блещет
На закате пустая даль.
Веет ветер, и дерево плещет,
Беззвучно роняя миндаль.

ХП. СВЕТЕ ТИХИЙ!

В кротких лучей вечереюшем блеске,
Мнится, тебя я уж видел когда-то.
Где, я не помню. Быть может, на фреске,
Там, где блаженных рисует Беато.

Ласковый образ, являвшийся в детстве,
Кроткая весть о кончине безбурной
И о могиле – приюте от бедствий –
Там, где мой ангел склонится над урной.

Образ, пред коим молились монахи,
Где под секирою острой солдата
С тихой молитвой почила на плахе
Чистая дева, святая Агата.

Праведных взор говорит терпеливый:
Да, исполняем Господний глагол мы.
Келья ютится под синей оливой,
В небо уходят волнистые холмы.

Перед святыми дрожат василиски,
Злые ехидны ползут за утесы.
Дев непорочных отчетливы диски,
Вьются под золотом темные косы.

Страсти земной непричастные лица.
Свет золотистый сияние сыпет.
В мраке провозит святая ослица
Божию Матерь с младенцем в Египет.

Круглые пальмы синеют по скалам;
Реют пернатые, пестрые птицы.
Дева, хитоном одетая алым,
Смотрит на небо, поднявши ресницы.

Рыцарь – монах, что закован в железо;
Узкий ручей, меж холмами текущий.
Иноков ясных святая трапеза,
Праздник любви под зеленою кушей.

В кротких лучей вечеряющем блеске,
Мнится, тебя я уж видел когда-то.
Где, я не помню. Быть может, на фреске,
Там, где блаженных рисует Беато.

ХІІІ. ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Три дня подряд господствовала вьюга,
И всё утихло в предвечерний час.
Теплом повеяло приветно с юга,

И голубой и ласковый атлас
Мне улыбнулся там, за леса краем,
Как взор лазурный серафимских глаз.

И я стою перед разверстым раем,
Где скорби все навек разрешены.
Стою один, оваян и лобзаем

Незримыми крылами тишины.
Леса синеют, уходя в безбрежность,
Сияют мне с вечерней вышины

И кроткий мир и женственная нежность.
Моя душа – младенчески чиста,
Забыв страстей безумную мятежность

И для молитв очистивши уста.
Недвижны ели, в небо поднимая
Ряды вершин – подобия креста;

И, небесам таинственно внимая,
Перед зари зажженным алтарем,
Лежит земля, безлюдная, немая.

Окрашена вечерним янтарем
Эмаль небес за белыми стволами.
Над тишиной передвечерних дрем

Закатный храм поет колоколами,
И гаснет там, за синею чертой,
Последний раз сверкнувши куполами.

Окончен день, морозно-золотой.
Вечерний час! вечернее моление!
Вечерний час, заветный и святой!

Пора. Огни затеплило селенье;
Ложится тень на белые снега,
И легкий дым клубится в отдаленье,

Приветный дым родного очага.
Как чувства все таинственно окрепли!
Господь! Господь! к Тебе зовет слуга:

Огонь любви в моей душе затепли!

XIV. ХРАМ

Прими меня, родной, убогий храм,
Где я искал и находил спасенье.
Куда ребенком бегал по утрам

К заутрене, в святое воскресенье.
Все в доме спят. Я тихо выйду вон,
Взволнован весь, и полон опасенья,

Не опоздать бы. На призывный звон
Спешу чрез лес, весенний и зеленый.
Крестясь, всхожу на сумрачный амвон,

Едва лучом янтарным окропленный.
Глядят в окно и шепчут меж собой,
Прильнув к стеклу, березы, липы, клены.

Иконостас с золоченой резьбой
Давно потуск. Как небеса синяя,
Венчает своды купол голубой.

Мерцают свечи, кротко пламенея
Колелебующимся желтым язычком.
Истлевшая, тяжелая Минея

На клиросе лежит перед дьячком,
И староста обходит по приделам,
Звеня о блюдо медным пяточком.

Растаял ладан. В дыме поределом
Блится медь закрытых царских врат;
Алтарь сияет радостным пределом,

Где нет скорбей: сомнений и утрат.
Мой старый храм! Как сердцу вожделенен
В твой темный рай замедленный возврат!

Всё то, чем мир для сердца многоценен,
Я приношу к ступеням алтаря,
И мой восторг, как золото, нетленен.

Моей весны ненастная заря!
Как быстро ты достигла половины,
Огнями зол, бушуя и горя.

Как с высей гор бегущие лавины,
Так громы бед гремели надо мной.
Но детство вдруг, с улыбкою невинной,

Как весть, как зов отчизны неземной,
Ко мне сошло из чистых поднебесий,
Чтоб утолить кровавой язвы зной.

В душе поет, поет «Христос воскресе»,
И предо мною, как забытый сон,
Алтарь, врата в задернутой завесе,

– Сквозь золото краснеющий виссон.

XV. РАБА ХРИСТОВА

Хоть я с тобой беседовал немного,
Но мне твои запомнились черты,
Смиренная служительница Бога!

Ясна душой, весь мир любила ты:
Твои глаза так ласково смотрели
На небеса, деревья, на цветы,

В родных лугах расцветшие в апреле.
Когда, прозябший, зеленел листок,
Когда лучи что день теплее грели,

И под окном разлившийся поток
Бежал, шумел, блистая в мутной пене,
Синела даль, и искрился восток, –

Бывало, ты на ветхие ступени
Присядешь, рада солнышку весны,
На жребий свой без жалобы, без пени;

А небеса – прозрачны и ясны,
И облаков блуждающие лодки
По ним бегут, как золотые сны.

Я помню лик твой, старческий и кроткий,
И белизну смиренного чепца.
Ты мать была для всякого сиротки:

И из гнезда упавшего птенца,
И бедную ободранную кошку,
У твоего бродящую крыльца,

Равно жалела. К твоему окошку
Все бедняки окрестных деревень
Протаптывали верную дорожку.

В раю теперь твоя святая тень.
Как твердо ты твоей служила вере,
Полна любви Христовой. В летний день,

Бывало, стукну я у низкой двери,
И в бедный дом войду. Как ангел ты;
Вокруг ютятся страждущие звери,

Горят лампадки, и цветут цветы,
И ты – живой символ долготерпенья –
Струишь на всех сиянье доброты.

Среди страстей окружного кипенья
Ты пребыла младенчески чиста.
Вся жизнь твоя – молитвенное пенье;

Ты – фимиам перед лицом Христа.
Твоя весна текла под сводом храма,
В горниле бед, молитвы и поста;

И горькой жизни тягостная драма
Спокойною зарей завершена.
Ты умерла, как облак фимиама;

Над гробом – мир, покой и тишина.
И каждый год трава могилы малой
Родной любви слезой орошена.

Над насыпью, вовеки не увялый,
Цветет венок из полевых цветов.
Фиалка синяя и розан алый

Сквозь изумруд березовых листов
Благоухают вечерами мая.
И дремлет ряд разрушенных крестов,

Словам небес задумчиво внимая.

ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ

В багрец и в золото одетые леса.

Пушкин

I. ГИМН ОСЕНИ

Вот в лесу золотошумном
Глохнут мертвые тропы.
Гулко бьют по твердым гумнам
Однозвучные цепы.

В переливах изумруда
Блещет, зыбко рябь струя,
Гладь расплавленного пруда –
Голубая чешуя.

Ветер дунет. Воду тронет,
Пошевелит стрекозу.
Золотистую уронит,
Грустно, дерево – слезу.

Небывалою усладой
Полон я. Не шелестя,
Пролетай и в волны падай,
Лист – отцветшее дитя!

Что-то как-то миновало.
Где-то кончилась гроза.
Без преград, без покрывала
Вечность смотрит мне в глаза.

Кто-то властный рек: довольно.
Усмирившись и внемля,

Вновь безлюдна, безглагольна,
Вновь молитвенна земля.

Круг полей – свободней, шире.
В бесконечность убежа,
Тлеет в пламенной порфире
Леса дальняя межа.

В этом кротком позлащенье,
В вещем шорохе листвы,
Извещенье возвращенья
Жаркой майской синевы.

Смерть с рождением – вечно то же,
Как начало и конец.
Осень, шествуй, в чащах множа
Искрометный багрянец!

Возрастающим сверканьем
Жажду сердца утоли!
Лес, пускай мы вместе канем
В смерть роскошную земли.

Нежит матовая краска
Отвердевшего листа.
С детства ведомая ласка
В дальнем небе разлита.

В синем блеске мысли стынут..
Иль из книги бытия
Возраст отроческий вынут,
Или вновь младенец я?

II. ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

В чаще лесной густодебренной
Лег я в колючей траве.
На небе облак серебряный
Тихо плывет в синеве.

Полно, душа! не измеривай
Тягость грядущего дня.
Тень от зеленого дерева
Ласково лижет меня.

Миг совершенного отдыха.
Где-то затеряна цель.
Теплого синего воздуха
Греет меня колыбель.

III. РЯБИНА

Солнце блестит на заржавленном желобе.
Утро – морознее; даль – необъятней.
В небе безоблачном белые голуби
Вьются над ветхой моей голубятней.

Ярко, светло, и свободнее дышится.
О, этот вольный полет голубиный!
В небе далеком, холодном колышутся
Красные кисти созревшей рябины.

Снова становишься мира невольником...
Дыма взвиваются сизые клубы.
Там журавлей, что летят треугольником,
Зычно раздались призывные трубы.

IV. ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Холодны зори, и осень победнее.
Желтых лесов опустелые сени...
Ночью холодную роза последняя
Дышит и слушает ветер осенний.

Чахлый кустарник, без устали зыблемый...
Гибель предчувствуя, стонут дубравы,
Стонут, взывают: погибли, погибли мы!
В тусклом сиянии – серые травы.

Носятся дымные тучи несметные,
Саваном призрачным месяц облекши.
Мира усталого жалоба тщетная...
Радости память, бесследно протекшей.

V. НА БАЛКОНЕ

Сладостно мир умирает.
Здесь, на балконе пустом,
Ветер холодный играет
Мертвым листом.

Лес – неподвижен и мутен,
Серая мгла – над рекой.
Призрак любви... он – минутен!
Вечен вселенной покой.

Жизни, стремлений не нужно.
Вечер. Синё и темно.
Ветер, что с жалобой выужной
Бьешься в пустое окно?

VI. СЕРЫЙ ДЕНЬ

Падают сгнившие желуди.
Поле готово отцвесть.
Ветер о снеге и холоде
Начал ненастную весть.

Влагой наполнено до края
Белое небо вверху;
Зелень – беспомощно мокрая,
Листья желтеют на мху.

Ветер, довольно! суровую,
Бурную силу ослабь!
Пруда поверхность свинцовую
Морщит ненастная рябь.

VII. ПЕЧАЛЬ

Истомился я долгою мукой,
Но душа не вконец сожжена.
Убаюкай меня, убаюкай,
Голубых вечеров тишина!

Я тихонько иду по оврагу,
И с лазурью роднится душа.
Под ногою от каждого шагу
Просыпаются листья, шурша.

Нет, весеннего счастья не надо!
Сердце, вечер с покорностью встретить,
Чтоб в безмолвье опавшего сада,
Как заря, на заре, умереть.

VIII. У ПРУДА

Еще за ночь с оранжевого клена
Упало несколько листков,
Холодная лазурь – прозрачна, углубленна
Без туч и облаков.

Дорогу преградя, с березы ветка свисла,
В осенней золотой парче.
Ты шла; и зыблилось, и пело коромысло
На девственном плече.

Вот пруд заискрился, и золотой, и синий,
Волнами жидкого свинца.
Коснулся тихий луч, скользнувши по рябине,
До твоего лица.

И для меня слились в священную прощальность
И ты, и облетающий лес,
И переливы струй, и голубая дальность
Безоблачных небес.

IX. УСПОКОЕННОСТЬ

Сохнут дорожные рытвины,
Кротким лучом осиянны,
Выси – лазурно-молитвенны;
Травы лугов – безуханны,

Осень бесстрастною ласкою
Сердце ласкает влюбленно.
Над опустелой терраскою –
Шелест златистого клена.

Чем эта ясность безбурная,
Чем этот вечер заслужен?
Небо – такое лазурное,
Облак – так нежно жемчужен.

Радость лазурной невинности
В душу вливается свыше
В этой священной пустынности,
В блеске осенних затиший.

Вижу у пруда заглохшего
В золоте рдяную кисть я:
С дерева, грустно засохшего,
На воду сыпятся листья.

Небо – омытей, увлажненной.
Лес не шелохнет верхушки.
Дров серебристые сажени
Сложены вдоль по опушке.

Греются – бедные – спилены –
В ласке святых поднебесий.
Троп озлащенных извилины
В мертвом теряются лесе.

Лейся же, ласка целящая!
Мир безболезненно вянет.
Осень, забвенье сулящая,
Осень меня не обманет.

SILVAE

Jours de travail! seuls jours où j'ai vécu!

A. Musset

I. ИСТРЕ

По тебе не рыщут флаги,
Ты не носишь корабли.
Ты лелеешь в синей влаге
Юных нимф моей земли.

Волны резвы, волны быстры,
И сверкуч студеный вал.
Золотое имя Истры
Кто тебе, родная, дал!

Словно радуясь свободе
От разрушенного льда,
В дни весенних половодий
Как гремит твоя вода!

И, взревев, как зверь огромный,
Мирно катишься потом
Там, где Павловск многохолмный
Блещет пламенным крестом.

Огороды огибая,
Холмы кругом оплетя,
Золотая, голубая,
Ты смеешься как дитя.

То струишься гордо, плавно,
То взволнуешься, и вновь –

Своевольна, своенравна,
Словно девичья любовь!

Ты трепещешь, мечешь искры,
Завиваешься кольцом;
И глядится в лоно Истры
Нимфа с розовым лицом.

Отливаешься червонцем,
И в кристалле синих струй
Ослепителен под солнцем
Блеск серебряных чешуй.

Но, от буйств уставши диких,
Ты в зеркале отдала
И обителей великих
Золотые купола.

Истра! Богом ты хранима.
Знак тебе священный дан:
Возле рощ Иерусалима
Ты зовешься Иордан.

II. ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

1

Ты, Брюсов, не был бы унижен
Среди поэзии царей,
И к ямбу Пушкина приближен
Твой новоявленный хорей.

Я женской, медленной цезуре
Послушным был рабом, и вот
Твоих созвучий ярой бури
Меня схватил водоворот.

То вещим магом, то ученым,
Ты встал: безжалостно гремять.
В твоём стихе озолоченном
Звенит Вергилиева медь.

Твой стих, что конь, в кипящей злобе
Уздой сдержанный едва,
И как удары мелкой дроби
– Твои короткие слова.

Чредой подъемов и падений
Твой стих бежит, как вал в реке.
Ты замыкаешь вихрь видений
В одной стремительной строке.

Ты тлеющего манускрипта
Разжечь угасший дух сумел.
Поешь ты о богах Египта,
Как будто их когда-то зрел.

Равно ко всем явлениям чуток,
Передаешь в напевах ты

И ласки грешных проституток,
И чистых мучениц мечты.

Всегда иной, всегда притворный,
Ты созерцаешь снег вершин,
Вдыхая чистый воздух горный,
Сам – в тине илистых низин.

2

Ты, Валерий, Пушкина лиру поднял.
Долго в прахе звонкая лира тлела.
В пальцах ловких вновь рассыпает лира
Сладкие звуки.

Дал ты метко в речи созвучной образ
В шлеме медном воина Рима. Равен
Стиль искусный медному звону речи
Римских поэтов.

Ты Эллады нежные понял песни.
Ты рисуешь девы стыдливой ласки.
Песни льются Аттики синим небом,
Медом Гимета.

Властно, крепко стих с меднозвонной рифмой
Ты чеканишь; образы – яркие; краски –
Сочны, свежи; цельною жизнью строфы
Полные дышат.

Вечно, вечно памятны будут, Брюсов,
Всем поэтам сон Ариадны нежной,
В мире мертвых стоны Орфея; вечны
Вопли Медеи!

3. В ОТВЕТ НА «ОЗИМЯ»

Прах, впоенный влагой снега,
Режет гения соха.
Звука Пушкинского нега!
Пушкин – альфа, ты – омега
В книге русского стиха.

4. В ОТВЕТ НА ΣΤΕΦΑΝΟΣ

Нет, наших песен не иссякла
Когда-то мощная струя:
В тебе поэзии Геракла
Встречают русские края.

Эллада, вновь из праха вырой
Кумиров мертвых телеса;
Воскрес Орфей с волшебной лирой,
Чтоб двигать камни и леса.

Но жребий царственный поэта
Являющим тернием остер:
Тебя зовет вторая Эта
И очистительный костер.

Свиваясь, сохнут листья лавра
В пожаре яростных страстей,
И ядовитый плащ кентавра
Сжигает тело до костей.

Но – полубог – ты прынул в небо,
И нектар, сладкий и густой,
Тебе улыбчивая Геба
Подносит в чаше золотой.

III. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

1

Старинный лозунг: «Sanctus amor».

А. Белый

Нет, не даром мы с тобой
Время долгое без сна
Зимней ночью голубой
Проводили у окна.

Помню, помню странно вдруг
Измененные черты,
Как, заслышав голос вьюг,
Притаился ты.

Свет лампы из угла
Таял на лице.
За окном луна взошла
В трепетном кольце.

Этой ночью голубой
Будем вместе ждать зарю.
Этот лозунг за тобой
Вещим сердцем повторю.

2

Εἶδε θανόντων περ καταληθόντ' εἰν Αἰδάο,
αὐτὰρ ἐγὼ καὶ κείθι φιλοῦ μεμνήσομ' ἑταίρου.

Hom. II. XXII, 389-390

Тебе привет мой с бедных, болотных мхов,
Где топи вяжет первый осенний лед,
Я шлю на дальнюю чужбину –
Родины ласку и ласку друга.

Пустеют, гложут рощ золотых дворцы,
Ароматичен мертвый, истлевший лист.
Сверкает сталью пруд студеный –
Рыб омертвелых глухая урна.

Услышь мой голос в пышном раю искусств,
Патрокл мой кроткий, мой дорогой Орест,
С времен беспомощного детства
Брат мне по сердцу и брат по лире.

Давно уж муза черных твоих кудрей
Венчала россыпь гроздьями чермных роз,
Когда некрепкими перстами
До золотых я коснулся вервий.

Согласно жили наших богини лир:
В один вплетались запечатленный хор
Твоя роскошная царица
С бедною музой моей деревни.

Почто развел нас неумолимый Рок?
Святой оракул вновь не постиг Парис:
Ладья фригийская проникла
К Спарте святой, в тростники Эвроты.

Ах! сколько сирых всплачется матерей
И овдовелых сколько воскликнет жен:
 О, если б, красная Елена,
 Ты не срывала фиалок Иды!

Кому оплакать наш злополучный рок?
И твой Менетий прежде тебя угас,
 У струй скамандровых Фетида
 Плакать не будет о милом сыне.

Но цвезть весною будет мой дикий сад,
Кусты прозябнут, что насадил отец,
 И снова яблони-невесты
 Грудь нам овеют душистым снегом.

И настезь окна синей весне открыв,
Я буду гостя с чаяньем тихим ждать,
 И первых жаворонков трели
 Будут мне вестью о дальнем друге.

IV. МАКСУ ВОЛОШИНУ

СОНЕТ

Ты говорил, а я тебе внимал.
Элладу ты явил в словах немногих:
И тишину ее холмов отлогих
И рощ, где фавн под дубом задремал.

Когда б ты знал, как в сердце принимал
Я благостную нежность линий строгих.
Ты оживил напевы козлоногих
И спящих нимф, в тени, без покрывал.

И понял я, что там безвластно горе,
Что там пойму я всё без дум и слов,
Где ласково соединяет море

Брега мостом фиалковых валов,
В которых отразился свод лазурный,
Где реет тень сестры над братской урной.

У. А. Г. КОВАЛЕНСКОЙ

Эринний грозных горький, безлирный вопль
Затмил внезапно дня твоего закат;

 Как древле старица Гекуба,
 Урны несла ты с любезным пеплом.

Но не подрезан Скейский высокий дуб,
И синь как прежде твой заповедный Ксанф,

 И веют в древней, дикой роще
 Тень Поликсены и тень Кассандры.

С каменьеv храма стерта родная кровь;
Ахейской меди смолк смертоносный гул.

 Целят твое больное сердце
 Тихие лиры, полей свирели.

Благоуханен жизни твоей отцвет,
Как зыбколистных лип золотой хитон,

 И свежи девственные розы
 В древнем раю твоего наследства.

Твоей осенней, давней печали тишь
Лелеет чутко вешний младенца смех,

 И при тебе цветет пышнее
 Рдяный румянец веселой нимфы.

VI. Г. А. РАЧИНСКОМУ

Обет не ложен: царства любви ключарь
Тебя помазал тайн расточать дары,
И на твоих одежд ометы
Пала воня золотого мира.

Кого наведаль полночью Никодим,
И кто под дровом Нафанаила зрел?
Он возложил тебе на рамо
Крест страстотерпный и вожденный.

Давно скудеет древний Петра алтарь,
И не увидит гордый, безумный мир
На седилах твоих маститых
Розы и терния Аарона.

Глушит молитвы пышных блудниц кимвал,
Над прахом храмов черной возник Содом,
И полн фиал святого гнева
Сирых слезами, младенцев кровью.

Блюди же втайне Симона древний ключ,
Который выпал из оскверненных рук.
Да облегчит ярем любви
В гору спасенья раба воззавший!

VII. С. Н. ВЕЛИЧКИНУ

СТАНСЫ

Мой друг, единый из немногих
Еще не отнятых судьбой!
В родных полях, в полях убогих
Мы снова встретились с тобой.

Был майский вечер. Быстро тая,
Тускнела красная гряда.
Над темным парком золотая
Горела трепетно звезда.

Ты помнишь трав благоуханье,
Зарю в теченье ночи всей
И на рассвете трепыханье
Золотоперых карасей?

С удой, над аиром зеленым,
Ты, как сейчас, в глазах стоишь.
Ползет туман; субботним звоном
Полна задумчивая тишь.

Идя родною Комарихой,
Ты песню вольную запел.
Дышала зелень; вечер тихий
Благоуханьями кипел.

Твоя душа всегда уныла,
Тебе в глаза глядится тьма;
И мне угрозы затаила
Уже нависшая зима.

Но будет май, и мы воскреснем.
Тогда на родину причаль,
Чтоб вместе слиться нашим песням
В одну старинную печаль.

VIII. И. С. ЩУКИНУ

1

Вспомни о нашем последнем свидании,
Под небом печальным
Зеленеющей Дании,
Где разносятся чайки рыдания,
Споря с оркестром купальным.

Вечером дали
Станут неверней, туманней.
В окнах рояли
Нежно сольются с словами простого романа
О ранней
Смерти влюбленного Ганса.
В Дании горе
Станет прозрачней и тише:
Между зеленых каштанов сверкает так ласково море;
Мягко звонят колокольни и высятся острые крыши.

Вечером сядь под плакучей, развесистой ивой,
И Андерсена
Вспомнишь рассказ ты тоскливый –
О том, как измена
Бедного, доброго Ганса убила.
Под ивой,
Там, где ребенком он с нею бывал на свидании,
Да, под зеленою ивой задумчивой Дании
Бедного парня могила.

Дания!
Помнит ли ныне твое вечно серое море
Про всемирное, вечное горе,
Про глухие страдания
Принца печального, в черном берете, со шпагой?
Или уснуло оно, погребенное влагой

Волн, что сереют и в небо уходят, спокойные?
Всё неподвижно; пестреют домов черепицы,
В лазури плескаются флаги,
Льются оркестра созвучия стройные,
И проносятся серые птицы.
Да, но когда океан свою даль затуманит,
Смолкнет тревога докучная жизни вседневной,
Образ печального принца под месяцем встанет –
Призрак тоскующий, жаждущий мести и гневный.

Да, золотые предания
Ты сохранила, страна безысходной неволи!
Небо неясное, воздух больных меланхолий –
Зеленая Дания!

2

Помнишь ночь? Зари дрожало пламя,
Летний день и холодел, и гас.
По дороге пыльной, меж полями,
Дребезжал наш ветхий тарантас.

Ветер выл, холодный и зловещий;
Над болотом зыблился туман.
Там, в задке, позвякивали вещи,
Кувыркался серый чемодан.

Помнишь, как «должно быть, опоздали»,
Выехав из леса, ты сказал.
Перед нами в темно-синей дали
Огоньком едва мерцал вокзал.

И, со всех сторон объятый мраком,
Озаря сумрачный простор,
В вышине надежным, верным знаком
Загорелся грустный семафор.

Помнишь, как в вагоне полутемном
Мы предались неземной мечте.
Жизни смысл таинственно-огромным
Представал в вагонной темноте.

И стучали яростно колеса,
И баюкал равномерный звук...
И к нестройным голосам хаоса
Чутко ты прислушивался, друг.

Этот миг не может быть случаен...
Помнишь, как, перелезая рвы,
Ночью мы скитались у окраин
Тьмой огней мерцающей Москвы?

Этой ночью, светлой и прощальной,
Наш союз навеки заключен.
И, премудрый, строгий и печальный,
Ты в душе моей запечатлен.

IX. ИЗ ЭПИФАЛАМЫ

Всё улыбается светло Вам:
Цвести природа начала;
Кружится в сумраке еловом,
Над мохом, первая пчела.
Шумят разлившиеся воды,
И на закате хороводы
Тревожат песнью сон дерев.
Под звонкий смех веселых дев
Летают легкие качели.
Под искрометной синевой
Светлеет ярко зелень хвой,
И Primavera Ботичелли,
Под говор птичьих голосов,
Скользит меж нимф, в глуши лесов.

И, терем льда разбив хрустальный,
Ревет ручей, как дикий скимн;
И шум воды, и звон пасхальный
Сливаются звуки в общий гимн.
И гром воды, и пенье меди –
Всё, всё вещает о победе,
И грудь земли открыла всем
Восторгов праздничный эдем.
Гуляет ветер вольно, шумно
Над первой зеленью листов.
В короне полевых цветов,
В объятья милого Вертумна
Помона юная спешит;
И ветер травами шуршит.

В саду вечернем, благовонном,
Поет скрипучее ведро.
И солнце прячет, внемля звонам,
Багрянозлатное ядро.

Поля овеял сумрак мирный
И – светоч области эфирной –
Один, на синеве густой,
Выходит Геспер золотой,
И соловей – любовник томный –
Когда забрезжила звезда,
Поет, порхнувши из гнезда,
Над сонным прудом, в роще темной.
Цветы – священный фимиам,
И звезды – клир, и роща – храм.

Х. МОСКВА

Виктору Гофману

1

И этих лет я с сердца не сотру:
Воспоминания тем явственней, чем старе.
Как помню я прогулки поутру
И радость игр на Зубовском бульваре!
Я ростом был тогда почти что клоп,
Но помню яркость первых созерцаний,
Как я испуганно порою жался к няне,
Увидев желтый, деревянный гроб...
Как я всегда любил весну в Москве:
Побег ручьев, детей веселых визги
И одуванчики в густой траве,
Как золота расплавленного брызги.
Пролеток яростно грохочет колесо;
Листы берез – благоуханно клейки.
Ребенок катит желтое серсо,
Болтают няни, сидя на скамейке.
Вот мальчуган, одетый как матрос,
Прошел с зеленым, глянцевитым шаром...
И небеса синеют над бульваром,
И ветер шелестит вершинами берез.
Лужайки, влажным светом залитые,
Костюмов свежих разноцветный драп,
И девочек головки золотые,
И ленты их весенних, легких шляп!

Порой случалось забрести на рынок,
Где пахли рыб обмерзлые хвосты.
Там находил я пищу для мечты
Средь грубо размалеванных картинок,
Повешенных в порядке вдоль стены.
Меня пугала тел греховных груда,

Летящих в бездну ада, и Иуда
На огненных коленях сатаны.
Я помню вывеску с надтреснутою буквой,
Капусты запах, грязные столы,
И кадки, мерзлою наполненные клюквой,
И много мокрой, красной пастилы.

Как я любил осматривать киоски,
Читать названия дешевых книг,
И в колокола нежном отголоске
Подслушивать знакомый мне язык.
Я меж Остоженкою и Арбатом вырос,
И помню в смутном, детском полусне
Приходский храм, и полный певчих клирос,
Иконостас, сияющий в огне.
Я помню тихий Штатный переулок
И в небе знаки первые весны:
Просохли камни, шум пролетов гулок,
И облаков бегут причудливые сны.
Как ярки трав зеленые побеги!
Всё омывается волнами янтаря...
И гаснет память о недавнем снеге,
И гаснет медленно вечерняя заря.

2

Веселый вечер майский. Все от жара
Выходят отдохнуть, садятся у крыльца,
И грохот музыки доносится с бульвара...
Меж листьями горят отливы багреца.
Вкруг храма белого, в пыли, уснули скверы,
На клумбах зыблются спаленные цветы,
И еще дышит зной от каменной плиты.
Роями вывелись на улицах гетеры.
И, тросточкой махая, кавалеры
Им шепчут на ухо развратные слова.
Бульвар стоит теперь, и густ, и пылен...

Уже детьми истоптана трава,
И против шалунов городской бессилен.
Всегда знакомых встретишь в этот час.
На пыльном небе звездочка мерцает,
И где-то мертвый вспыхивает газ...
И незаметно ночь горячий день сменяет.
А в переулках, у Москвы-реки,
Фабричные толпятся, дети, бабы...
Здесь замирает гул пролеток слабый;
Отражены в воде, мерцают огоньки;
А запад меркнет, тусклый и кровавый.
В сиянии лучистых, крупных звезд
Блестят Кремля золоченые главы
И обрисованный узором четким крест.
Далеко сад раскинулся тенистый,
А там, за ним – несметные огни.
Приятно сесть под деревом, в тени,
Где веет ветер чистый.

Люблю Никольскую полночную порой;
Здесь экипажей шум и заглушен, и ровен;
Люблю я двери запертых часовен
И огонек лампадки золотой.
Я, шляпу сняв, крещусь благоговейно...
Вдруг – белый свет из верхнего окна,
И вижу вывеску нарядную Феррейна,
Где до утра не знают сна.
Закрываются окна лавки синодальной.
Вот у дверей, затворенных пока,
Молебна ждет народ многострадальный:
В нем вера в чудо глубока.

О, ночи синие! притихший гул пролеток!
Душа, восторг невыразимый пей.
Луна, скиталица заоблачных степей,
О, как твой взор – и благостен и кроток!

XI. В ВАГОНЕ

За окном блестят поляны
При серебряном серпе.
Опустелые диваны...
Я – один в моем купе.

Где ты, счастье? где ты, горе?
Где друзья и где враги?
Там, за дверью, в коридоре
Чьи-то мерные шаги.

Где ты, жизни сон тяжелый?
Отчего бегу, куда?
Пролетают мимо села,
Города.

Задремал в вагоне душном.
Стены давят, словно гроб.
Гаснет в сумраке воздушном
Искр мгновенных яркий сноп.

Мчится поезд с легким треском.
В край далекий повлекло...
Лунный серп холодным блеском
Ударяет о стекло.

Озаренные диваны
В отделенье без огня.
Как родные, чемоданы
С полки смотрят на меня.

ХІІ. НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Берег, дикий и песчаный,
Волн пространство голубое;
Шум немолчный, неустанный
Набежавшего прибоя.

Чайка белая взлетела,
Закружилась, и упала,
И исчезла в пене белой
Набегающего вала.

Взволновавшаяся пена,
Разбиваясь, исчезает;
Но из бездны неизменно
Ропот новый возникает.

Берег, дикий и песчаный,
Волн пространство голубое;
Шум немолчный, неустанный
Набежавшего прибоя.

ХІІІ. БЕЛИЦА

«Горе мне душу томит,
Скучно мне в келье дощатой.
Плотно обставлен наш скит
Елей стеною зубчатой.

В кельях душистой смолой,
Маслом и ладаном пахнет.
Тяжко мне жить, молодой:
Жизнь моя девичья чахнет.

Сестры протяжно поют,
Платья убоги и грубы.
Взглянешь кругом: лишь встают
Келий дубовые срубы.

Пахнет, синееет весна.
Голос кукушечий слышен.
Иль я лицом не красна?
Стан мой – не строен, не пышен?

В горы пойду погулять
(Вся истомилась я за год),
Песни попеть, посбирать
Диких цветочков и ягод».

С криком над тихой рекой
Носится вольная птица.
Сходит по горке крутой,
В белом платочке, белица.

Полны глаза ее слез...
Белые речки извивы,
Тонкие прутья берез,
Дымно-прозрачные ивы.

С горки неслышно скользя,
Тихо минует тропинку,
К алым губам поднеся
Хилую травку – былинку.

Плачет она, и платок
Сжала дрожащая ручка.
Камень летит из-под ног..
На небе – серая тучка.

XIV. РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА

Мой фонарь затеплен. Где ты?
В небе – таянье светил.
Сладким именем Джульеты
Я бужу покой могил.

Путь мой верен. Вот ограда.
Места нет мольбам, слезам.
Ты со мною, стеклянка яда –
Исцеляющий бальзам.

Поцелуюм, ласкам, вздохам
Говорю «прости». С тобой
Лягу я под черным мохом
Зрастающей плитой.

Вижу лик – снегов бескровней.
В волосах увял веночек.
Перед образом, в часовне,
Рдеет красный огонек.

Жизни тягостные цепи
Что мешает мне совлечь?
Никого – в фамильном склепе,
У бедра – мой верный меч.

Помню вечер первой встречи;
Ряд высоких, длинных зал,
Зеркала, портреты, свечи –
Беззаботный, шумный бал.

Помню бешеные пляски,
Музыку с высоких хор.
Из-под черной полумаски
Незнакомый, нежный взор.

Шпаги, пестрые камзолы,
Прелесь игр на все лады.
Шум разгульный, шум веселый.
В вазах – красные плоды.

«На рассвете, на рассвете
Дверь балкона отвори!»
Над садами Капулетти
Первый робкий луч зари.

Жду: вот раскроются двери балкона;
Светится милой окно в вышине.
Там, далеко, за садами, Верона
Спит в голубой тишине.

О, дорогая, прости. Слышу: в поле
Жавронок трелью о дне возвестил.
Нет, не могу оставаться я доле;
Тает сиянье светил.

– О, погоди: нет, не жавронок это:
Мирно полнощный поет соловей.
Сонно в полях. Далеко до рассвета.
Страх свой напрасный развей.

Ты ль это, ты ль на холодном граните?
Ты ль, чьи уста были так горячи!
Плавно на кудрей златистые нити
Льются лампы лучи.

Вот он, в холодном, стеклянном сосуде
Мутный, страданья кончающий яд.
Грудью к твоей припадаю я груди,
Холодом смерти объят.

XV. UM DIE LINDE

...над этой сладкой прозой...

Брюсов

Малый и старый
Сошлись у липки.
Кружатся пары
Под пение скрипки

Старые, трубки куря,
Пиво баварское пили.
Там зажигала заря
Церкви готической шпили.

Девушке нравится парень один:
Щечки зардели, и смотрит в передник.
Парень – соседнего фермера сын,
С виду хорош и богатый наследник.

Нравится Генриху пухлая Минна,
Только ее выбирает для пляски.
Робко прильнула к нему, и невинно
Смотрят на юношу синие глазки.

Слышится смех, болтовня, комплименты...
Блещет помада на черных усах.
Желтые, алые, синие ленты
Прыгают в русых и черных косах.

Что за красавицы! сочные губки,
Щечки – что розы и вздернутый нос!
Старые курят задумчиво трубки,
Пьют, обсуждая серьезный вопрос.

Парни танцуют умело и браво;
Кружатся, вертятся – целый их полк.

Девушки носятся влево и вправо,
Только шуршит, развевается шелк.

Малый и старый
Сошлись у липки.
Кружатся пары
Под пение скрипки.

XVI. ГЕРКУЛЕС НА РАСПУТЬЕ

СТАРАЯ КАРТИНА

В тонах потухших
Сюжет нарисован классический:
Под листвой,
Не живой,
Как бы металлической,
Темно-зеленых деревьев,
В душевной борьбе роковой,
На мраморной, гладкой скамейке сидит Геркулес.
В женственной прелести всей,
У ног его – Афродита.
В золоте пояс ее, в жемчугах, изумруде.
Вуалью прозрачных кисей
Нежное тело повито.
Чашами круглыми высятся полные груди.

Тело богини, цветка полевого стройнее и гибче ты,
Над красками дивными немощны долгие лета.
Желтые кудри богини – всё так же рассыпчаты,
Белы, как встарь, жемчужовые зерна браслета.
Жизнию дышат потусклые краски холста.
Правда, прошло по нем время, кой-где отверстыем пятная...
Но красота
Юной богини для смертного зрима.
В волосах роскошных – цветная
Диадима.
Полураскрыты уста.

Сладкое шепчет герою могучему слово.
На ногу мощную юноши нежно ступила нога.
Слезой перловой
Под розовым ухом сияет серьга.
Глаза – изумрудно-янтарные,
Речей убийствен мед.

Лепечет ласки коварные...
А сзади сверкают дворцы лучезарные
И пенный журчит водомер.
Из белого мрамора лестница
Ведет в роскошный покой.
Гибкою рукой,
Белеющей резко на коже героя, коричневой, смуглой,
Прелестница
Розан дает ему круглый.

Она – порока эмблема.
Против женщины первой,
С горгоной на стали шлема,
Стоит сурово Минерва.
Черты лица ее – строги,
И дышат мудростью взоры.
В даль Геркулеса она призывает и кажет властительным пальцем
Кремнистые, скудные горы.
Бесплодные всходят отроги,
Без травки, без роши,
Одною украшены пальмой тощей.
Туда
Велит Геркулесу идти неустанным скитальцем.
Путем лишений, труда
Герою следовать надо:
Всходить на обрывистый склон.
Там, на вершине, из мраморно-белых колонн
Гордо стоит колоннада.

Раздумия полн Геркулес.
Напряжение видно в чертах величавых.
Блестит запутанный лес
Волос, умашенных, курчавых.
Хочет решение он оттянуть провололочкой,
Минуты выбора тяжки.
Плащ с золотой оторочкой,
Конец багряной хламиды,

Накрыл железные ляжки,
Упав с коленей Киприды.
Тело громадное вздули упругие мускулы.
Как бесконечно ласкаете взоры вы,
Краски картины потусклые
Бледным и сумрачным тоном.
О, лепестки этой розы фарфоровой
С полураскрытым бутоном.

XVII. АЛТАРЬ ДИОНИСА

В небо синее глядит
Темный конус кипариса.
Старый жертвенник стоит
Бога Диониса.

Замкнут сад стеной сырой.
Влажный сумрак и прохлада.
Только там и здесь порой
Промелькнет дриада.

Где лесные божества
Потешались на свирелях,
Всё умолкло, и трава
Прорастает в щелях.

Долетел ручья напев
Из-за мраморной колонны.
Остро пахнут, перепрев,
Мертвые лимоны.

Скоро ночь большую тень
На алтарь накинёт.
Тишина. Горячий день
Понемногу стынет.

Люди здесь молились встарь
У подножья кипариса.
Это – брошенный алтарь
Бога Диониса.

XVIII. ВОСПОМИНАНИЕ

Нет, не забыть мне Ривьеры;
Детских годов,
Свежих садов
Сердцу родной Бордигеры.

Помню я горные склоны...
Как по утрам
Я по горам
Шел собирать анемоны.

Желтая вьется дорога.
Вот фиалок ковер,
Разбегается взор:
Как душисты, как много их, много

Помню, как виды далеки, как широки
С берегов
И богов
Первые помню уроки.

Бордигера! Ты – матери нежное лоно –
Первых дней колыбель –
Тихий отель
Лазерона!

ХІХ. МУНЭ СЮЛЛИ И АЙСЕДОРА ДЕНКАН

Вы – две иконы в храме моей души:
Слепец безумный, ярый Мунэ Сюлли
 И ты, весенняя улыбка,
 Нимфа Ионии, Айседора.

Я помню толпы, павшие с плачем ниц,
С масличной ветвью, возле колонн дворца.
 О, что вам, дети? что вам, дети,
 Племя несчастное старца Кадма?

Склонилось солнце, кровель верхи злата.
Страдальцу шепчет девушек легкий хор:
 Поверь улыбчивой надежде,
 Кто была мать твою, младенец?

Не Аполлон ли, розоланитных нимф
Любовник тайный, зачал тебя, дитя,
 И нимфы грудью сладкомлечной
 Был ты взлелеян в глухой дубраве?

Нет, брось надежды! отцеубийца – ты,
На Кифероне твой отзовется стон:
 Кто осквернил преступным браком
 Матери, матери вдовье ложе?

Ты с воплем вежды кованым бьешь ремнем,
И червленеет кровью слепой зрачок.
 Ты пресмыкаешься во прахе,
 Зверь, уязвленный стрелою Рока.

Но что остудит яростных мук костер?
Ах! кто осушит раны горячей кровью?
 Прохладный ветер любви дочерней:
 Посохом старцу – плечо Исмены.

Я помню пляску нимфы Диркейских струй,
О, Айседора, рощ Эриманфских цвет!

В покрове из цветов весенних
Ты устремлялась к родному солнцу!

То резвым фавном, ствол приложив к губам,
Топтала стебли диких, лесных цветов;

То, наклоняясь к белой влаге,
Изнемогала в истоме сладкой.

То, позабывши шелест родных дубрав,
Хитонем красным нежную скрывши грудь,

Сменяла ты напев свирельный
Новыми гимнами арф небесных.

Ты заменяла родины злачный луг
Садами кринов и золотых плодов,

И полевые розы Мосха
Райскою лилией Фра Беато.

То нисходила в бледный загробный мир,
Чаруя лирой страждущий хор теней.

Услышь мой голос, Евридика,
Голос любви за печальным Орком!

Вы – две иконы в храме моей души.

Вы – два фиала горьких и сладких грез:

Вы дали пить мне на Голгофе
Оцет Софокла и мед Гомера.

ПИЭРИЙСКИЕ РОЗЫ

Родился я под небом полуночным,
Но мне знаком Латинской музы голос
И я люблю Парнасские цветы.

Пушкин

I. ДАФНА

Бог Эрот, ярясь на Феба,
Вольный лет в эфире мча,
Две стрелы свергает с неба,
Изострив и натоца.

Феб томится в страстном плене:
Грудь ему насквозь прожгла
Острым жалом вожделений
Златоствольная стрела.

Ранит Дафны грудь невинной,
Леденящая сердца,
Та другая, с сердцевиной
Из тяжелого свинца.

И Эрот, отмстив обиды,
Возвратился в небеса.
Феба нимфы Пенеиды
Жжет расцветшая краса.

Где журчит ручей прозрачный,
Весь в серебряной пыли,
Дафны, вольной и безбрачной,
Дни веселые текли.

В брак уж вступить побуждал ее местный обычай,
Но в неприступных лесах укрываться любила одна;
Мужа чуждалась, звериною тешась добычей,
Словно Диана, для страстной любви холодна.

Дафна скитаться любила в лесистой тени молчаливой,
Всем женихам, что искали ее, отказав.
Русые кудри, что прядью вились прихотливой,
В косу простую сплетала, повязкой связав.

Шепчет ей Делий: «О Дафна! под деревом сядем!
Внемли молениям страстным, и легкий покров распусти.
Гребнем злаченным по этим распущенным прядям
Дай провести!»

Нимфа бесстрастная тщетно ему прекословит...
Стройные члены раскинув меж трав и корней,
Он ей любится, дышит в лицо ей, и ловит
Кудри златистые – шелковых нитей нежней.

Хвалит взоры – звезд лучистей
(Как от уст глаза отвлечь?);
Нежны руки, пальцы, кисти,
Белизна открытых плеч.

Очи гневом заблестели,
Скрылась в мир лесных теней,
И язвимый страстью Делий
С воплем бросился за ней.

Не мирящийся с разлукой,
Он проносится средь чащ,
– Светозарный, сребролукий, –
И по ветру вьется плащ.

«Нимфа, постой! Как от льва убегают олени,
Агнцы от волка, как голубь летит от орла,
Что ты бежишь, спотыкаясь и рана колени,
Будто из лука стрела?»

Нимфа, постой! Доверяясь тропинкам неверным,
Что ты бежишь, не внимая призывам любви?
Ноги безвинные острым и жалящим терном
Не рви!

Знаешь ли, кто за тобою бежит? Я – не горный,
Грубый пастух, стерегущий родные стада.
Знала бы, кто я, наверно ногою проворной
Ты б не бежала тогда!

Знай: мне Юпитер – отец; я – пророчества дивного дара
Бог, и властитель я творческих грез.
В Дельфах мне служат, покорны мне Кларос, Патара
И Тенедос.

Стрелы мои беспощадны: неведом им промах;
Только стрела твоя стрел моих грозных верней!
Рана томит меня: я среди трав, мне знакомых,
Сам врачеванья владыка, спасенья не вижу от ней».

Дафна, робко розовея,
Всё бежит скорей, скорей,
И, ее покровом вея,
Ветер треплет прядь кудрей.

Мчится нимфа в ствольной дали,
В зыбкой лиственной тени.
Позолоченных сандалий
Рвутся крепкие ремни.

«Нимфа, стой, велик, могуч я,
Быстробежный Аполлон!»
Мнутся травы, гнутся сучья,
Эхо вторит гул и звон.

Зов любви его бессилен...
Дафна, розы розовой,
Мчится ветром меж извилин
Диких троп, во мгле ветвей.

Он нагнал, и Дафна слышит,
Как дыханье горячо,
И под ним стыдливо пышет
Обнаженное плечо.

Речь его – упорней, гневней...
Дафна смотрит: перед ней
Волны катит старец древний,
Пенноблещущий Пеней.

И взмолилась: «о, родитель!
Ты – всевластен, ты – велик.
Будь же дочери спаситель:
Измени злосчастный лик».

Смолкла, и стала, невинного агнца покорней.
Тело ее цепенеет, и груди оделись корой.
Резвые ноги впиваются в землю, как корни.
Руки становятся сучьями, кудри – зеленой листвой.

Складки одежды твердеют, становятся глаже;
Зеленошумной вершиной замкнулись уста.
Вся изменилася Дафна, но та же,
Прежняя в ней красота.

Любит ее и такой Аполлон, и, как члены,
Гибкие сучья обвив, слышит сердца любимого бой.
И поцелуи горячие напечатленны
Им на коре, для ответных лобзаний немой.

«Будешь отныне цвести без скончаний,
Будешь в моих извиваться кудрях,
Будешь на цитре, на звонком колчане,
Знаком победы на гордых царях.

Я примиряюсь с враждебною долей.
Дафна, цветы же могучей, пышной,
И на вожде, что войдет в Капитолий,
Ярким победы венком зеленей!

Как мои кудри нетленно хранимы,
Так свой зеленый убор сохрани;
Вечно цветы: и в холодные зимы,
И в беспощадные летние дни».

Кончил Пеан; и, ему отвечая,
Лавр колыхаться вершиною стал,
И, молодыми ветвями качая,
Что-то шептал.

II. ПИРАМ И ФИСБА

У стен Вавилона
Раскинулись гущи веселых садов.
Лазурное лоно
Белеет от парусных, быстрых судов.
На пристань товары
Слагают купцы,
И высится старый
Воинственный город, и блещут дворцы.

И шумом торговли
С утра многолюдная гавань полна.
Колонны и кровли
Уходят в лазурь, и синеет волна,
Корабль мореходный
В чужую страну
Бежит, и холодный,
Резвящийся ветер вздувает волну.

В обителях смежных
Два сердца в едино любовью слиты:
Меж юношей нежных
Пирам, заслуживший венки красоты,
И Фисба, востока
Затмившая дев.
Но грянул жестоко
На юных влюбленных родительский гнев.

Любовь невозможно
Залить беспощадным запретом отца.
Сокрыто, тревожно
Всё жарче, как угли, горели сердца.
Восторгом любовным
Питались огни.
И знаком условным
Немую беседу водили они.

Отверстьем отмечен
Был камень стены, разделявшей чету.
Изъян – не замечен
Никем при постройке. Немую плиту
Лобзаньем горячим
Влюбленные жгли,
И лаской, и плачем
Друг с другом сквозь стену сноситься могли.

И часто бесплодно
Здесь шепчутся жалобы страстной четы,
И поочередно
С отверстием смыкаются жадные рты.
И ласки шептали
Далеким губам,
И тихо роптали,
Покорными быть не желая судьбам.

«Зачем ты разделом
Завистливо стала меж нами, стена?
О, если всем телом
Спрячься не будет нам радость дана,
Молю о немногом,
Молю, – не ревнуй –
Чтоб сладким обжегом
Хоть раз на устах прозвучал поцелуй!»

Смешались тени,
И мрак зачернел, одноцветен и густ.
И тихие пени
Умолкли, и вздохи посыпались с уст.
Всё с тою же жаждой
Им надо уйти.
И в трещину каждый
С лобзанием бросил рыданье: «прости!»

Аврора на мысах
Рассыпала искры. Туман поднялся.
В сиянии высох
Зеленый, сребрящийся луг, и роса
Исчезла с растений.
Лучом золотым
Развеялись тени.
Созвездья погасли одно за другим.

На месте условном
Сошлись, и, сначала судьбу упрекнув,
Во мраке безмолвном
Решают, впервые родных обманув,
Явиться сюда же,
Покинув дома.
Над зоркостью стражей
Победу ночная воспряднует тьма!

И ласкам их нежным
Зеленое ложе под лунным лучом,
Под деревом, смежным
С серебряным, сонно бегущим ключом.
Здесь вкусят едино
Блаженство они,
Где статуя Нина
Белеет из мрака в древесной тени.

На водное ложе
Склонился пылающий солнечный день.
Из моря того же
Вечерняя встала холодная тень.
И Фисба, покровом
Окутав лицо,
К заветным дубровам
Пошла, повернувши дверное кольцо.

Согласно условию,
Под деревом села, и видит: ворча,
С дымящимся кровью,
Рыкающим зевом ко влаге ключа
Приходит напиться,
С тяжелым хвостом,
Громадная львица.
И Фисба скрывается в гроте пустом.

Во время испуга
Упал с ее тела, развившись, покров.
И львица – подруга
Владыки обильных зверями дубров –
На тонком покрове,
Попавшемся ей,
Оставила крови
Багровые капли и знаки когтей.

Без думы, без страха,
Выходит влюбленный, не чуя беды.
Дорожного праха
Краснеют слои, и от зверя следы
Заметны, и страшен
Пираму их вид.
И, кровью окрашен,
Покров неожиданно взоры язвит.

«Пускай же мы оба
Единою ночью погибнем! Но ты
Не гроба, не гроба
Достойна в расцвете твоей красоты.
Я ж гибну виновным,
Твой день загубя,
На месте условном,
Безумец! – заранее не ждавший тебя!

С веселостью злою
Преступника тело изложите вы,
Под этой скалою
Живущие, царственно-грозные львы,
И рявкая зычно,
И члены дробя.
Лишь робким прилично
Бессильно хотеть уничтожить себя!»

И милые ткани
Слагает под зыбкою тенью листа.
И слез и лобзаний
Мешает дары, и кровавит уста.
И с тихой беседой
Упавши на ткань,
Он шепчет: «отведай
И крови моей добровольную дань!»

Схватил к пояснице
Привешенный меч, и вонзил острием
Под грудь, и ресницы
Смежились, и кровь закипела ручьем,
Обильно осыпав
Багряной росой
Растенья, и, выпав,
Железною меч засверкал полосой.

И кровь не иначе
Из раны забила, дымясь и кипя,
Струею горячей,
Как, возле отверстия трубки, шипя,
В стремлении яром
Вода закипит,
И мощным ударом
Воздушные волны сечет и кропит.

И исчерна-красны
От крови на дереве стали плоды,
Где умер прекрасный
Пирам. Но, в неведение новой беды,
Влюбленная дева
Спешит под навес
Условного древа,
Хоть страх с ее сердца не вовсе исчез.

Плодов перемены
Рождают сомнение в ее голове.
Кровавые члены,
В предсмертном биенье простерты в траве,
Увидела – горю
Поверить невмочь.
Подобная морю
В безветрие, стала, отпрянувши прочь.

Но миг, и узнала
Пирама – единую сердца любовь.
И вдруг застонала,
И слезы закапали в жаркую кровь.
Младенца живее,
Коснулись до губ,
И, кудри развея,
Сдавила руками немеющий труп.

И с горестью жгучей
Вскричала: «Пирам, отзовись, отзовись!
Пирам! что за случай
Расторг нас с тобою? Пирам! подымись!
Но нет! ты не дышишь –
О, бедная я!
Пирам, ты не слышишь,
Что Фисба тебя называет твоя?»

При имени милом
Глаза, отягченные смертным концом,
Он поднял, с унылым,
Блуждающим взором, и веским свинцом
Сомкнулися вежды,
Зрачки отягча.
И Фисба одежды
Узнала свои и ножны без меча.

Без страха, без дрожи,
Сказала: «ты был доброволен в крови.
Во мне для того же
Достаточно силы, довольно любви!
Судьба наша – та же:
И смертью самой,
Могилою даже
Пирам от меня не отторгнется мой!

Вас, нашему благу
Мешавших отцов, я молю об одном:
Пусть с милым я лягу
В единой гробнице, под тем же холмом.
А дерево это
Убийства следы
Пусть носит, и цвета
Печального, темного станут плоды».

Сказала и прямо
Упала вперед, чтобы грудью налечь
На кровью Пирама
Дымящийся, теплый, язвительный меч!
И темно-пурпурна
Плодов кожура,
И общая урна
Прияла два тела – останки костра.

III. ИО

Эллису

Сорвавшись с лесистого горного склона,
Разрушив преграды скалистых камней,
По дну плодородного, злачного лона
Темнейской долины струится Пеней.

Забрызганы пеной деревьев вершины,
Далече дубравы журчаньем полны,
И черпают белые нимфы в кувшины
Кристалльную влагу прыгучей волны.

В пещеру Пеней – глубоко в утесах –
Стекаются реки окрестных полей
И белые нимфы, в рассыпчатых косах
Колебля короны болотных лилей.

Приходит Сперхей, по лугам побережным
Взлелеявший тополь и темный акант,
Старик Апидан с Энипеем мятежным,
И мирный в течение Анфриз, и Эант.

Стекаются реки, бегут отовсюда,
Пока, утомившись в блужданье пустом,
Не ввергнется в море вспененная гряда,
Пока не растают хребет за хребтом.

Инах удалился в скалистые недра,
Чтоб милую Ио оплакать свою.
Он слезы струит беспрерывно и щедро,
И множит слезами речную струю.

Не знает отец, озаряет ли Делий
Любимую дочь, на земле, средь живых.

Иль скрылася Ио в лугу асфоделей,
Причастная сонму теней гробовых.

Давно уже девушке те же и те же
Впивались мечтанья в полунощный сон,
И кто-то, лаская словами и нежа,
Шептал, проникая в ее Парфенон:

«Покорствуй, о Ио, великой Киприде!
Иль девственность хочешь бессрочно беречь?
Довольно! из робости девичьей выйди,
И слушай внимательно сладкую речь.

Счастливая дева! ты телом пригожа,
И Зевс вождельнем пылает к тебе.
Дитя! не отвергни Зевесова ложа,
Безумно противиться дивной судьбе.

О робкая! что тебе в жребии девы!
Приди, всепобедной Киприде служа,
Туда, где Инаха шумящие хлевы,
Где в полдень трава – глубока и свежа.

Там, в час, когда солнце пылает в зените,
Ты тело объятиям Зевса вручи.
И взор истомленного бога насыти,
И в пламенных ласках его опочий».

Полдненное солнце палило жестоко,
Манила прохлада зеленых древес.
И к Ио, от отчего шедшей потока,
Такие слова обращает Зевес:

«О дева, достойная Зевсова ложа!
Приветно ответь на приветную речь.
О, как ты прекрасна! из смертных кого же
Достойно с тобою в объятье сопечь?»

Где сумрак древесный прохладней, безмолвней,
Войди, нас не тронет покорный мне зверь.
Я – бог скиптроносный, владыка я молний.
Постой! не беги! и признанью поверь!»

Но девушка мчится проворнее серны.
Последние силы напрягши, собрав,
Минует зеленые пастбища Лерны
И темные тропы Лиркейских дубрав.

Но бог, опаляемый яростью жгучей,
Окрестности спрятал в тумане седом,
И нимфу, объятую черною тучей,
Схватил, торжествуя над первым стыдом.

И Гера глядит с золотого престола.
Внизу, сквозь клубящийся, черный покров
Не видит она ни дубравы, ни дола,
Затянутых мраком сгущенных паров.

Богиня привыкла к коварным изменам;
Зажглось подозренье: наверное, вновь
Зевес, надсмеявшись над ней и Гименом,
С какой-нибудь нимфою делит любовь.

И, пользуясь властно божественным правом,
Богиня туманы свивает к ногам.
Велит просиять омраченным дубравам,
Велит озариться потусклым лугам.

Любовник предвидит позор неизбежный.
Он знает, что Гера ревниво-строга,
И делает Ио телицею снежной:
Из белого лба вырастают рога.

Но в образе этом пленительна даже
Злосчастная жертва Зевесовых чар.

И ревность богини, и ярость – всё та же:
Она обращенную требует в дар.

И Ио, исполнена горя и страха,
К любимым, родным убегает краям,
Где катятся синие волны Инаха,
Где рощи сбегают к веселым струям.

Вот тихий, прозрачный залив, окруженный
Зеленой толпой молодых тростников.
Но Ио, увидя себя отраженной,
Подъемлет неистовый, горестный рев.

Напрасно печальные, робкие взгляды
Бросает она на отца и сестер.
Не знают ее ни Инах, ни наяды,
Игравшие с нею во впадинах гор.

В ответ на ее непонятные ласки
Они собирают цветы с берегов.
Сплетаются из трав благовонные связки,
Чтоб ими украсить изгибы рогов.

Но нимфы подруги не чувствуют прежней,
И Ио бежит от родимой реки;
Без цели блуждает она, и безбрежной
Пред ней открывается море тоски.

Ее засыпает колючая вьюга
На крайних пределах холодных морей,
Сжигают пески раскаленного юга,
Безжалостно хлещет ненастный Борей.

«Ночь морозная сменила
Солнца яростного зной.
Под луною струи Нила
Отливают белизной.

Где я – жертва Геры грозной –
Где окончу горький путь?
Воздух, ясный и морозный,
Жадно я вбираю в грудь.

Спит песок охолоделый,
Блещет сонная струя.
Я минула все пределы,
Я минула все края.

Погоняема кручиной,
Крайний север я прошла,
Где нависла над пучиной
Прометеева скала.

Я не знаю, ранний гроб ли,
Избавленье ли найду?
Бога скованного вопли
Провещали мне в бреду;

Провещали бесконечный
Горьких бед, блужданий ряд.
Карой злой, бесчеловечной
Боги смертного карят.

Как мгновенно, как немного
Укрываясь от наяд,
В вожделенных ласках бога
Я любви вкусила яд.

И теперь – несчастный повод
Гнева матери богов –
Я бегу, и едкий овод
Мчится вслед моих шагов.

Сжался, Зевс! твое объятье,
Чрево мне бременя,

В жертву вечного проклятья
Грозно предало меня.

Зверем бешеным блуждая,
Плод священный я несу.
Неужели никогда я
Не верну мою красу?

Для твоих объятий нежных
Возврати лилейность ног!
Дай мне пару грудей снежных,
Золотых кудрей венок.

И на мшистом изумруде,
В мгле зеленого куста,
Я прижму к обильной груди
Сына Зевсова уста.

Зевс! не презри дочь Инаха!
Зевс! супругу пожалей,
Изнемогшую от страха
Средь Египетских полей».

IV. СИРИНГА

Не сыщешь в Аркадии девушек, равных
Невинной Сирирге цветущей красой.
Она между нимф выделялась дубравных
В горах, орошенных студеной росой.

Уже не однажды во мраке дубравном,
Объяты любви от себя отклонив,
Она убегала, гонимая фавном,
Иль богом обильных колосьями нив.

Безмужной остаться дриаде хотелось.
Богине она уподобилась той,
Отчизна которой – божественный Делос:
С Дианой равнялась она чистотой.

Когда же собаки оленя настигнут,
Охотою нимфа себя веселит.
Из рога оленьего лук ее выгнут,
Тогда как Дианин из золота слит, –

А в прочем Сирирга с Дианою схожа:
Строга, неприступна, и бог ни один
Не делит ее вожделенного ложа
В глубокой траве плодоносных долин.

Однажды, венчанный сосновой короной,
Неистовый Пан за дриадой гнался.
Но крепкие ноги, служа обороной,
Ее уносили глубоко в леса.

Раздвинулись чащи, кустарники – реже.
Сгибаются ноги, бессильно скользя
В глубоком и влажном песке побережий;
Широкой рекой преградилась стезя.

И нимфа, пронзенная ужасом острым,
От страстных объятий спасаясь едва,
Ко влажным наядам, возлюбленным сестрам,
Последние, в горе, бросает слова:

«О сестры! мою красоту измените!
На горе прекрасною я родилась.
Волос обрывайте душистые нити,
Гасите огонь соблазняющих глаз!»

Тем временем Пан, разгоревшийся, страстный,
К желанному телу в восторге приник.
Но тело немеет под лаской напрасной,
И в пальцах – холодный, болотный тростник.

И ветер, в тростник проникая из скважин,
Порывисто дунул, и Пан услышал
Как будто бы стон – безнадежен, протяжен –
Как будто бы кто-то любил и вздыхал.

У. ИФИГЕНИЯ В АВЛИДЕ

Я забыла дом родимый
Для Ахиллова шатра.
В синем небе вижу дымы
Погребального костра.

Вижу медных ратей строи,
Вдоль залива корабли –
К берегам далекой Трои
Обращенные рули.

Но лазурного залива
Не колышется роса,
И в безмолвии, тоскливо,
Спят, белея, паруса.

Оглашается Авлида
Песнью вольною гребца.
Я ищу шатер Атрида,
Кличу милого отца.

Нет, не мне отныне весны,
Ласка теплого луча,
Луг зеленый, цветоносный,
Бег веселого ключа.

Нет, не мне весною ранней
Бегать в поле, рвать цветы.
Ах! и злая жизнь – желанней
Застигийской темноты.

Не меня украсят девы
В вечер свадебного дня,
И венчальные напевы
Прозвучат не для меня.

О невеста! на закланье
Брачный шит тебе покров.
Вижу красное пыланье,
Слышу треск смолистых дров.

Ставят желтые корзины,
В них кладут цветы, плоды.
Полны медные кувшины
Очистительной воды.

Я – покорна. Руки вздеты
К выси, ясно голубой.
Слышу волн холодной Леты
Закипающий прибой.

VI. АХИЛЛЕС

1. АХИЛЛЕС В ШАТРЕ

Агамемнон! твой гнев незаконен.
Знать, напрасно пучину гребли
Ополченья моих мирмидонян,
К Илиону стремя корабли.

Но терпеть не привык я обиду.
Пусть проносятся стрелы, свистя, –
Из шатра я на поле не выйду,
За рабыню отнятую мстя.

На покрывах украшенных лежа,
Я лобзанья ищу твоего.
Ахиллесово праздное ложе
Не разделит рабыня его.

Я – один в опустелой палатке.
Где-то битвы неистовый гул.
Парусины широкие складки
Разгулявшийся ветер надул.

Не замедлил зачем на пути я,
К нелюбезным пределам гребя?
О, лугами богатая Фтия,
Для чего я покинул тебя?

Иль не знал я тогда приговор мой,
Сотней палуб волну бременя?
Иль не знал, что корабль крутокормый
Устремляет к могиле меня?

2. АХИЛЛЕС ПЕРЕД БОЕМ

Олимпиец судьбу мою взвесил
На весах непреложной Судьбы.
Неизменно прекрасен и весел,
Я готов для последней борьбы.

Бездыханное тело Патрокла
Я сложил у шатра моего;
Червленеющей кровью измокла
Возле раны одежда его.

Чу, зовут медноустые трубы,
Надевают доспехи вожди.
Гектор, радость старухи Гекубы,
Жребий взвешен: пощады не жди.

Щит мой в золоте, ярком, узорном,
Он горит лучезарнее звезд;
Он божественным выкован горном,
И над ним поработал Гефест.

Дух мой мстительной яростью жарок,
И готов я главу преклонить
Перед волей безжалостных парок,
Обрезающих тонкую нить.

Конь твой, Гектор, бежит без возницы,
И кровавая вьется стезя.
Я тебя привяжу к колеснице,
Омертвелые ноги пронзя.

И коней по спине пропотелой
Я бичом золоченым стегну,
Трижды, Гектор, влача твое тело,
Твой родной Илион обогну.

Олимпиец судьбу мою взвесил
На весах непреложной Судьбы.
Неизменно прекрасен и весел,
Я готов для последней борьбы.

3. АХИЛЛЕС С ЛИРОЙ

Голос лиры сладкозвучный
Злые думы усыпил.
Там, над Идой многоключной,
Облак розовый застыл.

Раб у входа чистит брони,
Мажет воском тетиву;
И распряженные кони
Щиплют сочную траву.

В ризе бронзово-зеленой
Сел он, смотрит на Пергам.
И сбегает плащ червлёный,
Как змея, к его ногам.

Там олива, с ветром споря,
Клонит синюю главу,
И фиалковое море
Блещет в солнце, сквозь листву.

Как багряные хламиды,
Распластались крылья туч.
Чу! запел на склонах Иды
Белоструйный, дремный ключ.

Солнце в тучах фимиама
Выжгло красные рубцы.
Крепкостенного Пергама
Тускло вспыхнули зубцы.

И пред битвою грядущей
Всюду в поле – тишина.
Он один в тенистой куще
С кубком древнего вина.

Благовонно, смольно, густо,
Меда сладостней оно –
Хрисеидой розоустой
Принесенное вино.

И на миг забыв угрозы,
Неизбежные, судьбы,
Ахиллес срывает розы
С желтых кос своей рабы.

На груди ее девичьей
Он почил в тени шатра,
Чтоб назавтра стать добычей
Погребального костра.

4. АХИЛЛЕС ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Всё мне снится дворец златоверхий,
И Пелеева дома родня,
И родной, голубеющий Сперхий,
Где наяды ласкали меня.

Те холмы, где с охотничьим луком
Я бежал, огибая скалу,
Чтоб горячею кровью и туком
Золотую насытить стрелу.

Мне сказала Фетида с кручиной,
Что умру я в чужой стороне.
Ксанф неистовый, бурнопучинный,
Не заменишь ты Сперхия мне.

Мать слезами мне сердце кручинит
С дня, как тризна свершилась в шатрах
И златою амфорою принят
Менетида оплаканный прах.

Говорила мне мать: «хорошо бы
Ныне с девою сопрячься тебе:
Умножавший троянские гробы,
Ты приблизился к смертной судьбе.

Так не медли же: Гектора выдай
Для надгробных честей и костра,
И усни с золотой Хрисеидой
Под уютною тенью шатра».

И спешу твою грудь оплести я;
Но, лишь члены опутает сон,
Всё мне снится родимая Фтия,
Лучезарный ее небосклон.

5. АХИЛЛЕС ОБРУЧЕННЫЙ

Время. Пламенник брачный засвечен,
И его, над толпою воздев,
Где гирляндами портик расцвечен,
Подымает начальница дев.

От тяжелого бремени грузов
Колесница погнулась моя,
Переполнен оружием кузов,
Как щетина, торчат острия.

Время кончить обряд обручальный;
Я уж слышу сквозь ряд колоннад,
Как зовет меня скрипом причальный,
Хорошо осмоленный канат.

Ты, минуя дубовые сени,
Не замедли прощанием в них,
Чтоб скорее взошел к Поликсене
На веселое ложе жених.

В колесницах провозят кувшины,
Да свершим омовенья обряд,
И недавно кровавые шины
Лучезарною медью горят.

Да, трудами не малыми добыт
Златокудрой Елены возврат:
Сколько медные спицы и обод
Обагрятся кровью у врат.

Сколько доблестной крови лилося.
Сколько раз я по трупам летел,
И со стуком взбегали колеса
На тела с изувеченных тел.

Но довольно ломались дышла,
И со свистом крутились бичи.
Ты – моя, из чертога ты вышла,
И глаза рассыпают лучи.

Разукрашен листвою весенней
Русых кос благовонный венок;
Девы сыплют цветы Поликсене
Для прекрасных, серебряных ног.

Скоро мы на богатствами полным,
Управляемом мной корабле
По веселым фиалковым волнам
Понесемся к родимой земле.

И в уладах желанного брака,
Почивая на ложе из роз,

Мы увидим отчизну Эака,
Где младенцем я бегал и рос.

Помню пастбища сочной травы я,
Как земля плодородно черна,
Как припасов полны кладовые,
И отборных плодов, и зерна.

Помню пиршества шумные наши,
Оживленные пьяной гульбой,
И тяжелые древние чаши,
Обведенные хитрой резьбой.

Как стремлюсь к заповедной земле я,
Где утехи знавая одни,
Согреваемый лаской Пелея,
Я провел мои лучшие дни.

Ты со мной улыбнешься печалям,
Что тебя от родных унесло.
Поспеши, мы не медля отчалим:
Уж гребцы поднимают весло.

Приступай к неизбежным разлукам,
И с судьбою твоей примиришь.
Там, сияя серебряным луком,
Прислонился к колонне Парис.

VII. НЕОПТОЛЕМ

1

Дикий остров, поля, где я вырос,
Покидаю для бранных шатров.
Ты прости, зеленеющий Скирос,
Безмятежный, хранительный кров.

От лугов и от рощей зеленых
Я отозван военной трубой.
Мирно с кровель, от солнца червлёных,
Подымается дым голубой.

Исчезает он – берег родимый, –
И, теряясь в багряных лучах,
Тихо шлет мне прощальные дымы
Материнский любезный очаг.

Вкруг меня океан беспредельный,
И синеют валы без числа.
Я на крепкой сосне корабельной
Быстро мчусь под напором весла.

Через три бысролетные ночи,
Если добро к пловцам божество,
Я усну под палаткою отчей,
Я узнаю отца моего.

И усеянным трупами полем,
В жажде подвигов, весел и рьян,
Полетит за отцом Неоптолем,
Разрывая колонны Троян.

Брошен якорь. Корабль мой причален
У прославленных бранями мест.
Отчего же, о други, печален
Долго жданный, желанный приезд?

Отчего же никто из собратий
Нас не встретил пожатьем руки?
Отчего так растеряны рати,
Так нестройно-шумливы полки?

Я грядущим свиданьем чаруем.
Пали тени, и звезды зажглись.
Гулко вторит Скамандровым струям,
В потемневших горах, Симоис.

На отрогах, ключами богатых,
Вьется дым от чьего-то костра,
И мертвец в окровавленных латах
Распростерт посредине шатра.

Чтоб владеть драгоценным доспехом,
Сын Лаэрта коварно хитрит,
И над мертвым глумится со смехом
Предводитель Ахеян, Атрид.

Подойдя, спросил я несмело,
Подбородка коснувшись его:
«Чье к костру приготовлено тело?» –
«Ахиллеса, отца твоего».

Где пучина Эгейская стонет,
Меч воткнул Саламинским царем;
Здесь на острую медь Теламонид
Пред Палладиным пал алтарем.

Здесь он с черною смертью сопрягся,
Грудь пронзивши концом острия,
И рыдает над телом Аякса
Саламинских матросов семья.

Я, печалию свежей овейн,
Над недавним стою мертвецом.
Был он более прочих Ахейн
Почитаем, при жизни, отцом.

Я на Скирос родимый какую
Принесу Деидамию весть?
Мать, тебе, неутешно тоскуя,
Суждено овдовелой доцвесть.

Ах! отцу при свидании первом
Я последнее молвил «прости».
Но, Атриды, от яростных Кер вам
И самим никуда не уйти.

Ветер лодки далекие гонит
И поет у зеленых могил,
Где могучий уснул Теламонид,
Где уснул быстроногий Ахилл.

VIII. ДИДОНА И ЭНЕЙ

По камням звенят копыта,
Слышно ржание коней.
На горах отстала свита...
Как стрела, летит Эней.

Дали неба – мутно-сини;
Ветр шумит, в траве шурша,
И с царицей сын богини
От грозы бежит, спеша.

На груди застежкой сплочен,
Плащ ее окутал стан.
Наконечник стрел отточен.
За плечами, раззолочен,
Звонко брякает колчан.

Конь храпит; густая пена
Покрывает удила.
Пред царицей Карфагена
Расступается скала.

Вместо храма – свод пещеры.
Мать Земля условный знак
Подает, и волей Геры
Заклучен несчастный брак.

Всё забыто: обещан
Женский стыд, и презрен долг.
В недрах скал и горных трещин
Гром пронесся и умолк.

Потемнели, сшиблись тучи,
О деревья бьет вода.
Дико воя, сбились в кучи
Оробелые стада.

Пыль клубится; воздух блещет;
Скрылся в туче горный скат.
О камня ливень хлещет,
И стучит тяжелый град.

У пещеры дрогнут стражи;
Где-то ржет в испуге конь.
Проблестел на горном кряже
Синей молнии огонь.

Замутившись, с высей прынул,
Заплескался водопад.
Брачный гимн в пещерах грянул
Хор веселых ореад.

IX. ЭНЕЙ – ТОВАРИЩАМ

Что вы примолкли? Смелее! Не с нами ль
Наши пенаты, чья милость не скúдна?
Ими хранимое, сядет ли нá мель
Легкое судно?

Наши надежды и силы не те же ль?
Полно оплакивать гибель Креузы:
Смертная доля желаннее, нежелъ
Рабские узы.

Сердце спокойно; надежда окрепла.
Паркам бросаю отчаянный вызов:
Скипетр поднимет из крови и пепла
Правнук Анхизов.

Тот не мужчина, кто слезы не вытер:
Женщинам свойственно тешиться грустью!
Мчит наш корабль благосклонный Юпитер
К верному устью.

Верьте, товарищи: небо не пусто.
Нам, победителям черного Рока,
Матери светит моей розоустой
Ясное око.

ПЕСНИ

Не весна тогда
Жизнью веяла.
Не трава в полях
Зеленелась!

Кольцов

Я в немецком саду работал по весне.
Вот однажды сгребаю сучки, да пою.

Некрасов

I. РАЗЛУКА

Шел я рощицей,
Шел зеленою,
Шел с зазнобушкой,
Шел с Аленою.

Полушалочек
Дарил аленький
И фиалочек
Букет маленький.

Полушалочком
Утешалась,
А фиалочкам
Посмеялась.

Красну солнышку
Красотой равна
Свет Аленушка,
Свет Егоровна.

Словно вешний лист –
Зелены глаза,
Словно колос ржи –
Золота коса.

У нее ль лицо –
Да не маков цвет?
У нее ли взор –
Да не ясный свет?

Что же сердце ест
Мне печаль – тоска?
Горек мне приезд
Твоего дружка.

Ах, его лицо,
Лицо дерзкое,
И походочка
Офицерская.

Жгут глаза его,
Жгут проворные,
И щетинятся
Усы черные.

Сабля новая
Вся отточена.
Рукояточка
Раззолочена.

И Аленушка
Слезы вытерла.
«Вот он барин мой,
Гость из Питера.

Ты прости-прощай,
Господин студент.
Не дари платков
И пунцовых лент.

На далекую
На сторонушку

От тебя возьмет
Он Аленушку.

Не приду к тебе
За овины я
Слушать песенки
Соловьиные.

Нам не вить с тобой
Запашистые
Из купальницы
Венки желтые.

Не садиться нам
Под зеленый дуб.
Не видать тебе
Моих алых губ.

Тебе на плечи
Мне не вешаться.
Поцелуями
Нам не тешиться.

Ни в ночи тебе,
Ни при солнышке
Не уснуть в руках
У Аленушки.

Чтоб мне дурь мою
Не оплакивать,
Стала чаще я
Подумакивать.

Не хочу идти
За студента я,
А хочу идти
За военного.

II. ДВОЕЖЕНЕЦ

Расскажу-ка я
Вам теперича
Про Василия,
Про Матвеича.

Он в сторожке жил
Перед церковью.
Сторожил леса,
Леса барские.

А как в праздничек
Напивался пьян,
На соседних страх
Наводил крестьян.

И ругался он
Словом черным.
Поколачивал
Рукой крепкою.

Темным взором он –
Словно лютый зверь.
Борода его –
Словно черный куст.

А жена его –
Баба злющая,
Аграфеною
Звать Ивановной.

Как расходится
Злой минутою,
Ну ни дать, ни взять –
Ведьма лютая.

Гневом-яростью
Вся трепещется
На соседнюю
На помещицу.

Но от кары не
Упаслась, грозя.
Знает барыня
Самого князя.

Донесла ему
Речи дерзкие
И Василия,
И жены его.

Не щадит злодей
Сваво врага:
Кто задел его,
Платит дорого.

Как ко всенощной
Шел крещеный люд,
Сторож замысел
Выполняет лют.

Перед праздничком,
Да престольным,
Мечь жестокая
Совершится им.

Он от зорких глаз
Огородится
Накануне дня
Богородицы.

Пробирается
Мимо церкви он.

Заворачиват
За опавший клен.

Он не видит свеч
Воску ярого.
Он не слушает
Пенья клирного.

Под ногой его
Желтый лист шуршит.
Ель шумливая
Высоко шумит.

Ветвь колючая
Заграждает путь
И цепляется
За рукав его.

Чиркнет фосфором
Сторож на авось.
Ан! взамен хором –
Только пепла горсть.

Только б дождичек
Не залил огня,
Ветерком его
Не задуло бы!

Под дубовый пол
Ткнул газетину,
Намочив ее
Керосином всю.

И сухих туда
Набросал лучин.
Запалил балкон:
Вот и был почин!

По всему потом
Дому барскому
Петуха пустил,
Пустил красного.

«Со мной вздумала
Потягаться вишь!»
В небо рвется дым
Из тесовых крыш.

Во хоромах и
Во саду огонь.
И черемухи
Спалены огнем.

Эх! черемушки!
По весне уж им
Не раскрыть листов,
Не цвезть белым.

По усадьбе всей –
Трескотня и скрип.
Вьется полымя
Выше старых лип.

Мужики бегут.
Но и скоро же
Всякий след простыл
Васьки сторожа!

Занесли снега,
Снеги белые,
Стены с трубами
Обгорелые.

Дерева кругом
Да попилены.

Как дитё, в саду
Плачут филины.

Горько – жалобно
Ночью стонет сыч.
Так Василий мстил,
Мстил Матвеевич.

2

Бог прогневался
На разбойника,
И послал ему
Кару грозную.

На Ивана то
Было Постного,
В день дождливенький,
Да ненастливый.

Аграфенин взор –
Темен, нездоров.
Вот пошла она
Подойти коров.

Вдруг замедлила,
Проходя двором.
О пол стукнула
Жестяным ведром.

По ступеням вниз
Покатилась,
Опрокинулась,
Раскорячилась.

Прибегает муж –
Жена отошла.

По лицу пятном
Синева пошла.

Тихо в домике,
И окошечко
Занавескою
Позадернуто.

Под окошком клен
Ветром треплется.
Свечка желтая
В окне теплится.

Серой ставнею
Ветер – хлоп да хлоп.
На столе стоит
Нов дубовый гроб.

Разнаряжена
Чисто заново,
Аграфена в нем
Дочь Иванова.

Запеленута
Бельим холстом.
Руки сложены
На груди крестом.

А Василий муж
Слезно плачется.
От жены своей
Во двор прячется.

Ночь не может спать:
Вскачет, крестится,
Жена мертвая
Всё мерещится.

В ночь дождливую
Говорят под свист
Ель шумливая
И засохший лист.

И стучат в стекло
Ветки черные,
Словно страшные
Пальцы мертвые.

А на третий день
Поп приходит сам
Литию служить
Перед выносом.

В церкви ставят гроб,
Да с подсвечником,
Обвивают лоб
Красным венчиком.

И один живет
Сирота-вдовец.
Стал во сне к нему
Приходить мертвец.

Жутко осенью
Разунылою:
В окно виден крест
Над могилою.

И над тем крестом,
Над кленовым,
Ветр шумит листом,
Листом желтым.

Муж не выдержал
И шести недель:

Одинокая
Не мила постель.

Он без сна на ней
Ночь валяется:
Всё усопшая
Представляется.

Хоть порядок тот
И не заведен,
Оженился он
Через двадцать дён.

Взял жену себе
Белолицую,
Белолицую,
Да румяную.

Очи синие
Огоньком кипят.
А коса ее –
Как до самых пят.

Шея белая
Серебром блестит,
Грудь высокая
Что копна стоит.

Идет с ведрами,
Усмехается,
Как лебедушка,
Колыхается.

Отчего ж ее
Пышен цвет девич
Иссушил злодей –
Вор Матвеевич?

У нее богатств –
Одна яблоня.
Много денежек
Им награблено.

3

Складно муж живет
Со лебедкою,
Синеглазую,
Тихой, кроткою.

Сам добрее стал,
Не ругается,
Молодой женой
Похваляется.

Из знакомых ли
Повстречал кого,
«Какова моя?»
Сперва-наперво.

И соседушки
Утешаются:
Не узнать теперь
Злого сторожа.

Только начали
Сны тяжелые
По ночам томить
Молоду жену.

Как бы Пашеньке
Не раскаться:
Баба мертвая
К ней таскается.

Не дает ей спать,
Страхом мучая.
Лицо – синее,
Вся – вонючая.

Не уйдет всю ночь,
Лезет день иной,
И с постели прочь
Гонит мужниной.

От Василья прочь
Оробелого.
Кровь сосет она
Тела белого.

У Прасковьюшки
Щеки выцвели.
Очи синие
Потеряли блеск.

Ах! погубит так
Всё здоровьюшко
Свет Егоровна,
Свет Прасковьюшка.

Как от сна спастись,
От тяжелого,
Думы русую
Томят голову.

В поле тает снег,
Поет пташенька.
Говорит себе
Тогда Пашенька:

«Чтоб покойницу
Не видать во сне,

Я в зеленый луг
Выйду по весне.

Помогите мне
В моем горе вы,
Цветик аленький
И лазоревый.

У моих белых
Вы цветете ног.
Я сплету из вас
Небольшой венок.

Цветы синие
Спутав с альцами,
Вместе белыми
Свяжу пальцами.

Пусть тоска меня
Не сушит, не ест.
Я венок кладу
На кленовый крест.

Лишь засохнет он,
Принесу другой.
За дары Господь
Мне пошлет покой».

III. МОНАШКА

Что, Аленушка,
Перед праздничком
Платья новые
Ты не шьешь себе?

Что не рядишься
В шелк пурпуровый?
В головной платок,
Гарнитуровый?

Знать, обнов тебе
Не подарено
От проезжего,
От татарина.

Чтоб без толку вам,
Веселиться вам,
В платье шелковом,
А не ситцевом.

Чтоб с качельными
Летать досками
Под зелеными,
Под березками?

Чтобы алыми
Греметь бусами?
Чтобы косами
Трясти русыми?

Как, Егоровна,
В платье старом ты
На веселое
Выйдешь игрище?

Застыдят тебя
Парни бойкие,
Засмеют тебя
Девки красные.

Далеко от всех
Быть Аленушке:
На крыльце сидеть,
Грызть подсолнушки.

– «Чтоб обновы шить
Да рядиться, нет
В кошельке моем
Дорогих монет.

Беден родный дом
Моей матушки,
На холму крутом
Он стоит в лугах.

Над рекой стоит,
Речкой быстрою,
Как над синею,
Да над Истрою.

Там трава растет,
Да шелковая,
Там село стоит,
Да торговое.

Оно славится
Широко вокруг
За капусту да
За зеленый лук.

И немного верст
От того села

Монастырь стоит
Во глухом лесу.

Цветники в саду
Я полола там,
Церквей маковки
Пышут золотом.

Словно жар горят,
Разливаются
Над еловыми,
Над вершинами.

Далеко гудит
Пенье медное.
Я приду в тот скит,
Девка бедная.

Ты прости навек,
Перстенечек злат.
Мою белу грудь
Скроет черный плат.

От людей мою
Схороню красу,
Во святом скиту,
Во глухом лесу».

IV. ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Во полях шумят
Ветры буйные,
Ветры буйные,
Да весенние.

Как в медяную
Загрубят трубу,
Гонят облаки
По синю-небу.

Выйду в поле я,
Во широкое,
Горе выплакать,
Разогнать тоску.

В уши мне поет
Ветер удалой
И платочек рвет
С головы долой.

Говорит со мной
Буйным голосом,
Шевелит моим
Русым волосом.

Как по мертвому,
Подымает вой;
Иду в шубке я,
Шубке плисовой.

Вся от холода
Посинела я.
Холодит мне снег
Ноги белые.

Разлились снега,
Словно озеро.
Высоко звенит
В небе жавронок.

Ты, сестра, меня
Не отчитывай,
Знаю в поле я
Куст ракитовый.

Там, от всех дерев
Удаленная,
На холму стоит
Ель зеленая.

Мое тело дам,
Злые звери, вам –
Растерзать в куски
Под тем деревом.

Пусть пред Господом
Грех я сделаю!
Повяжу платком
Шею белую.

Затяну узлом,
А конец платка
Обмотаю вкруг
Зелена сучка.

Пусть качает ветр
Ель зеленую!
Пусть поет он песнь
Похоронную.

Мне не нужен поп,
Ни к чему дячок!

За тесовый гроб
Мне сойдет сучок.

Как под тем кустом,
Да на том холму,
Я изменщику –
Отдалась ему.

Ах! зачем тот день
Не забуду я.
С коромыслом шла
Мимо пруда я.

Ты, ведро мое,
Не поскрипывай!
Кто-то ждет меня
В роще липовой.

И дарил он мне
Шаль нарядную.
Звал Алenuшкой
Ненаглядную.

Коромысло я
Прочь с плеча маво,
И повисла я
На груди его.

Села рядом с ним
На сырой мосток.
Как осиновый
Трепещу листок.

Затуманилась
Голова моя.
Только ласково
Слышу слово я:

«Не томи меня,
Не испытывай.
Знаешь в поле ты
Куст ракитовый?»

Ко холму тому
Поздней ноченькой
Проберемся мы
Огородами.

Ночь июльская
Хороша, темна.
Мимо вашего
Мы пройдем гумна.

Мы по яблочным
Побежим садам.
Я подарочек
Моей милой дам.

Перстенечек злат
С синим яхонтом.
Серьги новые,
Изумрудные».

А из слов его
Какой вышел толк!
Не простившись,
Он уехал в полк.

Я промаялась
Зиму целую.
Перепорчу всё,
Что ни делаю.

Ест мои глаза,
Ест зеленые

Слеза жгучая,
Да соленая.

Жизнь проклятая
Стала невтерпеж,
Словно сжатая
Я упала рожь.

Я не слышу птиц,
Я не вижу верб.
Сердце колет мне
Любовь – вострый серп.

Потеряла я
Стыд мой девичий.
Погублю навек
Мою душеньку.

Я – несчастная –
Жду дитя в апрель.
Ты спаси меня
От позора, ель!

Сладко будет мне
Меж ветвей дремать.
Успокой же, ель,
И дитя и мать!

ВЕСНЯНКИ

Mater, ades, florum, ludis celebranda iocosis.

Ovidius

C'est toi, ma blonde!

A. Musset

I. PRIMAVERA

Улыбнулась, и проснулась,
Полня звуками леса.
За плечами развернулась
Бледно-желтая коса.

Взор, как небо – беспределен,
Глубина его пуста,
Переливчат, влажен, зелен...
Мягко-чувственны уста.

Где с фиалками шептались
Незабудки, и цвела
Маргаритка, там сплетались
Дымно-тонкие тела.

Где-то плакали свирели,
Доносился плеск воды.
В темной зелени горели
Золотистые плоды.

На полянах говор звонкий
Раздавался. В дыме сна,
Чуть скользя ногою тонкой,
По траве плыла весна.

Перевитый нитью злачной
И гирляндой цветов,
Тело скрыл полупрозрачный,
Серебрящийся покров.

Те лежали, те сидели,
Отдыхая от игры,
Где гранат тяжелых рдели
В листьях красные шары.

Юной, ласковой богиней
Оживляются леса.
Яркой краской, густо-синей,
В далях блещут небеса.

II. ПАСТОРАЛЬ

Как весенний цвет листвы,
Так и Вы
Нежным веете апрелем
В дни, когда в тени ветвей
Соловей
Предаётся сладким трелям.

В дни, когда исподтишка
Пастушка
Ждет пастушка в поле злачном,
И в ручье опять жива
Синева,
Тихоструйном и прозрачном.

Испещрен цветами куст.
Сотни уст
Раскрываются на солнце.
Росы зелень серебрят,
И горят
Одуванчиков червонцы.

Гуще лиственный навес.
От деревьев
Ароматным веет медом.
Грузный шмель к цветку прилип.
Ветви лип
Вознеслись зеленым сводом.

На заре, у сонных вод,
Хоровод,
Под напевы песни древней,
Я люблю, когда закат
Стекла хат
Зажигает вдоль деревни.

Песня – сладостно грустна,
 Как весна
Наших северных губерний,
В час, когда задремлет клен,
 И червлен
Запад, дымный и вечерний.

Вы придете ввечеру
 На игру,
С полной злаками кошницей.
Будет ласковым Ваш взор,
 Сквозь узор
Озолоченной ресницы.

Кудри – россыпь златных руд.
 Изумруд
Взоров, ласково коварный,
И смеется, и манит
 (Как магнит),
Всепоходный, лучезарный.

Многим сердце воспалят
 Этот взгляд,
Соблазнительный, безбровый,
Шея, белая как снег,
 Этот смех
Нимфы северной дубровы.

Полны эти глаза два
 Волшебства –
Золотые изумруды,
Золотые лезвия:
 Ранен я
Нимфой юной, полногрудой,

Руку я прелестной сжал:
 Злее жал

Пальцы ручки благовонной.
Кудри – буйный водомет.
Точит мед
Страстных губ цветок червонный.

Ах! я гасну каждый день.
Только тень
Ляжет в поле и прохладу
Урна ночи разольет,
Лес поет,
Славя Леля, слава Ладу.

Есть в холмах тенистый грот,
Где Эрот
Точит золотые стрелы.
Там она, упав на одр,
Юных бедр
Нежит сад, цветущий, белый.

Ах! цветами мы его
Отчего
Не украсим, не устелем
Этот одр, чтобы на нем
Жарким днем
Почивать, сопрягшись Лелем?

III. НИМФА ВЕСНЫ

Des grottes d'Amphitrite,
Climène, entends ma voix:
Le mois des fleurs t'invite
A rentrer dans nos bois.

Gresset

В днях последних сентября,
Удобра
Землю взрытую навозом,
Семи я держал в горсти,
Чтоб цвести
Белым лилиям и розам.

Чтоб водить моих друзей
В Элизей,
В глубь земли черноутробной,
Клал я в зимнюю постель
Асфодель,
Цвет подземный, цвет загробный.

Гряды взрезал острый плуг.
Вспахан луг,
Ждет обильного посева,
И, раскрывши ложесна,
Семена
Емлет матернее чрево.

Спите зиму в мертвом сне!
По весне
Из земли побег выньте,
Чтоб осенний скудный тлен
Был явлен
В благовонном гиацинте.

Гиацинтовый цветок,
Лепесток
Развернувши, близ тюльпана
Стройным стеблем поднялся,
И леса
Вторят страстным кликам Пана.

Всходит травный изумруд.
Синий пруд
Льется золотом плавленным.
Нимфы резвятся в кругу,
На лугу,
Орошенном и зеленом.

Под одеждою сквозной,
Белизной
Блещут бедра, блещут груди.
Вкруг волос цветет веноч.
Пальцы ног
Тонут в злачном изумруде.

Волоса – янтарный ток.
Как цветок,
Губы – влажны и червлены.
Взор исполнен волшебства,
Как листва,
Желтоватый и зеленый.

Всё, что было снега, льда,
Без следа
Всё лучи вобрали, съели.
Шепчут в бездне голубой
Меж собой
Торжествующие ели.

Как богиня сходишь ты
С высоты
Олимпийского престола.
Кудри желтые твои,
Как ручьи
Златоструйного Пактола.

Истощила красота
Все цвета
На божественной палитре,
Тело юное творя.
Как заря,
Ты горишь в лучистой митре.

Нимфа! нимфа! ты – белей
И лилей,
И нетронутого снега.
В изумруде узких глаз
Как зажглась
Подступающая нега.

Роз потребно много сот,
Чтобы сот
Уст твоих создать медвяных,
Уст, которые лобзать
Ищет рать
Дерзких фавнов, страстных, пьяных.

Кто же выпьет сладкий мед,
Кто сожмет
Эту грудь? О, кто же, кроме
Вас: палящий небосклон
Аполлон
И венчанный гроздом Бромий?

Ты услышишь страстный вой
 «Вакх Эвой!»
И жемчужные колени
Закружатся под напев
 Буйных дев,
Крытых шкурою оленьей.

IV. ПУШКИНИАНА

Мне ветер волосы шевелит.
Поля серебрятся в талом льде,
И звонко жаворонок трелит,
Не знаю что, не знаю где.
Как ярко зеленеют ели!
Прозрачны светлые леса,
И лучезарно небеса,
Вздыхнув весной, заголубли.
И, как небесная свирель,
Лазурна жаворонка трель.

Пари свободно, своенравно,
Звени крылом и трели сыпь!
Где мертвый снег белел недавно,
Бежит синеющая зыбь.
И даль раскрылась и блеснула,
В простор безбрежный уходя.
Пути внезапно преградя,
Весь полон блеска, полон гула,
В тиши сияющих ночей,
Прорыв снега, шумит ручей.

Уже дорог не станет скоро:
Пробивши льдистую кору,
Разлились лужи, как озера,
И зеленеют ввечеру.
Поверхность пруда раскололась,
Смеется луч, ее согрев.
Гудит вершинами дерев
Сырого ветра шумный голос.
Над обнажившимся бугром
Береза блещет серебром.

Купая ветви в синем море,
Березы шепчут меж собой,

И нежно-розовые зори
Повиты дымкой голубой.
Растает дымная завеса,
Прозрачен ясный небосклон.
Задумчиво вечерний звон
Из-за притихнувшего леса
Летит. Поля покрылись мглой,
И мерзнет лужи верхний слой.

О, как я ожиданьем мучим,
О, как я жду минуты той,
Когда пройдешь с ведром певучим
Ты, мимо сада, за водой!

V. НАДГРОБИЕ

С. С. Щ.

Тихо спал ты зиму в глухой гробнице
Синих льдин, покровом завернут снежным.
С лаской принял юношу гроб хрустальный
В мертвое лоно.

Ты молвы стоустой не слышал гула,
Не изведал яда клевет подпольных.
Строгий сон твой разве могли встревожить
Хульные речи?

Не оплакан матерью нежной, долго,
Скован льдами, ждал ты пелен могильных.
Над тобою гимн похоронный пела
Зимняя вьюга.

Но, с дыханьем первых ветров весенних,
Пооттаял белый твой гроб плавучий.
Солнце плен расплавил льдин тяжелых,
Всплывших со звоном.

Нимфа влаги труп твой нашла забвенный,
Прочитала повесть любви печальной,
И с улыбкой лик целовала бледный
В мертвые губы.

И, на берег вынеся прах печальный,
Созывала диких, веселых фавнов
И дриад дубравных, в венках купальниц
Зеленоствольных.

И склонялись девушек белых хоры,
С уст свежая вешние тихо розы.
Кто – шептали – в смерти виновна ранней,
Юноша милый?

VI. ВЕСНЯНКА

В полях растаял звонко вспененный снег,
Возникла зелень первых весенних трав;
 И Пан зовет в тростник свирельный,
Нимфу дубравную страстно клича.

Взошла фиалка, словно синя слеза
Дриады белой пала на темный мох.
 О друг, ты слышишь в дуплах ствольных
Стоны любовные дремной девы?

В древесных чащах – песни веселых нимф,
Шум хороводов, пляски, призывный смех,
 Когда наступит синий вечер,
Облаком розовым небо кроя.

Как буйны ласки диких лесных подруг!
В глазах прозрачных зыблется зелен лист,
 В земле и злаках, белы ноги –
– Корни подземные нежной розы.

Устав от пляски, дремлет в сырой траве,
И кудри девы блещут, что колос злат,
 И грудь ее – цветок медвяный,
В зелени влажной расцветший сладко.

VII. ЛЮБОВЬ

Облака золотистые.
Ивы пушистые.
Вечер святой Воскресения.
Над белой березкою
Лодкою розовой, плоскою
Проплывает тучка весенняя.

Вечер синий и розовый.
Как нежны в роще березовой
Расцветы трав воздыхальные!
Свершаются таинства древние.
Слышу из ближней деревни я
Девушек песни пасхальные.

Как возникшие травы зеленые,
Пред тобой мои песни влюбленные,
Как травы вешние, скудные.
Шепчу я ласки несмелые,
Твои руки целую я белые,
Гляжу в глаза изумрудные.

На заре береза колышется.
Я не знаю, что это слышится:
Смех ли резвый, песня святая ли?
Дорогая, не знаю я, живы мы,
Иль, как туча за дымными ивами,
В поцелуях тихо растаяли.

VIII. Ξανθή κόρη

На рассвете, зарослью скрыт лиственной,
Я, любовник, видел ее, счастливый.
Блещут златом волосы – плод медвяный
Желтой оливы.

Как смеялся девушки зрак зеленый!
Мне казалась нимфой она дубравной.
Белы ноги – сѣребра ток плавленный
В зелени травной.

Лоб – белее вечных снегов Тимфреста.
Волос каждый сладким дышал елеем.
В блеске выи розы давали место
Белым лилеям.

IX. ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Изгородь
Розовеет на малой горе.
Хрустальная твердь бестелесней.
Как молитвы тихой заре –
Девушек дальние песни.

Заря в вечернем храме
Зажгла золотую свечу,
Затешила красный елей
В хрустальных лампадах. Чу!
Девушки с голубыми серпами
Прошли домой с полей.

Как одиноко
Под покровом туманных пелен!
Лучом заревого ока,
Потускшим под облачной бровью,
Запад, как мутной, сгустившейся кровью,
Очервлен.

Х. ДРЕВНЕЙ РОЩЕ

Глухая роща! темный древесный храм,
Где фимиамом зерна янтарных смол,
 В твоём благоуханном мраке
 Свечи зеленые трав весенних.

Воздвиглись ели в ризе нетленных игл,
Твою святую оберегая глушь.
 Лаская луг прохладной тенью,
 Древние липы простерли зелень.

И синий ладан – первых фиалок сев –
Твое кадило, в час, как смеркает день,
 И солнце золотые розы
 Тихо роняет над глыбой талой.

Нерукотворный, одушевленный храм!
Ты возлелеял легкое семя трав,
 Ты схоронил в себе зачатья
 Малых цветов и дерев дебелих.

Века внимал ты жизни глухую дрожь,
Ты в черном лоне ярость цветов таил,
 И, чуя трепет вожделий,
 Семя питал животворной влагой.

Ты кроешь тайны первых любовных ласк,
Лелеешь в мраке знойных лобзаний сладость;
 Ты ложе для четы влюбленной
 Травами стелешь, цветами, мохом.

И, внемля трепет буйных, творящих сил,
Вонзая корни в тучную грудь земли,
 Ты зыблешь гордые вершины
 В вечно нетленном эфире неба.

XI. ХЛОЕ

Dulce ridentem.

Catullus

Что мед твой, Гибла? сладкий твой сот, Гимет?
Когда сравню вас, – сласти лесных цветов,
 Добытые пчелиным жалом, –
С желтой косою румяной Хлои?

О, малый травень! скудный в цветах апрель!
Листвой златистой ты одеваешь дуб.
 Как первый лист дубравы вешней,
Очи твои золотые, Хлоя!

Как шумы листьев, Пана тростник – свирель,
Дриады шепот в лыке святых дубов,
 Как говор струй хрустально-синих,
Смех твой сладчайший, твой голос, Хлоя!

О, лес Киприды – чащи медвяных роз –
О, Адониса благоуханный сад!
 Ваш рдяный блеск и ароматы,
Что пред ланитами нежной Хлои?

ХП. ДРУГУ

Н. П. Киселеву

Пчеле подобен, ты с сицилийских трав
Сбираешь меда – сладкотекучий сок.

Ты в золотые ульи Гиблы
Сносишь цветов полевые дани.

Ты жалом острым тайную сладость пьешь
Из свитков древних, в мед претворяя тлен,
И для тебя пергамент блеклый –
Луг ароматный цветов словесных.

Тебе священна старца седая скорбь:
Ты вял, пронзивши темных столетий глубь,
Последний вздох слепца Эдипа,
К персям припавшего Антигоны.

Тебя целила дев трахинийских песнь –
Надежды кроткой шепот пред тучей зол.
Ты видел Теламониада
Меч златожальный в крови багряной.

Но как исчислить ценных богатство руд,
Всё то, что емлет знаний твоих рудник,
Искатель кладов непочатых,
Роз Пиэрийских блюститель верный?

Фригийский лотос – сопровождаенье пляск, –
Золотострунный звон Ионийских лир,
Уста улыбчивые Музы
Хором согласным тебя восхвалят.

ХШ. ЖЕНЩИНЕ

Уже четвертый старому мужу плод
Во чреве носишь ты, – золотая мать.
Тяжелым шагом в огороде
– Точно телица на сносе – бродишь.

На солнце блещет связка медовых кос,
Как зерен полный, желтый осенний сноп.
Как вымя – тяжесть тучных грудей –
Сладкое яство устам младенца.

Лицо оплыло; тихо-бессмыслен взор;
Распухли жилы; грузно поник язык;
Блестят под вздернутой одеждой
Ноги, серебряным лоснясь туком.

Кем тяжела ты? девочек трех подряд
Дарило мужу ложе твое досель:
Проси наследника для дома,
Дар возложив на алтарь богини.

Моли усердно чистую дочь Лато,
Что напрягает осеребренный лук:
Моли, чтоб жало притупила
Ярость Илифии в муках чрева.

XIV. НЕБУ

Ты лучезарно, выйдя из горна гроз;
Громовых кузниц ты золотой металл.
Разносит ветер прохладнейший
Луга дыханье и ароматы.

Я жрец твой, небо! Твой золотой потир,
Твое причастье я подношу к устам,
И землю ухом ненасытным
Шелесты трав и ключей рожденье.

Твоих нетленных жил голубую кровь,
Твоих точил палящее пью вино,
И солнца златотканной плоти
Я приобщаюсь прохладным утром.

О небо! чаша! древний завет любви!
Нерукотворный, синий, лучистый храм,
Где неистомно хвалят Бога
Звери, деревья, цветы и люди.

Ты – золотая струй голубых купель,
Ты – золотой, отвсюду замкнутый гроб.
Ты нежишь малого младенца,
Ты принимаешь и вздох предсмертный.

Ты – блеск и радость! жертвенник твой – земля
Тебе сжигает ладан цветов и трав.
Тебе несут сердца людские
Кровь вожелений и огонь любви.

АПРЕЛЬ

**Вторая книга стихов
1906 – 1909**

*АНДРЕЮ БЕЛОМУ,
поэту и другу*

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-земля!
Тютчев

СНЫ АПРЕЛЬСКИЕ

I

Ты взманила к вешним трелям,
Воззывающая вновь
Дни, когда, хмелен апрелем,
Я вверял лесным свирелям
Запевавшую любовь.

Для моей мечты бездомной
Дверь бывшего отперта;
Ты склонилась в неге томной...
Взор зеленый, голос дремный,
Лепестковые уста.

Снова счастья отголоски
Внятны сердцу моему:
Ты, дитя в простой прическе,
Резво мчишься, где березки
Вниз сбегают по холму.

Словно льдина раскололась
От весеннего огня...
Золотится зыбкий волос,
И звенит свирельный голос,
Призывающий меня.

II

Я блуждал в лесу родимом,
Где звенела тишина,
Где зеленым, сладким дымом
Разливалась по полянам
Грустно-синяя весна.

Ты ль, дитя с глазами нимфы,
Мне являлась в те часы,
Отряхая гиацинты,
Вея запахом медвяным
Золотой твоей косы?

В небе, ласково хрустальном,
Таял трепетный апрель.
Шел я отроком печальным,
И томилась так напевно
Сердца нежная свирель.

Солнце низилось к березе...
Шел я, плача и любя,
В этой отроческой грезе,
Узкоокая царевна,
Я предчувствовал тебя!

III

Тают тайные печали
О красе твоих очей.
Все свирели отзвучали.
Только будит дол молчащий
Гулко льющийся ручей.

Как прозрачно, как лазурно
В звонкой грусти хрусталей!
И небес широких урна
В золотые каплет чащи
Синий, тающий елей.

Здесь я шел с тобою нежной,
Где теперь разоблачен
Рай далекий, рай безбрежный.
Кто воздвиг в осеннем храме
Свод серебряных колонн?

На березах белоствольных
Никнут листья, не дыша.
И в лобзаниях безбольных
Овевается ветрами
Утомленная душа.

IV

С. Н. Попоу

Охотно в келье молчаливой
Я б этой ночью не уснул.
Как песни с грохотом разлива
Сливаются в согласный гул!

Напев родной, напев унылый
Мгновение затих. Во мгле –
Ручьи... Но чу! и с новой силой
В соседнем зазвучал селе.

Каким безумным, бесполезным
Является волнение дум,
Когда под небом полнозвездным
Всё обратилось в блеск и шум!

Что за торжественная нега
Спускается в тиши с небес!
Как радостно восстал из снега
Возжаждавший весенний лес!

Бежать бы вдаль, туда, по лугу,
Где в полумраке голубом
Ночной бекас зовет подругу,
Прерывисто звеня крылом!

V

Присев на ветхое крыльцо,
Сквозь сон внимаю песне дальней.
О, это красное яйцо!
О, этот благовест Пасхальный!

Жужжат, гудят колокола,
Из-под синеющего снега
Травинка желтая взошла,
И в теплом ветре дышит нега.

Брожу, легко и томно пьян,
Мне улыбаются в лесочке
И лица ясные крестьян,
И тихих девушек платочки.

Поблескиванье синих луж –
В траве, зазеленевшей ярко,
И как-то пьяно пахнет сушь
Между корней глухого парка.

Давно ли холод был суров,
И мне зияла пасть могилы?
Но чу! весна! и я здоров,
И легкой кровью бьются жилы.

Земля, земля! союз наш вновь
Неизреченной, сокровенней...
О, дай мне пить твою любовь
В сиянии зари весенней!

Как мать, меня благослови
На подвиг твой многострадальный
И сердце приобщи любви,
Любви весенней и Пасхальной.

VI

Весь день я просидел прилежно,
И остается десять строк.
Страницей Тацита небрежно
Играет легкий ветерок.

Окрестности Пасхальным звоном
Наполнены... Кой-где трава
Желтеет нежно. Над балконом
Безоблачная синева.

Но леса бледные верхушки
Порозовели. Недалек
Конец трудов, и на опушке
Твой розовый мелькнул платок.

VII. СОНЕТ

Язвящий яд смертельного потира
В тебя проник. И с каждым днем белей
Ты становилась, цвет родных полей,
Где тень твоя теперь блуждает сиром.

Твой голос пел, как золотая лира,
В лампаде сердца иссякал елей,
И срок пришел... Благоуханно тлей;
Твое чело увидели мирты мира.

Твой сладкий гроб зарыт в глуши лесной...
Там свечи трав затеплятся весной,
И фимиам фиалок синезрачных

Вздохнет о мертвой в голубой дуброве,
И будет тишь и рай небес прозрачных,
Где ты уснула в розовом покрове.

VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

На проталине весенней
Сладко пахнут сушь и прель,
Дружный с ласковым Эротом,
Как дитя, в дубравной сени
Улыбается апрель.

Пьяны небом, солнцу рады,
Ищут юноши подруг.
Тише! там за поворотом,
Ты, соперница дриады,
Вышла – тихая! – на луг.

Ты – дитя еще давно ли! –
И стройна, и высока.
Над водою темно-синей
Здесь и там в вечернем поле
Зеленеет осока.

Как зегзицы кукованье,
Речь улыбчивой грустна,
Бледен лик больной богини,
Полон взор очарованья
И печален, как весна.

Золотая! ты любви
Всходишь ясная звезда!
Между влажными корнями
Раскидались по дуброве
Ноги, груди и уста.

Ропот неги, вздох влюбленный
Всходят гимном к небесам,
Вместе с хвойными вонями.
Крики, смехи, визги, стоны
Раздаются по лесам.

IX

Весенний ливень, ливень ранний
Над парком шумно пролился,
И воздух стал благоуханней,
И освеженной дрeвеса.

Какая нега в ветке каждой!
Как все до малого стебля,
О, как одной любовной жаждой
Трепещут люди и земля.

Как дев, горящих, но несмелых,
Сжимают юноши сильней
На влажном мху, между деbелых
Дождем намоченных корней.

Готов я верить в самом деле,
Вдыхая влагу и апрель,
Что первый раз меж трав и елей
Я вывелся, как этот шмель.

В лугах со скудную травую
Брожу, болтаю сам с собой,
Топча желтеющую хвою,
Целуя воздух голубой.

Но тень длинней, в саду свежее,
Сквозь ели розовеет луч,
И, потупляясь и краснея,
Ты мне дверной вручаешь ключ.

Х

Взор твой, нежный и печальный,
– Словно запах резеды.
Ты склонилась – нимфа! нимфа! –
Над поверхностью зеркальной
Голубой лесной воды.

Сквозь древесный сумрак зыбкий
Льется, льется синева,
И глаза твои под солнцем
Млеют золотой улыбкой,
Зеленеют, как трава.

Губы, словно листья к струям,
Словно мотылек к цветку,
Припадут к губам цветущим,
И сольется с поцелуем
Отдаленное ку-ку.

И, припав к груди любимой,
Над ручьем, весной, в глуши,
Буду пить, не отрываясь,
Аромат неуловимый
Дремлющей твоей души.

XI

Коснись рукой до струн, презренных светом,
Тебя одну когда-то певших струн.
Верни мне дни, когда я был поэтом,
Дай верить мне, что я, как прежде, юн.

Моей любви, взлелеянной годами,
– Ты видишь, видишь – мне скрывать невмочь...
Ах! где она, кипящая звездами,
Осенняя, сияющая ночь?

С небес звезда срывалась за звездой.
Мы шли вдвоем... ты руку мне дала...
А цветники дышали резедой,
И ночь была прозрачна и светла.

Сребрились под твердь голубую
Деревья блеклые, не шелестя.
Я о любви не говорил с тобою...
Что говорить? Ведь ты была дитя.

Верни же мне те золотые грезы,
В твоих лучах я расцветаю вновь,
Ты вся – весна, ты вся – как запах розы,
Как старое вино – моя любовь.

Я пред тобой притворствовать не в силах,
Ты – так светла... О, если б я угас
У нежных ног невинных, милых, милых,
В сиянии любимых узких глаз.

ХII. УЛЫБКА ПРОШЛОГО

J'étais jeune alors et nymphe...

A. de Musset

Трое по лугам зеленым,
Не опять ли бродим мы?
В синем небе – облак легкий,
Белые стволы – по склонам,
Озаренные холмы.

Зелень взоров, мягко тая,
Переходит в янтари.
Обе – юны, обе – нимфы...
Юность, юность золотая,
Говори же, говори!

Млеет лес зеленой жаждой,
Томно каждому стеблю.
Вами зацветает сердце,
И не лгу, поклявшись каждой,
Что ее одну люблю.

Сестры! сестры! не забудьте
Первых песен. Неужель
Я не тот же робкий мальчик,
Вновь поднявший на распутье
Позабытую свирель?

ЛИРА ВЕКОВ

I. ГИМН АНАДИОМЕНЕ

Накипь рдяная синих волн,
Плоти розовой лепесток,
Ветром зыблемый пен жемчуг.
Роза легкая синих урн,
О дитя Афродита!

Негой теплится дремный зрак,
Уст божественен красный плод,
Кровь святая от темных чресл,
Золотая улыбка волн,
О дитя Афродита!

Светло радуйся, о дитя!
Ад роняет подземный скиптр,
Зелень произращает гроб.
Мрак улыбкой твоей сожжен,
О дитя Афродита!

Свита резвая белых нимф
Цветотканый несет покров.
Фавн свиряет в певучий ствол.
Здравствуй, утро глухих ночей,
О дитя Афродита.

II. ЭЛЕГИЯ

М. Кузмину

Кто Киферу воззвал из ее ароматной гробницы,
 Нектар в гортани неся тихоулыбчивых муз?
Кто, исканья презрев весеннезрачной Нихеи,
 Дафниса кликал в лесах, отрока дикого звал?
Помнишь, как встретились мы у ключа родной Аретузы,
 В полдень наполненных вод играми розовых нимф?
Мускусом сладко пахли одежды твои городские,
 Кислым несло творогом, помню, от шкуры моей.
В долгие ночи, тоскуя по ласкам девы жестокой,
 Сколько я песнью твоей легкую полнил свирель.
Если б видел ты Мирту! Какие томные очи,
 Тихая, добрая, ах! добрая также ко мне.
Плачу и злось как младенец, когда застану их вместе.
 Горе! с устами – уста, с грудью – нежная грудь.
Нет, не мне увенчать виски цветами Киприды,
 Розы мои отцвели, мне остается свирель.
Ты же меня поминай в веселом дворце Птолемея,
 Розовых отроков друг, легких слагатель стихов!
Сладостный мир библиотек, вечерний запах левкоев,
 Грусть золотых вечеров, нега прохладная бань!
Если ж придется тебе когда миновать Сиракузы,
 Диких платанов моих, свежих сыров не забудь.
Или, быть может, в то время над прахом любовника Мирты
 Праздный увянет венок? в рощах смолкнет свирель?

III. ОСТРОВ ФЕАКОВ

Н. П. Киселеву

И тебя на остров чудный
Теплым ветром занесло.
Путь окончен многотрудный,
С зыбью пенно-изумрудной
Долго спорило весло.

Сладкозвучен шелест пиний,
Воздух – ясен, день – горяч,
И летит из рук рабыни,
Исчезая в тверди синей,
Золотой звенящий мяч.

На побережье ежедневно
Роща хохотом полна.
Белорукая царевна
Платья моет, где напевно
Ропщет синяя волна.

Даст тебе с приветом мирным
Дева сладостную ткань,
Умастив елеем жирным,
Под прикрытием порфирным,
В глубине прохладных бань.

Скажет, ниц склонивши взоры:
Ты омылся и окреп,
Лира ждет тебя и хоры.
Рдеют пурпуром амфоры,
Золотится сладкий хлеб.

Небо к нам не без участия.
Бога нашего дары:

Только солнце, только счастье,
Только песни сладострастья,
Только пляски и пиры.

Миновавши скалы мраков,
Жажду бури утоля,
Всё прошедшее оплавав,
Ты наследуешь Феаков
Благодатные поля.

IV. САФО

Я оплету тебя змея́ми черных кос
И убаюкаю, склонивши на колени.
Мой дом известен всем в веселой Митилене,
Ложницы устланы покрывами из роз.

Главу в грядущее мой памятник вознес.
Ты будешь славима, дитя, в пурпурной хлене,
Пока не отзвучат молитвы вожделений
И будет лирами благоухать Лесбос.

О девочка моя! цветок полуразвитый!
Я перелью в тебя мой нектар ядовитый.
Дай гиацинты уст! ты вся – горящий снег,

И око томное улыбочиво и узко.
Я млею сладостью неуголимых нег,
Пьяна лобзанием и ароматом муска.

V. ГЕРАКЛ НА ЭТЕ

Жестокий лев зубов не изострит,
Спокойна лань среди дубрав Немеи,
Из топких благовоний уже не свищут змеи,
И гидра травы кровью не багрит.

Но золотом в тени ветвей горит
Душистый плод. Прохладные аллеи
Уводят в тайный мрак, где – как лилеи –
Серебряные груди Гесперид.

Сверкает жемчуг, блещут хрисолиты
На поясе пурпурном Ипполиты.
Сколь сладок яд елеса устных роз!

И пламя жжет, и слепнет взор от света.
Назад!... но плащ к моим костям прирос,
И рвется плоть, и вторит воплям Эта.

VI. ASCLEPIADEUS MAIOR

В. О. Нилендеру

Ты – харита весны, ты – гиакинф богом любимых рощ.
Сладко имя твое, нимфа дубрав! Дафны ли дикий лавр
Вешний в кудри вплету нежной тебе? Иль Амафусии
Первый пурпур сорву – влажный венок сладкоуханных роз?

Злачно ложе твое! зелень земли сладостнотравная
Нежит бедер твоих белый наркисс. Рдянец сосцов и уст
Благовонием роз жала зовет гулкозвонящих пчел.
Ах, нужны ли цветы той, кто сама – роз и лилей цветник.

VII. ИДИЛЛИЯ

Тебе шестнадцать лет. Подобно серне дикой
Ты мчалась от меня в полдневный час, когда
Я гнал через холмы, поросшие мирикой,
К родному озеру шумящие стада.

Не бойся, глупая! давно в долинах смежных
Мы стережем стада. Тебе знаком Титир:
Моих веселых коз и телок белоснежных
Ты любишь молоко и ноздреватый сыр.

Лениво спят быки. На горных склонах козы
Рассыпались щипать свой лакомый китис.
Я сплел тебе венок. Смотри: нарциссы, розы
Стеблями с нежными фиалками сплелись.

.....
.....
.....
.....

Испачкавшись землей и золотым навозом,
Руками, крепкими, как белая кора,
Сжимаешь ты сосцы упрямым, диким козам,
И струи молока звенят о дно ведра.

Как я давно люблю и твой румянец смуглый,
И взоры, полные желанья и стыда,
И грудь, которую всё более округлой
И тучной делают бегущие года.

Ах, я бы мог терпеть! Но помнишь, как недавно,
Залегши в заросли, я подсмотрел, как ты
Купалась в жаркий час? Приняв меня за фавна,
Ты громко вскрикнула и скрылась за кусты.

С тех пор преследуют мое воображенье
И груди сочные, как спелые плоды,
И бедра крепкие, и вольные движенья
Могучих белых ног, сверкавших из воды.

Моя желанная! когда ж под тайным сводом
Дубов развесистых нас сопряжет Эрот,
И козьим молоком, укропом, диким медом
Благоухающий я поцелую рот?

VIII. АПОЛЛОН С КИФАРОЙ

Зачем, с душой не утоленной
Весельем Зевсовых пиров,
Я приведен под твой зеленый,
Приветно шелестящий кров?

Припав лицом к коре холодной,
Целую нежные листы,
И вновь горят любви бесплодной
Несовершенные мечты.

Как зелени благоуханье
Мучительно душе моей,
Как сладость твоего дыханья
Струится с лавровых ветвей!

Но ствол не затрепещет гибкий
И не зардеет лист. В тиши
Чуть слышен стон твоей улыбкой
Навек отравленной души.

Былой тоской, любовью старой
Душа больна. Уныл, суров,
Один, с печальной кифарой,
Брожу, тоскуя, среди лесов.

IX. ОТРОК СО СВИРЕЛЬЮ

В моих глазах ни ночи, ни лазури,
Но золотой задумчивый апрель.
Невинный отрок в грубой козьей шкуре,
Я полюбил печальную свирель.

Родной реки веселая наяда
Меня ласкает и вкушать дает
В глухой тени плюща и винограда
Пурпурный грозд и золотистый мед.

Противен мне тяжелый запах крови,
Не сладко мясо и овечий тук.
Дитя, грустя, блуждаю по дуброве,
Забыв колчан и мой звенящий лук.

Мне говорят, что, в жилах кровь волнует,
Любовь приходит, но моя мечта
Всегда тиха. Не ищут поцелуя
Лишь песнями цветущие уста.

О Эрос, милый бог! нет, мне не нужно
Твоих весенних, ароматных уз.
Моей ланите, девственно-жемчужной,
Так радостны лобзанья легких муз.

Им я несу фиалки, розы, смолы
На жертвенник, под многолетний дуб,
И, тронув ствол, узывно полнит доли
Звенящий вздох зарозовевших губ.

Х. ПЕСНЯ ДАФНИСА

«Приди на зов моей цевницы
К пещере нимф, под старый дуб,
Чтоб целовать твои ресницы
И розу ароматных губ.

Ах! фавн, пылающий тобою,
Ее сомнет, а твой пастух –
Свежей, чем плод, и над губою
Чуть золотится первый пух.

Любовь цветет цветком весенним.
Сорвавши первые цветы,
Друг другу завтра же изменим,
Я – с Хлоєю, с Хромидом – ты».

Я шел и пел, покинув стадо,
Чтоб разогнать тоску и лень.
Вдруг вижу: ключ, трава, прохлада
И дремлющих деревьев тень.

Полузакрыта мехом грубым,
С плеча спустивши легкий лен,
Ты спишь, усталая, под дубом
И улыбаешься сквозь сон.

Ты шаг мой слышишь. Вздых нескромный
Слетает с уст. Твои мечты
Я угадал, и голос томный
Чуть слышно шепчет: Дафнис, ты?

И возле нежной, возле милой
Пастух склонился на траву,
И сын Киприды легкокрылый
Напряг с улыбкой тетиву.

XI. С ЛАТИНСКОГО

В шумный праздник Сатурналий
Мы ночную стражу гнали
И ломились у ворот.
Пьяный, спал я у колонны...
Мне казались благосклонны
Вакх, Киприда и Эрот.

Бросив лысого супруга,
Ты в садах искала друга
Возле статуй и цистерн.
Я покрашенные губки
Целовал, а в общем кубке
Пенно искрился фалерн.

Я тебе в роскошной вазе
Приносил сирийских мазей,
Притираний и помад.
Тратил деньги, как патриций.
Всё – мечтал я – всё сторицей
Поцелуи возвратят.

Помнишь, как на той неделе
Мы шумели, мы галдели
Без сознания и без ног.
Ты всю ночь была в тревоге.
Я оставил на пороге
Смятый розовый венок.

Знаю я твой нрав блудливый,
И соперник мой счастливый
Не ушел от зорких глаз.
Я истратил пол-именя,
А Лициний наслажденье
Получил за малый асс.

Чтоб забыть любовь и горе,
Я с весной пускаюсь в море.
Путь опасен и далек.
Нужно денег на галеру!
Пощади же мой не в меру
Отощавший кошелек.

ХП. РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

На зависть прочим паладинам
Тебя воспел шотландский бард,
О, крестоносец с сердцем львиным,
Ахилл Британии, Ричард!

Ты жаждал битв неуголимо,
И в правый освященный бой
К святым стенам Иерусалима
Текла Европа за тобой.

Смешеньем войск разноплеменным
Владея манием руки,
Ты криком боговдохновенным
Воспламенял свои полки.

Что за гроза в тебе играла!
Как бык, наставивший рога,
Спустив железное забрало,
Ты взором смеривал врага.

Люблю твой образ непреклонный,
Твой бранный пыл и гордый гнев,
Венчанный английской короной,
Пустыни Иудейской лев.

ХШ. ИОАННА ДАРК

Дорогой памяти Н. М. Дементьевой

Ты, ждавшая святого часа,
Цвела, незримая людьми,
На тихих берегах Мааса,
В твоём укромном Домреми.

Предчувствий никому не выдав,
Молясь, ты жаждала меча,
Под вещим деревом друидов,
У струй целебного ключа.

В весенний праздник, ночью грозной,
Пастушке, бедной и простой,
Предстал архангел меченосный
Неотразимую мечтой.

Сбылось Мерлина предсказанье:
Спасительницу Бог воззвал,
И перси, чуждые лобзанья,
Холодный панцирь оковал.

И девушка с душою львиной,
Луары огласив брега,
Перед французскою дружиной,
Как вихрь, помчалась на врага.

И латы светлые, как пламя,
Горят на персях молодых,
И на воздетой орифламме –
Сиянье лилий золотых.

Девичий взор и меч разящий
Зовут солдат на красный пир.

За нею – Дюнуа кипящий
И рассудительный Ла Гир.

Бегут рыдать о прежней славе
Толпы несчастных англичан...
Граф Дюнуа! ты видишь въяве
Освобожденный Орлеан!

И в Реймсе Карл миропомазан,
Лилея Франции цветет.
Но где же ты, кому обязан
Спасеньем, славою народ?

Случилось второе чудо
Неблагодарности, и вновь
Подкуплен сатаной Иуда
– Предать и погубить любовь.

Тебя с Искаротом купно
Клеймит проклятие племен,
Над мученицею преступно
Торжествовавший Пьер Кошон!

Но истина неумолимо
Столетий пронизала дым:
Апостольскою властью Рима
Ты сопричислена святым.

Явись же мне в часы молитвы,
– О первая моя любовь! –
Как беспощадный ангел битвы,
Вся – ярость, золото и кровь.

Твое мне имя несказанно,
Как в те далекие года,
Святая дева Иоанна,
Прекрасной Франции звезда!

XIV. ИОАНН ГРОЗНЫЙ

А. К. Виноградову

Наследник скиптра Византии,
– Монах, прелюбодей, тиран –
Всю летопись родной России
Ты окровавил, Иоанн.

Стремясь от пыток к славословью,
Ты диким призраком возник,
Насыщен ядовитой кровью
И сладостью церковных книг.

Ты клирные любил напевы,
Сиянье свеч и дым кадил...
Но юноша с улыбкой девы
Тебя соблазном упоил.

Ты – наших дней предтеча вещей,
О сластолюбец и чернец!
Сверкает молнией зловещей
Твой кесарский золотой венец.

Ты все переступал границы,
Уверовавши в скипетр свой.
И жутко у твоей гробницы,
Сыноубийца роковой.

Ты образом своим звериным
Московский осквернил престол.
Но белым благовонным крином
Феодор от тебя расцвел.

Ты был – как звон великопостный,
Как ладана лазурный дым,

И лик твой, инок венценосный,
Увенчан кругом золотым.

Но был другой... И преступленье
Его сразило. Отрок сей,
Как некий агнец искупленья,
Молитве предстоит моей.

Среди таинственного мрака,
В лучах лампад, в огне свечей,
Сияет золотая рака
Его младенческих мощей.

И сквозь металлы гробовые
Я вижу обогранный плат,
Глубокой язвой рдеет вяя,
И легкий льется аромат.

Димитрий! Здесь твоей России
Горят страдальные сердца,
Невинное дитя Марии,
Закланное за грех отца.

XV. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Весь день из рук не выпускав пилы,
Вдали соблазнов суетного мира,
Простой чернец, без церкви и без клира,
Молюсь в лесу, среди туманной мглы.

Заря зажгла сосновые стволы,
Запахло земляникой; стало сыро...
Звучи, звучи, вечерняя стихира,
Под тихое жужжание пчелы.

Ветха фелонь, чуть тлеет ладан скудный.
Вдали сияют ризой изумрудной
Луга в благоухающих цветах,

Мой храм наполнен медом и смолою.
Пречистая! склонившись к аналою,
К тебе взывает юноша-монах.

ШЕСТЬ ГОРОДОВ

*Димитрию Сергеевичу Мережковскому
благоговейно посвящается*

О, край родной! такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Тютчев

Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!

Некрасов

І. КИЕВ

Муза, мчись к степным привольным странам,
Где шумит в черешневой тени
Синий Днепр; в холмы, где Первозванным
Крест Христов воздвигнут искони.

Не сюда ль Царьградские владыки
Слали драгоценные дары?
В теремах не умолкали клики,
Шумные и хмельные пиры.

Витязи, доспехи боевые
Снявши с плеч и позабыв труды,
Поднимали кубки круговые,
Сладкой пеной пенились меды.

Но уже каноны и стихиры
Раздавались в храме. От кадил

Дым бежал. И немощный, и сирий
Во дворце защиту находил.

Что же вдоль шумящих улиц
Вихрем кони пронеслись,
И жужжаньем медных сулиц
Огласились даль и высь?

Мчатся в битву паладины,
Полон стрел тугой колчан.
Не спасется ни единый
Из кичливых половчан.

Конь играет. Князю любо
Слушать копий зычный звон,
Отдыхать под тенью дуба
И шеломом черпать Дон.

Дикой степи ветер свежий
Бьет в лицо. Окончен бой.
Сладок в полумраке вежи
Сон под шкурою медвежей,
Медный шлем под головой.

Русский князь не знает страха,
Лишь пред Богом он не горд.
Даже имя Мономаха –
Ужас половецких орд.

Витязь битвы жаждет рьяно,
Верный Богу и копью,
И прославит песнь Баяна
Павших в праведном бою.

Лучше смерть, чем плен и цепи...
До зари бродя без сна,

Кличет ладу дева степи,
Черноока и стройна.

Но с востока грянул смерч Батыев,
И, облекшись в пепел, дым и смрад
Ты померк, первопрестольный Киев,
Ярослава златоверхий град.

II. НОВГОРОД

Ветер легкий, тиховейный,
Парус зыбля без труда,
Гонит к пристани лодейной
Иноземные суда.

Сколько шлюпок даль примчала!
Первый луч едва блеснул,
Как уж слышен скрип причала
И заморской речи гул.

Моряков синеют блузы,
Возрастают плеск и шум,
С громом выгружены грузы,
Дружно опорожнен трюм.

Запад гордый, запад вольный,
Веселы твои гребцы,
Здесь – и Любек, и Стекольный,
И Ганзейские купцы.

Блещут волны голубые,
И гостям заморским нов,
Новгородская София,
Звон твоих колоколов.

Разрывая все оковы,
Гордо главы возноси,
Самовластный и торговый
Город Западной Руси.

Ты не знаешь, как далече
В сумрак будущих веков
Твоего лихого веча
Властный достигает зов.

С правдою Востока споря,
Ты науки поднял стяг,
Предприимчивый, как море,
Гордый, западный моряк!

Новгород богат. На деле
С ним бороться не легко...
И над Ильменем запели
Гусли нежные Садко.

III. МОСКВА

Не замолкнут о тебе витии,
Лиры о тебе не замолчат,
Озлащенный солнцем Византии,
Третий Рим, обетованный град.

Не в тебе ль начало царской славы,
Благочестьем осиявший мир,
Семихолмный и золотоголавый,
Полный благовеста и стихир.

Нега флорентийского искусства
Праведным велением царей
Здесь цвела. Молитвы Златоуста
Возносились к небу с алтарей.

В греческих законах Иоанны,
Изощрясь, творили хитрый суд,
Здесь Феодор, крин благоуханный,
Был молитвы избранный сосуд.

В фимиаме расцветали фрески
По стенам. В кадилах золотых
Ладан голубел. Сияли в блеске
Раки чудотворные святых.

Жены, девы, чистые, как крины,
Веры возвращали семена,
И Анастасии, и Ирины
Памятны честные имена.

Звон к вечерне. Вечер. Поздно.
Розовеют гребни льда,
И горит зарей морозной
Обагрённая слюда.

«То-то князю буду рада,
То-то крепко обойму!»
Красная зажглась лампада
В потемневшем терему.

Вечер скучен, вечер долог.
Перстенок надевши злат,
Слушая знакомый прблог,
Алый вышивает плат.

Должен к празднику Успенья
Он поспеть. На плате том
Самоцветные каменя
Блещут в поле золотом.

Труд благочестив и мирен.
Посреди алмазных звезд
Вышит лучезарный сирин,
Алой земляники грозд.

И до ночи ежедневно,
Лишь зардеют купола,
Шьет Московская царевна,
Круглолица и бела.

Вскинет очи, и, блистая,
Засинеют небеса.
Блещет золотом крутая
Умощенная коса.

Вырастил отец родимый
Всем на загляденье дочь:
Под жемчужной диадимой
Брови черные, как ночь.

Зреет ягодка-царевна
Для молитв и сладких нег.

Чу! метель завывла гневно,
За окном синееет снег.

Но повеял с Финского залива
Дикий ветер. Царьградова сестра
Выронила скипетр боязливо,
Услыхав железный шаг Петра.

IV. ПЕТЕРБУРГ

И волею неземнородной
Царя, закованного в сталь,
В пустыне, скудной и холодной,
Воздвигнут северный Версаль.

Где вечно плакали туманы
Над далью моха и воды,
Забилы светлые фонтаны,
Возникли легкие сады.

Где плавали за рыбной данью
Два-три убогие челна,
Закована глухою гранью
Невы державная волна.

Над зыбями свинцовой влаги,
На вечно веющем ветру,
Российский флот развеял флаги,
Гремя приветствие Петру.

И, мудростью подобен змию,
Веселый царь, как утро юн,
Новорожденную Россию
Забил в железо и чугуны.

От Бельга до Сибири дальней,
До поздней полночи с утра,
Гудят и стонут наковальни
Под тяжким молотом Петра.

И за победою победа
Венчает наши знамена:
Наказана кичливость Шведа
И гордость русских спасена.

И дочерей на ассамблеи
Везут отцы, как на позор,
Везде – амурные затеи,
Пожатье рук и томный взор.

Дерзят, но в выраженьях лестных,
Цитируя латинский стих,
Под статуями нимф, прелестных
И соблазнительно нагих.

Психеи, Венусы и Фрины
Скользят аллеями. «У вас
Ланиты – розы, перси – крины,
Купидо целится из глаз».

– «К чему сей комплемент нескромный?
Он оскорбителен весьма».

– «Алина, ах! улыбкой томной
Ты тайну выдала сама».

А во дворце – банкет веселый,
С вином шипучим, золотым.
Снуют зеленые камзолы,
И стелется табачный дым.

И над кипящей, мутной бездной
– Мечтами в будущих судьбах –
Проходит исполин железный
С голландской трубкою в зубах.

V. ГОРОД СОВРЕМЕННЫЙ

Над руинами храмов, над пеплом дворцов, академий,
Как летучая мышь, отенившая крыльями мир,
Ты растешь, торжествуя, глумясь над преданьями всеми,
Город-вампир!

Полный сладких плодов, цветодевственный рог изобилья
Скрыла Гея-Земля. Небо пусто давно, а под ним –
Только визги машин, грохотание автомобиля,
Только сумрак и дым.

Опаляя деревья и вызов бросая лазури,
Просит крови и жертв огнедышащий зверь-паровоз.
Целый мир обезумел, и рухнуть великой культуре
В довременный хаос.

Пролагая дорогу грядущему князю Хаоса,
Неустанны властители знаний, искусств и труда.
Содрагаются стержни, стремительно кружат колеса,
Всё летит. Но куда?

Что за странных сияний, доселе неслыханных звуков,
Диких образов полон себе предоставленный мир?
Где же песни, молитвы? Ты создан из визгов и стуков,
Город-вампир!

Горе, горе живым! горе юности, силе, здоровью!
Раскаленная челюсть, дыхание огненных губ
Прикоснулось к народу: трепещущей плотью и кровью
Упивается труп.

Небеса безответны, и людям состраждет природа,
И детей, как бывало, земные сосцы не поят.
Кто-то хитрый и тайный пускает по жилам народа
Разлагающий яд.

Город, город проклятый! во скольких, во скольких вагонах
Ежедневно везут безответно покорных судьбе
И быков, и свиней, и младенцев, и дев, обреченных
На закланье тебе.

Сколько жизней прекрасных стихия твоя растоптала:
Сколько лиц отцвело, сколько сильных угасло умов,
Затерявшись среди банков, контор – алтарей капитала –
И публичных домов.

Расцветет ли любовь, где под грохот железных орудий
Изнуренные девушки в темный влачатся вертеп
Отдавать упыриным лобзаньям бесплодные груди
За каморку и хлеб!

Где и ночи, и дни, побледневший и весь исхудалый,
Надрывается мальчик среди вечно гудящих машин
И, родных вспоминая, на зорьке, холодной и алой,
Тихо плачет один.

Город, город проклятый, где место для каждого дома
Чистой кровью народа и потом его залито!
Вавилон наших дней, преступленья Гоморры, Содома
Пред твоими – ничто.

Торжествуй, торжествуй надо всем, что великого было,
И справляй свой кощунственный братоубийственный пир!
Час грядет: ты услышишь дыхание Иммануила,
Город-вампир.

VI. СИОН ГРЯДУЩИЙ

Братья! Сестры! Облекайтесь в ризы светлые, венцы венчальные
И во сретенье Христа теките по стезям зазеленевших трав.
Братья! Сестры! Слышите ли сладостное пение Пасхальное
По лугам и пажитям, по холмам диким и удолиям дубрав?

Со свещьми возженными в руках, лампадами златоелейными,
Звонкими кадилами грядут и мужи сильные, и старики.
Лапти юношей белеют райскими нетленными лилеями,
Словно жертвы кровь на девушках повязанные алые платки.

Птичьи гласы, щекот славий, кукования зегзицы тихие
– Над ключами светлыми, в тени берез зеленых и плакучих верб.
Здравствуй, церковь верная, бежавшая от царствия Антихриста:
Излилася чаша гнева Божьего и жатву сжал Господний серп.

Руки крепкие, расставшиеся с косами, плугами, сохами,
Подымайте крест, крестьяне русские, возлюбленнейшие Христа.
Вся земля исполнена молитвами, рыданиями и вздохами,
Расцвели стихирами, псалмами девичьи румяные уста.

Стали храмами дубравы озаренные, а рощи – кельями,
От купальниц золотых восходит ладан и гудит зеленый звон.
В укрепленье верным въяве зрится над березами и елями,
В пенье ангельском, на красных тучах, просиявший солнцем
град Сион.

Брат с сестрою, – равный с равной, –
Матери, отцы, сыны,
Перед церковь дубравной
Все мы кровью крещены.

Мы под тем же самым небом,
И, как в первый век земной,
Нивы золотятся хлебом,
И луга шумят травой.

Мать земля! Твои мы чада.
Ты ли нас не защитишь?
Горнего взыскуя града,
Мы в твою бежали тишь.

Геи, жатвами богатой,
Лоно влажно и черно.
Сколько лет в него ораятай
Золотое клал зерно!

Не легка его работа!
Православная земля,
Сколько слез и сколько пота
Выпили твои поля!

Вся Россия – хлеб и небо.
Сотни верст – одно и то ж:
Золотые волны хлеба,
Ветром зыблемая рожь.

Вся Россия – только горе:
Стонет богатырь-силач,
И в веках гудит как море
Детский вопль и женский плач.

Вся Россия – лишь страданье,
Ветра стон в ветвях берез.
Но из крови и рыданья
Вырастает ожиданье
Царства Твоего, Христос.

Братья! Сестры! видите антихристово злое поругание?
Горе зрячим! Небо затмевается и ожелезились пути.
Вот оно, предсказанное предками бесконное рыскание!
Все источники отравлены. Везде его печать. Куда идти?

Братья, сестры! вскормленные древнею премудростию книжною,
Собирайтесь отовсюду, в песнях и молитвах возносите глас.
Что за ветер зашумел над русскою землей? О, кто там движется?
Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй нас!

1908. Октябрь
Дедово

БАЛЛАДА О ГРАФЕ РАВЕНСВУДЕ

В дни глухие зимы, когда едешь с трудом,
И метели в полях визжат и ревут,
В фамильное графство, в свой дедовский дом
Возвращается граф Равенсвуд.

Он уже на границе отцовских земель
Узнает, что знакомо с младенческих дней:
Над колодцем высокая древняя ель
И снегами засыпанный Тэй.

Украшает зима вековые дубы,
Серебристой порфирой убрав;
Сладок воздух родной! Возвестил гул трубы,
Что домой возвращается граф.

Но не шумная встреча пришельца ждала:
Ни родных, ни друзей в опустелых стенах,
Только старая няня его обняла,
Со слезами на слабых глазах.

Он повесил от крови заржавленный меч,
Прошел амфиладу померкнувших зал:
В столовой камин просыревший разжечь
И ужин накрыть приказал.

Мерцаньем свечей озаряется мрак,
Граф садится за ужин с любимцем пажом,
А вьюга по окнам стучит, словно враг,
Незримый, грозит мятежом.

Но пускай за стенами метели ревут!
Драгоценного кубок вина осуша,
Веселее на слуг поглядел Равенсвуд,
И в глазах заиграла душа.

И старую няню граф подозвал,
И подал ей кубок, сказавши: «Мой дед
Отца попеченьям твоим отдавал,
Покидая свой дом для кровавых побед».

И няня: «Скажи, господин мой, зачем
Ты нас посещаешь глухою зимой?
Надолго ли снял ты изрубленный шлем,
Надолго ли ты возвратился домой?»

И нахмурился граф. «Я не знаю и сам,
Зачем я приехал, уеду когда:
Довольно на зависть злым небесам
Равенсвудова счастья сияла звезда!

Мне осталось немного до первых седин:
Рано вышел я в поле и рано устал.
Всё – враги, да враги, всё – один, да один...
Истребляя врагов, я друзей не достал.

Все боятся меня, ненавистен я всем:
В каждой трапезе – яд, в каждой ласке – кинжал.
Стал печален мой конь, и заржавел мой шлем,
От которого враг, как от солнца, бежал.

Я обид короля гордым сердцем не снес,
Только детям рабов – трепетать при дворе!
Я им правду сказал и, слабеющий пес,
Приползаю издохнуть в родимой норе».

И няня: «Забудь про обиды двора,
Иное и высшее счастье есть:
Мятежному сердцу смириться пора,
Для радостей мирных, для неги расцвечь».

Лишь звери живут неустанной борьбой.
Довольно ты рыскал в поту и крови...

Здесь девушек много: женись на любой,
Покорствуя сладкому игу любви.

И юную нам подари госпожу,
И графа – наследника отчих земель...
Какими заботами я окружу,
Дитя Равенсвуда, твою колыбель!»

Граф по столу стукнул. «Старуха – молчи!
Сумею прожить без советов твоих.
Иному сияние брачной свечи:
Плохой я, старуха, жених.

Уж в матернем чреве прокля́т Равенсвуд,
Струится по жилам проклятая кровь!
Что люди везде преступленьем зовут,
Зовут Равенсвуды – любовь.

Солгал я, старуха! Не гнев короля
Погнал меня вдаль, хоть ярилась зима.
Любовью моей осквернится земля:
Она – как пожар и чума».

И няня на графа глядит своего,
Замолкла. А он, грозной тучи черней:
«О старой графине не слышно ль чего,
О матери бедной моей?»

– «Ничего не слышать о моей госпоже.
Я сумела старушкой тоску перемочь...
Шесть долгих годов миновали уже,
Как она убежала в ненастную ночь».

Граф слуг удалил, и, наполнивши вновь
Свой кубок с гербом золотого орла
Вином, как засохшая, темная кровь,
Присел у камина, где рдела зола.

И лесничего он для беседы призвал,
И кубок со старой искусной резьбой
Вином ароматным ему наливал,
Посадив у огня пред собой.

«Побеседуем, старый и верный слуга,
У камина за чашей, вдвоем.
Не видать ли в округе какого врага,
Всё ль покойно в поместье моем?»

– «Всё цветет в твоём графстве на зависть судьбы:
По селам богатеет народ,
Невредимы твои вековые дубы,
За оградами рвов и болот.

Ни одну заповедную древнюю ель
По дубравам не тронул враждебный топор,
И далёко, на рынках, известна форель
Из твоих полноводных озёр.

В воскресенье красотки твоих деревень
Разнаряжены в бархат и шелк.
Благоденствуют все... Только третий уж день
Появился в окрестностях волк.

Ни одной он овцы не похитил из стад,
Он – детей запоздалых гроза.
Говорят, что у волка того... говорят...
У него человечьи глаза.

Толпа удальцов, не боясь угроз,
Его убить собралась,
Но все разбежались: никто не снес
Огня сумасшедших глаз.

Говорят, что он рыскал прошедшую ночь
Недалёко от наших мест;

Я с винтовкой стерег, а жена и дочь,
Просыпаясь, творили крест».

И лесничий умолк. Граф сказал: «Этот волк
Не опасен для стад и сёл!
Ни к кому, ни к кому, лишь ко мне одному,
Лишь за мною одним он пришел.

Ты, лесничий, винтовку свою разряди
И народ извести, протрубивши в трубу:
Кто волка убьет, повисит посреди
Равенсвудовых роц на высоком дубу!»

И едва произнес, как, в двери вбежав,
В непонятном испуге лепечет паж:
«У ворот старушка какая-то, граф,
Стучится и в замок просится ваш.

В лохмотьях она, оперлась на клюку,
В другой руке – дырявый мешок,
И голос грубый, под стать старику,
На подбородке – серый пушок.

Давно стучится, давно клюкой
В ворота замка упорно бьет,
То вдруг заплачет с ужасной тоской:
И воет, и лает, и вас зовет».

И вскочил Равенсвуд, словно шершень его
Внезапно ужалил в пятую:
«Старуху от замка прогнать моего,
Всю ночь сторожить на мосту!

У всех бастионов держать часовых!
Поддерживать яркое пламя костра,
Чтоб видеть я мог из покоев моих
Сигнальный огонь до утра.

Нам грозного надо врага побороть,
Господина не выдайте, слуги, врагу:
Спасенье в крови, но – свидетель Господь! –
Я мать убить не могу».

Граф спал до рассвета немного минут,
И няня шепталась с лесничим вдвоем.
Так первую ночь проводил Равенсвуд
В наследственном замке своем.

1908. Январь
Москва

ОЧАРОВАННЫЙ РЫЦАРЬ

И отучить меня не мог обман.
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней.

Лермонтов

І. ТРИ ВИДЕНИЯ

Смеялся май, синел, сверкал залив.
На берегу, в тени плакучих ив,
Увидел я беспечное дитя,
Играющее в мяч. Над ним, грустя,
Склонялась Муза, и ее рука
Держала лиру, лавр и терн венка.

И новый сон передо мной возник:
Клонился ветром плачущий тростник,
Летали в роще желтые листья...
И Муза мне сказала: «Видишь ты:
Старушка с отроком вокруг пруда
Идут, идут... не спрашивай, куда!»

Леса одеты в пурпур и огонь,
Заходит солнце. У колодца конь
Остановился с легким звоном шпор,
И девушка склонила томный взор,
На водоем поставивши ведро...
Вдали сверкнуло белое перо.

И Муза мне шепнула: «О дитя!
Богиня юности придет шутя,
Шутя уйдет. Ты всадника узнал?
Вином кипящий золотой фиал
Ты рано осушил. Придут ли вновь
И лира, и страданье, и любовь?»

II. ПОЕДИНОК

Куда, куда? Восстала метель,
И небо шумит без луны и без звезд.
Безумный! безумный! о, неужель
Не знаешь ты, кто жилец этих мест?

– Душа пуста. Ветер дует в уста,
Из-под ног взметнулся звенящий смех.
В металлическом шорохе злого куста
Я слышу шепот про древний грех.

– О, кто ты, безумный? в полночный час
Никто не ходит этой тропой.
Не видишь, как блеском незрячих глаз
Тебе грозитя старик слепой?

Старик, отдай мне румяную дочь!
По невесте-душе я взалкал, взалкал.
За ней я вышел в проклятую ночь,
И в вихрь упал, в пустоту зеркал.

– Назад! назад! Навеки заклят
На распутье стоящий, звенящий куст,
Слепой старик, стерегущий клад,
Ничего не щадит, и взор его пуст.

– Я иду с тобой на последний бой.
Ты узнал звон меча и сверканье лат?
В кровавый бой с моей судьбой
Я вышел, и нет мне пути назад.

Тебе не свергнуть старинный трон,
Невесте нежной с тобой не цвествь.
Ты слышишь, как встала со всех сторон
Визгом и воем древняя месть?

Окончен путь, разбита грудь,
И кровь сочится на снежный прах.
Ты меня доконал! О, проклят будь,
Враг мой с рожденья, черный монах!

III. ПРИЗНАНИЕ

Ты поняла, что я в твоих руках,
Что весь я – твой, что надо мной всевластен
Твой взор магический, и я в плену.

.....
О злые сны колдующих ночей,
Когда больная красная луна
Встает над далью нив, лиловый дым
Клубится в небе, душный черный сад
Исполнен шелестов и голосов,
И властно манит голубой туман,
Ползущий над болотом проклятым...
О, голос твой, звенящий, как свирель,
Свирель весенняя, и, как кинжал,
Являющий сердце... Старая колдунья
Тебя в свое искусство посвятила,
Раскрывши тайны трав, волшебных зелий,
Сбираемых в Ивановскую ночь.
Меня ты отравила. Потому
В прозрачный день, когда синееет даль,
Терзает душу странная тоска,
Как будто чей-то нежный, нежный зов
Знакомым ужасом сжимает сердце.
И весело сознать, что я погиб,
Что я – игра проклятых Богом сил,
Захвачен вихрем их, и снится мне
Твой домик на горе, с вишневым садом,
Над синеею студеною рекой,
И комнаты мещанское убранство:
На низеньком окне горшки герани,
Под стеклами потусклыми портреты,
Осколок зеркала, в который ты
Гляделась, косу заплетая, стол
С шипящим самоваром, на тарелке –
Разрезанные яблоки... и день,

Когда мой конь, недоброе почуя,
Испуганно вздыбился у ворот.

.....

Веселая, румяная колдунья!
Глухие ревы мартовских метелей
Венчали нас магическим венцом,
И тот венец нерасторжим, и сердце
Мое томит жестоким сладострастьем.

.....

Меня отвергло общество людей,
И месть во мне заискрилась, и злоба,
Как золотой, сверкающий кинжал,
Меня хлестнула по сердцу, и вдаль
Понес меня звенящий ураган,
Чтобы разбить о камни... Целый мир
Открылся предо мной; как хищный зверь,
Он лег у ног моих, лизал мне руки,
Глядел в глаза с покорностью раба.
И этот миг божествен был: как бог,
Испил я нектар неба... только миг...
Тот миг сверкнул как Вечность, опьянил
Безумным, диким хмелем дерзновенья...
Но небо мстит разоблаченье тайн.

.....

Я отдохну, где белые березы
Склоняются к разрушенным крестам
И небо сладостно синее, там,
На кладбище родном, вблизи от всех,
Кого любил...

IV. ЗАМОК ДВУХ ПРИНЦЕСС

Уж поздно, всадник молодой!
Свежеет. Красно-золотой
Померк над елями закат.
Лишь нежным пурпуром горят
Края вечерних облаков,
И глух размерный шум подков
По вешней зелени лугов.
Густой туман в долинах лег,
Приют желанный недалек.

Когда проедешь темный лес,
Увидишь замок двух принцесс.

В нем кто-то гостя тайно ждет.
Туман синее из болот,
Стоит колдунья у ворот.

Пройдешь ряды померкших зал,
Где из тускнеющих зеркал
Печальный и туманный лик
Тебе покажет твой двойник,
Тебе кивнет, как старый враг,
И упадет в бездонный мрак.
В окне печален лик луны;
Среди могильной тишины
Летают призраки и сны,
Воспоминания о том,
Чем прежде жил умерший дом;
О страшных тайнах говорят
И этих зал пустынных ряд,
И своды, где прозрачный круг
Прядет без устали паук.

О рыцарь! ты навек исчез
В волшебном замке двух принцесс.

Одна в молитвах и постах,
Тиха, бледна, и на устах –
Лобзанья ангельского след.
На ней одежд роскошных нет,
Простою черной сеткой сжат
Поток волос, а темный взгляд,
В ресниц задумчивой тени,
Таит зеленые огни.

Другая – розовый апрель,
Уста – звенящая свирель,
И вся – воздушна и гибка,
Как стебель легкого цветка.

Одна в молитвенной тиши
Внимает девственной души
Благоухающий расцвет.
Ее ночей бессонный бред –
Цветов надгробных аромат
И страстью выжженный стигмат.
Ей страшны дневные лучи;
Всё ждет, когда ее в ночи,
В венце из терниев и роз
Сожжет сиянием Христос.

Другая любит легкий снег,
Лихих коней веселый бег,
В сиянье ласковой луны,
Среди морозной тишины,
Средь синевы и серебра,
Она дерзка, она добра,
То вся – печаль, то – блеск и смех.

Одна, познав, что значит грех,
Забыла радости и мир.
Напев молитв и райских лир

Заворожил раскрытый слух.
Но уголь страсти не потух:
Он тлеет там, на дне души,
И разгорается в тиши,
И злобой помыслы томит.
Так жало острое таит
Цветами сытая пчела.
Какими молниями зла,
Когда в душе вскипит гроза,
Пылают тихие глаза.
Но эти молнии умрут,
Лучится звездный изумруд
Ее очей, бездонно пуст,
И только едок пурпур уст.

Другая зла не затаит,
Сейчас вспылит, сейчас простит,
Зарозовеет светлый смех.
Надет на плечи мягкий мех,
Оленья шапка на ушах,
И еле слышен легкий шаг
Принцессы звезд и снежных игр,
Скользящей вкрадчиво, как тигр.

О рыцарь! прошлое забудь!
Навеки твой окончен путь:
Ты вечно волею небес
Прикован к взорам двух принцесс.

V. ВСТРЕЧА

Царевной северных стран
Я примчалась на крыльях вьюг.
– Я вышел в ночной буран,
Услыхав зазвеневший лук.

Ты узнал мою шапку – олений мех,
Мой дикий, мой нежный, мой рысий взор?
– Слышу вьюгу в полях, голоса и смех,
Младенцев визг, завыванье свор.

Мы одни с тобой, мы одни с тобой,
Пусты города, лишь трещат костры.
– Меня ласкает мороз голубой
У легких ног царевны-сестры.

Мой бедный друг, ты давно отвык
От вьюжных песен, от звездных игр.
– Дай мне посмотреть в твой жемчужный лик,
О мой младенец, мой нежный тигр.

Кружатся сферы и мне пора.
О друг несчастный, прощай, прощай!
– Ужели ты бросишь меня, сестра,
В полночный скрежет, в звериный лай?

Мой хрустальный взор не забудь
И розовых губ свирель.
– Пронизана ветром грудь,
Прости, отхожу в метель.

Увы! Увы! Небеса мертвы!
А чья в низине краснеет кровь?
– Молись за меня в алтаре синевы:
Одно мне осталось – твоя любовь.

VI. МАТЬ И ДОЧЬ

Скажи, зачем так поздно, дочь,
Ты возвратилась в эту ночь.
Возьми шитье. К окошку сядь.
– Мои глаза слезятся, мать!
Иголка падает, хоть плачь.
Засохли губы, лоб горяч.
Тоска! Тоска! О, как река
Опять синя и глубока!
Я целый день в жару, в бреду...
– Я нынче, дочка, гостя жду,
Помою пол, обед сварю,
В углу икону озарю.
– Мне говорили, что на днях
Видали всадника в лугах,
С пером на шлеме золотом,
Он, говорят, искал наш дом.
– Шипит котел, пылает печь.
Ни добрый конь, ни верный меч
Не могут пленнику помочь.
Ты им, как псом, владеешь, дочь!
– Ах! правду мне сказали, мать,
Что хочешь ты меня продать.
Зачем? Зачем? Куда? Куда?
Я влюблена! Я молода!
– Мечты безумные забудь!
Печальный рыцарь держит путь,
Затмивши солнце блеском лат,
Через болота, на закат.
Напрасно бьется и храпит
Пугливый конь. Ездок спешит,
Пока синя дневная твердь,
Найти ночлег, тебя и смерть!
– Чу, мост гремит! Чу, звон копыт!
Несется ржанье, блещет шлем...

Весна летит! Весна звенит!
О мать! О мать! Зачем, зачем?

VII. MAGNIFICAT

О ты – пурпурно-гроздная лоза
Эдема! Над тобой склонились ветки
Сионских пальм. Опущены глаза,
И волосы – в воздушной, легкой сетке.

Вокруг тебя бесплотных духов хор,
Святых стихир благоухают строфы...
Но грустен темноизумрудный взор,
Как бы прозрев страдания Голгофы.

Премудрости и муки бремена
Тебя гнетут. Внимая прославлению
Архангелов, ты чертишь письмена
На белом свитке златом и черленью.

Вдали горят пурпурные ладьи
Вечерних туч. Молчание святое.
Ты улыбнулась, чистая. Твои
Персты перо сжимают золотое.

VIII. В ПОДВОДНОМ ГРОТЕ

Из вьюги вослед за тобой
Меня метнул василиск
В электрический блеск голубой,
В грохот, скрежет и визг.

О жемчужина сердца! Что с нами? О, где мы? О, где мы?
Надъ тобою склонился несытый, алкающий труп...
Где серебряный сад? Затворились, угасли эдемы,
Где снежинки играли с улыбками розовых губ.

Лик печальный! Лик усталый!
Ты устала, ты больна.
Лес воздвигся бледно-алый,
Нас запутала в кораллы,
Поглотила глубина.

Та же нежность! Та же прелесть!
Тот же взор язвит и нежит...
Чу! растет подводный гул,
Визги дьяволов и скрежет;
В дымной мгле грозитя челюсть
Проплывающих акул.

Ярый кабан, с многогорбым хребтом и в короне
Зубы ошерил, и раки разъяли клешню...
Сколько их! Сколько! Храпят и вздыбаются кони,
Что-то стремит нас всё ближе и ближе к огню.

В воплях желаний, в неистовой жажде сплетений,
Прыгают гномы, с уродом кружится урод.
Бледные тени и корни подводных растений
Лик твой целуют, проникнув в коралловый грот.

Ярой угрозой
Ад загорается.
Хаос гремит и стучит, и визжит вдалеке.
Но мне улыбается
Резво и тихо
Девочка – нимфа
С длинной розой
В узкой и тонкой руке.

Лик твой снежный, безмятежный озарил морское дно.
Падай в сердце розе нежной, падай, горькое вино!
Ад я вызвал наудачу, кубок выпил и разбил,
И у ног любимых плачу под визжанье адских пил.

IX. В ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Премудрости небесной ученик,
Когда в церквах идет богослуженье,
Под благовест, над грудой древних книг,
Твоих шагов я чую приближенье.

В старинной книге возле этих строк
Твои персты прохладные скользили,
Где возвестил Премудрости пророк
О таинстве Саронских роз и лилий.

Благословляя строгие труды,
Ты – мыслей хлеб, познанием голодных,
И одиночеств сладкие плоды
Мы вместе рвем с дерев золотоплодных.

Разлуки нет. И снова, как тогда,
Твои уста насмешливы и едки,
Очей горит зеленая звезда,
И волосы упали из-под сетки.

Или опять являешься мечтам,
Как некогда явилась им впервые,
Под небом Франции, меж сосен, там,
Где расцвели нарциссы гробовые.

В вечерний час глубоко верю я,
Что мы пойдем когда-нибудь друг друга,
Монахиня лукавая моя,
Мой демон злой и райская подруга.

В вечерний час свободней льется стих,
В вечерний час молитва безотчетней,
И мнится мне, что я у ног твоих
На миг уснул под благовест субботний.

Х. ПУТЬ ЦАРЕВНЫ

В царстве северных сияний, в царстве холода и льда
Ты в снегах, как в океане, затерялась навсегда.
Ни приветливых селений, ни веселых деревень,
Ты сжимаешь рог олений, быстро мчит тебя олень.
На лице твоём жемчужном – и улыбка, и печаль.
Заметает вихрем выюжным взоров млеющий хрусталь.
В мех завернутая козий, задремала под метель,
Розовеет на морозе уст улыбчивых свирель.
Вдалеке, затмивши мощно лучезарность звонких звезд,
И вседневно, и всенощно пламенеет Красный Крест.
Знают шумно и напевно в полночь вставшие снега,
Как свершает путь царевна, взяв оленя за рога.
Вьюга в небе раздается голосами медных труб,
Ветер вьется, и смеется легкий снег у нежных губ.

XI

Как робко вглядываюсь я
В твои глаза через цветы.
О шляпа легкая твоя
И еле слышные персты!

Над городом ночная муть.
Полуостывший тротуар –
В пыли. Мгновение уснуть
Спешит пустеющий бульвар.

Ах! неужели мы вдвоем,
И нежность после злого дня
Во взоре светится твоим,
И ты не мучаешь меня?

Утихла ревность, смолкла боль...
Надолго ли прошла гроза?
Не уходи! позволь, позволь
Молчать, смотря в твои глаза!

Ведь завтра же растопчешь ты,
Вступив в дневное бытие,
И эти бедные цветы,
И сердце бедное мое.

ХII. ОТРЫВОК

Как черного колодца дно –
Пустынный двор. Одно окно
Мерцает в бледной вышине,
И кто-то, промелькнув в окне,
Кивает. Гулкие шаги
Звучат в тиши. Везде – враги.
Шагая мерно под стеной,
Не дремлет зоркий часовой,
Не дремлет стая чутких псов,
Чугунный недвижим засов.
У входа в башню строгий мрак
И лязг скрещающихся шпаг.
Внезапный, резкий крик: «пароль!»
Под сердцем вспыхнувшая боль,
Невнятный стон, предсмертный хрип...
И неизвестно, кто погиб,
И кровью отчего залит
Под лестницу камень плит.
Когда ж проглянет мутный день,
И побелеет двор, как тень,
Тиха, бесплотна и бледна,
Принцесса взглянет из окна,
И высохшую за ночь кровь
Увидит на камнях, и вновь
Окно закроет. Но когда
Взойдет вечерняя звезда,
Под башнею сгустится мрак,
Проснется тайный шелест шпаг,
И весело блеснет клинок,
И лязгнет сталь...

ХІІІ. ПОРТРЕТ

Я возвратился, я не мог
Не позабыть твоих обид.
Не стерта пыль с усталых ног,
А сердце ноет и стучит.

Грохочет город под окном,
В пыли не видно бледных звезд.
Как всё разбросано кругом!
Должно быть, недалек отъезд.

Неужели я опоздал?
Я всё простил. Я – твой, я – твой,
Я – твой. Я б всё теперь отдал
За миг один вдвоем с тобой.

Как некий неотвязный бред,
Поет в ушах: всё, всё прости.
И я гляжу на твой портрет,
И глаз не в силах отвести.

Кто больше высказать бы мог,
Чем эта мертвая доска?
В твоих глазах – какой упрек,
Какая смертная тоска!

Что, что с тобой? Куда глядишь?
Русалка, побледневший труп.
Прочь, прочь! Вверху – вода, камыш...
Не узнаю любимых губ.

Где ароматный пурпур их?
Где черно-изумрудный пыл
Очей, то солнечных, то злых?
Бог знает, как я их любил!

Как будто говорит их взгляд:
«Прощай, мой милый, навсегда!
Вокруг меня – подводный хлад,
Тиха зеленая вода.

Прости! прости! Проклятый бред
Душа не в силах превозмочь,
И я гляжу на твой портрет...
А в воздухе сгустилась ночь.

Средь чемоданов, сундуков,
С дорожной палкою, в пыли,
Едва могу расслышать зов
Весны, ликующей вдали.

XIV. У ОКНА

Те дни хранятся в памяти моей,
И их ничто не может истребить,
Ничто, ничто, и тем нежней, больней
Воспоминание, что воротить
Того блаженства кратко нельзя.
Моя глухая, темная стезя
Мгновенье озарилась. Но молчу.
Я жалоб и укоров не хочу.

Но просто бы теперь хотелось мне
С тобою побеседовать вдвоем
Бездумно, тихо. Пусть как в легком сне
Прошедшее встает. Уж на твоём
Лице играет кроткая печаль.
Должно быть, и тебе былого жаль?
У ног твоих всё тот же прежний я.
Как хорошо, о милая моя!

Ты помнишь ли? тогда была весна,
В разгаре май. Над пыльной Москвой
Бледнела полночь. В глубине окна
Играла ты с котенком. Боже мой!
Как ты была безумно хороша!
Казалось, долго спавшая душа
Зажглась огнем, проснулась, зацвела...
Ужель твоя улыбка солгала?

Вплоть до зари не отрывая глаз,
Очей глубоких зелень и янтарь
Впивать, впивать... Рассветный близок час,
Последний догорающий фонарь
Вдали мерцает с городской стены,
И мы измучены, утомлены,
И ласково пересыпаешь ты
Моих фиалок блеклые цветы.

И едкие пурпурные уста
Смеются мне, и кажется: вот-вот
Действительность растает, как мечта,
И комната в безбрежность уплывет!
И в тихом ужасе небытия
Цветет твоя улыбка. Ты и я,
Безгласные, склоняя взор во взор,
– Зброшенный в пространство метеор.

И бесконечно длятся эти сны,
И жалко пробудиться. Но пора:
Уж улицы становятся бледны,
Свежеет ветер, недолго до утра,
В окно запахла белая сирень,
Со стен и мебели слетает тень,
И фонаря мигавший долго газ
Мерцал, мерцал, и наконец угас.

Но что же вдруг в тебе произошло,
Что ты, как ядовитая змея,
Ужалила мне сердце? О, как зло
Ты пошутила, милая моя!
И тихо воротился я домой
С опустошенной, мертвою душой.
Пусть наши снова встретились пути:
Весна прошла. Порхает снег. Прости.

СТРЕЛЫ КУПИДОНА

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?

Пушкин

I. ЛЕСНОМУ БОГУ

Пора, мой мальчик-зверолов,
Берлоги зимние покинем!
И ветра шум, и скрип стволов
Зовут весну под небом синим.

Приди весну встречать со мной
На влажный луг, где пахнет прелью,
О бог веселый, бог лесной
С простою ивовою свирелью!

Ты – нежный отрок, пастушок,
Ты – бог родной моей долины,
Вокруг ушей твоих – пушок,
Надет на плечи мех козлиный.

Ты дикий бог, а я певец,
И наш союз – святой и древний.
Мне – петь весну, тебе – овец
Скликать свирелью по деревне.

Уж девы, твой заслышав шаг,
Краснеют томно, и с тобою
В одних купаться камышах
Не станут этою весною.

От поселян тебе почет,
Ты всех ловчей в стрельбе из лука.

Лишь старый дедушка сечет
Разбушевавшегося внука.

Балуют девушки тебя,
Когда придешь ты к нам на праздник:
Пушок твой серый теребя,
«Как вырос, – шепчут, – наш проказник!»

А ты хитер, а ты лукав,
И всё под ивами родными,
Не забывая детских прав,
Играешь с нимфами нагими.

Весна гудит! Пойдем со мной
Играть и петь под сенью хвойной,
О бог веселый, бог лесной,
Мой нежный друг, мой мальчик стройный!

Ты зол, насмешлив и хитер,
Ты мне заманишь ночью темной
Твоих неопытных сестер
В приют мой, тихий и укромный.

Ты знаешь сам, когда апрель
Дохнет в лицо, как манит нега!
В твоих глазах безумный хмель,
Лицо белей и чище снега.

Уж ты давно гроза дриад,
Ты гонишь их, свища и воя.
Во тьме горит твой пьяный взгляд,
Твое чело венчает хвоя.

Лишь предо мною ты не смел.
В лесных приютах сокровенных
Твоих не устрашится стрел
Слагатель песен вдохновенных.

Пойдем, пойдем, мой бог лесной,
И, томных дев целуя в очи,
Вдвоем отпразднуем весной
Благословляемые ночи.

II. ЭЛЕГИЯ

Тебе, о нежная, не до моей цевницы,
Лишь одному теперь из-под густой ресницы
Сияет ласково твой темный, тихий взор,
Когда над нивами сверкает хлебозор,
И ночь исполнена тоской и вожделеньем.
Вчера, едва заря померкла над селеньем,
И месяц забелел из голубых глубин,
У ветхого плетня, в тени густых рябин,
Я вас подслушивал, ревнивый и печальный.
Мерцали молнии, и отзвук песни дальной
Томился, замирал. А я, боясьдохнуть,
Смотрел, как томно ты взволнованную грудь
Его лобзаниям и ласкам предавала,
Безмолвно таяла, томилась и пылала...
Как нежно пальцами его лицо брала,
Смотря ему в глаза. Какою ты была
Зараз и царственной, и страстной, и стыдливой.
Шептали юноши завистливо: «счастливый!»
И долго голос твой во мраке слышал я:
«Вот губы, плечи, грудь... целуй... твоя, твоя!»

III. СТАНСЫ

Ты так печальна! Утомленье –
В твоих чертах. О, что с тобой,
Краса родимого селенья,
Певунья с тихою душой?

Какою негою объята
Ты вся! как грустная свирель –
Твой голос. За ночь не измята
Охолодевшая постель.

Твое лицо преступно рдеет,
Ты гаснешь, ты без сил при нем...
Всецело юноша владеет
Твоим и чувством, и умом.

Страданья одинокой девы
Давно я знаю наизусть.
Я узнавал твои напевы:
Такая в них звучала грусть!

Осенний хлад несет угрозы
Тебе немилого венца,
И матери докучной слезы,
И непреклонный гнев отца.

Ночами смолк твой голос нежный.
Исканья наши отклонив,
Одна грустишь в тени прибрежной,
Под сеньями берез и ив.

IV. ПОДРАЖАНИЕ ШЕНЬЕ

Чуть ветром тронуты прибрежных ив вершины...
Сверкают золотом плетеные корзины,
В зеленом аире – упавшей рыбы всплеск,
Серебряных чешуй и красных перьев блеск.
Между березами, у струй, полунагие
Толпятся отроки. Свежеет. Голубые,
Весь день сиявшие, померкли небеса.
Туманы зыблются, и падает роса.
Заря весенняя пылает и смеется
За лесом. О, когда раздастся у колодца
Твой ароматный шаг и пение бадьи?
Приди, о нежная! Уж скоро ночь. Лады
Последних облаков мерцают, золотые,
И уплывают в даль. Под яблони густые
Влюбленных юношей и сладострастных дев
Стремится томный хор. Под сенями дерев,
Где пруда сонного осеребрились струи,
Проснулись шепоты, возникли поцелуи,
Движенья дерзкие, бесстыдные слова,
И смех и тишина... Примятая трава
Одна останется свидетельницей тайны.
О, пусть ни шорох трав, ни звук шагов случайный
Не потревожат вас. А завтра, поутру,
Как мило будешь ты обманывать сестру,
Подруг и юношей! Но взор поэта скромный
Не улыбнется ли твоей походке томной?
Цевницу нежную ужели не пленит
Огонь твоих очей, греховный жар ланит?

V. НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ (КАНТАТА)

Сковав вселенную цепями льда и хлада,
Ужасною косою вотще грозил Сатурн.
Порхают ветерки, весенняя наяда
Льет студеный ток лазурных урн.

Под ивой, ласково лобзаемой зефиром,
Сверкает синяя вода,
И ветры шумные поют подобно лирам
В березовых ветвях, по берегам пруда.

Мы ждем тебя, Венера полунощи!
Цветут луга, и праздник недалек.
Фиалки нежные в благоуханной роще
Златой целует мотылек.

Уже твой мальчик своенравный,
Надев колчан, нисходит сам
В весенний дол, и жаждущие фавны
Пугливых нимф скликают по лесам.

Красные девы,
Внявши напевы
Флейт и цевниц,
Бродят в лесочке,
С милым на кочке
Падают ниц.

Хохот и стоны.
Все в потаенный
Спрятались грот.
В перси их белы
Ярые стрелы
Мешет Эрот.

В сумрак под елью
Фавн со свирелью
Нимфу увлек.
Ластится к пленной,
И вожденный
Миг недалек.

Стоны Алины,
Хохот козлиный...
Лопнул шнурок.
Сладок в дуброве
Нежной любви
Первый урок.

Деве уж любы
Зверские губы,
Рожки и мех.
Колется хвоя
Всюду, где двое,
– Шепот и смех.

VI. К ДЕЛИИ

Из душных библиотек
Пойдем цветы срывать!
Твой пурпуровый ротик
Позволь поцеловать.

От скучных книг и тощей
Взыскательной мадам
Умчимся через рощи
К лазоревым прудам.

Под сень ветвистой липы
Взойдем на склоне дня,
Где скромно спят тюлипы,
Головки наклоня.

В малиновом камзоле
Я – маленький поэт.
Красавице не боле
Четырнадцать лет.

Но уж давно украдкой
Улыбки мне дарит,
Пленяя тайной сладкой,
Соперница Харит.

Ты, предвкушая негу,
Краснеешь от стыда.
Вдали прошли к ночлегу
Веселые стада.

О сладкий персей трепет
И долгий поцелуй!
Смолкает сонный лепет
Завороженных струй.

Зачем мы так несмелы?
Ужель наводит страх
Рыданье Филомелы
В березовых ветвях?

Под липою укромной
Я с Делией шалю.
Мне шепчет голос томный
Волшебное «люблю».

Лобзанье ароматно
Позволь еще продлить.
Обоим нам приятно
По-новому шалить.

В забаве сладострастной
Прносятся часы,
И смотрит Геспер ясный
На тайные красы.

Сгустился мрак дубравный
И рошица тиха.
Лишь мраморные фавны –
Свидетели греха.

VII

Прошла гроза, и семицветных радуг
Над рощей и холмом эфирные мосты
Сияли. Час безмолвен был и сладок,
Будя запретные мечты.

С балкона, не окончивши обеда,
Ты помнишь, в рощу убежали мы,
Где над стыдом и робостью победа
Была легка под кровом полутьмы.

Вдали шумел фонтан лазурный,
Краснели облака, и вечер гас.
Дриада древняя с поросшей мохом урной
Одна подслушивала нас.

Издадека напевы клавесина
Неслись. Я вслух стихи читал, но вдруг
Подняв глаза, умолк, и том Расина
Упал в траву из задрожавших рук.

Зачем играл так резво и небрежно
Твоей одеждою зефир?
Зачем сиял так томно и так нежно
Твоих очей задумчивый сапфир?

Ах! не забыть таинственной березы,
Где ты открыла мне заветные красы!
Молчали ветры, мраморы и розы
Сверкали перлами росы.

Ты помнишь наше возвращенье?
За чаем все расспрашивали нас,
Где пропадали мы. Краснела ты в смущенье
И на меня не подымала глаз.

И как, обоих нас встревожа,
Сказала мать: «Ты бледен, как мертвец!
Да что с тобой? Ты не здоров? О Боже!»
И грозно вдруг нахмурился отец.

VIII

Я побежден. Усилия напрасны
Тебя забыть. Бежать – уже невмочь...
Зачем, зачем была ты в эту ночь
Такою милой, нежной и прекрасной?

Довольно мне обманывать себя
И петь других цевницею притворной.
У ног твоих я распростерт, покорный...
Душа горит, страдая и любя.

Зачем огонь питаю безнадежный?
Ты – не моя, другого любишь ты,
Верна ему... Но тайные мечты
Влекут к тебе, задумчивой и нежной.

Ведь ты, что ночь, внимательней ко мне,
Ты говоришь со мной без принужденья,
И сладостное длится обольщенье,
В сиянье звезд, в полночной тишине.

Безумный сон, безумное мечтанье!
Все говорят, что нежно, навсегда
Его ты любишь. Боже мой! Куда
Влечет меня твое очарованье?

.....

Таился я. Но зорким взором видит
Любовник твой, как вяну я в тиши.
Он подозрителен, и в глубине души
Давно меня клянет и ненавидит.

Ищу тебя наперекор судьбе,
Ужасный путь отныне избран мною.
Ужель проститься с жизнью молодою?
Там – ночь и смерть. Скорей, к тебе, к тебе!

IX. ОСЕНЬ

Как скоро ты прошла и отшумела,
Любви прекрасная весна!
Пустеет сад, и скрылась Филомела,
Все ночи певшая у моего окна.

Всё, всё прошло. И рощи молчаливы,
И пруд заглох. На берегу один
Корзину из прибрежной ивы
Плетет убогий селянин.

Уже мороз сребрит скудеющие доли,
И от селений синий дым
Восходит ввысь. Поют, поют Эолы
По рощам золотым.

Молчи, душа, молчи! Любви,
И песен, и ночей прошла пора.
Пустынны небеса. Сверкает пруд. В дуброве
Гудят удары топора.

Морозен воздух, звуки гулки...
О осень светлая, блести, блести!
Простите, томные полнощные прогулки!
И девы-розы, всё прости!

Где поцелуи, клятвы и измены?
Утех любви быстротекущий сон?
Увяли вы, цветы моей Климены,
В лесах шумит пустынный Аквилон.

Х. ПРИВЕТ ОСЕНИ

Осень, здравствуй! Ты ли это,
Долгожданная, пришла?
В сердце льются волны света,
В сердце, как в вечернем море,
Улеглись прибои зла.

Режа длинными тенями
Злато бледное дубров,
Встали над пустыми днями
Очарованные зори
Зазвеневших вечеров.

Прикоснись к недавним ранам,
Поцелуем исцели!
Нежно-розовым туманом
Очаруй в померкшем круге
Холодеющей земли.

Голубой воды сверканье,
Зелень аира в пруду!
В этот холод и сиянье,
Как в объятия подруги,
Ранним утром упаду!

XI

С деревьев сняв лучом янтарным
Две-три последние слезы,
Каким победно-лучезарным
Выходит солнце из грозы!

И струй заголубевших трепет,
По озаренным берегам
Листов новорожденный лепет,
Лягушки трели, птичий гам,

И солнца под ветвями пятна,
И лиственная в рощах тень,
Всё – первозданно, благодатно,
И всё – как в оный первый день!

Всё ожило: где – щебет птичий,
Где песня раздалась в селе,
Где свежий след ноги девичей
На влажной впечатлен земле.

Не божьего ли вождельеня
Нисходит к смертным полнота?
Какая нега утоленья
Во всей природе разлита!

Извечным жалимый желаньем
То бог весенний, молодой
Насытил плоть соприкасаньем
И взгляд роскошной наготой.

Проникни в смысл знаменованья!
Пойми, что после гроз и бурь
Целительней благоуханье
И непорочнее лазурь.

ХП

Лазурью осени прошальной
Я озарен. Не шелохнут
Дубы. Застывший и зеркальный
Деревья отражает пруд.

Ложится утром легкий иней
На побледневшие поля.
Одною светлою пустыней
Простерлись воды и земля.

В лесу неслышно реют тени,
Скудея, льется луч скупой,
И радостен мой путь осенней
Пустынно блещущей тропой.

ХШ

Мороз, как хищник разъяренный,
Спалил луга и листья сжег,
И гулок хруст новорожденный
Морозом скованных дорог.

И яркие дни, и ночи звездны...
Лишь розовый закат потух,
Зажглись пылающие бездны,
А лес опальный пуст и глух.

Когда придет палач природы,
Биенье жизни заглуша,
Всю широту своей свободы
Не в силах осознать душа!

XIV

Сияньем, золотым и алым,
Исходит запад. Я – один,
В вечерний час в лесу опалом,
Средь зачарованных вершин.

Чу! детский крик и лай собаки
Донесся из деревни вдруг.
Как в сумеречном полумраке
Разделен и малейший звук!

Мечта в былом без боли бродит,
И от хрустальной вышины
На сердце и на землю сходит
Очарованье тишины.

XV

Мой милый дом, где я анахоретом
Провел прошедшую весну!
Ужели этих дней, вдвоем с моим поэтом,
Я больше не верну?

Вот комната рабочая, в которой
Так мало я писал; вот спальня, где
Так мало спал; окно с закрытой шторой,
И шляпа легкая сереет на гвозде.

Обрывки писем и флакон зеленый
С Дикмаром ароматным. Как в бреду,
Всю ночь, безумный и влюбленный,
Рокочет соловей в березовом саду.

За прудом – холм, зеленая поляна,
Куда в жару на целый день
Любил я уходить с романом Флориана,
Где сладко нежила березовая тень.

О эта книжка малого формата,
Бумага серая и золотой обрез...
Шептал мне ветер, полный аромата,
Что мир идиллии воскрес.

Люблю мораль французской старой книги,
Забавы мирные кастильских пастухов,
Невинные любовные интриги
И на коре следы чувствительных стихов.

Люблю я имена Клоринды и Эстеллы
И злключения пастушеской четы,
Гравюры тонкие: амур, точащий стрелы,
Под вязом – жертвенник, амфора и цветы.

Какие свежие, пленительные сказки!
Сначала непреклонный гнев отца,
Разлука... всадники и дама в черной маске,
И Гименей сопряг их верные сердца.

Нарядных рыцарей кортежи
Летят между холмов, и снова vive fleurie,
И завтрак на лугу: плоды и свежий
Творог и сыр, и танцы до зари.

И рыцари любви завидуют пастушьей,
Их добродетелям, трудам невинным их.
«Я с вами остаюсь, мои друзья. Под грушей
Я мирно проведу остаток дней моих».

.....

Как сладко слиться с жизнью древней,
Когда за окнами – весна!
Но солнце меркнет. Из деревни
Несется песня, сладостно грустна.

Простите все! с остывшим чаем
Напрасно ждет меня поэт,
Животворя листья, Каменою венчаем...
Часы бегут, меня всё нет.

И лишь, когда бледнело полнолуние
И дали становились розовой,
Со вздохом старая ворчунья
Мне отворяла дверь... и плакал соловей.

ХVI. ИЗ ДНЕВНИКА

Неужели я снова
В этих березовых рощах?
Снова сияет майское солнце,
Склоняясь над розовым полем.
Пахнет аиром,
И плакучие прибрежные ивы
(Милые! Милые! Те самые!)
Без движения дремлют над прудом.

Какая тишина!

Заглохла березовая аллея,
С гнилым мостиком над канавой, –
Где мы жили вдвоем
– Я и соловей –
И оба любили,
И оба пели песни.
Но он был счастливее меня,
И песни его были слаще.

Вот и маленькие друзья мои
Толпятся на берегу,
И один из них,
По колено погрузившись в воду,
Прячет в аире плетеную вершу.

Снова начинаются привычные разговоры:
Отчего перевелась рыба,
Оттого ли, что пруд зарос аиром,
Или оттого, что колдун заговорил рыбу.

Вот уж бледно-золотая заря
Угасает над лесом.
Ведро девушек звенят у колодца,

И листья деревенских черемух и яблонь
Девственно зеленеют
На нежно-розовом небе.

Снова аир, весна и колодезь,
И заря... отчего же мне хочется плакать?
Отчего мне так грустно,
Так грустно?

ХVII. ГАЛАТЕЯ

Памяти прадеда моего И. М. Ковалинского

Меня зовут твои томительные стоны,
Я не могу уснуть... Чу! вновь протяжный свист.
В прибрежных тростниках рыдают Аквилоны,
Растаяли пруды, ненастный вечер мглист.

В гробнице тусклых вод вновь ожил вздох любви,
И нега томная, и смертной муки крик...
Селена грустная в серебряном покрове
Над рошей дымною возносит бледный лик.

Ты вновь зовешь меня, старинный зов проклятья,
Я повесть древних тайн читаю при луне,
Я чую влажные, но мертвые объятья...
«Погибни, милый», вновь она шепнула мне.

Я вижу эту грудь, где белые лилеи,
Смешавшись с розами, манили поцелуй...
Свиданья тайные в березовой аллее,
У статуй мраморных и сладкозвучных струй.

Я помню первые твои сопротивленья,
Отказы нежные, и ропот, и испуг,
Твой заглушенный крик и сладкое томленье,
Лобзания и ласк в одно слиянный звук.

О, замолчи навек в глухой гробнице водной,
О сладких радостях забудь, не говори!
О злая ночь весны! О ветер безысходный,
Ты вновь промучаешь до утренней зари.

Пустынны берега. Пред утром холодея,
Трепещут ветви ив над серебром волны.

Из хладных, мертвых вод ты вышла, Галатея,
Чтоб плакать о былом... Как бледен лик луны!

1907. Август

Петровское

ДЩИ СИОНА

Ликуй ныне и веселися, Сионе.

Канон Пасхальный, песнь 9-я

I. ВХОД ВО ИЕРУСАЛИМ

Встань от ложа сна, о дочь Сиона,
И возликуй, воспевши сладкий стих –
Пророческую песню Соломона.

Невеста, встань! Твой царь и твой жених
Уже у врат. Холмы в миндальном цвете,
Напевы птиц – в оливах голубых.

Смеющиеся девушки и дети
Фиалки и нарциссы для кого
В долинах собирали на рассвете?

По всем долинам – шум и торжество.
Течет народ во сретенье Мессии,
И час настал веселья твоего.

Стоят толпы, склонив главы и выи.
Он близится, прекрасный, как гроза:
Омыты ноги миррою Марии,

Как у орла горят Его глаза.
Он привязал детеныша ослицы,
Где листья клонит вешняя лоза.

Его поют тимпаны и цевницы.
К Его ногам покровы и цветы
Слагают нежные отроковицы.

Царица! ждешь возлюбленного ты,
Твой терем полон нарда и алая,
Сиянием чертоги залиты.

Блится в розах ложе золотое,
И фимиам в кадилах горит.
Сбывается пророчество святое,

Как царь Давид в псалмах благовестит,
Захария предрек во время оно.
Фиалками и финиками крыт

Цветущий путь. Восстань, о дочь Сиона!

II. АНГЕЛ И МИРОНОСИЦЫ

Кого искать пришли вы утром в сад
С амфорой, полной нардового мира?
Кому слеза и чистый аромат?

Чуть брезжит день. И холодно, и сыро
В пустом саду. Но высь уже чиста,
И песни птиц несутся из эфира.

Зачем в гробу вы ищете Христа?
Зачем пришли, в тоске, рыдать над телом?
В пещере – свет, и глубь ее пуста.

На камне ангел в одеянье белом
Сидит, глашатай неба и земли,
И он – женам, от страха онемелым:

«Христос Воскрес! дни горести прошли.
Что ищете живого в мраке гроба?
Что плачете нетленного во тли?

Ужален ад: его бессильна злоба:
Тридневного извергла мертвеца
Земли плодоносящая утроба.

Сияньем мрак пронизан до конца,
И, уязвленные стрелами гнева,
Бегут враги от светлого лица.

Спасен Адам, и торжествует Ева,
И, прежде всех узнав благовесть,
Пресветло радуется Матерь-Дева.

И церкви сад уже готов зацвести,
И солнце истины стоит в зените.
Се – суд любви и праведная месть.

Спешите, жены, и Сиону рцыте:
Христос Воскрес! Фома, коснись до ран!
Апостолам Его благовестите.

Евангелием вашим осяян
Отныне мир, дубы в саду церковном,
Три солнца – Петр, Иаков, Иоанн!

Но ты, пришедшая путем греховным
Магдалы дочь, у гроба медлишь ты,
Горя огнем, священным и любовным.

В тумане сад и цветники пусты...
Иди туда, где – тени голубые,
Песок, заря и белые цветы.

Садовник бродит там. Глаза – родные,
И бел хитон в смоковничной тени.
Посмотрит он и вымолвит: Мария!

И ты, упав, ответишь: “Раввуни!”»

III. ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ

П. С. Соловьевой

Мой пояс груб. Акриды, мед пчелиный
Мне снедь. У Иорданских берегов
Я всех зову омыться от грехов,
Где голубые зыблются маслины.

Осанною оглашены долины,
Безмолвствуют свирели пастухов.
Елеем блещет терем Женихов,
И рдеет нард в амфоре Магдалины.

Я дикий скимн пустынных вод и скал.
Как ярый хмель, во чреве я взыграл,
Вняв девы глас, несущей крины рая.

Се полн Сион светильников и роз.
В руках детей благоухают ваия...
Мой крест воздет: я жду Тебя, Христос!

IV. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Расцвел миндаль. Под благовесты лир,
В тени маслин, почила Галилея.
С медвяной розой росная лилея
Вершит лобзаний вожделенный пир.

В Ее очах синеет кроткий мир,
Златые косы тяжки от елея,
Ланиты рдеют. Девственно алея,
Душистых уст полураскрыт потир.

Внимает в поле небу пастырь мирный.
Волхвы с ливаном, золотом и смирной
Склоняются пред яслями Христа.

В груди Марии белый сад вздыхает.
Недвижны кедры. Вышина чиста.
И в синеве Сион благоухает.

У. ЗАКЛЯТИЕ РОЗАМИ, ЛИЛИЯМИ И ИМЕНЕМ МАРИИ

Болотный дух, дух похоти и тлена,
Тебя сожгла небесная любовь,
И розою цветет Андиомена –
Хаоса язвенного кровь.

Мы светло празднуем свободу от проклятья,
Когда, под громы роковых угроз,
Алеет поцелуй, сплетаются объятья,
И шествует весна в венке из роз.

Преодолея косность мысли нашей,
Когда мы близимся к познанию Божества,
Нам лилий девственных благоухают чаши –
– Кадильницы во храме естества.

Взгляни: сей крин весь мрак, весь смрад земной утробы
В серебро и аромат духовно претворил:
Благовествуя жизнь и истощая гробы,
Марии лилию вручает Гавриил.

Мария! таинство божественного брака!
О имя красное, сладчайшее имен!
О ужас демонов и упразднение мрака,
И над Гоморрою сияющий Сион.

О ширшее небес девическое чрево
И затворенные святые ложесна!
О благосеннолиственное древо,
Воней златых плодов прозябшая весна!

Сожги последний мрак, фиал любви небесной,
О стамна с манною и неопальный куст!
Мария – сладкий мед словесный
И золото розоуханных уст.

VI. ЗНАЧЕНИЕ ИСКУССТВА

Дорогой памяти Н. Ф. Коваленской

Он нам родной – исполненный созвучий,
Покорный нам, но еще косный мир:
В ответ на мысль гармонией певучей
Волнуется вещественный эфир.

Певцы, художники, поэты! Наша
Мечта сковала хаос мировой,
И разума всеемлющая чаша
Вмещает мир, певучий и живой.

Тебе, о хаос, золотые узы,
Звено к звену, сквозь бешенство веков
Ковали мы, и ангелы и музы
Дарили нам цветы своих венков.

Мечи богов! Резец, палитра, лира!
Познания духовный, чистый хмель!
Сияют в солнце ангельского клира
Софокл, Бетховен, Пушкин, Рафаэль.

Нерасторжимы легкие оковы,
Познал берега безумный океан,
И храм искусства, храм многовековый,
Вознесся ввысь, нетленьем осиян.

Немолчная, согласная осанна
Из наших уст Тебе гремит, Христос.
Исполнен храм и лилий Иоанна,
И роз Марии, непорочных роз.

С креста, в крови, Ты внемлешь нашей лире,
И жрец-поэт возносит к небесам

Кадилаилицу и золотой трикирий:
Свет разума и песен фимиам.

VII. ЛЕПОТА МИРОЗДАНИЯ

Благослови, душе моя, Господа.

Предначинательный псалом

Беззвездным хаосом окованные души
Восходят в свет, приявши телеса,
И воды отделяются от суши,
И синей кожею простерты небеса.

Замкнута бездна узами предела,
И вещество числом. Раздельны день и ночь.
К волне волну и к телу тело
Стремит божественная мочь.

О дивный образ мира! Сад явлений!
Хвалите Господа в горах, из чашных недр,
Онагры, зайцы и елени,
Древа масличные, ливанский кедр.

Вы – пурпур луга – розы, крины
– О звезды среброустые полей –
И фимиам дубрав, и рев звериный,
И хмель, и масть – вино, пшеница и елей.

Там рыбьим златом голубые бездны
Горят. Сиянье излучая ниц,
Эфир небес, то солнечный, то звездный,
Звонит молитвами влюбленных птиц.

И, подражая им, гармонией псалтирной
Трепещут гусли; сладкозвучный вздох
Зажег свирель. И брак вершится мирный
В лесу, в глуши, где травы, листья, мох.

Над злом последнюю победу торжествуя,
Уста влечет к устам стремление любви,
И хаос уязвлен заклатьем поцелуя...
Моя душа, Творца благослови!

VIII. АПОСТОЛ ИОАНН

Памяти прадеда моего иерея М. В. Соловьева

Я – громов сын. Я – грозен, мудр и юн.
Премудрость воплощенного глагола –
В моих руках сверкающий перун.

Иммануил с небесного престола
Нисходит в мир, и расточился мрак.
Любовь Христа все козни поборола.

На солнце истины вперяя зрак,
Все тайны оком я проник орлиным.
Чудес начало: в Кане бедный брак.

По Галилейским розовым долинам
Он с матерью идет на брачный пир,
И подан жениху архитриклином

Вином любви наполненный потир.
У кладезя с блудницей Самарии
Беседует спасти пришедший мир.

Он видит слезы Марфы и Марии,
Он прослезился; по Его словам
Свергает Лазарь путы гробовые.

Купель грехов – лазурный Силоам:
Расслабленный встает, как муж цветущий,
Слепорожденный видит. И во храм

Пред смертью Он идет на праздник Кушей,
Чтоб жаждущие напоил умы
Родник воды, из вечности текущей.

Но час настал победы князя тьмы,
Казался пир трапезой погребальной,
В последний раз встречали Пасху мы.

Беседе все внимали мы прощальной.
Он говорил: «вы – ветви, я – лоза».
А я, во время вечери Пасхальной,

Припав на грудь, смотрел Ему в глаза.
А ветер выл в саду порывом злобным,
Чернела ночь, и близилась гроза.

Я у креста стоял на месте лобном,
И Он раскрыл засохшие уста,
И голосом, стенанию подобным,

Окровавлен, изъязвлен, со креста
Марию сердцу моему сыновью
Вручил. Потом увидел я Христа,

Но не раба, обрызганного кровью,
А грозного царя и судию.
Я – Иоанн. Христовою любовью

Я взыскан был, и мать мне свою
Он завещал с мучительного древа.
На персях Иисуса я в раю.

Я весь – любовь, но молниями гнева
Караю грех. Внимая гул осанн,
Я встал в веках, таинственный, как дева.

Я – крин Христа, апостол Иоанн.

1909. Март
Дедово

ДЕРЕВНЯ

*Другу-приятелю Павлу Григорьевичу Монатову
посвящаю*

Сам платил цены не малые,
Не торгуйся, не скупись.
Подставляй-ка щечки алые,
Ближе к милому садись.

Народная песня

1. ЯБЛОЧНАЯ ТОРГОВКА

На телеге тряской,
По полям и овражкам,
Я поехала вечером прохладным.
Топчут колеса
Колокольчики голубые,
Красную дрему,
Ромашки придорожные.

Из лесочка в лесочек,
Из села в село,
Из деревни в деревню,
Еду, яблочная торговка.

Яблочки золотенькие!
Яблочки аленькие,
Наливные, сахарные!

Сама на возу сижу,
Девка красная,
Девка ядреная,
Вся в яблоках сижу.

Эй ты, молодчик,
При часах и в жилетке!
Отведай яблочка спелого,
Сладким соком кипучего!

Вчера только с деревца сняла,
Никому его не дала,
Для тебя, молодчик, берегла.

Кушай его себе на здоровьице,
Еще дам, коли поновится.
Потешайся сладостью золотою,
Грызи красное плодовое сердце,
Испей питьица медвяного.

Ты не бойся меня, молодчик!
Я – не ведьма проклятая,
Я – торговка яблочная,
Хохотливая,
Да похотливая,
Рысь желтоглазая.

А уедет мой тряский возок,
Покачу по оврагам и колдобинам,
Погоняя тощую клячонку
Березовым прутом,
Золот серп уколет
Твое сердце молодецкое.
Будешь плакать на зорьке туманной,
Во глухой во ржи,
Поминая торговку яблочную.

Что ж! приди ко мне
Темной полночью,
Когда нету звезд,
Нету месяца.

До зари плутай
Во глухом лесу,
В частом ельнике,
Над канавами.

Очи выхлестай
Злыми хвоями.
В болотáх тони,
Тони по пояс.

На белóй заре
Ты найдешь меня,
Рысь веселую,
Желтоглазую.

Вдосталь, молодец,
Ты насмотришься,
Как с милым дружкой
Потешаюсь я.

Как ласкает он
Меня досыта,
Как смеемся мы
Над тобой, дурак!

Не беги от нас!
Будешь званый гость:
И тобой, дурак,
Не побрезгуем.

Приползай, как пес,
Со смирением
И целуй мои
Ноги белые.

Нюхоток тебе
Маво пальчика,
А уста и грудь –
Другу милому.

Что же, молодчик?
Возьмешь золотой плодочек
От торговки румяной?

1906. Октябрь
Москва

II. ПРОКЛЯТАЯ

Не кори меня,
Моя матушка:
Не терзай мое
Сердце девичье!

Знать, такой уж я
Уродилась,
Нераскаянной
Греховодницей.

Приголубь меня –
Твое детище,
На кровать мою
Сядь тесовую.

Разметалась я
По кровати всей.
Тело белое
Пышет полымем.

Развились мои
Косы русые.
Расходилась грудь,
Как морская зыбь.

Никому меня
Не показывай:
Береги свое
Имя доброе.

Ты прости меня,
Приласкай меня!
Не кляни твое
Родно детище.

Золоты ножи
Во утробе моей звенят,
Кости мои белые хрустят,
Черленую кровью омочены.
Кто жжет?
Кто сечет
Утробу мою?
Лютый змей
Золотым жалом
Сосет утробу мою.
Ведьма проклятая,
Прочь!
Ты – не матушка мне:
Ты мое детище хочешь пожрать!

Кто черный в углу?
Хвостатый,
Рогатый,
Смеется!
Не дам тебе моего младенчика!

Ах! вешний красный денек!
Над синей речкой я гуляла,
Первые цветочки собирала,
Веселые песенки распевала,
Веночек-зеленочек завивала,
Зелень в косы русые вплетала.

Далеко ушла
От родного села.
Еле виден дом
Моей матушки,
На крутом холму
Над синей рекой.

Повстречал меня
Мальчик тоненький,

Нежный, холеный подросточек;
Охотник до сладостей,
До меда, до сахара,
До ягодок красных,
До цветочков первых.

Говорил он мне тихо – ласково:
Я люблю тебя, красна девица,
Словно ягоды – уста твои,
Словно яблоки – груди твои,
Словно молоко – ноги твои.

Стояла я
Под деревцем вешним.
Возле белых ног
Травушка-муравушка зеленела,
Цвели аленькие цветики.

Обнимал он меня,
Положил меня
На зеленую постель,
На одеяльце шелковое,
На простыночку цветную,
Под кровельку листвяную.
А кругом нас были:
Березки белые,
Да небо синее!

Ах ты сладость горькая!
Мед золотой!
Отрава медвяная!
Снадобье волшебное!

Кто грызет утробу мою?
Матушка моя прокляла меня.
Подохну, проклятая, без покаяния.

Черти толпятся вокруг моей постели тесовой,
Кажут языки красные,
Машут хвостами мохнатыми,
Готовят каленые сковороды,
Котлы со смолою горючею.

Где ты теперь, мой мальчик тоненький?
Где собираешь сладкие ягоды,
Цветы душистые?
Вспомни меня,
Пожалей меня!
Тебя ради терплю:
Матушка родная от меня отступилась,
Бог меня оставил,
Черти меня обступили!
Прочь!

Не кропите меня святой водой!
Проклятой хочу умереть:
Плюю на ваши иконы черные,
Плюю на тебя, ведьма поганая.
Отдай мне моего младенчика –
Румяный плод кровей моих,
Плод греха моего,
Радость мук моих,
Зарю мою утреннюю!

Ведьма поганая!
Отдай мне моего младенчика!

III. ЯРИЛО

Кто ты, девушка на белом, на коне,
Во зеленом, во березовом венке?
Куда держишь путь прогалиною вешнею,
Позавеянною белою черешнею?
А сама-то – словно яблонь розовая,
В золотой косе – листва березовая,
На груди – рубаха из белá холста,
Усмехаются сахарные уста.
Над тобой шумят веселые деревьяца...
Кто же, кто же ты, красна девица?

Али мя не познал?
В красный майский денек
Я уж встречала тебя, паренек,
Хоть твою молодецкую раззадоривая.
Видишь: всходят цветики лазоревые,
Где ступает мой конь на весенний мох.
Я – бог.

Ты прости меня, дэвица чудная,
Березынька белая, веточка изумрудная!
Мое сердце сжимает лихая жуть,
На твой красный лик я боюсь взглянуть.

Ты не бойся меня – ясного царевича.
Словно солнце светел лик мой девичий!
Ты, как польный злак, захирел, засох,
Я спасу тебя, я – веселый бог.

Девушка, страшно!
Опаляют красные брашна,
Душит зелен фимиам.
Девушка, девушка, где же храм?

Он шумит, он шумит – зеленый лес.
Цветы расцветают, и бог воскрес.
Соверши заклятье весеннее,
Вниди в свет моего воскресения,
Нож золотой занеси,
Кровью луг ороси!

IV. СВИДАНИЕ

Ты ли ступаешь
В весеннем поле
По первым цветочкам?

Белоствольные зазеленели березки,
Нежны благовеста дальние отголоски.

В платье серебряно-розовом
Ты гуляешь лесочком березовым.

Да, ты жива:
Синева
Тебя воскресила весенняя.
Совершим поцелуй воскресения.

– Смеется заря, и лепечут березки.
Мне грудь измяли холодные доски,
Я не забыла тоску и страх,
В косе чернеет могильный прах.

– О нет! О нет!
Ты – красна, красна,
Золотая весна
Тебя спасла:
Цветами могила твоя проросла.

– Ах! не касайся моих колен!
Я – золотой, ароматный тлен.
Изведав сладость зеленых троп,
Опять сойду я в холодный гроб.

– Горит заря сквозь алые тучи.
Слова твои райски-певучи,

Ты проплываешь в дыму березк,
И рук засохших янтарен воск.

Ах! как желанны, как сладко-горьки
Свиданья с мертвой на красной зорьке!

V. ДУХОВНЫЕ СТИХИ

1

Восстанем, сестра моя, рано,
Выйдем в широкое поле,
Поклонимся селу родному
И пойдем весенними тропами.

Пасха красная – на небе,
В лугах – зеленый апрель.

Словно око ангельское небо нам смеется,
Моют ноги нам разлившиеся топкие болотца.

Взыдем, сестра моя, на горы Сионские,
Под прохладные райские кущи,
В сладкую сень вертограда Иерусалимля.

Сестра моя!
Красная моя!
Голубка моя!
Я – крепкий дуб пред тобою.
Ты предо мною –
Белая березка весенняя.

Одели мы холщовые рубахи,
Срезал я в дубраве дубовый посох,
Зеленеют на нем весенние листья.

Отдыхаем мы над светлыми ключами,
Нас венчают Пасхальные березы,
Нам постелью – купавы золотые.

Поцелуи твои – словно мед пчелиный,
Губы слаще земляники и малины.

Хвалим Бога мы, не кончив поцелуя,
К небу всходит золотая аллилуия.

Голубок над тобою сверкнул крылом,
На румяных губах расцвел псалом.

А вокруг, а вокруг – что за даль и ширь,
В синеве раздаются гусли и псалтирь.

Странники притекают к Сион-горе,
Золотые и красные крылья горят на ясной заре.

Свободи и нас от греховных уз,
Жених и агнец, сладкий Иисус.

1908. Август

2

Вот здесь,
Где теперь такая густая и высокая трава,
Вот здесь,
Когда еще ни одного листа не зеленело на дереве,
Но небо,
Теплое и голубое,
Улыбалось апрелем,
Жужжали Пасхальные колокола,
И где-то девушки
Пели о том, что Христос воскрес,
Сорвал я золотую березовую почку,
И молитвенно съел ее,
Усладившись древесной горечью
И думая:
Теперь я приобщаюсь весеннему веселию.
И были во мне:
Радость, молитва и умиление.

Под этой самой березой,
Весело шумящей зеленой вершиной,
Я срываю первую алую ягоду,
И, изведав ее аромат и сладость,
Думаю: «вот и лето».
И мысленно приобщаюсь всему прошлому,
Вплоть до дня,
Когда впервые
Младенческие уста мои
Вкусили плод земляничный,
Сладкий, как поцелуй Богородицы.
И те же во мне:
Радость, молитва и умиление.

VI. УПЫРЬ

За окном снега сверкают – голубая ширь!
«Почитай по мне, невестка, сорок дней псалтырь, –

Говорила, умирая, мужнина сестра, –
Не прожить мне, чует сердце, даже до утра».

В полдень видела сестрицу жаркой и живой,
На заре она лежала куклой восковой.

Мать уснула. В доме тихо. Лишь жужжанье мух.
Всё из горницы тлетворный не выходит дух.

Я исполню обещанье, что сестре дала:
Вот уж три последних ночи с мужем не спала,

Всё молилась, всё постилась и смиряла плоть,
Чтобы внял моей молитве в небесах Господь.

Верно, с парнем согрешила девица когда,
И боялась, умирая, Божьего суда,

Что молиться мне велела до шести недель.
За окошком блещет солнце и шумит метель.

Целый день за аналоем я провесьть хочу,
Зажигаю пред иконой желтую свечу.

Только что б я ни читала – как-то невпопад,
И запугивает сердце тресканье лампад.

Вижу мертвую сестрицу в желтом я гробу:
Синий лик и красный венчик на холодном лбу.

Хоть бы маменька проснулась, крикнуло дитя!
Понахмурились иконы, золотом блестя.

Я крещусь и вновь прилежно говорю псалмы,
А в окно проникли тени голубой зимы.

Нет, уж видно, мне сегодня не читать псалтырь.
Кто-то стукнул... обернулась: за окном – упырь.

VII. ПЕСНЯ

Ах! зачем меня
Не дождалася!
Для чего с другим
Обвенчалася?

Где я был, когда
Алым цветиком
Ты – тиха – цвела,
И невестилась?

Когда девичьи
Очи томные
Зеленым огнем
Разгорались?

Как шатался я
По чужим людям,
Прозевал тебя,
Проморгал тебя.

А на родину
Воротился я,
Посреди села
Вижу новый дом.

Тот построен дом
На две стороны,
И шумит над ним
Зелень вешняя.

Не сводил бы глаз
С того домика,
Где столяр живет
С молодой женой.

Как размыкаю
Жизнь проклятую?
Где найду сосну,
Чтоб повеситься?

VIII. ОБМАНУТАЯ ДЕВУШКА

Мне уж трудно встать с кровати,
Я – что день – слабей.

Не ругай меня ты, тятя,
И не больно бей.

Ах! беда моя – забава
Для всего села.

Про меня худая слава
Далеко прошла.

Я пред каждой встречной бабой
Потупляю взор:

Всё боюсь, не поняла бы
Девичий позор.

Ах, уж эта ночь под дубом!

Выдь из мыслей вон!
Кто бы думал, кто бы думал,
Что обманет он!

Он прижал меня, пылая,

К сердцу своему.
Как могла я, как могла я
Отказать ему?

Только слышал дуб зеленый,

Да густа трава
Поцелуй и вздох влюбленный,
Тайные слова.

Провела часок веселый

Девка с молодцом...
Обещался до Николы
Всё покрыть венцом.

До зари мы с ним сидели...
Что ж мой дорогой?
Не прошло и две недели,
Загулял с другой.

Много слез у темной ночи
Осенью сырой:
Больше слез струили очи
Позднею порой.

Только слышен колотушки
Частый стук с гумна...
Плачу, жмусь лицом к подушке,
Ночь темна, темна.

Снова милый голос слышу
Средь зеленых рощ,
А в соломенную крышу
Бьет осенний дождь.

День проплакавши напрасно,
Утерев лицо,
Я в Покров на зорьке ясной
Вышла на крыльцо.

Было холодно и сыро.
С песнею лихой
Вышли парни из трактира
Пьяною толпой.

Вечер ясен, вечер пышен
Перед злой зимой.
Громче всех твой голос слышен,
Ненаглядный мой!

Лишь услышала, его я,
Плачу, мочи нет...

Хоть бы в омут головою,
Чтоб не видеть свет!

Приползу я, как щеночек,
К милым воротам:
Поцелуй, ну хоть разочек,
Как бывало... там!

Я позором стала, тятя,
Дому твоему.
Ах! могла ли отказать я,
Отказать ему?

IX. ФЕДЯ

А. А. Оленину

1

Тятя замерз, как ходил на медведя,
Круглым остался сироткою Федя.

Рос без присмотра у дяди в избе,
Сызмала был предоставлен себе.

Вырос мальчишка бедовый, чумазый,
Всё ему шутки, игра, да проказы.

Дядя ходил побираться с сумой,
Редко заглядывал дядя домой.

Был он какой-то чудака и блаженный,
Стих распевал он, слепцами сложенный.

Снегом покрыты поля, не росой,
Дядя всё ходит по селам босой.

Вот уж настали морозные святки,
Снег облипает распухшие пятки.

Дядя идет по дороге в Москву
И распевает канон Рождеству.

Впроголодь жить приходилось Феде,
Только и сыт, коль накормят соседи.

Нечем топить и в морозы избу:
Только метелица плачет в трубу.

Как проживешь без родных и без денег?
Вышел из Феденьки первый мошенник,

Пьяница вышел, картежник и вор.
Сдохла скотина, разрушился двор,

Ветер и снег проникают сквозь дыры.
Парень с гармоньей обходит трактиры,

Песни играет, и курит, и пьет,
В праздники тешит крещеный народ.

Бабы унять не умеют мальчишку.
«Пусто в кармане? Давайте на книжку!»

И вырастают в трактире счета.
Федя, что лето, меняет места.

Парень смеется проклятому горю,
Хвастает: «всякого я объегорю».

К барам придет, разведет: «так и так,
Дайте на бедность», – и разом в кабак.

Больно хитер был на выдумки парень,
Долго ругался обманутый барин,

Федя хвалился на целый кабак:
«Рубль мне пожаловал барин – дурак!»

Старшие Федю ругали и били.
Девки-то, девки зато как любили!

Пусть паренек – и пьянчужка и гол,
Женский был падок до Феденьки пол.

Песни ли пел он особенно складно
Ночью июньской, пахучей, прохладной,

Бойко ль подмигивал черным глазком:
«Я не с одною, мол, девкой знаком!»

Только бежали к нему и девицы,
И от немилых мужей молодицы!

Муж молодой по вечерним зарям
На версту Федю не пустит к дверям.

Часто видался ночами украдкой
Федя с одною пригожей солдаткой.

Песен уже не слышать с деревень.
Федя с солдаткой залез под плетень.

Вспыхнет порою его папироска,
Яблоня дрогнет, зашепчет березка...

Ах! приходилось и мне подстеречь
Смех, поцелуи, любовную речь.

Бегло над рожью дрожала зарница,
Плакала в поле полночная птица.

Тыкался пьяный по улице зря,
А уж над лесом краснела заря.

Ох! и любила же Федю солдатка.
Много ночей провели они сладко.

Но из Варшавы вернулся солдат,
Он не особенно Феде был рад.

Разом смекнул. Не пускаясь в расспросы,
Женку схватил он за русые косы,

И, богатырские сжав кулаки,
Ей на лицо посадил синяки.

Делом затем он почел непременно
Федю хватить по височку безменом.

Хряснули кости, и брызнула кровь...
Будешь солдаткину помнить любовь!

Федя в больнице лежал три недели,
Бледный и хмурый поднялся с постели.

В узел связавши всю кладь, что была,
Скоро ушел из родного села.

Видел во сне он церковные главы,
Шел в монастырь преподобного Саввы.

2

Федя постится, смиряючи плоть.
Воду качать и дровец наколоть

Пóслушник каждое утро обязан,
Часто бывает игумном наказан.

К первому звону встает на заре,
Сор выметает на грязном дворе.

«В хор выбирают, кто будет почище, –
Мыслит игумен, – а это ведь – нищий».

Кто-то однажды игумну донес:
«Пóслушник новый, сгребая навоз,

Дивно поет-распекает стихиру».
 Федю позвали, приставили к клиру.

Новый монах, по скончанье поста,
 Шел на побывку в родные места.

Пухом зеленым леса зеленели,
 Жавронков сыпались звонкие трели.

Редко виднелись из трав и кустов
 Желтые глазки апрельских цветов.

Ива склонялась над лужей зеркальной,
 Девичий хор раздавался Пасхальный.

Издали Федя узнал голоса:
 «Это Мавруша! девчонка краса!

Думала замуж идти мясоедом:
 Эх! даже час нам грядущий неведом.

Жизнь – суета, как раскинешь умом».
 Девичий хор замолчал под холмом.

Федя Пасхальную зачал стихиру.
 Песнь широко растеклася по миру,

Жавронком песня взвилась к небесам,
 Полой водой разлилась по лесам.

С краю села, под березкой зеленой –
 Парни с хоругвями, девки с иконой.

Жарко на солнце горят образа,
 Солнце смеется Мавруше в глаза.

Девка наряднее писаной крали,
В новых калошах и розовой шали.

Федя подходит, отвесил поклон,
Сел на пенечек у самых икон.

«Здравствуйте, девки! Здорово, голубки!
Что усмехаетесь, кажете зубки?»

Блудный и грешный от вас я ушел,
Бог вразумил, ко спасенью привел.

Дядя не даром, старик богомольный,
Слушать водил меня звон колокольный.

Мир я покинул, бежал из тюрьмы,
Век буду петь тропари да псалмы.

Душу мою не поимет лукавый
В тихом доме преподобного Саввы».

ПОСЛАНИЯ И МАДРИГАЛЫ

С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой преданся нежной;
Но горек был небратский их привет.

Пушкин

I. ПАМЯТИ А. А. ВЕНКСТЕРНА

Умолкнул шум блистательных пиров,
Исчезли соловьи, увяли розы,
Пришла зима, и лютые морозы
Одели мир в безжизненный покров.
Блажен, блажен, кто умер в шуме пира,
Кто до конца был пламенен и юн,
Кого пленяла Пушкинская лира,
Кто сам ее касался дивных струн.

Спокойно спи, учитель дорогой!
Пусть для толпы твой голос был негромок,
Настанет день: признательный потомок
Оценит труд, исполненный тобой.
Не вынес ты забот житейских груза, –
Поэт во всем, ты, как поэт, угас.
Что смерть тому, кого ласкала Муза,
Кто с ней вдвоем беседовал не раз?

Как вспомнить мне теперь без теплых слез
Ту ночь с тобой, в уютном кабинете?
Весь дом притих; давно уж спали дети,
И редко доносился стук колес.
Тогда был март; весенний месяц влажный
Светил сквозь тучи в небе голубом.

Ты показал мне, ласковый и важный,
Твои бумаги, старый твой альбом.

И предо мной открылся целый мир,
Скрываемый тобою так ревниво:
Я слышал стон безумного порыва,
Воскресший звук давно замолкших лир.
Как Пушкина бесценному наследью,
Молитвенно я внял стихам твоим,
И облачился кованою медью
Мой скудный стих, расплывчатый как дым.

А летнею беспечною порой
Я посещал твой сад, где рдели розы,
Твои холмы и юные березы
И светлый ключ, бегущий под горой.
Ах! только там я забывал страданья!
Там жизнь текла изящно-весела,
Как стих Козьмы Пруткова, как преданья
Лицейских дней и Царского Села.

Но сердце благородное разбил
Удар судьбы. Ты мирно спишь, усталый.
Услышь теперь привет мой запоздалый,
Я выбрал стих, который ты любил.
Моей мечте, блуждающей и сирой,
Ты дал приют, ты и никто другой...
Куда пойду с моей ненужной лирой,
Куда пойду, учитель дорогой?

1909. Август
Трубицыно

II. МАДРИГАЛ

Сиянье глаз твоих звездой горит,
О нимфа нежная! Не о тебе ли
Напевы я слагал в моем апреле?
Явилась ты, и лира говорит.

Гомер, Софокл и легкий Феокрит,
Ионии кифара и свирели
Авзонии тебя согласно пели,
Цветок весны, соперница Харит.

И рифмами хочу я, как венками
Нарциссов, гиацинтов, лилий, роз,
Тебя венчать, царица первых грез

О Греции, завещанной веками.
В тебе слились все краски и черты
Античной совершенной красоты.

Ш. В. А. ВЕНКСТЕРНУ

Ты помнишь светлые недели
Прогулок легких и безделий
В дни голубые октября?
Белели рощи в тверди синей,
Дышал мороз, и падал иней,
Холмы и доли серебра.

В пустынных храминах древесных
Еще я видел ног прелестных
Благоуханные следы.
Вставал пред взором сон недавний,
И заколоченные ставни
Я воспевал на все лады.

Потом всё было бурей смято:
Отец от сына, брат от брата,
Все разбежались, кто куда.
Дымилась кровь, зияли гробы...
Что за смешенье лжи и злобы,
Какие темные года!

Ты верен был домашним ларам:
С твоим Гомером и Ронсаром
Надолго скрылся ты в глуши,
И городская опьянелость
Не тронула благою целость
Твоей классической души.

Я в общий омут был затянут,
Был опрокинут, был обманут
В моем незрелом мятеже.
И вдруг воскресло всё, что было,
И нас судьба соединила
На новом жизни рубеже.

IV. ГИАЦИНТИИ*

Мой нежный друг, внимавший благосклонно
Моим стихам, не оттого ли ты
Хранишь следы античной красоты,
Что предок твой – любимец Аполлона?

Из крови отрока во время оно
Пурпурные и белые цветы,
Кудрявьась, расцвели; а их черты
Вещают нам о сыне Теламона.

В Лакедемон толпами шел народ
На праздник Гиацинтий, и Эврот
Был песнями святыми оглашаем.

И из дворца, при звоне лир, к реке
Сходила в гиацинтовом венке
Елена с златокудрым Менелаем.

* *Примечание.* Относительно происхождения цветка гиацинта существуют две мифологические традиции. По одной – гиацинт произошел из крови юноши Гиацинта, любимого Аполлоном. По другой – из крови Аякса Теламонида. Грекам казалось, что на лепестках гиацинта начертаны буквы AI, которые принимались или за междометие, выражающее горе, что согласно с первой традицией, или за первые буквы имени Аякса (Αἴῆς), что согласно со второй традиций. Гиацинт был особенно любим и почитаем в Спарте, где справлялся праздник Гиацинтий (Ἰακίνθιος).

У. С. Н. ВЕЛИЧКИНУ

Ni te plus oculis meis amarem,
Jucundissime Calve...

Catullus

Какой, скажи мне, благосклонный демон
Соединил нас, милый друг и брат?
Как Менелай в родимый Лакедемон,
Вернулся я в отчизну. Как я рад!

О прошлом всё поет полузабытом,
И ты, кого люблю я больше глаз,
Со мной летишь по колеям размытым
В вечерний, жемчугом миротворимый час.

Овсами нежно зеленеют пашни,
Сквозь белый дым не проблеснет заря!
И странно вспомнить яркий сон вчерашний:
И горы гордые, и пышные моря.

Устала от дождей туманная окрестность...
Как мы одни в тоскующих полях!
Вновь впереди тяжелая безвестность,
Опять в душе печаль и тайный страх.

Чем рок завистливый нам угрожает снова?
Воспрянет ли поэт печальный твой?
Но крепнет грудь от воздуха лесного...
Как пахнет хвоей, березовой листвой!

Скудеет день. По меркнувшим дорогам –
Туман. О, что еще мне суждено
На бедной родине, давно забытой Богом,
Где так пустынно, жутко и темно?

VI. МАДРИГАЛ ПО СЛУЧАЮ БОЛЕЗНИ ГЛАЗ

Цветов благоухающие связки
Тебя венчали, юную как день,
И только тот, в ком сердце – как кремь,
Тебя не обожал во время пляски.

Но твой триумф не избежал огласки,
И мечь Венеры, словно злой слепень,
Ужалила тебя, послав ячмень,
И узкие порозовели глазки.

А я, увидев пурпур глаз твоих,
Молитвенно шепчу Катуллов стих:
Flendo turgiduli rubent ocelli.

Киприда злобная посрамлена
И на Олимп к отцу спешит она
Рыдать о том, что не достигла цели.

VII. ПАМЯТИ ЮРИЯ СИДОРОВА

Я вижу гор Шотландских властелина,
Я слышу лай веселых песьих свор.
Под месяцем теней полна долина,
Летит Стюарт и грозный Мак-Айвор.

В тумане вереск. Мрачен разговор
Столетних елей. Плачет мандолина,
И шепчет ветер над урною: Алина!..
О, темных парк жестокий приговор!

Но се алтарь. Клубится ладан густо.
Какая радость в слове Златоуста!
Выходит иерей из царских врат,

И розами увит его трикирий.
Я узнаю тебя, мой брат по лире!
Христос Воскрес! мы победили, брат.

VIII. ПИСЬМО

Я обещал Вам непременно
Стихи. Но не моя вина,
Что своенравная Камена
С воспоминанием дружна
И вечно в ссоре с настоящим.
Владеет скакуном кипящим
Лишь хладнокровная рука
Испытанного ездока.
А стих – что конь. Но перебродит
Былое чувство, как вино,
И мысль созреет, как зерно.
Тогда из-под пера выходит
Сознанием взнузданный куплет,
Давно просившийся на свет.

Мороза ледяные узы
Сковали мир. Ну что ж? Пускай!
Под ласковым дыханьем Музы
Всё тот же зеленеет май.
Как лодка под напором ветра,
По воле Пушкинского метра
Лечу я к Вашей мастерской.
Весенней негой и тоской
Душа полна. Окно раскрыто,
Спешу занять обычный пост.
Внизу шумит Кузнецкий Мост,
Гремят колеса и копыта,
Шипя и подымая пыль,
Проносится автомобиль.

Как много счастья ночью краткой
Ты мне дарил, волшебник май!
Уж выпит, приторный и сладкий,
Давно простывший, бледный чай.

Смолкают сонные вопросы,
И две последних папиросы
Мне остается докурить.
Как хочется мне их продлить,
Как эти папиросы сладки!
Ненастье черное в окне...
Картины в стиле Клод Монэ
Лежат повсюду в беспорядке –
Французский, красочный пожар,
И пахнут краски, скипидар.

С бессонным, утомленным взором,
Сказав прости моей мечте,
По лестницам и коридорам
Блуждал я долго в темноте.
Не раз ногой попавши в лужу,
Я вышел наконец наружу.
Дождем обрызгана сирень,
Над городом – ненастный день,
А в сердце – боль разуверенья,
Неразрешившийся вопрос.
В волшебной силе папирос
Ищу минутного забвенья.
Всё пусто. Редко промелькнет
Раскрывший зонтик пешеход.

Я помню час разлуки дальной,
Конец пленительного сна,
И взор задумчиво-печальный
У запыленного окна.
Вдали виднелись те же зданья,
Заученные очертанья
Карнизов, кровель, куполов...
Никто на расставанье слов
Не находил. Но ясно было,
Что призрак реял среди нас,

Что сердце не одно в тот час
Свои надежды хоронило.
А снизу доносилась пыль,
Шипя, летел автомобиль...

IX. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Мужайся! Над душою снова
Передрассветный небосклон,
Дивеева заветный сон
И сосны грозные Сарова.

А. Белый

Зачем зовешь к покинутым местам,
Где человек постом и тленьем дышит?
Не знаю я: быть может, правда там,
Но правды той душа моя не слышит.

Кто не плевал на наш святой алтарь?
Пора признать, мы виноваты оба:
Я выдал сам, неопытный ключарь,
Ключи *его* пророческого гроба.

И вот заветная святыня та
Поругана, кощунственно открыта
Для первого нахального шута,
Для торгаша, алкающего сбыта.

Каких орудий против нас с тобой
Не воздвигала темная эпоха?
Глумленье над любимой мечтой
И в алтаре – ломанье скомороха!

Беги, кому святыня дорога,
Беги, в ком не иссяк родник духовный:
Давно рукой незримого врага
Отравлен плод смоковницы церковной.

Вот отчего, мой дорогой поэт,
Я не могу, бывшие сны развеяв,
Найти в душе словам твоим ответ,
Когда зовешь в таинственный Дивеев.

.....
Она одна, одна – моя любовь,
И к ней одной теперь моя дорога:
Она одна вернуть мне может вновь
Уже давно потерянного Бога.

Х. В. М. КОВАЛЕНСКОМУ

Зовет мое воображенье
Тебя, следящего движенья,
В лазури, белых голубей.
В лучах сиял их рой жемчужный.
Они, казалось, были дружны
С душою светлую твоей.

Вот, что воспеть всего приятней:
Под полусгнившей голубятней
На старом ясене доска,
И волны заревой прохлады
В саду, где плачущей дриады
Поет старинная тоска.

Прозанимавшись до обеда,
Ты строгий циркуль Архимеда
Сменял на лейку и уду.
Клевало плохо, и вдобавок
Ты всё вытаскивал пиявок...
Что было смеха на пруду!

Да, наша дружба стала явней:
Мы – два обломка стародавней
Полуразрушенной семьи.
И Гоголем, Аристофаном
Полны под вечер, за стаканом,
Остроты легкие твои.

Прими ж рифмованные дани,
Златых Тургеневских преданий
Хранитель добрый и простой.
На мнения людей не глядя,
Мы будем верны, милый дядя,
Заветам родины святой.

ХІ. А. Г. КОВАЛЕНСКОЙ

Сквозь грезы зла, насевшие как пыль,
Сквозь сумрак дней, тревожных и печальных,
Встает одна пленительная быль,
Прекрасный сон годов первоначальных.

Всегда на страже строгой красоты,
Средь древних рощ, как древняя дриада,
Одна душою не стареешь ты,
Волшебница таинственного сада.

Люблю прийти в священный твой приют,
Заботы дня на время обесценив,
Где в розовом раю еще цветут
Нетленные Жуковский и Тургенев.

Как струны гармонической души,
Что год, что час между собой согласней.
Как полны мудрости, как хороши
Сердцам детей твои простые басни!

К твоим ногам недавно я принес
Больной души мучительные пени:
Текла весна вершинами берез,
Вдали сверкали ветхие ступени.

И понял я, взглянув на ясный лик,
Что с роком ты, как гордый бог, боролась,
Уча естеств таинственный язык,
Птиц, струй, цветов утешный внемя голос.

С тобой шептались струйка и звезда...
И Андерсен тебе любезен мудрый,
И летопись Дворянского Гнезда,
И нежный вздох Минваны златокудрой.

Теперь неожиданно просветлел мой путь,
Трагедия приблизилась к развязке,
И я готов, как в оны дни, уснуть
Под музыку твоей волшебной сказки.

ЦВЕТНИК ЦАРЕВНЫ

**Третья книга стихов
(1909–1912)**

Образ милый. – Розы Афродиты. – Песни.
Поэмы. Посвящения и мадригалы.
Благословение прошлого.
У ног царевны.

Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,
Te teneam, moriens, deficiente manu.

Tibullus. I

МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЕ

ОЛЕНИНОЙ-Д' АЛЬГЕЙМ

преданно посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разбирая мою книгу «Апрель»*, Валерий Брюсов, наряду с верными замечаниями и заслуженными мной упреками, высказал несколько таких, с которыми я отнюдь не могу согласиться. Оставить их без ответа с моей стороны могло бы значить одно из двух: 1) или что я не дорожу критическим отзывом Брюсова, 2) или что я принимаю его упреки, как заслуженные. Но: 1) мнение Брюсова всегда мне дорого, как мнение моего любимого поэта и учителя, 2) один тот факт, что после критики Брюсова я не только не перестал писать стихи, но даже решаюсь выступить с новым сборником, показывает, что не все упреки моего критика я принимаю как заслуженные. И к таким упрекам прежде всего отношу я упрек в том, что у меня «нет своего отношения к миру», «нет определенного миросозерцания», что я «неизвестно для чего повторяю евангельские сказания» и «развиваю в терцинах довольно наивные раздумия».

Позволю себе еще раз занять внимание Брюсова моими «раздумиями» (правда, не в терцинах, а в прозе) и коснуться существенного вопроса о *поэтическом миросозерцании*. Книга стихов не должна непременно являться выражением цельного и законченного миросозерцания. По большей части, книга стихов дает нам историю *развития* миросозерцания, его различные этапы.

Большой ошибкой было бы принимать за философское *credo* каждую отдельную мысль, заключенную в сборнике стихов. Книга стихов есть исповедь поэта, история его исканий, находений, ошибок, падений. Объединяет все отдельные мысли и переживания, заключенные в книге стихов, только единство сознания того, кто переживает, – поэт.

И предлагаемая теперь книга далеко не во всех отделах близка мне сейчас, многие страницы читаю я как чужие. Таковы для меня отделы, где слишком чувствуется одностороннее влияние Гёте, Батюшкова и Шенье, или где я старался разработать чисто-

* Русская Мысль, 1910 г. Июнь.

реалистические приемы в описании мелочей обыденной жизни. И там, и здесь я ставил себе чисто-художественные задачи, в соответствии с настроением того момента, и считаю себя вправе поделиться с читателем моими опытами, если не считаю их вполне неудачными. Решительно отклоняя от себя обвинение Брюсова в отсутствии всякого мирозерцания, я охотно принимаю второй его упрек: в ученическом характере моих стихотворений.

И на предлагаемую книгу смотрю я как на «ученическую», в этом ее значении нахожу и мой суд, и мое оправдание. Но у меня есть надежда, что это последняя из моих ученических книг, что на последних страницах ее уже светлеет очерк устанавливающегося мирозерцания, находящего себе свои собственные поэтические формы.

Когда я закончил «Цветник царевны», мне стало ясно, что я совершенно ушел как от *исторического критицизма*, который сказался в моей первой книге «Цветы и ладан», так и от *романтического пессимизма*, который сказался во второй моей книге «Crurifragium». В предисловии к первой книге сказано: «При современном состоянии философской мысли едва ли возможно, без компромисса и самообмана, принять метафизику апостола Павла»*. В предисловии ко второй книге я противопоставляю якобы ложному методу научного анализа истинный метод эстетического восприятия**.

Новую книгу я издаю с твердой уверенностью в том, что наука и искусство разными путями ведут нас к одним целям, из которых высшая и подчиняющая себе другие есть цель религиозного знания и творчества, и что современная наука в своих дальнейших выводах неизбежно придет к новому утверждению той самой метафизики апостола Павла, которую она отвергла в незрелую эпоху своего развития.

Однажды мне пришлось высказать сочувствие идее профессора Зелинского о будущем славянском Ренессансе. Эта идея близка мне и теперь, но при следующих оговорках.

* Цветы и ладан, 10.

** Crurifragium, IX, X.

Высший расцвет искусства обыкновенно происходит от соприкосновения двух культур, от восприятия молодой, полной непосредственного природного и религиозного чувства народностью плодов многовековой и изысканной культуры. Так было, когда на почве дикой, средневековой Италии привились тонкие цветы византийского искусства. Это соприкосновение итальянской девственной культуры с перезрелым эллинизмом Византии дало весну Ренессанса, дало Джотто и Боттичелли.

Искусство раннего ренессанса до сих пор остается идеальным образцом, как соединившее в себе два начала: религиозное, условное, символическое, с одной стороны, и реалистичное, природное – с другой. Канон, условность, религиозность есть то, без чего не может быть истинное искусство. Этой религиозностью проникнут весь Джотто, она еще не исчезла и у Боттичелли. Но, в отличие от чистых византийцев, у Джотто есть всё возможное совершенство экспрессии, максимум реализма, допустимого в искусстве. С Леонардо начинается антирелигиозный характер итальянского искусства, достигшего полного падения в *натурализме* рафаэлевой школы.

Тот ренессанс, которого мы вправе ждать от русского искусства, который завещан великим прошлым нашей поэзии и духом нашего народа, есть именно этот ранний ренессанс прерафаэлитов. Начала этого ренессанса находятся в поэзии Жуковского и Пушкина, хотя и они не были свободны от предрассудков академизма и рафаэлевских традиций.

Россия – до сих пор дикая страна, не прошедшая того культурного пути, той классической школы, которую прошли народы Запада. Но при всей малоценности нашего культурного развития, мы обладаем тем, чего нет на Западе: массой религиозного народа, с одной стороны еще не потерявшего связи с землей и естественной религией, а с другой – глубоко воспрियाвшего нравственные начала христианства: начала подвига, самоотвержения и любви. Эти начала завещаны нам и тремя корифеями нашей поэзии: Жуковским, о котором сказал Тютчев: «веял дух в нем чисто-голубинный», «его душа возвысилась до строю»; Пушкиным, в образе Татьяны воплотившим всё стремление русской природы и русской души к самоотречению, и Тургеневым, возведшим в лице Лизы

это стремление до идеала церковно-аскетического. Из этих трех начал 1) народной религии, с ее близостью к земле, пережитками художественной старины и глубоко воспринятым нравственным началом христианства; 2) неисчерпаемой сокровищницы византийского эллинизма, оплодотворившего однажды искусство Италии и способного вновь оплодотворить наше искусство, и 3) нашего светского, культурного возрождения, выводящего себя из первоисточника нашей поэзии Пушкина, – из этих трех начал и может возникнуть будущий русский Ренессанс, ничего общего не имеющий с натурализмом и материализмом позднего итальянского ренессанса.

Сергей Соловьев

11 октября 1912 г.
Дедово

ОБРАЗ МИЛЫЙ

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою.

Жуковский

Ô ma fleur, ô mon immortelle,
Seul être pudique et fidèle
Où vive encor amour de moi.

Alfred de Musset

I. ЯВЛЕНИЕ МУЗЫ

Сколько лет в тоске упорной,
Обступаем мглою черной,
Бога солнечного сын,
Я, пугая злые силы,
Вызывал твой образ милый,
Вечно замкнут и один.

Я стремил к тебе объятья,
Зовом лирного заклатья,
В пытках воззывал: приди!
Утоли и дай забвенья!
Ты, звездой сверкнув мгновенье,
Исчезала впереди.

Но теперь в напевах вьюги
Я расслышал зов подруги,
Всё развеялось как дым.
Мира тает призрак грубый,
Лишь младенческие губы
Рдеют смехом золотым.

Смех твой – как лесные струи,
Животворны поцелуи,
Как лобзания небес.
Ты смеешься, ты ликуешь,
Ты над мраком торжествуешь,
Твой возлюбленный воскрес.

Радуйся богине, лира!
В море вечного эфира
Злая расточилась тьма.
Чу! голубки воркованье...
Дух познал очарованье,
Сладость легкого ярма.

Слышу: пленник вожделенья,
Ты отравлен ядом тленья,
Ты и слеп, и глух, как труп.
Все грехи твои омою
Голубиной чистотою,
Поцелуем нежных губ.

II

Дальше, дальше ото всех
Ты меня умчи
В снежный вихрь.
Шум метели, детский смех
И лучи
Глаз твоих.

Лишь увидел я тебя,
Позабыл
Всех подруг.
Нам легко, как голубям,
Реять в небе плеском крыл,
Королевна вьюг.

Нам ресницы опуша,
Падай, снег,
Звездочка, кружись!
Вот и вся моя душа...
Рдей, улыбка! Звонче, смех!
Вот и жизнь.

III

Посв. Наталии В. Богословской

Крепче голубой мороз,
Воздух скован, пахнет дым.
Кто тебя, дитя, принес
В край железных, звездных зим?

Целый мир – лишь ты одна,
Как легко, светло с тобой.
Душу высветлил до дна
Взор хрустально-голубой.

Из-под загнутых ресниц
Блещет бледная лазурь,
Голос – щебетанье птиц
В воздухе без туч и бурь.

Кто ты: маленькая рысь,
Или райский ангелок?
Выжжена морозом высь,
Город мертв, рассвет далек.

Крепче яростный мороз,
Город бездыханно пуст...
Только мягкий шелк волос,
Нежный, нежный пурпур уст.

IV

Ты знаешь, ты знаешь: я с первого отдал мгновенья
Мое сердце тебе, как только тебя увидал,
И стало бывшее добычей забвенья,
Всё прошлое смыл набегающей радости вал.

Весь день перед встречей, неясного полон похмелья,
Я плакал, молился, не ведая сам, почему,
И ты предо мною предстала, мое золотое веселье,
И ангел лазурный рассек облежавшую тьму.

Ты смотрела в пространство, задумчиво стоя,
И казалось: тебе открывается вечная даль.
И рванулась душа, и сверкнуло вино золотое,
О свиданье пропел зазвеневший заздравный хрусталь.

Так поверим, поверим вскипевшему пеной веселью!
И, покинувши мир,
В час полночи злой закружимся с безумной метелью,
Умчимся в синий эфир.

Я знал тебя вечно: ко мне приходила во сне ты,
Царевна морозов, принцесса серебряных грез...
Земля позабыта, в пространстве мерцают планеты,
И вьюга играет развеванной прядью волос.

Улыбаются очи, и близятся нежные губы...
Принцесса, принцесса, куда ты влечешь меня?
Чу, вьюга вдали затрубила в несметные трубы
И вихрем снежинок на нас налетела, звеня.

V. ПЕСНЯ СЕРДЦА

Быстро под напев метели
Миги счастья пролетели,
Снова ночь моя пуста.
Помнишь, помнишь, как, бывало,
Ты от уст не отрывала
Охладевшие уста?

Как, предчувствуя разлуку,
Жал я маленькую руку
И щекою к рукаву
Припадал с безмолвной лаской.
Всё, казавшееся сказкой,
Всё сбывалось наяву.

И дышал под пылью снежной
Уст полураскрытых нежный,
Смятый поцелуем цвет.
Сердце к сердцу приближалось,
Сердце сердцу отзывалось,
Билось радостно в ответ.

Было больно, было сладко
Выпить, выпить без остатка
Пурпур губ и нежность глаз.
Сердце всей своею кровью
Поклялось тебе любовью
В первый и последний раз.

И, когда мой час настанет,
Пусть душа твоя вспомнит
Сказку ночи голубой.
Ты, лобзаньем кончив муки,
Примешь в маленькие руки
Сердце, жившее тобой.

VI. БАБУШКА И ВНУЧКА

Посв. В. Ф. Ахрамовичу

Колдует над полянами веселая весна,
А бабушка молитвенник читает у окна.

И незабудки нежные, в тени зеленых ив,
Смеются, глазки синие над озером склонив.

Земля под маргаритками – как в розовом снегу,
А девочка веселая играет на лугу.

Вся, – маленькая, легкая, лазоревый глазок.
Заговорит, и кажется: воркует голубок.

Бежит из лесу к девочке знакомая семья:
«Ах, здравствуйте, голубчики, любимые друзья!

Лисичка-вертихвосточка, ты всё еще жива?
А вы как зиму прожили, синичка и сова?

Ты, рыбка красноперая, не любящая зим,
Как весело ты хвостиком сверкаешь золотым!

Плыви скорее к берегу и жди у тростника,
Тебе я в грядках вырою большого червяка».

И вскрикнула, и кинулась, откинув волоса,
И смех, как звон серебряный, под небом разлился.

А бабушка молитвенник читает сквозь очки,
Каштан склонил над окнами зеленые сучки.

Синичка, рыбка, совушка, примите мой поклон!
Должно быть, в детстве радостном я видел этот сон.

VII. ВОСКРЕСЕНИЕ

Я лежал в гробнице без движения,
Посинели губы, взор ослеп;
Ароматом ладана и тления
Был насыщен, красными лампадами
Озаренный, безысходный склеп.

Вкруг меня враги смеялись злобные,
И не мог я злобу их залясть.
Тело, тайными отравленное ядами,
Плащаницы повивали гробные,
Язвы нардовая умащала масть.

Но домчалось воркованье голубиное,
И гробница смрадная пуста.
Ты рассыпала на грудь мне кудри длинные,
И пурпурными омыла поцелуями
Посиневшие, холодные уста.

И вокруг одна лазурь бескрайная,
Пурпур уст и смех твой золотой.
Тлен пронизан голубыми струями...
Что вершится новое и тайное
Над безумною и темною душой?

VIII. РАУТЕНДЕЛЕЙН

Я стал на братьев непохожим,
Людские позабыл труды,
И мох зеленый стал мне ложем,
Трапезой – корни и плоды.

Шалаш соорудив под буком,
Охотничий надевши плащ,
Бродил я годы с верным луком
Среди глухих, еловых чащ.

Чего со мною не бывало!
Все звери за меня брались.
Не раз коза меня топтала,
И грызла золотая рысь.

Я – весь одна живая рана –
Из цепких вырывался уз.
Плечо хранит клеймо капкана
И зуба волчьего укус.

На третье лето испытаний,
Не могшему постигнуть тайн,
Ко мне явилась на поляне
Царевна Раутенделейн.

Она была – как утро мая,
Нежнее первого цветка,
Живей, чем струйка ключевая,
Как серна горная, легка.

Звенели, как лесные струи,
Ее слова и смех живой,
И были свежи поцелуи,
Как первый ветер заревой.

Она сказала: «Я разрушу
Всю казнь, творимую зверьми,
Люби меня, отдай мне душу».
И я ответил ей: «Возьми!

Возьми ее всю без изъятия,
Я ждал тебя одну – года.
Твой поцелуй, твои объятия
Меня пленили навсегда».

Она, младенчески ликуя,
Припала грудью мне на грудь,
Не разрывая поцелуя
И медля губы разомкнуть.

Казалось, первым из сокровищ
Я обладал. Но лес восстал,
И целый хор лесных чудовищ
Неистово заскрежетал.

И, вдруг ужаленный ехидной,
Я в пропасть рухнул. Я, как труп,
Лежу в крови, и мне не видно
Ни глаз твоих, ни милых губ.

IX. ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

ОКТАВЫ

Татьянин день! знакомые, кухни –
Объехать всех обязан я, хоть плачь.
К цирюльнику сначала, в магазины
Несет меня Плющихинский лихач.
Повсюду – шум, повсюду – именины,
Туда-сюда несутся сани вскачь,
И в честь академической богини
Сияет солнце, серебрится иней.

Сквозь шум мужских и женских голосов
Твой детский смех я слышу из передней.
Всё тот же он, как несколько часов
Тому назад, в минуту страстных бредней.
Сдирая лед с замерзнувших усов,
Вхожу, смущен, как черт перед обедней.
«Как Вы бледны! не спали, верно?» – «Да».
А взор ее сияет, как звезда.

И сладко мне лелеять наши тайны,
И жаль, что чай смывает легкий след,
И тает поцелуй необычайный
Ее цветущих уст. Его уж нет.
Я взор ловлю и каждый вздох случайный.
Не двое ль мы? Действительность, как бред,
Уходит вдаль, и тонет взор во взоре.
Пускай кругом шумит людское море!

Татьянин день! О первый снег и розы,
Гвоздик и ландышей душистый куст.
О первые признанья, клятвы, слезы
И поцелуй оледеневших уст.
Уж близко утро, синие морозы
Сжигают высь, звенящий город пуст.

Последний вздох над лестницею темной...
Порыв любви, божественно-нескромный.

Х. ПРОСТИ

Прости! окончен тяжкий год
Лобзаний страстных и могил;
Пришел, должно быть, мой черед
Признаться, что не стало сил.

Так любят в жизни только раз:
Отец и мать, и отчий дом
Ты мне была. В последний час
Ты не подумала о том?

Прости! какое море мук,
Какое пламя, яд и кровь
Таит единый этот звук,
Звук, отпевающий любовь.

Кто осквернит твои уста?
Кому – твоя святая грудь?
Младенец мой, везде, всегда
За всё благословенна будь!

Так близко счастье, и ужель
Я одинок уже навек?
Я ухожу в мою метель,
В холодный ветер, ночь и снег.

XI

Да, ты права, я сильно постарел
За этот год, он десяти годам
Равняется: сначала тучей стрел
Любовь пронзила сердце мне, а там
За гробом гроб и язвы тайных мук.
Измученный, не покладая рук,
Я всё иду к намеченной мете,
Но даль темна, и силы уж не те.

Я б не поверил год тому назад,
Что через год ты будешь уж не та:
Так светел был твой непорочный взгляд,
Так нежны полудетские уста,
Так ты любви всецело отдалась,
Так отдаются в жизни только раз...
Мне странно, что я столько перенес,
Что на тебя могу смотреть без слез.

Тебе ясна души моей тоска,
Так тщательно таимая от всех.
Не лгу тебе, ты слишком мне близка.
Зачем же эта злоба, этот смех,
Всё сердце мне повергнувшие в ад.
Я пред тобой ничем не виноват,
Не думал я, что так бессильна ты
Пред властью дней и ядом клеветы.

.....

Но нет, но нет: душа полна любви,
Она верна тем голубым ночам,
Когда я кудри целовал твои,
Бегущие волнами по плечам,
Когда я был моей малютке люб,
Когда твоих полураскрытых губ
Касался я в порхающем снегу.
Нет, разлюбить тебя я не могу.

Я не могу сказать «прости» всему,
Чем долго так душа моя жила,
Я не могу вернуться в злую тьму,
Откуда ты так властно извела
Меня любовью чистой твоей.

.....

ХІІ. ЛИТВА

«Боярин! Боярин! о чем ты загрезил? куда
Глядишь ты печально, из рук уронив повода?»
– «Кручины моей не поймешь ты, мой верный слуга;
Давно мне постылы родные леса и луга:
Там, в синей дали, за лесами, как сон наяву,
Белеет дорога, и эта дорога – в Литву.
Туда полечу, опоясавши дедовский меч,
Туда, где уж боле не слышится русская речь,
Где пашут волы на чужих, незнакомых полях,
Где в темной корчме веселятся венгерец и ях,
Где кости гремят и веселые кубки шипят,
Где в небе синеют вершины далеких Карпат.
Туда, где свой гроб покидает алкающий труп,
Где бледные лица с сомнительной аlostью губ,
Где бродит монах, по ночам, на дорогах глухих,
Где путник ночной бережется безумных волчих...
Там – тоже весна. Там фиалки цветут на лугах,
Поет соловей под тенистою липой, и – ах! –
Там сердце одно расцветает, как ландыш лесной,
И хочет любить и дышать голубою весной.
Прости, мой слуга, господина без страха покинь,
Уж ветром весенним лицо мне ласкает Волинь».
– «Боярин! Боярин! тебе не вернуться назад,
Истлеет твой труп у подошвы далеких Карпат...
Сладка упырям молодецкая русская кровь».
– «Мечом и крестом завоюю весну и любовь».

ХІІІ. ПРЕДКАМ КОВАЛЕНСКИМ

Не ваша ли кровь, как огонь, разливается в жилах?
В далеком потомке нежданно волнуется вы,
О предки мои, что столетия спали в могилах
Родимой Литвы?

Вы, летевшие в битву, едва раздавалась команда,
Обагрывшие кровью Дуная святые струи,
Блестящей толпой окружавшие трон Фердинанда,
О предки мои!

Литовские графы, я чую ваш дух непреклонный,
И гордая радость во мне заиграла ключом,
При виде фамильного льва с золотою короной
И с синим мечом.

О гении рода, врагов моих злых истребите,
Как ветер осенний срывает с деревьев листву,
Сомкните щиты надо мною, и благословите
Мой путь на Литву.

РОЗЫ АФРОДИТЫ

Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он выпьет их сладкий аромат.

Фет

I. ПАРИС

Еще вчера шел дождь, и море было серо,
А нынче целый день сияет небосклон,
Хранима Эросом, плывет моя триэра
В божественный Лакедемон.

Уже который день, не покидая вёсел,
Гребут товарищи, морскую зыбь деля.
Для сна и отдыха ни разу я не бросил
Из рук скрипучего руля.

Струятся с гор ручьи растаявшего снега,
Мне треплет волосы душистый ветр весны.
Какая слышится ликующая нега
В журчанье вспененной волны!

Не страшен мне ваш гнев, кичливые Атриды.
Мой жребий царственный открылся мне в тот день,
Когда я пас стада в лугах родимой Иды,
Свирелью прогоняя лень.

Напрасно Азии великую державу
Сулила Гера мне; во всех сраженьях верх
Афина прочила: и почести, и славу
Я с равнодушием отверг.

Но тут, сорвавши с плеч пурпуровую хлену,
«Ты вкусишь радости, доступной лишь богам, –
Киприда молвила, – я дам тебе Елену».

И я упал к ее ногам.

Ни слезы матери, ни отчие седины
Не задержали путь. Во прахе и крови
Пусть рухнет Илион! Всё, всё за миг единый
Ее божественной любви!

Приама древнего прими благословенье.
Уже чертог – в цветах, готов венчальный хор,
И нежных ног твоих зовет прикосновенье
Фиалка ионийских гор.

Остановись, ладья! Как с птичьего полета,
Я вижу весь узор таинственной судьбы.
Привет вам, тростники священные Эвроты,
Палестры мраморной столбы.

Кто эта женщина, прелестная, как нимфа,
Стоит в кругу подруг, поднявши диск златой?
В кудрях ее – венок из роз и гиакинфа...
Погибни, Илион святой!

*1910. 1 марта
Геленджик*

II. ПОСЕЩЕНИЕ ДИОНИСА

Тайный гость в венке из винограда
В полночь постучался у крыльца:
Отвори мне, юная менада,
В дом впусти ночного пришлеца.

Я устал, оборваны сандалии,
Вся в пыли на посохе лоза,
И полны желанья и печали
Отрока бессонные глаза.

С сердцем, полным ужаса и дрожи,
Грудь и губы устремив ко мне,
Ты не спишь на знойном, смятом ложе,
Свесив ногу в кованом ремне.

Как и я, ты зажжена любовью,
Очи вожделением горят,
И пылает жертвенною кровью
Алых уст и персей виноград.

Встань, возьми потир из кипариса,
Тайный пир для гостя приготовь,
И насыть лобзаньем Диониса
Темную, взволнованную кровь.

Нежная, в венке из роз и хмеля,
Свой хитон на части разорви,
Пей мой взор, исполненный веселья,
Светлого безумья и любви.

В дверь стучу. Тебя, тебя мне надо.
Я устал от долгого пути.
Отвори мне, юная менада,
И порог лобзаньем освяти.

III. ВАКХАНКА

Вся – желанье, вся – тревога,
Без сознания и без сил,
Ты замедлила немного,
Жрица бога, чужа бога
Приближающийся пыл.

Грозен Вахх, когда к менадам
Он нисходит: трепеща,
Ты возносишь с пьяным взглядом
Тирс, увитый виноградом
И побегам плюща.

Как любовница на ложе,
Млея, кличешь: Вахх! Эвой!
И тимпан из красной кожи
Кружишь в сладострастной дрожи
Над кудрявой головой.

Ты, как жертва в час закланья,
– Непорочна и свята.
В персях – трепет и пыланье,
Дионисова лобзанья
Алчут алые уста.

Ты упала с томным стоном,
Звонко бросивши тимпан...
Тише, с шепотом влюбленным
К персям девы воспаленным
Припадает юный Пан.

IV. ВЕНЕРА И АНХИЗ

Охотник задержал нетерпеливый бег,
Внезапно позабыв о луке и олене.
Суля усталому пленительный ночлег,
Богиня ждет его на ложе томной лени.

Под поцелуями горят ее колени,
Как роза, нежные и белые, как снег.
Струится с пояса источник вожелений,
Лобзаний золотых и потаенных нег.

Свивая с круглых плеч пурпуровую ризу,
Киприда падает в объятия к Анхизу,
Ее обвившему, как цепкая лоза.

И, плача от любви, с безумными мольбами,
Он жмет ее уста горящими губами,
Ее дыханье пьет и смотрит ей в глаза.

V. КУПАНЬЕ НИМФ

Посв. А. М. Кожебаткину

На золотом песке, у волн, в тени лавровой,
Две нимфы, белые, как снег, с отливом роз,
Сложили бережно прозрачные покровы
И гребни вынули из золотистых кос.

Климена нежная с Агавой чернобровой
Поплыли, обогнув береговой утес,
И ветер далеко веселый смех разнес,
Ему отозвались прибрежные дубровы.

И целый час слышны удары, крик и плеск.
Но солнце низится, умерив зной и блеск,
И девы стройные, подобные лилеям,

Выходят на песок, который так горяч,
Что им обжег ступни. Они играют в мяч,
Натершись розовым, блистательным елеем.

VI. ПОДРУГИ

О, как завистливо любят тебя
Подруги страстные, когда из медной урны
Ты ножки белые полощешь над рекой,
Или плывешь, смеясь, по глади вод лазурной.

Подруга первых игр и шалостей твоих,
Сама невольно я тобой люблюсь, Хлоя,
И, видя отроков, шепчу: кому из них
В удел достанется блаженство золотое?

Но я заметила, что ты с недавних пор
Вся изменилась вдруг. Как будто утомленья
И неги женственной исполнен детский взор,
Пылает на щеках румянец вождельня.

Открой всю правду мне. Головкой к плечу
Склонись, обвив меня цветущими руками.
И грудь жемчужную и плечи я хочу
Осыпать черными, змеистыми кудрями.

Ах! что бы Дафнис дал, чтобы ласкать, как я,
Две груди, чистые, как белые голубки,
Шептать: «Я твой, я твой! О Хлоя, ты – моя!»
Целуя сладкие и розовые губки.

Признайся, уж не раз с ним целовалась ты,
И перси нежные его губами смяты...
Ах, и меня зажгли желанья и мечты,
Которыми с тех пор горишь и млеешь вся ты.

Смотри, из тростников сверкает чей-то глаз...
То зритель наших игр и сторож наш прилежный,
Неистовый сатир. Уж он не в первый раз
Улегся в заросли, любуясь нимфой нежной.

Ему пятнадцать лет. Он весел и умен,
Хотя курнос и толст. Венком увенчан хвойным,
И – бедный бог – себя, хотя давно влюблен,
Твоих желанных ласк считает недостойным.

Пойди, и с мальчиком хоть малость пошали.
Принес он яблоко и грушу в дар богине,
И молча на тебя любуется вдали,
От солнца жгучего укryвшись в вязкой тине.

Для слуха робких дев приятен дикий крик
Сатира, сытого восторгом сладострастья.
Лесному отроку отдай себя на миг,
Чтоб задышался он и хохотал от счастья.

VII. ДАФНИС И ХЛОЯ

Хлоя

Дафнис! Дафнис! где пропали козы?
Серый волк козу мою возьмет.

Дафнис

Губки дай мне вместо этой розы,
Дай мне грудь за яблоко и мед!

Хлоя

Засмеют меня подруги-нимфы,
Подсмотревши нас из-за куста.

Дафнис

В поле сладко рдеют гиацинты,
Слаще рдеют Хлоины уста.

Хлоя

Поцелуй, как цветы, срывая,
Ты корней цветку не оборви.

Дафнис

Хлоя! Хлоя! – роза полевая –
Долго ль будешь бегать от любви?

Хлоя

Погоди, пока созреют лозы,
Виноградник ранний не разрушь.

Дафнис

Ах! уста твои душистей розы,
Грудь слаще яблоков и груш.

Хлоя

Ах, отстань! мне надоели ласки,
Нас увидеть может кто-нибудь.

Дафнис

Отчего так томны эти глазки,
Отчего заволновалась грудь?

Хлоя

Отчего я так тебе желанна,
Отчего я млею, вся дрожа?

Дафнис

Отчего ты так благоуханна,
Так бела, румяна и свежа?

Хлоя

Полно, голубь, ворковать с голубкой!
Дафнис, будет! захватило дух!

Дафнис

Как хорош над вздернутою губкой
Чуть заметный серебристый пух!

Хлоя

Дафнис, Дафнис, перестань, не трогай!
Мне пора, давно пора домой.

Дафнис

Хлоя, к матери вернувшись строгой,
Поцелуи с жарких щечек смой.

Хлоя

Растрепались кудри без повязки.
На, целуй! сюда идут. Бегу.

Дафнис

Вытри, Хлоя, маленькие глазки,
Чтоб не выдать игры на лугу.

VIII. ПОЦЕЛУЙ

Твое лицо – запечатленный сад,
Где утренняя роза розовеет.
От лепестков полуоткрытых веет,
Маня пчелу, медовый аромат.

И я пришел в цветущий вертоград,
Где райский плод сквозь зелени краснеет.
Ах, знал ли я, что для меня созреет
Румяных уст мускатный виноград?

Твои глаза впивая взором жадным,
И ими пьян, как соком виноградным,
Припав к груди, я пью душистый вздох,

Забыв о всем волнующемся мире.
В твоих губах, как в розовом потире,
Вино любви и лучезарный бог.

IX. ЭПИТАЛАМА

Подруги вводят с песней брачной
Тебя в сияющий чертог;
В одежде, легкой и прозрачной,
Ты медлишь перейти порог.

Смирясь пред мукой неизбежной,
С ресниц стряхаешь капли слез,
И с головы снимаешь нежной
Венок из ароматных роз.

Идешь, как жертва на закланье,
Не смея мне в глаза взглянуть,
Но подступившее желанье
Волнует девственную грудь.

Припав к тебе с лобзаньем жадным,
Я в спальню ввел тебя, как в храм,
И чашу с соком виноградным
Приблизил к рдеющим губам.

И лен венчального наряда
Упал потоком легких струй,
Дыханьем роз и винограда
Был полон брачный поцелуй.

Твоими взорами лелеем,
Взирая гордо и светло,
Я умастил тебе елеем
И грудь, и кудри, и чело.

И, сердцем всем и всею кровью
Невесту чистую любя,
Я наклонился к изголовью,
Назвав по имени тебя.

И, не боясь грядущей муки,
Вся – закипавшая гроза –
Ты медленно раскрыла руки
И вскрикнула, закрыв глаза.

Четой блаженной и бессильной
Нашла нас юная заря,
И мускус был, как дым каильный,
Благоухавший с алтаря.

Х

Глазки смеются твои, как зелено-лазурное море,
Искрятся солнцем любви, млеют желанием нег.
Ножки тверже твои незрелых кистей винограда,
Трижды вокруг них обвилась красных сандалий ремни.
Пышны широкие бедра под легкою белою тканью,
Мягче они творога, если коснуться рукой.
Груды твои притаились, как две белокрылых голубки,
Юные груди твои, пламенных ждущие губ.
Сладко, прильнувши губами, наполнить их томным волненьем,
Слаще губами припасть к алым, как роза, губам.
Милая, только зачем в золотые часы поцелуев
Яблоко с медом вкушать, розой касаться до губ?
Слаще, душистей не будешь, голубка, от меда и розы:
В каждом лобзанье твоём – яблоко, роза и мед.

XI

Ты еще нежным была и не знающим страсти младенцем
В дни, когда отроку мне муза вручила свирель.
Помнишь веселие игр у источника, милого нимфам,
Помнишь, любила играть ты со свирелью моей?
Полый цикутовый ствол приложив к розовеющим губкам,
Ты повторяла за мной первые песни мои.
Вместе укрывшись в тени, мы читали стихи Каллимаха
И собирали вдвоем в вашем саду виноград.
Зорким оком прозрел ученик лучезарного Феба,
Сколько таится в тебе чар Афродиты златой.
Светлые глазки твои не видали тринадцати весен,
Как плотно подняла рано созревшая грудь.
Ах! простите навеки, невинные детские игры,
Только увижу тебя, в сердце томленье и боль.
Годы промчались, и ты полюбила алтарь Мельпомены,
Крики влюбленной толпы, красный звенящий тимпан.
Цинтия, долго ли будешь бесстрастною жрицею музыки:
Холодны ласки богов, ими ль наполнится жизнь?
Счастье в жизни одно: небольшой, но прочный достаток,
Вечно горящий очаг, ложе, где спишь не один.
Тот охотнее дом посещают мудрые музы,
Где хозяйственна мать, в люльке играет дитя.
Мне не даром тебя указала сама Афродита,
Знаю, что только с тобой жизнь моя будет красна.
Что за нежность в тебе и какая умеренность в чувстве!
Чуткая к голосу муз, ты не боишься труда.
Любишь курения, розы, вино, вавилонские ткани,
Но и расчетлива ты, и бережлива, как мать.
Нет, не даром тобой пленяется старый философ,
Зная природу вещей, ведая тайны богов.
Боги тот дом охранят, где ты будешь цветущей хозяйкой,
Будут в нем мясо и хлеб, и не иссякнет елей.
Кто переступит порог благовонной девической спальни?
Кто разделит с тобой ложе, трапéзу и жизнь?

Если сделаюсь я, о боги, этим счастливецем,
Вам обещаю заклать лучшего в стаде быка.

ХП

Цинтия, тише целуйся, а то услышат рабыни
И донести поспешат матери строгой твоей.
Глупая, сладости больше в безмолвных, долгих лобзаньях:
Звонко целует дитя няню и милую мать.
Ты же позволь мне, зажав меж губами верхнюю губку,
Медленно пить аромат девственно-свежего рта.
Сладко слегка шевелить губами алые губки,
Так собирает пчела с розы мед золотой.
Что за уста у тебя, моя девочка! Тайны лобзаний
В них заключаются все, как у богини любви.
Раз целовавши тебя, целовать не захочешь другую:
Все пред твоими уста – как перед розой польнь.
Цинтия, снова? Шалунья! Наверно достигли до сада
Звуки лобзаний твоих. Ах, ты погубишь меня.

XIII. SATURNALIA

Увы, боюсь я праздника Сатурналий:
Верна ли другу Цинтия в этом шуме,
Когда под утро, средь молодежи Рима,
Она венчает кудри цветущей розой,
Пьяна весельем и золотым Фалерном?
Не побледнели б щеки от долгих бдений,
Не оскорбил бы грубый начальник цирка
Нескромной лаской плечи плясуньи милой!
Не мажь так часто губки сирийской мазью:
От притираний губки утратят сладость,
А эти губки слаще вина и меда.
Ах, поскорей бы кончился этот праздник,
И мы собрались у очага родного,
Чтоб грызть орехи и целоваться тихо,
Когда задремлет бабушка над вязаньем!

XIV. ИЗ ИОАННА СЕКУНДА

Слаще нектара поцелуй Неэры,
Весь он дышит души росой душистой,
Миром нардовым, тмином, киннамоном,
Медом, что собирают с гор Гимета
Или с розы Кекропа медуницы,
И, замкнув непорочным воском сота,
Мед слагают в плетеную корзину.
Если много мне дашь твоих лобзаний,
Получу я внезапно дар бессмертья
И богов наслажусь нетленным пиром.
Но, молю, не дари такого дара,
Иль богинею стань со мной, Неэра.
Не хочу без тебя богов трапезы,
Даже если бы золотое царство,
Как Юпитеру, мне вручили боги.

ПЕСНИ

Ich bin bei dir; du seist auch noch so ferne,
Du bist mir nah!
Die Sonne sinkt, bald leuchten mir die Sterne.
O, wärst du da!

Goethe

І. ЭЛЕГИЯ

Под яблоней я плачу и тоскую,
Зову тебя, дышу тобой одной,
И белые цветы, склонясь, целую
В пустом саду, печальною весной.

Не заменит их легкое лобзанье
Цветущих уст и нежной груди зной.
Где вы, мечты роскошного свиданья,
В пустом саду, печальною весной?

К твоим губам, как к розовому раю,
Вотще тянусь, безумный и больной...
Кто так страдал, как я теперь страдаю
В пустом саду, печальною весной?

II

Я лежу, зачарованный сном,
В небе – влажная, синяя даль.
Гиацинт ли расцвел за окном,
Голубеет ли нежный февраль?

Только сердце готово зацвести,
Только песня трепещет, звеня...
Кто принес мне весеннюю весть,
Что ты вечно любила меня?

В небе – трепет лазоревых струй,
Где-то снега февральского хруст...
Чую полный весны поцелуй
Так мучительно розовых уст.

III

Ты порвала семьи святыя узы,
И бросилась в избытке первых сил,
Куда тебя звала улыбка музы
И юности неукротимый пыл.

И я тогда покинул дом мой сирый
И за тобой в чертоги суеты
Пришел, как встарь, с твоей любимой лирой:
Я мог дышать лишь только там, где ты.

И чуждая до этих пор стихия
Откликнулась на зов моей струны,
И стали мы по-новому родные,
Еще родней, чем были в дни весны.

Но не забудь родимые чертоги,
Где ты цвела, когда была дитя,
Где вечный мир, и мраморные боги
Тебя всё ждут, задумчиво грустя.

Потух очаг без попеченья милой,
И одинок в Элизии пустом
Печальный друг, кого ты так любила,
Хоть только раз ему призналась в том.

Но нависают тучи грозовые...
Приди, молно, в осиротелый храм,
Где жду тебя, чтоб снова, как впервые,
Молитвенно припасть к твоим губам.

IV

Я тебя не беспокою?
Ты не сердись на ласки?
Или друга жаль,
Что, обняв меня рукою,
Ты задумчивые глазки
Устремила в даль.

Всё, что сердце мне томило,
Все сомненья отлетели,
Ясно впереди.
Голова моя почила,
Словно в зыбкой колыбели,
На твоей груди.

V

Померкло театральное крыльцо.
У фонаря потухшего мелькнуло
Последнее актерское лицо.
Тебя всё нет... Ужели обманула?

Но ты идешь, последняя из всех.
Как ты опять прекрасна нестерпимо!
Как чудно обрамляет черный мех
Твое лицо, горящее от грима!

Какая ты сегодня? Ты полна
Беспечных ласк и детского задора,
Или опять устала и больна,
И нет огня в зеленой влаге взора?

Прости меня, но ждал я целый день,
И возроптал душой неблагодарной...
О, если б хоть какая-нибудь тень
В твоей душе, как солнце, лучезарной!

VI

Твое лицо, разгорячась от краски,
 Душистей и нежней.
Родная, отдохни. Как полон ласки
 Послушный бег саней.

Забудь толпу, шумящую, чужую,
 Где ты пленяла всех.
Ведь мы – вдвоем, и робко я целую
 Твой милый, черный мех.

Но ты уйдешь, и вновь во мгле морозной
 Один останусь я...
Когда поймешь, что не идти нам розно,
 О чудная моя?

VII

Моя обетованная земля,
Где медленно и равномерно
От белых стен вечернего Влахерна
Несется благовест на тихие поля!

Там, там порог обетованный,
Там розой юности украшенный чертог..
Туда приду, и у любимых ног
С последнею мольбой поникну бездыханный.

ПОЭМЫ

Miser Catulle, desinas ineptire
Et quod vides perisse perditum ducas.

Catullus. VIII

І. ЛЮБОВЬ ПОЭТА

І

Ты помнишь, как, в последних числах мая,
Явились мы в твой радостный Эдем,
За юных дев бокалы подымая,
Смеемся всему и счастливые всем,
У светлых вод, в лугах земного рая,
Стряхая пыль задач и теорем?
Окончив алгебры экзамен тяжкий,
Гордился я студенческой фуражкой.

Подругами другими заняты
Казались мы. Но за игрой наивной
«*Donne moi la rose*» сказала томно ты,
И голос твой, звенящий и призывный,
Во мне зажег неясные мечты:
Заметил я движенья ножки дивной,
Румяный зной ребяческой щеки
И губок розовые лепестки.

Еще дитя, ты годы обманула,
Все лепестки спешила развернуть:
Мои глаза невольно притянула
Цветущая младенческая грудь,
И что-то сладко сердце мне кольнуло,
В него влились предчувствие и жуть,

И я стоял перед тобой влюбленный,
Впивая взор, весенний и зеленый.

Ах, как боялся я, что оскорблю
Тебя моей любовью. Шли недели,
А я не смел сказать тебе: «люблю»,
Не смел сознать, что я уж близко к цели
И что пора причалить кораблю.
Но строгие октавы надоели:
Милей твой метр, изысканный Кузмин,
Воспевший булку, Палатин и тмин.

II

Сердце бьется, сердце радо!
Как под тенью винограда
Вкусен кофе поутру!
Знаю, все б узнать желали,
Я в кого влюблен, в тебя ли,
Или в старшую сестру?

Завели опять шарманку,
Что влюблен я в гувернантку,
А она совсем глупа:
В дело спиритизм пустила,
Думает, что всех пленила,
Даже твоего *papa*.

Впрочем, на руку мне это.
Захвативши томик Фета,
Огибаю огород.
Утра час и тих, и сладок.
Ну как меж клубничных грядок
Платье красное мелькнет?

Угрожаем близким гробом,
Старый пес с отвисшим зобом
Чуть идет, клонимый сном.
Очарованные мысли
Спят, как тучи, что повисли
Над березовым холмом.

Отчего ж из-за березы
Мне в лицо дохнули розы?
Ты проходишь, взор склоня...
Неумытая, из спальни,
Ты уж бегала к купальне...
Как белеет простыня!

III

Ночь осенняя полна разлуки
И невинной полудетской ласки.
Пожимаю маленькие руки,
Всматриваюсь в узенькие глазки.

Сердца моего биенье слушай,
Лучше слов оно тебе расскажет...
Вот и ваш балкон под дикой грушей,
Скоро спать моя малютка ляжет.

Нет, любви моей ничем не выдам,
Нет, ничем тебя не оскорблю я,
И прощаюсь с равнодушным видом
И не добиваюсь поцелуя.

Будет он когда или не будет?
Губ твоих вкушу ли аромата?
Или девочка моя забудет,
Как поэт любил ее когда-то?

Нет, я верю, этого не будет,
Бог меня так больно не обидит.
Кто тебя – ах! – кто, как я, полюбит,
И моя малютка это видит.

Всё, что в сердце есть горячей ласки,
Вам одним, глаза моей голубки,
Узкие, бессмысленные глазки,
Маленькие розовые губки.

И один я на скамейке круглой,
Небо черное горит звездами.
Вот звезда скатилась и потухла
Над безмолвными, поблекшими садами.

Лишь ручей лепечет под горою,
Как бывало майскими ночами,
Только сердце мое, полное тобою,
Всё исходит плачем и стихами.

Только встанет солнце, я уеду,
Много дав на чай милой прислуге:
Как и нынче, все придут к обеду,
И ты вспомнишь об отсутствующем друге.

Звезды падают, и льются слезы...
Не усну я, вспоминая об отъезде.
К утру белые померзнут розы...
Холодно сияние созвездий.

IV

Его ты любишь и любима.
Глядишь с улыбкой херувима,
И все тобой умилены,

Да, он хорош: высокий, стройный,
Вполне, вполне тебя достойный,
Вы так прекрасно влюблены!

В избытке собственного счастья,
Ты внемлешь с ласкою участия
Напев моих влюбленных строф.
С какой улыбкою змеиной
Сказала мне твоя кузина:
«Оставьте: ей не до стихов».

Мне, право, ничего не надо...
О, что за горькая отрада:
При свете тусклого огня
До утра плакать в кабинете
О том, что не было на свете
Певца, несчастнее меня.

II. МОСКОВСКАЯ ПОЭМА

I

Я прихожу сюда, как верный пилигрим:
Ты, город первых золотых видений,
Путем блаженных мук и горьких упоений
Мне сделался опять любимым и родным.

Как полюбил веселые мосты я,
И снег, сверкающий на солнце февраля,
И влажную лазурь, и главы золотые,
И стены ветхие Кремля.

И путь вдвоем, в полночный час, в пролетке,
Улыбок и очей безмолвный разговор...
Безлюдны улицы, железные решетки
Одели окна банков и контор.

О, путь изученный и слишком, слишком краткий,
Когда в сердцах растет восторженная жуть,
Головка на плечо склоняется украдкой,
И отдается вся взволнованная грудь.

Я пью с твоих ресниц младенческие слезы,
Покуда мы вдвоем, и переулочек пуст;
И аромат измятой розы
Сливается с дыханьем милых уст.

II

Один я в тихом кабинете,
Шумит за окнами вода.
Возможно ли уснуть, когда
Еще не смыли слезы эти
Душистых губ твоих следа?

Шуми, вода! Я спать не стану.
Но миг любви уже далек,
Спадает с розы лепесток,
И сладко мне тревожить рану,
Целуя вянущий цветок.

Хочу обнять твои колени
И вылить, вылить без следа
Огонь, скрываемый года...
Греми, роскошный гром весенний,
Шуми, безумная вода!

III

Порхали звезды снеговые,
Проходим шапки серебра.
Один над волнами Москвы я
Скитался ночью ноября.

И я склонился на перила
Уединенного моста,
Где волны плакали уныло
У облетевшего куста.

И думал я, безумья полный,
Всё той же мукою томим:
О, если б кануть в эти волны
Под небом, черным и пустым.

Ведь не осталось больше силы,
Чтобы бороться вновь и вновь...
Усни на дне речной могилы,
Печальная моя любовь!

Но умирал порыв бесплодный,
И вся душа моя тогда

Была угрюмой и холодной,
Как эта черная вода.

IV

Ее всё нет. Она обманет,
Молениям горьким не внемля.
Уж вечер голубой туманит
Дворцы и купола Кремля.

Я подавляю приступ жгучий
Внезапно закипевших слез,
А подо мною мост гремучий
Шумит и гнется от колес.

Мальчишка на углу голодный
Прохожим продает цветки,
Уж веет сыростью холодной
От померкающей реки.

К чему букеты из сирени
Тебе, мой светлый майский день?
Ведь в этой кофточке весенней
Ты вся – как белая сирень.

Ты улыбнешься ль, взявши розу,
Простишь мне муки и любовь?
Или опять таит угрозу
Твоя нахмуренная бровь?

Нет, ты добра, как ангел Божий,
Ты мне простишь мой страстный бред,
Мою тоску... Но отчего же
Тебя всё нет, тебя всё нет?

V

Ты не пришла, и за город спешу я,
В большой груди удерживая плач.
Найдем ли мы хоть миг для поцелуя
Среди садов и многолюдных дач?

Иль не сужден мне поцелуй прощальный,
И мы с тобой простимся посреди
Чужих людей, и пред разлукой дальней
Я не прижму тебя к истерзанной груди?

Так вот конец любви такой горячей!
Так вот венец таких прекрасных грез!
Все ночи сохнуть в непрерывном плаче,
Встречать зарю средь бешенства и слез!

О, только б раз коснуться губок милых!
Последнего желанья побороть
Я не могу, я больше ждать не в силах...
Спаси меня, спаси меня, Господь!

VI

Удалось мне быть твоим соседом,
И шепнул тебе словцо исподтишка я.
Ты со мною рядом за обедом
Молчаливая и грустная какая!

Если б, если б хоть одну минутку
Нам проститься люди не мешали,
И обнять я мог мою малютку,
Что на кресле киснет в теплой шали.

Отчего ты, милая, надулась?
Иль меня стыдишься при народе?

Только дедушке приветно улыбнулась,
Старичку, одетому по моде.

Но добился я желанной ласки,
И утешил сердце хоть немножко.
А у милой сон смыкает глазки,
И в углу она воркует с кошкой.

VII

Я вижу вас опять, знакомые места
Веселых праздников, однообразных буден.
Уж наступил июль. Москва давно пуста,
И сам Кузнецкий Мост притих и стал безлюден.

Как это всё иным казалось в феврале:
И Вольф, и Теодор, и Шанкс, и Дациаро,
И ты, свидетель тайн, наперсник мой Ралле,
Кого не в первый раз поет моя кифара.

Я замедляю шаг, в невольном забытье:
У памятника, здесь, на месте этом самом...
Но, овладев собой, иду к Готье,
Где в самый зной свежо и пахнет книжным хламом.

Вот Мельпомены храм, где царствует фон-Боль,
А там – исчадие последних, модных вкусов –
Как новый Вавилон, воздвигся Метрополь,
Исконный твой очаг, великолепный Брюсов.

Учитель и поэт! я верю в наш союз,
Тебя поет мой стих и славит благодарно:
Ты покоришь себе иноплеменных муз,
И медь Пентадия, и вольный стих Верхарна.

Но дальше, дальше в путь. Как душно и тепло!
Вот и Мясницкая. Здесь каждый дом – поэма,

Здесь всё мне дорого: и эта надпись Пло,
И царственный почтайт, и угол у Эйнема.

Где ты теперь, богиня этих мест?
Встают, как наяву, в моих бессонных грезах
Твой взор задумчивый и твой пластичный жест,
Пушистое боа и шляпа в мелких розах.

Ты примешь ли опять влюбленные стихи,
Которые от всех я так ревниво прячу,
И марципанные конфеты, и духи,
И розы алые, и жизнь мою в придачу?

III. ЕЗДА НА ОСТРОВ ЛЮБВИ

I

Когда уходит солнце в час заката,
Ужель навек бросает нас оно?
Ужель с тобой проститься без возврата,
Когда все вещи полны аромата
Твоих духов, пьянящих, как вино?

Могу ли оскорбить тебя укором,
Могу ль проклясть свиданья сладкий час,
Как вспомню детский капор, под которым
Блистают щеки розовым фарфором,
Горит огонь китайских узких глаз?

Ты говоришь невинно-лживым взглядом:
«Твоя, твоя: люби и не ревнуй».
Но завтра с ним тебя я встречу рядом
И тороплюсь насытить сердце ядом,
Впивая твой неверный поцелуй.

II

Тринадцать лет, небрежность детской позы,
В глазах желаний первые огни,
Шалунья ножка, губки цвета розы,
Стихи Грессэ и легкого Парни.

Игра любви тебя пленила рано,
И после бала ты не знаешь сна,
И целый день, не в силах встать с дивана,
Твердишь себе: я влюблена, больна.

Тебя увлек воспитанник Лицея,
Тот, у которого с иголки мундир,

Но ты горда, и внемлешь, не краснея,
Речам подруг, насмешниц и задир.

Всё новых жертв алкает твой избыток:
В отставке он – вчерашний лицеист,
И полн альбом бесчисленных открыток,
Где всё один излюбленный артист.

Ища забав, ты тратишь дни без счету,
Как юный бог, не знающий забот:
Танцуешь в понедельник, а в субботу
Танцуешь вновь, танцуешь целый год.

Играй, играй, пока гроза далеко:
Ты рождена для танцев и пиров,
Играй, играй под темным небом рока,
Любимица ликующих богов.

Но иногда среди тревоги бальной
Весенний взор на мне останови,
Услышав зов, знакомый и печальный,
Всё тот же зов рыдающей любви.

III

Тебя зовут стихи мои невольно,
Когда я вновь печален и влюблен,
Когда мне так невыносимо больно...
Поговорим, приятель жизни школьной,
Шалун в отставке, милый Коридон.

Супруг! отец! развеселись хоть крошку
И строгий пост на время разреши,
Солидным мужем стал ты понемножку,
Я ж за одну хорошенькую ножку
Готов отдать спокойствие души.

Да, ты счастлив, а я в тоске унылой
Стенаньями бужу ночную тьму.
Нет, никого не назову я милой,
И если жизнь ответит мне могилой,
Я этот дар с покорностью приму.

Довольно слез: всему должна быть мера.
Я лиру взял, и в сладком забытии
Лечу на крыльях рифмы и размера.
Есть край любви – блаженная Кифера,
Туда направим легкие лады.

Дитя Амур нам в рог призывно трубит,
Из темных роц стремятся пастухи...
Прочь, прочь от нас кто не горит, не любит.
Пускай любовь измучит и погубит,
Лишь ей одной молитвы и стихи.

IV

Пастухи поют в свирели
Над простором синих струй.
Первым шагом к сладкой цели
Будет робкий поцелуй.

Позабыты все угрозы,
Все мучения зимы.
Посмотри, как пышно розы
Разукрасили кормы.

Мимо нас плывут пещеры,
Гроты, рощи и поля.
Мальчик розовый Венеры
Нам смеется у руля.

V

Я был неправ, я был в сетях обмана,
Ты, как всегда, передо мной чиста.
Средь зимнего, морозного тумана
Мы вновь вдвоем, и заживает рана,
И ласковы замерзшие уста.

Колдуют чары синей, зимней сказки,
Ты в капоре – как фея детских снов;
Закрывшись муфтой и прищутив глазки,
Ты вся зовешь к желанию и ласке,
Волнуя томным запахом духов.

О, только б длилось счастье зимней ночи!
Я не хочу, чтобы заря взошла...
Позволь взглянуть в возлюбленные очи,
Позволь сказать, что жить не стало мочи,
Когда ты так прекрасна и светла.

ПОСЛАНИЯ И МАДРИГАЛЫ

Sie hören nicht die folgende Gesänge,
Die Seelen, denen ich die erste sang.

Goethe

I. ПИСЬМО

В краю, куда во время оно,
Согласно басням старины,
Стремилась на призыв Язона
Эллады лучшие сыны,
Я дни мои влачу тоскливо.
У гор, на берегу залива,
Лежит селенье Геленджик.
Коль перевесть на наш язык,
То будет «Белая невеста».
Название это хоть куда,
Оно – как мед. Но вот беда:
Едва попал я в это место,
Я болен, мне не по себе,
И хочется писать тебе.

Покинув каменные недра,
Бегут потоки с высоты,
На склонах зеленеют кедры,
И дышат первые цветы.
Какая грусть на этих кручах,
Среди кустарников колючих
И в зеленеющей воде.
Весна печальна, как везде...
Перед пучиною бесплодной
Мне в сердце проникает жуть.
Зовешь, зовешь кого-нибудь,

И вечер падает холодный,
И ветер злой подул из гор,
И потемнел морской простор.

Эх, море, море! То ли дело
Приволье северных лугов,
Тенистый кров березы белой
Средь зеленеющих холмов.
В лазурном небе облак дальный,
Реки, студеной и кристальной,
Красноречивые струи.
О годы лучшие мои!
О драгоценное бывшее,
Когда я пел для вас одних,
И неуверенный мой стих,
Как птичка, щебетала Хлоя.
О розы, звезды, лунный свет,
Скамейка круглая и Фет!

Я снова полон сказкой детской,
И, бросив царственный Кавказ,
Мечта летит на Мост Кузнецкий,
Как только пробил пятый час.
Там – царь девичьих идеалов –
В высоких ботиках Качалов
Проходит у дверей Ралле
И отражается в стекле
Изысканного магазина,
Откуда льется аромат.
Здесь сделала мне шах и мат
Твоя прелестная кухня,
И пусть мой прах сгниет в земле:
Душа летит к дверям Ралле.

Она идет, звездой блистая,
Чужая дочерям земли.

Ее боа из горностая
Я быстро узнаю вдали.
Ах! свойственны лишь ей единой
И шаг, спокойный, лебединый,
Напоминающий цариц,
И из-под загнутых ресниц
Огонь очей, невинно-томных.
О если б, если бы я мог
Скорей упасть у милых ног,
Речей, и ласковых и скромных,
Впивать по капле каждый звук
И таять в ласке нежных рук.

II. ТРИОЛЕТ

Твое боа из горностая
Белее девственных снегов.
Моя царевна золотая,
Твое боа из горностая
Как пена, что ложится, тая,
У черноморских берегов.
Твое боа из горностая
Белее девственных снегов.

*1910. Март
Геленджик*

III. МАДРИГАЛ

Прости сонет, небрежный и пустой:
В моих стихах зачахли, побледнели
Словечки «желтый», «золотой», в Апреле
Столь дружные с влюбленною мечтой.

Мой друг, решение загадки той
Легко найти. Подумай только: мне ли
Петь золото с тех пор, как потемнели
Струи косы, когда-то золотой.

Из словаря я «зелень взоров» вывел,
Заметив, что я несколько фальшивил,
Определяя греческим «χλωρός»

Твои глаза: они в отца у дочери,
В них есть лазурь и черненькие точки...
Но я был прав в сравненье уст и роз!

IV. ПАМЯТИ Н. М. ДЕМЕНТЬЕВОЙ

О если б вызвать из могилы
Твой образ, ласковый и милый,
Напевом лирным и простым!
Я вновь твои целую руки,
И годы роковой разлуки
Рассеиваются, как дым.

Я помню долгие гулянья,
Былого светлые преданья,
Дорогу, васильки, закат.
Лазурь вечерняя поблекла,
И вдалеке сверкают стекла
Зарей воспламененных хат.

Твой голос воскрешал, как лира,
Птенцов бессмертного Шекспира
Великолепные пиры.
Средь всех сиял, кипя отвагой,
Веселый принц с пером и шпагой,
Питомец неги и игры.

И, в соответствии прекрасном
С ним, гордым, своевольным, страстным,
Другой в мечтах моих вставал:
Веселый, ясный, простодушный,
Одной любви всю жизнь послушный,
Он юный ум очаровал.

Весь этот мир – твое наследство,
К нему я устремлялся с детства,
Упал в него, как в море ключ.
Ища восторгов и мучений,
Был схвачен вихрем упоений,
Но этот вихрь был слишком жгуч.

Я не боюсь судьбы грозящей,
Мне дорог меч, меня разящий,
Но я хочу в годину зла,
Упавши на твою могилу,
Поведать всё, что не под силу:
Ты всё бы, всё бы поняла!

1910. Август

V. ПОСЛАНИЕ

Над хаосом мучительных видений,
Лучом пронзив меня обставший бред,
Ты вновь встаешь, хранящий, добрый гений
Ушедших в мглу, первоначальных лет.

Я помню дом, где всё дышало юной,
Какою-то весенней красотой,
Где светлый бог, животворящий струны,
Ко мне склонился с лирой золотой.

Из облака, воскуренного Фебом,
Двух нежных нимф я вижу издали,
Сулящих мне союз с родимым небом
И тайнами пленительной земли.

Там было всё – гармония и мера.
Для милых дев я пел о старине,
Я вызвал сонм блаженных снов Гомера,
И вняли мне с улыбкою оне.

И ныне вновь, назло громам судьбины,
Ты подаешь мне дружественный глас,
Незримо веет дух твой голубиный,
И верится: спасенья близок час.

К твоим ногам паду, всему покорный,
Забывши боль невыносимых ран.
Так бурный ключ стремится с выси горной,
Чтоб влиться весь в родимый океан.

*1910. Август
Трубицино*

VI. А. А. БЕНКЕНДОРФУ

С каким я обращусь приветом
К тебе, счастливому, когда
Едва горит неверным светом
Моя печальная звезда?

С рожденья милый Афродите,
Ты весь – восторг и торжество,
Прекрасно ставшее в зените
Светило счастья твоего.

Мы вместе знали – еще дети –
Любвных мук блаженный пыл:
И я горел к твоей Лилете,
Но своевременно остыл.

Печально пенье струн унылых,
Когда твой угол нем и пуст.
Что встречи рифм золотокрылых
Пред встречами румяных уст?

Бесплодной страстью пламеня,
Шепчу, исполненный тоски:
Завидней розы Гименея,
Чем все лавровые венки.

VII. А. К. ВИНОГРАДОВУ

ПОСВЯЩЕНИЕ РОМАНА «ХЛОЯ»

О друг моей античной музыки!
С родимых берегов Оки
Попутешествуй в Сиракузы,
Где ароматные венки
Из алых роз сплетает Хлоя.
Страданья моего героя
Душою чуткой раздели.
Когда примчались издали
Твои гексаметры святы
В затишье дедовских лесов,
Мне сладок был твой чистый зов,
И роем тени золотые
Слетались, ластились ко мне,
Работавшему в тишине.

Хотел бы я твой слух забавить,
Но, как ни изощрай перо,
Наш синтаксис не переплавить
В аттическое серебро.
Прости же мне ошибки в стиле,
Смешенье вымысла и были
И современные черты
Под маской древней красоты.
Ты сам – осколок древней Руси:
Тебя, о книжник-богатырь,
Родных полей вспоила ширь
В твоей эпической Тарусе,
Где луч Эллады золотит
Холмы, колодезь, тихий скит.

Я рад, страстями утомленный,
Начать осенние труды.
Уж нежно-золотые клены
Сияют в зеркале воды.

Везде – покой, простор и воля,
Безмолвен лес, пустынно поле,
Как будто в ризах золотых,
Весь мир молитвенно затих.
Синеет твердь над садом блеклым,
И рдеет дикий виноград.
И я вдвоем остаться рад
С моим божественным Софоклом,
И в злой метрический разбор
Бросаю Дионисов хор.

1911. Сентябрь
Дедово

VIII. À PIERRE D'ALHEIM

Ты бросил вновь перун Зевеса
В мою печальную юдоль,
Могучий тигр с берегов Гангеса
И гордый северный король.

О, понял я, как долго нé пил
Познанья чистого фиал,
Когда мои и кровь, и пепел
Твой разум властно осиял.

Уж соблазняяшаяся лира
Впадала в сладостный недуг,
И быстро слуги князя мира
Вокруг меня смыкали круг.

Но, движим духом Божьей воли
И торжествуя над судьбой,
Ты мне принес – рабу юдоли –
Индийский лотос голубой.

IX. ПАМЯТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

I

Ты, как певец Ионии прекрасной,
Воспел полки в железе и крови,
Грозу войны и мира праздник ясный,
Мечтанья дев и радости любви.

Россия всё поставила на карту:
Молчит Москва, таинственно горя,
И отдан Кремль в добычу Бонапарту,
Поруганы ступени алтаря.

Но гордый Галл поник главой победной,
Неверная звезда его вела:
О нашу степь родимую бесследно
Разбилась корсиканская скала.

Вот графский дом: он полон весь, как чаша,
Весельем юным. То-то жили встарь!
Готовы к балу Соня и Наташа,
Им мил мороз и голубой январь.

Пускай растут могила за могилой:
Опять весна, и зелен старый дуб,
Влюбленный князь спешит к невесте милой,
Но грянул гром, и он – кровавый труп.

II

Шумит метель. Воспоминанья бала
Прошли, как сон. Теперь уже никто
Не страшен ей. Блеснул огонь вокзала,
И перед ней военное пальто.

И хаос встал бессмысленным виденьем,
И сына он от матери отторг,
Мучительным и лживым упоеньем
Ее пьянит вакхический восторг,

Кто вызвал бездну, будет схвачен бездной:
Грохочет поезд... судорога... кровь...
И челюстью раздроблена железной
Кто вся была – желанье и любовь.

III

Прошли года, и Ясная Поляна –
Приют его раздумий и трудов,
Как Иоанн в купели Иордана,
Он мир зовет омыться от грехов.

И возглашает он слова Нагорной
Христовой проповеди. Чист и строг,
С молитвою бросает в землю зерна,
Идет за плугом пахарь и пророк.

Но час настал, и Бог призвал пророка,
Уставшего под бременем годин,
И он бежал в пустыню. Одинок
Он прожил жизнь, и умирал один.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРОШЛОГО

Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России.

Пушкин

І. СВЯТОЙ БОРИС

Я не нарушу преданность сыновью,
И за молитвой встречу грозный час.
Покойный князь учил не даром нас:
Прощай врагов, за зло плати любовью.

Я буду петь, склонившись к изголовью,
Пока огонь в лампаде не угас.
Георгий, пробудись! в последний раз
Ты моему внимаешь славословью.

Чу! стук копыт донесся и умолк.
Блеснули копыя, близок Святополк...
О смертный миг, ты мною предугадан!

Над Альтою – туман. Заря сквозь тьму
Чуть брезжит. Я готов: горит мой ладан.
Безумный брат... Господь, прости ему.

1911

II. МАРФА – МИХАИЛУ РОМАНОВУ

Посв. Нине К. Виноградовой

Пора, мой сын, покинув тихий скит,
Златой венец наследовать по праву.
Довольно крови, мрака и обид
Обрушилось на русскую державу.

Стяжав на небе ангельскую славу,
Искупленный, Димитрий мирно спит;
За эту кровь коварный иезуит
Уготовлял дорогу Владиславу.

Расправь крыло, мой голубь и орел!
Тебя зовут невеста и престол.
Встречать царя толпами вышли девы;

Шумит весна; из каждого села
Доносятся пасхальные напевы.
Над Костромой звонят колокола.

1911. Июнь
Дедово

III. МОИ ПРЕДКИ

Посв. Анатолию К. Виноградову

Наследую могущим Иоаннам,
Наследую и Ангелу-Царю.

Пушкин

1

Давно хочу воспеть святые были
Моей семьи: веселые пиры
В наследственном именье Коваленских
И тихие молитвы и труды
Служителя Господня Соловьева.
Его надгробный памятник стоит
В монастыре Девичьем. Незаметно
В глуши он притаился, вокруг него
Роскошные толпятся мавзолеи,
И он совсем затерян между ними.
На памятнике скромные слова:
«Здесь Михаил Васильич Соловьев
Покоится – Господний иерей.
О Господи, священники твои
Во правду облечутся». Для меня
Небесным утешеньем и надеждой
Полны святые эти словеса.
Тебя я вижу, о служитель Бога!
Я с первых дней люблю твои черты,
Которые, как слышно, были схожи
С чертами моего отца: мой прадед
Был кроткий старец, полный духом света,
И лучезарная сияла тайна
В его очах, как небо, голубых.
Я от него наследовал печать,
Где аналой, всевидящее око
Обвиты ветвию сионской пальмы.

О прадед мой, ты, облеченный в правду,
Явись ко мне, как был ты погребен,
С евангелием и крестом в деснице,
И укрепи на тяжкую борьбу
Мой слабый дух, даруй залог победы
Над, силой тьмы потомку твоему,
О предок мой, возлюбленный Христом.

2

Почий, как почи́т святые,
До ангельских последних труб.
Восстал могучий, как Россия,
И зашумел твой гордый дуб.

Науки насаждая зерна,
Как богатырь трудился дед
В борьбе жестокой и упорной
С надменной знатью прежних лет.

В лицо царям смотря без страха,
Презревши лесть и блеск двора,
Он взял примером Мономаха
И непреклонного Петра.

Он молот взял, он поднял руку
Над горном строгого труда,
И новую ковал науку,
Не отдыхая никогда.

И труд огромный, небывалый
Стяжал заслуженный венец,
И злоба зависти усталой
Пред ним умолкла наконец.

Мой дед! прекраснее весенней
Твоя осенняя заря!

Почий от злобы и гонений,
Наставник юного царя.

Твой труд возрос, как пирамида:
Он учит вере и добру,
Жестокое правде Фукидида,
Любви к России и Петру.

В тени твоей бессмертной славы
Как сладко внуком быть твоим,
Старик суровый, величавый,
Со взором ясно-голубым.

3

Литовских графов гордые черты
Забвение и время не изгладит
Из памяти моей. Мне дорог ты,
О матери моей вельможный прадед.

В роскошном замке Черной Слободы,
Среди искусств, ты жил, как в некоем храме,
И оглашались рощи и сады
Охотами и буйными пирами.

Книгохранилище былых времен
Вмещало всё, чем славилась Европа:
Там зрелся ряд мистических имен
И томики Овидия и Попа.

Картины обличали строгий вкус:
Водил гостей мой предок после пира
Полюбоваться группой древних муз
Иль нимфою, бегущей от сатира.

Бежали дни над Черной Слободой,
Журчал фонтан, не увядали розы,

В оранжерее персик золотой
На ветке зрел в крещенские морозы.

Венка Екатерины гордый лавр
Твоей главы коснулся, зеленея:
С блестящим князем полуденных Тавр
Явился ты к безбожнику Фернея.

Но средь соблазнов пышного дворца
Ты не уснул, не стал душою хладен:
Тебя влекло к познанию Творца,
До тайн природы был твой разум жаден.

И в твой дворец направлен был тогда
Велением непостижимой тайны
Блуждающий мудрец Сковорода,
Святой чудак, веселый сын Украины.

Он полон был каких-то чудных сил,
Воистину горел в нем пламень Божий,
И для него последней кельей был
Чертог великолепного вельможи.

Текла привольно жизнь Сковороды:
Как птица, он не собирал, не сеял,
Мой предок сам писал его труды,
И Божьего посланника лелеял.

С детьми играя, умер он. А там
Вослед за ним восстал пророк вселенский...
Ты ангела приял, как Авраам
В своем доме, мой предок Коваленский.

4

Наследник твой единственный возрос
Хозяином рязанского Версаля,

Среди амуров мраморных и роз,
В утехах деревенского сераля.

Но строгий суд духовного отца
Его смутил. Руководим Владыкой,
Он в брак вступил с вдовою кузнеца,
Рязанской бабой, темною и дикой,
Покрывши грех смирением венца.

5

Бабьей доли и свободы
Не заменит барский дом...
Знать, тянуло в хороводы,
Что шумели за прудом.

Верно, сердцу больно было
Вешним вечером, когда
Над полями восходила
Одинокая звезда!

Словно узник заточенный,
Ты скучала без конца
По избушке закопченной
Удалого кузнеца.

По обеду с квасом кислым,
По широкому двору,
По крыльцу, где с коромыслом
Выходила ввечеру.

О, родная, никогда бы
Стих мой не был так уныл,
Если б кровь рязанской бабы
Я глубоко не таил.

Разбуди степные звуки,
И меня заморози
Песню грусти и разлуки
Над безбрежным морем ржи.

1911. Сентябрь
Дедово

У НОГ ЦАРЕВНЫ

Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.

Боратынский

I. РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Мчится раковина-челн
Волей волн.
Здравствуй, юная богиня.
Блещет зыбью голубой
За тобой
Волн безбрежная пустыня.

Направляя бег ладьи,
Гнут струи,
Дуют буйные зефиры.
В чуткой утренней тиши
Камыши
Звонко зыблются, как лиры.

Ты смеешься, дочь морей,
И кудрей
Золотые гиацинты
Треплет ветра легкий смех,
И на берег
Вышли розовые нимфы.

Дунул Пан в певучий ствол,
Луг зацвел,
Зелен и гранит бесплодный.
В солнечный, лазурный день

Манит тень
Яблони золотоплодной.

Сладок богу, смертным люб
Пурпур губ
Милой девочки Венеры,
Он хмелен как виноград,
Хор дриад
Выбегает из пещеры.

Оглашают алтари
До зари
Игры, поцелуи, танцы.
Губы тянутся к губам,
По ветвям
– Розовые померанцы.

Миру дряхлому яви
Рай любви.
Лик сияет вожделенный,
Улыбаясь и грустя.
О дитя,
Ты – надежда всей вселенной.

II. ПЛАЧ ОРФЕЯ

Посв. В. О. Нилендеру

Сказав «прости» холмам веселым,
Я в ночь сошел, и правит челн
Харон, подкупленный оболом,
Средь бешенства свинцовых волн.

Нет, я не мог – любовник сирый –
Не видеть милого лица,
И в путь пошел с одною лирой
– Мечом и панцирем певца.

Огонь любви неутоленной
Не загасить. В тоске, в бреду
Влачусь к престолу Персефоны,
Последнего решенья жду.

О, пощадите возраст юный!
Ужель не очаруют Кер
Мои магические струны,
Не раз смирявшие пантер.

Затерянный в подземном мире,
Под вихрем застигийской тьмы,
Приникнув головою к лире,
Я наклонился у кормы.

И явственно встает пред взором
Заветный вечер. Чу! Напев
Гимена, возглашенный хором
Фракийских юношей и дев.

Невеста, время! Вытри слезы!
Звезда вечерняя взошла,

Курится ладан, рдеют розы,
И в факелах шипит смола.

Влеком воспоминанья силой,
Тебя, тебя я вижу... ах!
Улыбка уст и голос милый,
И миртовый венок в кудрях.

Ты вскрикнула, ты задрожала,
И встретили глаза твои
В траве раздвоенное жало –
Отравленный язык змеи.

Орфей! Орфей! всё это было,
И что теперь? Пустынно мглист
Мой путь, и ветер рвет ветрило,
– Протяжный, заунывный свист.

И гложущая боль разлуки,
И всё растущая боязнь...
Один! Один! Какие муки,
Что за неслышанная казнь!

Я кличу в жажде ненасытной
Тебя, тебя, и всё слышней
Растут под ветер закоцитный
Стенанья страждущих теней.

И рвусь тебя среди них узнать я,
Но ты сокрыта темнотой:
Встречают жадные объятя
Лишь воздух, черный и пустой.

III. ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Посв. Э. К. Метнеру

Целый день в тоске бессменной
Вижу, стоя у скалы,
Как, бурля, вскипают пеной
Черно-синие валы.

Там, за далью волн и пены,
Там – отчизна: царский дом,
Многозлатные Микены,
Где я выросла с отцом.

О Атрид, о мой родимый!
Неустанна и горька
Дочери твоей любимой
Одинокая тоска.

Я ли – дочь, сестра, невеста –
Вяну бедной сиротой?
Всё мне мальчика Ореста
Снится локон золотой.

Снится: отчие седины,
Жертвенник, и надо всем
– Мой жених на миг единый,
Ярый взор и светлый шлем.

Защитив забралом брови
И копьё наперевес,
В жажде мести, в жажде крови,
Мчится в битву Ахиллес.

Враг бледнеет, враг трепещет,
Падает троянский строй,

И, как солнце, шлем твой блещет,
Мой любовник, мой герой!

Ах, победу торжествуя,
Вспомни радость брачных дней,
Вспомни сладость поцелуя
Ифигении твоей.

Я зову тебя в дуброве
Пышных и пустынных Тавр.
Глухи к жалобам любви
Нежный мирт и гордый лавр,

И не внемлет пене праздной
– Гор и побережий царь, –
Кипарис копьеобразный,
Осентяющий алтарь.

IV. ГЕРМЕС

Мой светлый бог ко мне слетел из дали:
Змея вокруг жезла,
На белой шапочке и на ремнях сандалий –
Два легкие крыла.

«Довольно ты боролся с неизбежным,
Я внял твоим мольбам».
С улыбкой молвил он, поднявши палец к нежным,
Чуть розовым губам.

Рванулся я изнеможенным телом
Из цепкого узла,
А тени таяли перед сияньем белым
Волшебного жезла.

V. ОРЕСТ – ЭЛЕКТРЕ

Посв. Марии А. Венкстери

Мне на земле не остается места,
Прощай, прощай!
Мчат Эвмениды твоего Ореста
Из края в край.

Мне духи ада сердце рвут, как звери,
И наяву,
И в мутном сне. Когда, в какой пещере
Склоню главу?

Вертепа нет и не найдешь пустыни,
Где бы умолк,
Как песня стая воющих Эриний,
Воздушный полк.

Жестокий Феб меня оставил, выдав
Исчадьям тьмы.
Златые кудри, красота Атридов, –
Как снег зимы.

Румянец щек сбегает без возврата,
И нет следа
Былой красоты. Но ты узнаешь брата
Всегда, всегда.

Из мест родных я пропаду без вести,
Мой след – в крови.
Сестра, святой союз любви и мести
Не разорви.

1912. Май

VI

Когда я был отчаяньем объят
И сокрушен борьбою непосильной,
И в сердце проникал смертельный яд,
И сон носился надо мной могильный,

Когда, в уста лобзая черный грех,
Всё глубже я тонул в греховной бездне,
И достигал врага веселый смех
До скорбного одра моей болезни, –

Тогда из крови, мрака и огня,
Из бездны, огнедышащей и черной,
Ты – благостная – вывела меня
В цветущий луг, в лазурный воздух горный.

И смех врага в безбрежности затих,
И нет следа ни мук, ни вожделений...
Дай плакать мне у детских ног твоих,
Дай плакать мне, обняв твои колени.

1909

VII. ТЕМНЫЙ ПРИНЦ

Сколько лет, рожден для лучшей доли,
Не мирясь с неправдою и злом,
Как орел, воспитанный в неволе,
Я дрожал окованным крылом.

Сколько лет перед собой я видел
Острые, сверкавшие ножи,
Торжество всего, что ненавидел,
Празднество кощунствующей лжи.

Помня сказку царственного детства,
Долго я смотрел в окно тюрьмы,
Как мое законное наследство
Расточали вскормленники тьмы.

Но Господь мои услышал стоны,
И, вельнем праведных небес,
– Темный принц без царства и короны –
Избран я принцессою принцесс.

Ястребам не помогло коварство
Заклевать державного птенца,
Но принцесса мне дороже царства:
Мне не надо царского венца.

VIII

Когда я в бездну пал, внимая злобный
Подземный крик,
Ко мне склонился ангелоподобный
Любимый лик.

Я пролетал безмерные пространства,
Тонул в крови,
Когда постиг святое постоянство
Твоей любви.

Ты в черный ад пришла с цветком весенним
Назло судьбе,
И я взошел по солнечным ступеням
Вослед тебе.

1912. Апрель

IX. РАЗБОЙНИЧЬЕЙ ДЕВОЧКЕ

О, до конца в неожиданном милосерды
Тверда пребудь,
И укажи моей печальной Герде
На верный путь.

Хоть любишь ты забавы дикой лени:
За рубежом
Полярных стран, любимого оленя
Ласкать ножом,

Не отвергай блуждающей подруги!
В тени шатра,
Согрей малютку – жертву злобной выюги –
Огнем костра.

Она тоскует, я же время трачу,
Забыт, один,
Решая невозможную задачу
Из синих льдин.

В родном саду алеет розан нежный,
Смеется май...
Ах, в дальнем замке Королевы Снежной
Погибнет Кай.

Но ты внемли моей сестры моленью:
Закутай в мех,
Вели на север верному оленю
Направить бег,

Чтоб навсегда растаяли морозы,
И, слив уста,
Воспели мы в тени весенней розы
Дитя Христа.

1912. Май

Х. Н. П. КИСЕЛЕВУ

На утре наших дней, венками из аканфа
Венчав чело, мы вышли для борьбы,
Тогда шептали нам дубровы Эриманфа
Священные дубы.

Нас Дионис призвал к таинственной трапезе:
Решая тайну сфинкса, я погиб,
И не внимал тебе, провидящий Тирезий,
Ослепши, как Эдип.

О друг возлюбленный, ты в мрак подземный смело
Ко мне явился с чашей золотой,
Где кровью древнею играло и горело
Вино любви святой.

Ты мне вещал о Ней, принес Её сиянье,
Её любовью грех мой разреша,
И долго плакала слезами покаянья
Померкшая душа.

Иная нас теперь к себе зовет дуброва,
Над ней горит неугасимый луч:
Омоет все грехи, все исцелит Сарова
Благословенный ключ.

1912. Июль
Дедово

XI. АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Ты помнишь ли, как мы с тобою встали
У царских врат,
Облекши грудь броней из тяжелой стали,
Мой старший брат?

Когда мы поклялись до смерти биться
С напором бурь,
Навстречу нам взвились две голубицы,
Пронзив лазурь.

Отозвался их песне голубиной
Звон наших лир,
Обоим нам назначен был единый
Златой потир.

Мой старший брат, тебе навстречу рдела
Моя заря,
Когда я пал, пронзив мечами тело
У алтаря.

Пусть далеко до полного рассвета,
Пусть ноет грудь, –
Нам белый голубь Нового Завета
Укажет путь.

*1912. 28 июля
Дедово*

ХП

Последний луч бледнеет, догорая,
Последний шум стихает. Мы одни.
Твои уста, в которых сладость рая,
Пророчат мне безоблачные дни.

Пускай к тебе прильну я, умирая,
Ты мне шепнешь: я здесь, с тобой: усни.
Твои уста, в которых сладость рая,
Пророчат мне безоблачные дни.

Ты здесь, со мной. Вдали иного края
Уже мерцают первые огни.
Твои уста, в которых сладость рая,
Пророчат мне безоблачные дни.

1912. Июль
Боголюбы

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

**Четвертая книга стихов
1913–1915**

Возвращение в дом отчий. – На рубеже.
Тени античного. – Италия. – Война с Германией.
Раздор князей. – Повесть о великомученице Варваре

*ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ТРИФОНУ
ЕПИСКОПУ ДМИТРОВСКОМУ
ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ*

ВСТУПЛЕНИЕ

– Fecisti nos ad Te, et inquietem est cor nostrum, donec requiescat in Te.

Augustinus

I

Забуду ль день, когда, скитаясь праздно
По улицам столицы опустелой,
Июльским утром, завернул случайно
Я в древний монастырь Богоявления,
И в храм вошел, и сквозь толпу густую
Едва достиг до середины храма.
Тогда был час великий возношенья
Святых даров. От множества людей
Весь воздух застлан был как бы туманом,
И было тяжело дышать от жара
Толпы бесчисленной и благовонья
Пред алтарем курящихся кадил.
И сквозь туман увидел я *тебя*:
Перед потиром с Кровию Христовой
Ты предстоял в одеждах голубых,
И, обратясь от царских врат к толпе,
С властительно подъятою десницей,
Благословлял склонившийся народ
И возносил дикирий и трикирий...
И мне казалось, что давно-давно
Тебя уж видел я пред алтарем,
Что это дивный сон, который вновь
Ко мне вернулся после долгих лет.
Когда же совершилась литургия,
Ты в клобуке и мантии смиренной
Сошел к толпе и, опершись на посох,
Разверз уста для слова золотого.
Ты говорил о лестнице небесной,
Явившейся Иакову в Вефиле,

Ты воспевал духовную хвалу
Заступнице, нескверной и неблазной,
Зане Ее был праздник в этот день –
Казанская. Окончив поученье,
Из храма ты пошел в твой тихий дом,
И видел я, как меж деревьев зеленых
Неслышно плыл твой ангельский клубок,
И легкая рука не уставала
Благословлять теснящийся народ,
Пока не скрылся ты за дверью кельи.

II

Да, этот день был для меня началом
Прекрасной, новой жизни: будто вновь
Ко мне вернулась юность золотая,
Овеянная розами любви.
И новая весна в моей душе
Теперь цветет уже нетленным цветом,
И ей конца не может быть: она
Не связана пределом жизни брэнной.

Как хорошо, покинув Вавилон,
Греховный град машин, автомобилей,
Театров, электричества, трамваев,
Дворцов разврата, рядом с нищетой
Воздвигнувших сверкающие стекла, –
Покинув это царство князя тьмы,
Ступить за монастырские ворота,
Куда не проникает шум мирской,
Где из-за нежной зелени приветно
Глядит с дверей церковных черный схимник –
Старинный князь московский Даниил.
Там, дальше – вечно озаренный рай,
Как бы кусок божественного неба,
Упавший в тьму земную. Там – сиянье
Лампад, благоухание кадильниц

И дивные каноны и стихиры,
Как отзвуки напевов неземных.
Там, у порога, сам Христос тебя
Встречает в виде нищего калеки,
Просящего о скудном подаянии.
Здесь он стоит, приявший зрак раба,
А там, во храме, зришь его во славе,
Грядущего на облаках небесных.
Там предстоит его земной наместник,
И отроки пред ним, как херувимы,
Скрещают златоликые рипиды,
И черный клир приветствует его
На языке священной Византии.

III

О, княжеского рода цвет прекрасный!
Благословен тот день, когда на север,
Покинув горы Грузии цветущей,
Направил путь твой предок отдаленный.
Позволь же мне с толпой твоих овец
Благодарить тебя за то, что ты
В сердцах людей, внимающих тебе,
Разжег угасший уголь любви Христовой.
Ведь плакал весь народ, тебе внимая,
Когда ты в день подъятия Креста
Нам говорил о бремени Христовом
И бичевал преступные сердца,
Раскрывши язвы совестей греховных.
Ты грозен был, как древний Моисей,
Во гневе разбивающий скрижали
На празднике кощунственном тельца.
Зато какая радость и услада,
Какая неземная тишина
Сходила в душу нам, когда вещал
Ты о святом затворнике Сарова
И повторял за ним: «Христос Воскрес»,

Будя надежду радости Пасхальной.
Благодарю тебя за то, что мне
Ты кровь согрел воспоминаньем нежным
О дальних днях, когда с моим отцом,
Бродили вы весной, в Нескучных рощах,
Два отрока, направившие ум
От суеты – к познанию тайн Христовых.
Благодарю тебя за то, что мне,
Рабу греха, принес благословенье
Ты Оптиной обители заветной
– Свободы будущей обетованье.

О, дай же мне за клубуком твоим
Идти вослед, следы твои лобзая,
Как ты идешь дорогою Креста!
О, напои иссохшую пустыню
Моей души словами золотыми,
Мой грех очисти язвою Христа
И освяти меня благоуханьем
Иаковлевой лестницы небесной.
Пускай твои верховные молитвы
Восходят ввысь, как фимиам кадильный,
И охраняют родину святую.
Да укрепят тебя в трудах твоих
Пречистая и Серафим Саровский.

*7 ноября. 1913 г.
Дедово*

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

I. ПРИВЕТ НОВОМУ ИЕРУСАЛИМУ

Издалека, на утренней лазури,
Уже горит громадный купол твой,
И мощный звон разносится в полях,
Со всех сторон скликая богомольцев.
Приветствую тебя, Иерусалим!
Прими меня в твои святые своды
И осени державными крылами,
Как птица, бесприютного певца.
Прохлада, мир – в твоей широкой сени,
Куда не проникает зной полудня,
И только лучезарная лазурь
Вливается в бесчисленные окна
Сияющего купола Растрелли.
Художество времен Елисаветы
На старине оставило печать
Изящества и легкости. Здесь пир
Воздушных форм и красок. Как хорош
Пророк Амос, приемлющий кошницу
С румяными, роскошными плодами.
А по стенам, где золотой Кувуклий
Горит в лучах поднявшегося солнца,
Начертан злобный сонм синедриона,
И перед ним, в блестящем медном шлеме,
Прекрасный юноша центурион
Вещает старцам чудо Воскресенья.
Как пуст и глух к реке бегущий сад,
Где соловьи поют, не умолкая,
И белые черемухи в тиши
Душистый снег стряхают на часовни.
О, Никонова древняя обитель!
Прими привет церковей чужбины дальней,

Где я вздыхал и помнил о тебе.
Прими привет сурового Стефана,
Прекрасного царя Дунайских стран,
Стремящегося в небо лесом башен,
Сужающихся кверху, как стрела.
Я посетил его в неделю Ваий,
Когда гремел торжественный орган,
И весь народ согласно пел: «Осанна».
Витала тьма в угрюмых, древних сводах,
И только в недоступной вышине,
Как рай, сияли окна расписные.
Там райская нетленная лоза
Горела виноградом изумрудным,
И кровью рдели алые плащи.
Там Добрый Пастырь шел с далеких гор
С потерянной овцою сребрунной...
Прими привет от льва святого Марка,
Властителя Венеции прекрасной.
Там над лазурным зеркалом лагуны
Воздвигнут храм рукой царьградских зодчих
– Подобие божественной Софии.
Мозаикою золотой и синей
Сияет он над площадью веселой,
Овеянный дыханьем теплым моря
И нежным лѐтом голубиных крыл.
Прими привет владыки полумира,
С вершины ватиканского холма
Сверкающего золотом тиары.
Я вспоминал в пустом великолепии
Громадного, холодного Петра
Тебя, обитель Никона святая.
Какая смерть в чертогах Ватикана!
Как сиротливо мощи Златоуста
Там ждут лобзанья русских пришлецов,
Без скорбных слез, без копоты кадильной!
Там даже гроб апостола Петра
Не окрылил в душе моей молитвы:

Едва взмахнув бессильными крылами,
Она затихла, скованная льдом
Изваянных из мрамора кумиров...
Прими же их привет. Но знай: нигде
Я не слышал столь радостного звона,
Как чудный гул твоих колоколов,
Когда звучит у золотой пещеры
Канон пасхальный, радуя сердца
И ужасом волнуя одержимых,
Кричащих, падающих в диких корчах.
И кажется: в смятении стонет ад,
Зане лишен он жала и победы,
И торжествует утренняя песнь
Архангелов, отъявших камень гроба.
О, дивный храм! Еще придет твой день:
Ты соберешь от севера и юга
Твоих птенцов в сияющий алтарь,
И двинутся с востока патриархи
Занять места, назначенные им
Под светлой сенью храма Соломона.
Светись, светись, святой Иерусалим.
Жди жениха, скорбящая невеста,
И наполняй светильники твои.
Недаром блещет пурпур Византии
По алтарям, как жертвенная кровь.
Архимандрит с безмолвствующим клиром,
Колебя благовонные кадила,
Недаром ожидает перед входом
Грядущего. И русский патриарх
Войдет в свой храм и совершит трапезу,
И дверь замкнет...

II. ЕПИСКОПУ ДИОНИСИЮ БЫВШЕМУ АРХИМАНДРИТУ В РИМЕ

В священном городе, где почивёт
Тела апостолов первоверховных,
Где кровью их освящена земля,
Тебя я встретил. Иноком смиренным
Воскресный ты на клиросе канон
Читал болезненным и слабым гласом.
И не пришло мне в голову спросить,
Кто сей монах смиренный. А наутро
Увидел я тебя перед престолом,
И слабая твоя глава склонялась,
Как цвет полей, росую отягченный,
Под царским игом митры золотой.
И пышные латинские соборы
Покинул я для тесного ковчега,
Где ты с ничтожной горстию славян
Молился по уставу Византии.
Забывши пышный пурпур кардиналов,
Языческую роскошь Ватикана
И мертвое, холодное величье
Бесчисленных, пустеющих церквей, –
К тебе я шел по вечерам субботним.
Звучал так сладко твой канон вечерний,
Когда ты смерть Христову славословил,
Голгофы крест и утро Воскресенья.
Больной, тщедушный, с чахлой, впалой грудью,
Казался ты видением бесплотным,
Но светлый мир сиял в твоих очах
И радость вечная о вечном Боге.
Как ты любил церковный этот град,
Твой злой недуг целившую чужбину,
Великий Рим, который был прославлен
Второго Павла словом золотым.
Как ты любил Яникул, обогранный

Божественною кровию Петра,
Где он простер дряхлеющие руки
На древе крестном, головою вниз,
И вспоминал брега Генисарета,
И рыб улов, и тайную трапезу,
И заповедь: паси Моих овец.

Направив путь к снегам моей отчизны,
Вторично в Рим я прибыл из Помпеи
И в храм пришел на площади Кавур.
И клирик мне с ликующим лицом:
«Мы покидаем Рим. Архимандрит
Епископом назначен на Волыни.
Пождите здесь. Еще он в алтаре,
Он молится». И церковь опустела,
И я тебя в притворе темном ждал.
И светел вышел ты из алтаря,
И на лице твоём еще лежало
Иных миров лучистое сиянье.
И вместе мы простились с вечным Римом,
И ты с каким-то ангельским смиреньем
Сказал: «Хоть плоть смущается моя,
Но радуется дух». (Ты разумел
Высокий труд святительского сана.)
И молвивши: «До встречи на Волыни»,
Ты надо мной простер святую руку
И в дальний путь меня благословил.
Спешу ж теперь в роскошные поля
Родных степей, где дикие курганы
Вещают нам о днях богатырей,
О днях побед над полчищем монгола.
Да укрепляет ветер Червонной Руси
Твою изнемогающую грудь.
Спешу, там жатва уж давно созрела,
И только ждет усердного жнеца.
Неси туда евангелие мира,

И подыми заблудшее овча
С любовью на епископское рамо.
Да озарит родимую Вольту
Сиянье золотого омофора!

III. СВЯТОЙ МОСКВЕ

Полная народом богомольным,
Ты, слиясь в один небесный хор,
Славишь Бога звоном колокольным
От Кремля до Воробьевых гор.

Иоанна золотых глаголов
Полны храмы; в чашах рдеет кровь;
Каждый день на тысяче престолов
Царь Небесный заклан вновь и вновь.

Пусть растут громады Вавилона:
Как и прежде, зелена земля,
И несется радостного звона
Древний гимн над башнями Кремля.

Слышу сладкий ветер весны церковной,
И победы час невдалеке,
С дня, как дан Москве отец духовный,
Кроткий старец в белом клобуке.

Бедный сын незнаемого рода,
Вскормленный Сибирскою рекой,
Он – избранник русского народа,
Он – печальник черни городской.

Легкий и бесплотный, как икона,
Добрый пастырь страждущих овец,
Он к толпе спускается с амвона
И ведет беседу, как отец.

В бурях азиатской полунощи,
Укрепил для подвига Христос
Эту плоть, иссохшую, как мощи,
С чистым снегом старческих волос.

И несут к нему страдальцы бремя
Нищеты и несказанных мук:
Всё врачует, как в былое время,
Белый патриаршеский клобук.

С ангельскою нежностью во глазе,
Рядом с ним, труды его деля,
Выступает кроткий Анастасий,
С посохом, по площади Кремля.

Облеченный ризою червленой,
Он, – как древний мученик в крови,
Бледный лик, постами истомленный,
Озарен сиянием любви.

Кто сей третий черноризец строгий?
(Как бела, нежна его рука!) –
Князь, презревший род свой для убогой
Кельи и простого клобука.

С темным, сокрушенным, строгим взором,
Всю толпу волнуя громом уст,
Голубым сияя омофором,
Он идет, как новый Златоуст.

Он не помнит пиршеств многолюдных,
Суета от сердца далека.
Побледнела в четках изумрудных
Княжеская, гордая рука.

Шум толпы ему докучен ныне,
И труды правленья – тяжелей:
Улетел бы к Оптиной пустыне
Строгий ангел Дмитровских полей.

Только там – всё то, что сердцу мило,
Тихие надгробные кресты...

И зовет Амвросия могила
Инока из мира суеты...

Не во сне ли было то виденье?
Неужели вновь она жива,
В золоте, в дыму кадил и в пеньи
Третий Рим – священная Москва?

Всё опять, как и во время оно:
Верю горящие сердца,
Ангелы Кремлевского Сиона,
Первый снег на площади дворца.

Град родной! Ты не узнаешь тлена,
И залог священный есть у нас:
Мощи патриарха Гермогена,
Кто страну родную мукой спас.

1913

IV. 14 СЕНТЯБРЯ, 1913 г.
(ЮБИЛЕЙ МИЛАНСКОГО ЭДИКТА)

По улицам почиющего града
Я шел во мгле, чтоб славить Крест Христов,
И призраками высилась громада
Бесчисленных домов.

Белел рассвет. Неслося издалека
Предутреннее пенье петуха.
Весь город спал угрюмо и глубоко
Позорным сном греха.

А в ясном небе теплилась денница,
Уже заря готовилась взойти...
Лишь пьяница охрипший и блудница
Мне встретились в пути.

Смиренною и тихою отрадой
Меня манил белеющий собор,
Дремавший сад и скудною лампадой
Чуть озаренный двор.

Там древняя мерцала позолота,
И темный храм был светел, как Эдем;
Там шла давно горячая работа,
Не зримая никем.

Молились иноки о грешном мире,
Бескровные от бденья и постов,
И ты скрещал дикирий и трикирий,
Даруя свет Христов.

За грешный мир, за мир прелюбодейный,
В чаду греха уснувший, как в гробу,
Ты возносил в тиши благоговейной
Смиренную мольбу.

Еще вчера прияла тьма могилы
Всё, чем тебе был красен этот мир,
Но, бодр и строг, Христовой полон силы,
Ты возносил потир.

И твоего сияния лучами
Моя душа, когда я вышел вон,
Была полна... А в небе рдело пламя,
И раздавался звон.

И храмы все гудели заедино,
И таяли в сияньи хоры звезд,
Как в день, когда пред взором Константина
Явился в небе Крест.

У. ЕПИСКОПУ ТРИФОНУ, ПУТЕШЕСТВУЮЩЕМУ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Ты долго ждал целенья от недуга
И отдыха от пастырских трудов.
Привет тебе, в краю веселом юга
И непорочных льдов.

Счастливый край! там всё – утеха взора:
Краса и блеск лимонов золотых,
Лазурные швейцарские озера,
Вершины Альп седых.

Но для чего судьба тебе судила
Тогда найти свободу и покой,
Когда сокрылось всё, что было мило,
За гробовой доской?

Не внемлешь ты грохочущим потокам,
Не видишь горы в снежном серебре:
Ты сердцем здесь, на севере далеком,
В Донском монастыре.

Роскошный юг не облегчит потери!
А между тем, о пастырь и отец,
Здесь, в зимнем храме, тесном, как в пещере,
Стада твоих овец

Всё ждут тебя смиренно и уныло,
Всё те же лики смотрят с древних стен,
И так же зыблет звонкое кадило
Твой дьякон Гермоген.

Всё тот же мир и мраморные плиты,
И, жарче недоступного любя,
Сердца людей в одной молитве слиты,
В молитве за тебя.

В субботний вечер песни мироносиц
Всё так же льются в облаке кадил,
Но пуст алтарь, и мальчик жезлоносец
 Как будто приуныл.

Епископ наш возлюбленный! скорее
Вернись в свой храм. Молюсь чтоб ты окреп,
Чтоб славить жезл из корня Иессея,
 И ясли, и вертеп.

1 декабря. 1913

VI. БРАТИИ БОГОЯВЛЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

В огромном городе, холодном и враждебном,
Кровь сердца моего сосавшем, как упырь,
Твой только воздух был мне сладким и целебным,
Богоявленский монастырь.

Уж двор твой снежные окутали покровы,
А дни всё делались короче и темней,
Но с верой ждали мы во мгле зимы суровой
Ликующих Пасхальных дней.

О, как я полюбил твоих смиренных братьев,
Как с их молитвами свои сливать привык,
Когда за всенощной горит в огнях и злате
Пречистой Девы темный лик.

В опавших деревьях шумела злая вьюга,
И опустелый сад застыл в снегу седом;
Твой пастырь с птицами умчался к морю юга,
Затих его священный дом.

И тщетно Бога мы молили о возврате...
Влачились скупо дни средь медленных забот,
Всё так же колокол скликал безмолвных братьев
В святые вечера суббот.

Вот день, когда Христос был встречен Симеоном...
Февральский луч готов разрушить снежный плен...
В огнях собор; идет с кадилом благовонным
Иеродьякон Гермоген.

Епископ снова наш, наш пастырь снова с нами,
В притвор он шествует с сияющим жезлом,
В смиренной мантии, струящейся волнами,
И в омофоре голубом.

Дни первые поста! Святое излиянье
Того, что в сердце мы от всех людей храним,
И повторяющий молитву покаянья
Суровый инок Серафим!

Унылый благовест, алтарь незаренный,
И клира черного чуть слышный, скорбный глас...
Взывает горестно епископ сокрушенный:
«О, Господи, помилуй нас!»

Суббота Вербная! синеют волны дыма,
С ветвями вешних верб, поет «Осанна» клир.
И кажется: Христос к вратам Иерусалима
Грядет страдать за грешный мир.

И гласом сладостным ко Господу взывая,
Смиранный Гермоген у Царских Врат склонен:
В одной руке – свеча, в другой – святая вайя,
Еврейским детям вторит он.

Вот день единственный – постящихся награда!
Повсюду блеск свечей и пурпур багряниц,
Псалмы Пасхальные доносятся из сада,
Сливаясь с щебетаньем птиц,

Горят трехсвещники в цветах благоуханных,
Раскрыты алтари, и голубая твердь
Струится из окон, и клир в одеждах рдяных
Поет: «поправши смертью смерть».

Меж молодых берез ты шествуешь «со славой»,
Наш пастырь. У дверей служители твои
Уже набросили на стан твой величавый
Лазурной мантии струи.

Архимандрит и клир, прося благословенья,
Склонились пред тобой, струя душистый дым,

И девы чистые запели в отдалении:

«Светися, Иерусалим».

О, как я полюбил таинственным покоем
И шумом голубей весною полный сад,
И дом епископский, священный дом, над коим
Незримо ангелы парят.

К нему толпы сирот приходят, не робея,
В нем груди дышится отрадней и вольней,
Над ним лазурь небес как будто голубее,
И облака над ним нежней.

Туда, туда летят души моей моления:
Я тихую мечтой блуждаю каждый день
В задумчивом саду, где храм Богоявления
Зовет меня в святую сень.

VII. ГЕРМОГЕНУ МОНАХУ

Искушенья злости и гордыни
Ты отверг от юношеских дней;
Легкий воздух Оптиной Пустыни
Веет в келье радостной твоей.

В ней не чуешь тягостного плена:
Благовоньем лилий напоен
Тесный дом, и образ Гермогена
День и ночь лампадой озарен.

Как завидна вольная неволя
Светлой кельи, где любовь и мир,
Где келейником племянник Лёля
В праздники готовит скромный пир.

Голуби шумят в ветвях березы.
Ты поешь, присевши за рояль:
«Милость мира». Нежно пахнут розы,
И монаху прежних дней не жаль.

Покорили черные одежды
Волю плоти. Ты в слезах всю ночь
Молишься, не опуская вежды;
Духи тьмы бегут в смятенье прочь.

Как монах в пещере Фиваиды,
Ты с Христом беседуешь в ночи...
Научи меня прощать обиды,
За врагов молиться научи.

Просвети наукою бесстрастья
Темный дух мой... Помнишь, как со мной
Светел шел ты утром от причастья,
Укрепленный пищей неземной!

В вышине синело небо мая,
Еще пуст был монастырский двор,
Голубей взвилась над нами стая,
Уносясь в сияющий простор.

И душа рвалась лететь за ними...
О, навеки будь благословен
И меня молитвами твоими
Не оставь, смиренный Гермоген.

VIII. ПАМЯТИ Ю. А. СИДОРОВА

В ужасный день, под стон февральской выюги,
Неистово шумевшей средь могил,
Твою гробницу на краю Калуги
Я посетил.

Но я не помню грустного погоста,
И верю в твой сияющий возврат,
Алкавший посвященья в анагоста,
Мой тихий брат.

Для Церкви нет ни тления, ни гроба:
Два инока, покинув дом родной,
Пустынею теперь идем мы оба
В полдневный зной.

Далек наш путь: кувшин последний выпит,
Засох язык, изранены ступни...
Но в глубь пустынь уводит нас Египет,
Как в оны дни.

Нам даст ночлег святой отец пустынный,
Для мглы пещер презревший грешный свет,
И пальма пыльная уронит финик
Нам на обед.

Когда ж тоска по радостям и миру
Охватит нас и вспыхнет страстный зной,
Пречистой Деве мы поем стихиру,
Лишь Ей одной.

Она одна – наставница монахов,
Мы к ней взываем: и во сне, и вьявь,
Пречистая, от помыслов и страхов
Избавь, избавь.

И мы придем к Ее садам цветущим,
Где навсегда Она воздвигла трон,
Где иноки поют по райским кушам
Горы Афон.

Где райским изумрудом дышит море,
Где гнезда келий вьются по скалам,
И где Она, в лазурном омофоре,
Сквозь фимиам,

Плывущие благословляет лодки,
И вся сияет в тверди голубой...
Мой милый брат, горе, сжимая четки,
Идем с тобой!

Молитвой и постом противясь змию,
Свершаем мы, паломники святынь,
Наш путь из кинонии в киновию
В песках пустынь.

21 мая. 1914
Дедово

IX. ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Я много слышал о тебе рассказов
Пред тем, как рай твой тихий посетил,
Обитель, где Алеша Карамазов
У ног святого старца опочил.

Кончался знойный день. Прохладой росной
В окно вагона веяло. Уже
Кругом толпились девственные сосны,
Как стражи на священном рубеже.

Обитель – благодати неоскудной
Сквозь все века сияющий сосуд –
В твоей тиши, глубокой, непробудной,
Как криньки непорочные, цветут,

В священной изощренной науке,
Святые старцы, белые, как лен.
Закалены колена их и руки,
Их ясных глаз не омрачает сон.

Синеет твердь, благоухают розы,
Обедни здесь, как райские пиры...
Молитва Иисусова и слезы
Венчают все небесные дары.

Приди, кто богоданные одежды
Растлил грехом и почернел, как труп...
И для тебя горит елей надежды,
Не бойся обнажить смердящий струп.

Наука здесь духовная исстари
Насаждена. С крылечек, у ворот,
Два старца, Феодосий и Нектарий,
Не устают благословлять народ.

И храм всегда раскрыт гостеприимный,
Не молкнет в нем Давидова псалтирь.
Прими мои молитвенные гимны,
Цветущий скит и белый монастырь,

Где я сложил грехов тяжелых бремя...
О, ночь молитв, над соснами заря,
Заутрени таинственное время,
Кафизмы и мерцанье алтаря!

Читает чтец уныло и негромко,
Уж двери, окна в голубых тенях,
И, голову склонивши на котомку,
Народ уснул на белых ступенях...

Святой отец, покрыт мирскою пылью,
К тебе пришел я. Кротко осень
Мою главу святой епитрахилью,
Ты отрешил от прошлого меня.

Былая радость, горе, зимы, весны,
Всё – только сон. Дороги нет назад...
А всё шумят таинственные сосны...
Кто скажет мне, о чем они шумят?

Х. БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН – СВЯТОЙ МОНИКЕ

Присядем у раскрытого окна
И отдохнем от плаванья. Уж вечер
Озолотил остийские сады,
И Тибр блестит вдали... Дай руку мне.
В года твои дорога не легка,
А море было бурно... Отдохнем:
Рука с рукой, и голова моя,
Склонясь к твоим слабеющим коленям,
Покоится, а сердце предвкушает
Последний упоительный покой,
Нас ожидающий на лоне Бога.
Я долго плыл по жизненному морю,
Обуреваем волнами греха
И ветром злым ученья манихеев,
Но ты была мой кормчий неусыпный,
И привела разбитую ладью
К надежной пристани, и сам Амвросий
Твое дитя заблудшее приял,
И я на брег стал твердою ногою:
Тот берег был крещения купель
И благодать святая Иисуса.

О, сколько слез ночами ты лила,
Когда я шел путями преисподней,
И, омраченный сумраком греха,
Не видел солнца истины Христовой,
И забывал Христа святое имя,
Которое младенцем восприял
С твоим млеком, из этой милой груди
Ты плакала, ты чахла; а меж тем
Я утопал средь пиршеств Карфагена,
И баснями языческих певцов
Питал мой стыд, и в поисках похвал
Пленял толпу искусными речами,
И тешил плоть на ложе вождлений,

И – ученик безбожных манихеев, –
К ужасному готовясь посвященью,
Служил стихиям немощного мира...
Какие муки ты перенесла,
То знает Бог один. Но под конец
Сказал тебе епископ, мудрый старец,
Которого о мне ты умоляла:
«Покойна будь. Иди. Сын слез таких
Не может до конца погибнуть». Вскоре
Я прибыл, как учитель красноречья,
В Медиолан прекрасный. И однажды,
Когда скитался я по площадям,
Объят тоской, томим палящей жаждой
Вернуться вновь в объятия Иисуса
И увлекаем от его объятий
Видений адских стайей сладострастной,
Услышал я божественное пенье,
И завернул в собор, и там увидел
Амвросия, божественного мужа:
Потир, пылавший кровию Христовой,
Он возносил, простершись в алтаре.
И всё внезапно предо мной смешалось:
Я видел только огненный потир,
Кипевший алой кровью Иисуса,
А вокруг него витали херувимы,
Не в силах видеть таинства любви,
Закрыв глаза смятенными крылами!
И я в слезах ушел в церковный сад
И там упал в смоковничной тени,
В тени греха, как оный Нафанáил,
И ждал, молясь. И легкою стопой
По саду шел, не подымая глаз,
Амвросий, кончивший служенье. Я,
Схватив края его священной ризы,
Его молил принять меня в свой дом.
И он меня, под сению греха
Простертого, рукою властной вывел

В сияние Христовой благодати.
Но вновь я был в отчаяньи простерт,
Молясь в слезах, язвим грехом, под тенью
Смоковницы. И голос я услышал,
Звеневший из далекого окна,
Как бы напев незримой райской лиры:
«Возьми, читай!» И я раскрыл писанье
И утонул проснувшимся умом
В премудрости божественного Павла.

Так жизнь моя проходит предо мной
В вечерний час, когда зари сиянье
Ложится на синеющие горы,
Стихает шум и вечер наступивший
Зовет к молитве верных Церкви чад.
О, мать, взгляни: как обещанье рая,
Вдали сияет небо золотое.
Твои глаза, ослабшие от слез,
Уж видят мира горнего сиянье,
Который для меня еще закрыт
Покровом тяжким этой грубой плоти.
Я – весь в тени, а ты озарена,
И, кажется, уж улететь готова
В отчизну светлых душ. О, погоди:
Не оставляй меня в долине скорби,
Веди, как прежде, сына слез твоих,
Чтоб не ослаб на узком я пути,
Не изнемог под бременем Христовым...
Но знает Бог, когда тебя призвать,
И если в том Его святая воля,
Чтоб новым искушеньем посетить
Смиренного и грешного раба,
Его да будет воля. Наша жизнь –
Не в этой бедной плоти, а в Христе.

19 мая. 1914
Дедово

XI. ПУСТЫННАЯ ЖИЗНЬ

Я навсегда с тобой, о, мой отец духовный,
С тех пор, как я тебя в пустыне отыскал,
Где ни источника, ни зелени дубровной,
А лишь горячие уступы желтых скал.

Здесь будет лень мою будить твой голос гневный,
Здесь я постом залью страстей греховный пыл,
В пустыне жаждущей, где пост сорокадневный
Свершил Спаситель наш и искушаем был.

О, помоги в борьбе с желанием и ленью,
Когда в полдневный час палящие лучи
Разгорячают плоть. Святому псалмопеню,
Труду, бесстрастию и бдению научи.

Мне слаще царских яств засохшие маслины,
Заплесневевший хлеб, глоток речной воды...
Я буду целый день плести твои корзины
И разделять твои смиренные труды.

Когда же уязвит стрекало вожделений
Бунтующую плоть, я припаду главой
На эти слабые, иссохшие колени,
С твоей молитвою сливая голос мой.

Несется издали рыканье злого зверя,
Из глубины долин ползет вечерний мрак,
Всё небо – в золоте, как райское преддверье...
Но козни новые готовит вечный враг.

Как манит, сладкий сон! возникли перед взором
Роскошные плоды, зовущие тела...
Отец, спаси меня! останови укором,
Коснись десницею горящего чела.

Бледнеют хоры звезд. Минула ночь искусства.
Мечами ангелы рассеивают тьму.
Молитвой утренней мы славим Иисуса,
Вершины скал – в лучах и в розовом дыму.

Пустыня расцвела благоуханным крином,
Пред алтарем небес туман – как фимиам,
И вторит горлица на дереве пустынном
И гимнам ангелов, и утренним псалмам.

ХП. ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ – ГРИГОРИЮ БОГОСЛОВУ

Товарищ юности, я жду тебя
На берегах Ириса благодатных,
Где годы нашей золотой весны
Текли в трудах и мирном песнопенье.
Хоть покосился мой убогий дом,
Но те же вокруг долины и холмы,
Покрытые обильным виноградом,
И так же голуби в саду воркуют
И плещут белоснежными крылами...
Сестра Макрина так же за работой
Поет псалмы Давидовы, и нам
Лишь одного тебя недостает.
Что ты замолк? Святую тишину,
Подобно горлице пустыннолюбной,
Ты возлюбил от самых первых лет.
Как счастлив ты, укрывшись навсегда
От клеветы и зависти врагов
И от коварной дружбы. Но покинь
Твою пустыню и приди ко мне.
Уж я не тот: тяжелые недуги
Мне говорят о радостном конце,
И частая сверкает седина
В седеющих кудрях сестры Макрины.
В вечерний час, за скромною трапезой,
Вспомянем прошлое: дни первой дружбы,
Связавшей нас на площади Афин,
Где нас любили эллинские музы,
Особенно тебя: в твоих руках
Воскресла ионическая лира.
Ты помнишь ли, как жадно пили мы
Сладчайший мед премудрого Платона
И как пленил нас пылкий Демосфен?
О, суета! о, молодость! Иная
Пришла пора, и к Ливии священной

Направил я смиренные стопы
И навестил пустынные пещеры,
Обители отшельников святых,
И, вдохновен высоким их примером,
Сложил в уме монашеский устав
И начал брань с желаниями плоти,
Жестокою, мучительную брань.
О, как меня в свои ловили сети
И сладкий сон, крылатый соблазнитель,
И жажда яств, и пламенное жало
Неистового плотского греха!
Но я мертвил на камне раскаленном,
Под солнцем изнуряющим пустыни,
Враждебной плоти немощный сосуд,
И очищал скудель Святого Духа,
И горницу достойную готовил,
Дабы принять таинственного гостя
– Спасителя святую плоть и кровь, –
Пока меня с благословеньем авва
Не отпустил служить Господней Церкви.
Настало время рукоположенья:
Я помню миг таинственный, когда
Евсей, надо мной скрестивши руки,
Молился, чтоб спустилась на меня
Святого Духа благодать... и вдруг,
Как солнца луч, как гром, по сводам храма
Промчалось слово жданное: «Достоин»,
И клир его трикраты повторил.
Увидел ясно я сквозь фимиам:
В сияньи солнца голубь белокрылый
Над головой моею воспарил,
И сердца вдруг коснулась благодать,
И внутренность моя затрепетала...
Иным предстал передо мною мир,
Когда из храма вышел я: о Боге
Вещали мне напевы диких птиц,
О нем цветы шептали полевые

И гимн Ему стенанием валов
Смятенно пело море голубое.
Весь мир тогда лежал передо мной
Раскрытою божественною книгой,
Которую читал я без труда,
И пело сердце, как псалом Давида.
Благодаренье Богу! лишь одно
Меня теперь гнетет воспоминанье:
В моих мечтах проходит, как живой
Товарищ наш, несчастный Юлиан,
Который стал игрушкой Сатаны
И осквернил нечестием престол,
Восстановив служение богам,
Стремясь вернуть на ветхие пути
Нас, возрожденных кровию Христовой.
Ты был всегда к нему несправедлив,
Сознай свою ошибку. Светлый дух
Горел в покойном Кесаре: когда бы
Он верен был святой Христовой Церкви,
Пришли бы золотые времена;
Но соблазнил коварный обольститель
Безумца Юлиана, и возмездьем
Ему была парфянская стрела.
Господь его рассудит... Бури вновь
Теперь волнуют Церковь: нечестивый
Валент поносит Господа Христа,
Его равняя с тварями земными
И отлучив от света Отчей славы.
Но мы стоим на страже православья:
Бич ариан, святитель Афанасий,
С епископом святого града Рима,
Блудущим ключ апостола Петра.
Я жду тебя. Обсудим сообща
Церковные дела. Как твой отец,
И ты цветешь маслиной плодovитой;
Как дикий крин, возросший средь пустыни,
Ты далеко благоухаешь Церкви

И песнями, и вышним богословьем.
Нам твой совет необходим. А кстати
Вспомянем юность, ночи посвятим
Молитве и святому песнопенью,
За всё, за всё Творца благодаря
И к новому пути готовясь. Бог
Меня зовет: я чувствую призыв
И в песне ветра, и в звенящем крике
Небесных птиц, а вянущая плоть,
И костный лом, и шум в ушах, – всё шепчет:
«Окончен труд, собирайся в дальний путь».

ХІІІ. ПРОЩАНИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ С АФОНОМ (ФРЕСКА В ВОРОТАХ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ)

Морской прилив бурлив и шумен,
Корабль пристал к святой горе...
Благослови меня, святой отец игумен,
Отплыть на утренней заре.
Я больше не приду к кафизмам и седальнам,
Не буду с вами жечь кадильный фимиам.
Корабль мой поплывет к моей России дальным
И вожделенным берегам.

Отец, возлюбленные братья,
Афон сокроется из глаз,
Но всё я буду к вам стремить мои объятья,
В молитве призывая вас.
Забуду ль бдения и долгий глад в пещере,
Где я провел года и, умиленья полн,
Один рыдал в ночи, внимая через двери
Торжественное пенье волн.

Придет день радости всемирной –
Сияющий полиелей.
Наш храм, как райский сад, благоухает смирной;
В венках серебряных лилей
Сверкают образа. Мы горним ликам вторим.
На миг покинешь храм... трава еще в росе,
А солнце красное над неподвижным морем
Плывет в торжественной красе.

Поста осеннего отрада,
Когда ступени алтаря
Покрыты золотом и кровью винограда,
И мы Небесного Царя
Уж зрим в сиянии над облачным Фавором!
Забуду ли тебя, Афонских гор престол?

Ты, осеняемый пречистым омофором,
Подобно лилии процвел.

Здесь греческой, священной веры
Я тайны горние постиг,
И их перенесу в Печерские пещеры,
Афонских старцев ученик.
Я научу мой край и подвигам суровым,
И песням ангельским, и бденьям всенощным,
И кельи зацветут по берегам Днепровым,
По берегам моим родным.

Я рад тебе, дорожный посох,
Тебе, дорожная сума!
Уж первые лучи играют на утесах,
Рассеялась ночная тьма.
Молитесь, братия, чтоб Киев мой державный
Возрос и отразил восточные орды,
Чтоб укрепили мощь России православной
Монахов темные труды.

XIV. АРХИМАНДРИТУ ПЕТРУ

Благочестивый, скромный, светлокудрый,
Ты юношей пришел к нам в дом, чтоб мудрой
Латинской грамоте меня учить. Тогда
Уже заметил я, что ты любил всегда
Примеры приводить Священного Писанья;
Ты весел был и прост, исполнен состраданья
К больным и беднякам. Любил я примечать
И девства строгого прекрасную печать,
И свежесть юности в твоем лице румяном.
Учитель ласковый, ты схож был с Иоанном,
В изображении умбрийских мастеров.
Когда же я солгал, ты сделался суров,
А я горел в огне раскаянья и горя,
В твоем насмешливом и прозорливом взоре
Читая приговор. Познав огонь стыда,
Уж больше пред тобой не лгал я никогда.
Промчалось много лет, и вот над милым прахом
Нежданно я узрел тебя иеромонахом,
Под черным клобуком, с кадилницей златой.
Уже двенадцать лет прошло со встречи той,
И вот я посетил Белев, где всей округе
Известен ты, как врач, духовные недуги
Целящий силою Христовою. И вновь
Соединила нас старинная любовь,
Как двадцать лет назад, над мудростью латыни...
О, не забуду вас, Белевские святые,
И светлую Оку, и монастырский сад,
Где уверял монах, что я – твой младший брат...
С высоким посохом, в одежде белоснежной,
Ты шел меж цветников, приветливый и нежный,
И цвел обширный сад, возделанный тобой.
Был стол накрыт для нас под твердью голубой,
Средь вольной зелени, разросшейся и дикой,
И блюдо ждало нас с душистой земляникой.

Роскошным вечером пошли мы вместе в храм,
К субботней всенощной: свершалась служба там
Порядком медленным, как служат на Афоне.
Ходили дьяконы с ковчегом благовоний,
И храм благоухал, как райский вертоград.
Когда ж на литию ты шел из Царских Врат,
С благоговеньем все склонились на колени.
Никто не чувствовал усталости и лени,
Хоть служба отошла в двенадцатом часу.
А пустынь тихая, за городом, в лесу, –
Вот райский уголок! Там спят святые мощи,
Целебный студенец в тени сосновой рощи
Врачует немощных. Там из подземных недр
Журчат источники, и зеленеет кедр,
И сосны зыблются, и пахнут нежно туи;
Везде безмолвие, и ледяные струи,
И сумрак сладостный, и влажный, черный мох...
Вот пристань мирная от всех земных тревог!
Златой Италии средь знойной Тульской степи
Роскошный островок! Как в сумрачном вертепе,
Иль в погребке сыром, в подземной церкви мы,
И фрески дивные глядят из полутьмы,
Молитва сладостна на камне отсырелом...
Отец архимандрит! Когда к твоим пределам
Опять направлю путь? Пора, давно пора
Обняться с паствою игумена Петра
В холмах смеющихся уютного Белева.
Воспоминания далекого былого
Опять подымутся, как в голубом дыму!
Я помню, как, пронзив годов грядущих тьму,
Ты вдруг промолвил мне, смотря с улыбкой ясной:
«Зачем о будущем тревожиться напрасно,
Когда последние приходят времена,
Антихрист близится». И полдня тишина,
И небо ясное над ясною Окою, –
Всё омрачилось вдруг предсмертною тоскою.

НА РУБЕЖЕ

І. ВОЛЫНЬ

Когда я был на рубеже двух жизней,
Услышав зов: «всё прошлое покинь»,
К тебе я путь направил, как к отчизне,
Моя Волянь.

И ты надежд моих не обманула:
Я сбросил бремя северных цепей,
Всё прошлое в просторе потонуло
Твоих степей.

Моя Волянь! где маки вдоль дороги
Горят, как кровь, и, уходя в простор,
Вздываются волнистые отроги
Карпатских гор!

Где дикий лес напевов полон птичьих
И любит горлица заветный дуб...
Привольный край воинственных лесничих,
Как ты мне люб.

Питомцы гордые лесов и воли,
Они – такие же, как были встарь:
Всем даст приют, предложит хлеба-соли
Волянский царь.

Лесничий чужд бездействия и лени,
Весь день по дебрям рыщет он густым,
В его дому висят рога оленей,
Убитых им.

И сладок сон его под шкурой лисьей,
В глухом лесу, где видел он не раз,
Как в темноте сверкает желтой рыси
Коварный глаз.

Привет мой вам, лесничие Волыни!
Я в ваших семьях принят был, как свой,
Я к вам всегда из северной пустыни
Лечу душой.

Я привязался к вашим лицам грубым,
Я ваш, друзья! Мне кажется: уже
Я вновь у вас, под заповедным дубом,
На рубеже

Лесов Волынских. К Австрии недалёкой
Я устремляю взоры: предо мной
С горы открылся замок феодальный,
Где жил, больной,

Великий Петр в дни Прутского похода...
Люблю тебя, как благодатный рай,
О, колыбель славянского народа,
Волынский край!

На юг, на юг бегут мои дороги,
Где, полные израильских письмен,
Оплакивают славу синагоги
Былых времен.

Где гордый лях клянет свои оковы,
Где чуждый ветер дует от Карпат,
И дремлет Кременец средневековый,
Горами сжат.

Волынский край, где я нашел, не чаяв,
И путь, и жизнь! где на горе крутой

Таинственно белеющий Почаев,
Как страж святой,

Хранит рубеж России вожделенной,
Пречистою спасаемый от бед,
Где навсегда стопы Ее нетленной
Сияет след.

*1914. 22 января
Москва*

II. ПАДУЯ

И ты, сестра Венеции пустынной,
О, Падуя, лазурна и бела.
Здесь был очаг учености старинной,
Здесь живописью церковь зацвела.

Забуду ль храм Madonna del Arena,
Который весь – одна утеха глаз,
Где приняли молитвенные стены
Суровые цвета этрусских ваз?

Святая кисть ученика Франциска,
Сурового, как Дант! Никто, как ты,
Не подошел к евангелию близко,
Постигнув тайну горней красоты.

Доступное лишь оку серафима
Ты передал. Вот ангелов полет,
Вот чистый поцелуй Иоакима
И Анна, ждущая небесный плод.

Христос пришел благовестить Тоскане:
Он путь свершает на простом осле,
Монах пирует в Галилейской Кане
И пальмы зеленеют на скале.

Вот даль ночная в синеве безбрежной,
И – белый весь – на камне гробовом,
Как голубь, восседает ангел нежный,
Накрывши гроб сияющим крылом.

Сияньем Иисусовой могилы
Рассеяна предутренняя тьма...
Какой союз кипящей жизнью силы
И девственного, строгого ума!

Здесь крылья, возносящие от праха,
И свет любви. О, если бы зацвел
Весь этот рай тосканского монаха
В смиренных храмах наших бедных сел!

III. БЕНОЦЦО ГОЦЦОЛИ

Ты, после Джотто, мне милее всех других,
Беноццо Гоццоли. В созданиях твоих
Вся церковь римская рисуется так живо!
Причалил Августин к Италии счастливой,
Питомец риторов, любимец пылких дев.
Прошло немного дней и, к миру охладев,
Возжаждав Господа душою воспаленной,
Он над писанием склонился умиленный,
И на руку его поникла голова.
Посланья Павловы, небесные слова,
Читает жадно он и слышит: Tolle! lege!
Простите, риторы, и ласки жен, и неги,
И смрадный Карфаген! А дева перед ним
Стоит премудрая, светла, как херувим,
Перстами нежными на книгу указуя,
И плачет Августин. Безмолвием чаруя,
Вдали задумчивый чернеет кипарис,
И розы в цветнике, алея, разрослись...
Так, осеняемый зеленокудрой фигой,
Изображен монах, склонившийся над книгой!
Но вот мечта твоя теплее и нежней,
И перед нами рай невозвратимых дней,
Когда всё расцвело под проповедь Франциска,
И небеса к земле опять казались близко,
И Бога славили Умбрийские холмы.
Везде прошел Франциск. Не убоясь чалмы,
С крестом явился он пред грозным Саладином.
В Ареццо он пришел, и перед ним единым
В смятении улетел свирепый полк бесов.
Воспоминания мучительных часов,
Когда страдал Господь, ко древу пригвожденный,
Не умирали в нем. Душою умиленной
Он язвы Господа перед собою зрел.
И ангел пламенный снопом лучистых стрел
Пронзил его стопы и бледные ладони.

И кровью алою и полной благовоний
Сочилась блеклая, истерзанная плоть,
До дня, когда его к себе призвал Господь.
О, фрески пышные, краса дворца Рикарди,
Где звезды золота горят на леопарде,
И звери дикие, и птицы, как в раю,
В одну сливаются послушную семью
И мчатся с магами к вертепу Вифлеема.
Здесь кистью создана обширная поэма,
И вся история проходит на стене.
В кафтане парчевом, на снеговом коне,
Лоренцо Медичи, в красе женообразной,
Проносится, блеща короною алмазной.
В червонном золоте от головы до ног
И подбоченившись, сидит Палеолог,
Владыка царственной и дряхлой Византии.
Уже на трон его обрушились стихии,
И он с Флоренцией готов вступить в союз,
Где уж давно очаг наук и древних муз,
И теплится елей пред статуей Платона.
Промчались цари... и се: лучи Сиона,
Восторгом неземным воспламенился дух!
Внимает ангелам задумчивый пастух,
Рукою опершись на посох из маслины...
А дальше райские, лазурные долины,
И хоры ангелов, полураскрыв уста,
В вертепе Девою рожденного Христа
Встречают песнями, и славят в горних кущах,
Под кипарисами, среди алых роз цветущих.

IV. КРЕМЕНЕЦ

Незнакомый мне край! Кони мчатся дорогою снежной,
Блещут южные звезды, и лихо звенит бубенец.
Что чернеет вдали? это дремлет в ночи безмятежной
Кременец.

И под небом январским, в сияньи созвездий хрустальных,
С каждым мигом растущих, горящих светлей и светлей,
В обнаженной степи встали призраки пирамидальных
Тополей.

Замелькали дома, уж людей попадается больше,
Стала круче дорога, и в окнах мерцают огни.
Вот он – город, любезный блистательным рыцарям Польши
В оны дни.

Надо мной монастырь; горы встали и справа и слева;
Покосились столбы, подпирая домишко кривой;
Вот развалины башни, где бродит еще, королева,
Призрак твой.

Ты затих, Кременец, где собиралась на праздник веселый
Феодалная знать за тяжелым от брашен столом;
Твоя слава прошла; лишь угрюмые грезят костелы
О былом.

Старой Польши Афины, где пел вдохновенный Словацкий!
Беспощадна Россия к преданьям сраженных племен...
Как мне жалко тебя: ты под серой шинелью солдатской
Погребен.

Я пришел в монастырь. Как торжественно строг и высок он,
Напоенный преданьями грозными Средних Веков!
Там святые глядят из сиянья расцвеченных окон
С облаков.

Ты, готический храм, воплотил устремление к выси
Из юдоли земной... Появился в порталах твоих,
Легкой тенью скользя, изможденный монах Дионисий,
Строг и тих.

Воздержаньем, смиреньем и кротостью Богу угоден,
Без унынья и злобы покинувший суетный мир,
Осеняет епископ купель... «На водах глас Господень»
Грянул клир.

Заплескала вода, и толпа преклонила колени,
И казалось: объемлет в студеных водах Иордан
За крещенской водою пришедших из дальних селений
Поселян.

Кременец! не забыть твоих башен священного праха,
Между нами навек завязалась какая-то нить,
И трапезы вечерней под тихие речи монаха
Не забыть.

V. АННЕ Н. КАМПИОНИ

Где август тот, когда я в первый раз
Приехал в уголок ваш безмятежный
И, как родных, вдруг полюбил всех вас,
В лесах Рафаловки, задумчивой и нежной?

Я полюбил ваш дом, где жизнь идет
С какой-то аккуратностью немецкой,
Портреты предков, кипы старых нот,
И солнце яркое, и смех в обширной детской.

Казалось мне, здесь оживают вновь
Предания моих погибших весен,
И снова улыбалась мне любовь
В безмолвном сумраке благоуханных сосен.

О, эти дни на Золотой Горе,
Сухой песок, в лазури облак нежный,
И сосны строгие, как в алтаре,
И тишина кругом, и всюду – лес безбрежный.

Над вами Бог простер с любовью длань:
Как май, цвели на материнском лоне,
Маруся, робкая и дикая, как лань,
И Топка резвая, и розовая Соня.

Такой кругом дышал небесный мир,
Ни облака на чистом поднебесьи...
Охотники съезжались на пир
К трем братьям, как цари прославленным в Полесьи.

Но грозный враг нагрянул на Вольту,
Заливши кровью нивы золотые.
Хозяин, дом свой ласковый покинь,
Смени твой мирный труд на бури боевые.

Перед тобой не раз бежал кабан
И резвых коз сшибал ты пулей меткой.
Тебя зовет гремящий барабан,
Ты по родным лесам блуждаешь за разведкой.

Но что за грусть овеяла твой дом,
Куда ты медлишь радостным возвратом...
Уже твой след исчез в дыму седом,
Мы за тобой летим к заоблачным Карпатам.

Но близок день, ты будешь с нами здесь,
Женой, детьми ласкаем и лелеем,
И будет вновь твой дом исполнен весь
Обильем, миром, хлебом и елеем.

Пускай скорей приходит этот час...
Я ж не забуду в смене лет и весен
Молитвы той, что я сложил за вас
В тени Рафаловских, любимых, милых сосен.

VI. 13 ОКТЯБРЯ, 1914 ГОДА

Старик октябрь, ты стал неузнаваем:
Давно ль я трепетал железных рук твоих?
Но ты пришел, – и веешь кротким раем,
Ты – ласков, нежен, сумрачен и тих.

Пусть дни черны, и серебристый иней
Окутал сад и дальние кусты,
Пусть с каждым днем всё глуше и пустынной, –
Спустилась ночь, дрова трещат в камине...
Старик октябрь, нет, мне не страшен ты.

Грози другим, как мне грозил, бывало,
Стуча в окно могильною киркой!
Мой май увял, но сердце не увяло:
В нем ясное блаженство и покой.

И призраки, поднявшись из могил,
Ко мне слетаются в молчаньи полуночи,
И, кажется, мне прямо смотрят в очи
Все милые, кого я схоронил.

Вы мне приносите благословенье,
И озарил загробный ваш привет
Канун и полночь моего рожденья.
Пора за труд: мне двадцать девять лет.

VII

O Beatrice, dolce guida e cara...

Dante

Ты Радости Нечаянной недаром
Молилась в те ужасные года.
Подставив грудь мучительным ударам,
Средь всех невзгод осталась ты тверда.

Ты помнишь: небо яркое чужбины,
И блеск воды, и черных скрип гондол,
И пышный храм, и шелест голубиный,
И гордый лев, крылатый, как орел!

Волынский дуб и горлиц воркованье,
Где мы прочли сладчайшую из книг,
Когда свое нам благовествованье
Раскрыл Христа любимый ученик.

И светлый дом в саду Богоявленья
Ты помнишь ли? Покинув море зол,
Наш углый челн, избегший потопленья,
Там пристань безмятежную обрел.

Там дивный муж благоволящим взором
На нас взглянул... Как к югу журавли,
Мы за его лазурным омофором
К немеркнущему солнцу потекли.

Ты повела меня стезею света,
Когда я спал в сомненьях и страстях...
Не плоть и кровь тебе открыли это,
А наш Отец, который в небесах.

Хвала тебе за месть и злобу мира,
Которым ты удел наш обрекла;

За то, что ты души моей кумира
Разбила, как игрушку из стекла.

Не будем вспоминать о горе старом,
О темных днях, мелькнувших без следа...
Ты Радости Нечаянной не даром
Молилась в те ужасные года.

1915. 1 марта
Дедово

VIII. СВЯТАЯ РУСЬ

Святая Русь, тебя во время оно
Призвал Христос – возлюбленную дочь, –
И озарили молнии Афона
Язычества коснеющую ночь.

И греческие таинства святые
Принес к родным Днепровским берегам
Антоний дивный. Главы золотые
Покрыли Русь на страх ее врагам.

И процвела Печерская обитель,
И как прекрасен был ее расцвет!
Из тьмы пещер понес пустынножитель
Во все концы евангелия свет.

Когда ж была разрушена монголом
Владиминова Киева краса,
Святая Русь! – ты выбрала престолом
Неведомые севера леса.

Средь чащ глухих, знакомых лишь медведю,
Убогий храм главу свою вознес,
И огласился колокольной медью
Покой безмолвный сосен и берез.

И Сергей, муж, кому не будет равных,
С природою вступив в суровый спор,
Подъял труды, в удолиях дубравных
Не уставал греметь его топор.

И скит его процвел, как утро мая...
Святой чернец, родной жалея край,
Благословил на гордого Мамаю
Полки Москвы, – и был сражен Мамай.

И кроткому отшельнику в награду,
Когда полночная лежала тьма,
В лучах, за монастырскую ограду,
Явилась Матерь Божия сама.

И, стае птиц бесчисленных подобный,
Детей духовных Сергиевых рой
Потек везде. И Савва преподобный,
Над дикой Сторожевскою горой,

Воздвигнул храм среди лугов медвяных;
Внизу лазурная Москва-река
Струила волны в берегах песчаных;
Как фимиам, курились облака.

Здесь годы плакал схимник умиленный...
Воздвигнув храм Пречистой Рождества,
Он сна не знал в пещере сокровенной,
Где мох чернел и дикая трава

С цветами разрасталась на свободе...
И ныне ты хранишь Московский край,
Молвой чудес прославленный в народе,
Моих холмов Звенигородских рай!

Прошли века, и как осталось мало
Красы церковной на Руси родной!
Но Матерь Божия не забывала
Своей страны, как дочери больной.

И Серафим, Пречистою избранный,
Готовя Русь к последним временам,
Обвел чертой приют от бури бранной
Христовой церкви избранным сынам.

В таинственном безмолвии Сарова
Окрепла Русь на брань последних лет,

И ныне ждет Саровская дуброва
Игуменью, одеянную в свет.

И в наши дни, когда везде уныло,
Когда весь край наш кровью обагрён,
И черная антихристова сила
Родную Русь теснит со всех сторон,

Когда, нигде спасения не чаяв,
Мы были только верою тверды,
Восстала Русь, и отразил Почаев
Австрийские кичливые орды.

И от Ее нагорного престола,
Перед Ее сияющей стопой,
Германцев рать, как древле рать Монгола,
Бежала вспять смятенною толпой.

1915. Март

ТЕНИ АНТИЧНОГО

І. ТРАХИНИЯНКИ СОФОКЛА

Пародос

Строфа 1-я

Ты, убивающий тьму! перед кем исчезают, не споря,
Звезды ночные! О, Гелиос, пламенно-жгучий!
Где сын Алкмены, скажи мне? в проливах ли синего моря,
В Азии ль дальней? Ответь мне, очами могучий!

Антистрофа 1-я

Знаю ведь я, что всю ночь Деянира на ложе остылом
Не осушает, тоскуя, бессонные вежды:
Серой кукушечкой плачет о миллом,
Чахнет в предчувствии злом и хоронит надежды.

Строфа 2-я

Дунет Борей и взволнует, как дикое стадо,
Критские волны, бушует и стонет пучина.
Так сокрушают невзгоды, но боги спасают от Ада
Кадмова сына.

Антистрофа 2-я

Дай поперечить тебе! хоть, я знаю, горька тебе сладость
Слов утешенья, что сердце кручинит бесплодно?
Благ Вседержитель: приходят и горе, и радость
Поочередно.

Эпод

Всё для смертного непрочное,
Всё уходит без следа.
Как лучи звезды полночной,
Тают счастье и беда.

О, царица! верь надежде!
От супруга жди вестей.
Зевс печется, как и прежде,
О судьбе своих детей.

II. ТРАХИНИЯНКИ СОФОКЛА

ПЕРВЫЙ СТАСИМ

Строфа 1-я

Вечно, везде торжествует Киприда
Силой победной!
Зевс ей покорен, и даже владыка Аида
Области бледной!

Антистрофа 1-я

Знал ее власть Посейдон, потрясающий землю...
Что до богов? Ведь мы сами свидетели были
Славного боя, и, кажется, снова я внемлю
Шуму ударов, взвивающих облако пыли.

Строфа 2-я

То Ахелой был, рогатый властитель потока,
Четвероногое диво.
С луком другой и дубиной пришел издалека,
Зевсово чадо, покинувший Вакховы Фивы.

Антистрофа 2-я

Ложе царевны желанно им было обоим:
Кинулись в битву, схватились, ужасные с вида...
Скипетр держа, надзирала за боем
Радостей брачных царица Киприда.

Эпод

Грудь с грудью бросила их злоба,
Стучали брони и рога.
Сцепясь руками, стонут оба
Друг друга сжавшие врага.

А с возвышенного места,
Устремляя светлый взор,
Смотрит нежная невеста
На рожденный ею спор.

Страшен девушке жених,
Плачет о девичьей воле,
Словно телочка на поле,
Потерявшая своих.

III. ВОСПИТАНИЕ АХИЛЛА

Кругом лишь камни дикие да звери!
Осенний ветер свистит со всех сторон,
Но мне с тобою весело в пещере,
Кентавр Хирон.

Виется дым над мясом вепря жирным,
Трещит огонь. Закутавшись в кожух,
Я задремал. Кентавр, напевом лирным
Потешь мой слух.

Назавтра, в час, когда с ночью мглою
Еще не смеет спорить первый луч,
Помчусь я, серн пернатую стрелою
Сбивая с круч.

Люблю я лес, и девственные воды,
И пенье стрел... О, если бы с тобой
Остаться мне навек, чернобородый
Наставник мой!

О, Ахилл, на воле вырос
Ты, как царственный олень,
Но тебе готовит Скирос
Негу, радости и лень.

Лесом вскормленный невежда,
Я тебя не узнаю:
Скрыла женская одежда
Грудь, окрепшую в бою.

Жаром новым, необычным,
Загоревшись и зардев,
Ты идешь в венке масличном,
Окруженный хором дев.

И в цветах весенних луга,
Пышно рдеющих, как кровь,
Отдает тебе подруга,
Деидамия – любовь.

Но пожди! наскучит нега
И Кипридины венцы.
От Троянского, от берега
Приближаются гребцы.

Перед девою-Ахиллом
Поразложены дары.
Предпочел забавам милым
Отрок бранные пиры!

Он отверг венец алмазный,
Выхватил блестящий меч,
И одежда неги праздной
Спала с богатырских плеч.

Он вскричал: плывем под Трою!
Волны вспенил быстрый струг,
И рыданья вслед герою
Шлет толпа его подруг.

ИТАЛИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Прекрасная! кормилицею нежной
Дни детства моего вскормила ты!
Как много лет, покинув север снежный,
К тебе неслись желанья и мечты.
Уже я вдыхаю воздух зарубежный,
Покинув Альп суровые хребты;
Я узнаю знакомые долины,
У станции печальные маслины.

Италия, посмотрим друг на друга!
Не тот же ль я, и ты, скажи, не та ль?
Смывает с сердца все следы недуга
Твоих холмов смеющаяся даль.
Я знал всегда: прогонит солнце юга
Привычную, старинную печаль.
Привет вам, камни, белые дороги
И кипарис, молитвенный и строгий.

И дикая терновая ограда,
И зелень маслин, спящая в пыли,
И вьющиеся лозы винограда,
И ослики, бегущие вдали!
Италия, – не правда ли? – ты рада
Мне, беглецу безжалостной земли?
Прими меня, как преданного сына,
О, колыбель палитры и терцина.

Уже я всю тебя ласкаю взором:
Вот замки гор Ломбардии, а там,
Привыкшая внимать небесным хорам,
Сереет Умбрия, как Божий храм.

Вот темный Рим: травой поросший форум
И Колизей, внимающий векам.
Вот небеса, как пурпур златотканый,
И кипарисы черные Тосканы.

Конец всему – за сумрачным Аверном,
Где белая, безмолвная вода,
Дыханием отравленная серным,
Как будто бы уснула навсегда,
И сердце бьется страхом суеверным
В предчувствии последнего суда,
И виден след к таинственной пещере,
Где в вечный мрак спускался Алигьери.

Италия! скажи, каким искусствам
Не подвергался твой священный прах,
Терзаемый огнем, мечом и трусом?
Но охраняет родину монах,
Тот юноша, с младенцем Иисусом
И лилией цветущею в руках,
И брат его, слагавший солнцу строфы,
Окровавленный язвами Голгофы.

Италия, тебе вручались скиптры
Земных судеб, ты дважды их брала:
Хоть лавр увял под тяжким златом митры,
Но власть твоя осталась, как была!
Бессмертна ты могуществом палитры
И мановеньем папского жезла...
Дай мне забвенье лет многострадальных,
В тени олив, согбенных и печальных.

I. ВЕНЕЦИЯ

Лазурь и свет. Зима забыта.
Канал открылся предо мной,
О край прибрежного гранита
Плеща зеленою волной.
Плыву лагуною пустынной.
Проходят женщины с корзиной
По перекинутым мостам.
Над головою, здесь и там,
Нависли дряхлые балконы,
И пожелтевшую ступень
Ласкает влага. Реет тень
И Порции, и Дездемоны.
Всё глухо и мертво теперь,
И ржавая забита дверь.

Где прежних лет моряк отважный
Спускал веселые суда,
Всё спит. На мрамор, вечно влажный,
Сбегает сонная вода.
И, призрак славы не тревожа,
Угрюмо спят чертоги дожа;
Их окон черные кресты,
Как мертвые глаза, пусты.
А здесь блистал на шумном пире
Великолепный, гордый дож,
И укрывалась молодежь
На тайном Ponte di Sospirì*;
И раздавался томный вздох,
Где ныне плесень лишь да мох.

Венецианская лагуна
Как будто умерла давно.

* Здесь допущена историческая ошибка.

Причалил я. В отеле Luna
И днем всё тихо и темно,
Как под водой. Но солнце ярко
Блестит на площади Сан Марко:
И изумрудный блеск зыбей,
И воркованье голубей,
И, грезой дивною и дикой,
Родного велелепья полн,
Как сон, поднявшийся из волн,
Златой и синей мозаикой
Сияет византийский храм...
Ужели правда был я там?

Здесь, с Генуей коварной в споре,
Невеста дождей вознесла
Свой трон, господствуя на море
Могучей силою весла.
Здесь колыбель святой науки!
Здесь Греции златые звуки
Впервые преданы станкам.
Здесь по роскошным потолкам
Блится нега Тинторетто.
Без тонких чувств и без идей,
Здесь создавалась жизнь людей
Из волн и солнечного света,
И несся гул ее молвы
В пустыни снежные Москвы.

Я полюбил бесповоротно
Твоих старинных мастеров.
Их побледневшие полотна
Сияют золотом ковров,
Корон, кафтанов. Полны ласки
Воздушные, сухие краски
Карпаччио. Как понял он
Урсулы непорочный сон!

Рука, прижатая к ланите...
Невольню веришь, что досель
Безбрачна брачная постель...
А море, скалы Базаити!
Роскошный фон Ломбардских стран
И юный, нежный Иоанн.

О город мертвый, погребенный!
Каналы темные твои
И ныне кроют вздох влюбленный
И слезы первые любви.
В тебе какая скрыта чара?
Давно канцона и гитара
Не будят сонные мосты,
Но так же всех сзываешь ты
Для чистых грез и неги страстной.
Твой ветер освежил мне грудь,
Он шепчет мне: «забудь, забудь
Виденья родины ужасной
И вновь на лире оживи
Преданья нежные любви».

II. БОРДИГЕРА

И вот, Венецию покинув,
Я путь направил в теплый край.
Под тяжким грузом апельсинов
Поникли ветви... Вот он – рай
Страдальцев северной чахотки...
Качаются рыбацьи лодки
На ложе вспененных валов,
И тянет парус рыболов.
Мы проезжали мимо Пели,
И поезд наш летел, как челн,
Окно кропили брызги волн,
Они играли, и кипели,
И обнимали грудь земли,
Смеясь в серебряной пыли.

Как долго не терял я веры,
Что отдохну в твоей тиши,
Отель укромный Бордигеры,
Где цвел апрель моей души!
Пусть хлещет дождь и даль в тумане,
Твоих заветных очертаний
Как не узнать? В тени садов
Вот группа розовых домов;
Зеленые, сквозные ставни
На окнах их, как и тогда;
И детства первого года
Мне бьются кажутся недавней,
И дождь, который в крышу бьет,
Мне песни старые поет.

И целый день, где роща дремлет
Масличных, страждущих стволов,
Внимал я песне, что подьмет
Веселье голубых валов.

И эти песни Нереиды
Смывали горькие обиды:
Я злобный север забывал,
И ропот моря придавал
Моим воспоминаньям крылья.
Отца я видел нежный взор...
Но ночь, подкравшись словно вор,
Вдруг падала. Лишь Вентимилья
Огнями озаряла мрак,
Светясь над морем, как маяк.

Страна цветов! в мечтах влюбленных
Храню я, как заветный клад,
Твоих фиалок благовонных
Чуть слышный, легкий аромат,
Златовоздушные мимозы,
Вдоль стен виющиеся розы
И рощи пальм по склонам гор.
Их каждый год сечет топор
В священный дар, на праздник Рима.
Олива, искривясь от мук,
Простерла узловатый сук,
В листве из голубого дыма.
В ее тени ронял Христос
Росу окровавленных слез.

Здесь мой отец мечтой упорной,
Забыв о настоящем зле,
От жизненной юдоли черной
Летел к своей святой земле.
И пели пальмы и маслины
Ему о рае Палестины
И трогали его до слез.
Не чаял он грядущих гроз
И брату слал привет любовный
На север, в темную Москву...

А тот, во сне и наяву
Горел идеею церковной,
За что его равно бранил
Безбожник и славянофил.

Но к делу и без отступлений!
Ушел я вдаль за много миль,
Ломило от ходьбы колени,
На башмаках белела пыль.
Но дивный вид мне придал крылья:
Передо мною Вентимилья
Открылась в утренних лучах;
Веща о прошедших днях,
Остатки древних бастионов
Грозят соседним племенам,
Хоть мох чернеет по стенам.
Я вновь иду вдоль горных склонов,
Границу перейти спешу
И ветром Франции дышу.

Я шаг замедлил в восхищенье
На рубеже соседних стран:
Привет тебе во имя мщенья,
Привет, союзница славян!
Союз наш, гордый и могучий,
Уже затмил грозящей тучей
Магометанскую луну.
Надеясь на тебя одну,
Мы православным государям
Приветы царственные шлем*.
Уже близок день: ударит гром,
И мы всей силою ударим
На общего врага... он пал,
И вновь на Рейне гордый Галл.

* Писано под впечатлением политических событий в ноябре и декабре 1912 года.

Повеял ветер с дальних мысов...
Я шел вперед вдоль пышных вилл,
Чернели копия кипарисов
Над тихим мрамором могил.
Всё влажной свежестью дышало,
Кой-где долину украшала
Мгла померанцевых садов.
Под грузом золотых плодов,
Как уголь, деревца чернели.
Как сны, стояли облака;
В мечтах про древние века
Разрушенные башни тлели.
Мне не забыть средь снежных бурь
То утро, солнце и лазурь.

Тебе приветливое слово,
Уютный пансион Joli:
Как весело в твоей столовой
Минуты ужина текли!
Мне нравился французский повар,
Кругом жужжал родной мне говор,
Но я от земляков своих
Таился, – было не до них.
Но тертые каштаны с кремом
Я брал второй и третий раз...
Иду к себе. Девятый час.
Прозрачным, голубым Эдемом,
Легка, бесплотна, как зефир,
Ночь осенила спящий мир.

И это в ноябре! У нас-то!
Подумать страшно! но боюсь:
Московских патриотов каста
Решит, что я теперь француз.
Но всё равно: ее злословья
Не избежать, – так на здоровье!

Забыт, забыт московский ад:
Передо мною не Арбат,
С его густым, зловонным мраком,
Туманом, желтым и гнилым,
Всё застилающим, как дым,
С толпой, привыкшей к вечным вракам,
Болтающей и в этот час
О том, что Бальмонт – ловелас.

III. РИМ

Серо, туманно утро было.
Казалось, солнце навсегда
Сокрыло лик. Кой-где уныло
Бродили тощие стада.
Волчицей вскормленных народов
Бедна земля. Водопроводов
Лежат руины здесь и там.
Я радуюсь святым местам:
Давно родным, давно желанным
Мне воздух Лациума был.
Какой восторг мне грудь стеснил,
Когда я въехал в Тускуланум,
Куда стекался Рима цвет
Для платонических бесед.

Привет тебе, владыка мира,
Град Юлиев! целую прах
Твоих камней. Темно и сыро
На величавых площадях,
Где бьют немолчные фонтаны;
Неиссякающие краны
Кропят чугун тритоньих лап
И каменные лики пап.
По улицам, домами сжатым,
Летит пролетка. Вот и он,
Поросший пиниями склон
Садов Лукулла. Ароматом
Былого Рима дышит грудь...
Пешком я продолжаю путь.

Но где следы роскошной были,
Когда здесь пировал Лукулл?
Увы! теперь автомобилей
Здесь слышен непрерывный гул.

Они в тени старинных пиний
Стрекочут в дыме и бензине
И гонят робкую мечту.
С презрением на суету
Героев древних смотрят бюсты,
Вспоминая о годах,
Когда в классических садах
Аллеи пиний были пусты,
В лазурном небе спал платан,
Задумчиво журчал фонтан.

Но вот с небес, еще ненастных,
Взглянуло солнце, и горой
Семинаристов, в рясах красных,
Идет на солнце чинный строй.
На пурпуре окровавленном
Играет солнце. По зеленым
Аллеям движутся они:
То гаснут в лиственной тени,
То вспыхнут вновь на солнце Рима.
Они проходят, как на смотр,
И скрылись. В отдаленье Петр
Блеснул из тучи, как из дыма,
И тускло, медленно угас.
Скорей на форум, мой Пегас!

Так вот он, вот он, о котором
Так долго, страстно я мечтал,
Гроза народов, римский форум,
Где, как торжественный металл,
Гремел противник Катилины.
Как рукоделия из глины,
Упали храмы и дворцы.
Величья римского борцы
Прошли, как сон. Иная вера
Воздвигла здесь победный стяг:

На мирно тлеющих костях,
Близ арки гордого Севера,
Трава пробилась зеленой,
И ирисы синеют в ней.

Кому погибший Рим не жалок?
Кто хладною поперет пятой
Руины капища весталок
И камни Улицы Святой?
Здесь целомудренные сестры
Святой огонь хранили. С ростры
Громил тиранов Цицерон,
Когда на Рим со всех сторон,
Как тучи, плыли триумвиры.
Надевши тоги и венцы,
Молились консулы; жрецы
Кропили кровью жертв кумиры;
Их скорбная толпа ждала
Благовестителя орла.

И пред Юпитеровой птицей
Они молились в дни невзгод...
О, как люблю тебя, волчицей
В пещере вскормленный народ!
Твоя неистовая сила
В едином муже воплотила
Себя: царя на площади,
Он Рим носил в своей груди.
Я посетил твой Тускуланум:
Чаруя восхищенный взор,
Синела даль сабинских гор,
Лазурным скрытая туманом,
И под ногой моей, мертва,
Шуршала чахлая листва,

Театра каменные плиты
Одни гласят о старине,

Над ними бродят иезуиты,
И дремлют рощи в вечном сне.
Они забыли о беседе
На языке, подобном меди,
Которой тешил свой закат
Великий римский адвокат,
Досуги посвящавший музам.
Здесь он о Туллии своей
Грустил, увядшей в цвете дней.
Когда же тройственным союзом
Антоний наступил на Рим,
Что случилось с мудрецом седым!

Оставлен стиль, заброшен свиток
Святых платоновых бесед.
Почуяв прежних сил избыток,
В надежде славы и побед,
Опять философ престарелый
Кует отравленные стрелы
Своих обдуманых речей.
Среди баллист, камней, мечей
Он встречу страшную готовит
Врагам народных, древних прав.
Все силы разума собрав,
Грозит, расчетливо злословит,
Слова, кипящие грозой,
Смягчив правдивую слезой.

Ты был помехой триумвира
Неистовому торжеству,
И пала смертная секира
На непреклонную главу.
И опустел твой Тускуланум,
И в жертву предана тиранам
Порабощенная страна.
Но будущие времена

Услышат звон твоей латыни.
Великий! не узнаешь ты,
Как месть научной клеветы
Преследует тебя и ныне...
Он сгинул, не оставив след,
Немецкой низости памфлет.

Кумиры строгие белеют,
Античный услаждая вкус...
Хотя в жаровне угли тлеют
Под статуями древних муз,
Собачий холод в Ватикане,
И мерзнут нимфы в легкой ткани.
У всех туристов пар валит
Из уст. От мозаичных плит
Еже сильнее этот холод.
Но, невзирая на мороз,
В венке из ароматных роз,
Рафаэль так же вечно-молод,
И, как весною облака,
Живая кисть его легка.

Он тот же легкий и прозрачный,
Дитя любви, дитя весны...
Но там, внизу, в капелле мрачной,
Сверхчеловеческие сны
Запечатлела кисть титана.
Сгустилось облако тумана,
Чуть свет струится из окон,
В тени таинственный плафон,
И краски хмурые поблекли.
Там духи ужаса парят
В предвечной тьме... Туристов ряд
Вперяет жадные бинокли

Туда, где виден во весь рост
Харон, поднявший черный хвост.

И это пред святым престолом!
Как бог языческой земли,
Христос представлен полуголым,
И свеч священных фитили
Хвосты чертей поджечь готовы.
Как смрадный дым черно-лиловый,
Клубится небо, точно ад.
Здесь баня или маскарад?
Апостол Петр, старик дородный,
Весь в мускулах и нагишом,
Вот так и хватит вас ключом...
Ужели в праздник всенародный
Пред чернобесием таким
Обедню совершает Рим?

Всего милей была мне фреска,
Совсем угасшая от лет,
Но нежно-золотого блеска
Она еще хранила след.
Здесь Моисей, склонивши взоры,
Прекрасным дочерям Иофора
Ведро водою наполнял.
Из мглы рукав его сиял
Сияньем золотым и темным.
Прелестна с головы до пят,
Сжимая в пальцах виноград,
Стояла дева с видом скромным,
Как у невестящихся дев,
На стройный посох прялку вздев.

Обвив чело косою янтарной,
Ее воздушная сестра
Была, как облак лучезарный,
Вся соткана из серебра.

Кругом пастушеского быта
Следы: пьют овцы из корыта,
Из тыквы сделанный кувшин
Валяется в траве... Как сын,
Ты будешь Иофором принят,
Беглец Египта, Моисей!
Лишь эта из капеллы всей
Меня картина не покинет,
И не изгладится из глаз...
Я сживал пред ней не раз.

Вот древний праздник Римской черни!
И накануне Рождества
Я в храм Петра пришел к вечерне.
Предпраздничного торжества
Его приделы были полны;
С кадьниц голубые волны
Струились; отрок зыблил их;
Звучал орган; латинский стих
Младенца славил, и в кисейной
Одежде белой плыл аббат,
И пел он на гортанный лад,
Поднявши взор благоговейный.
И я, невольно умилен,
Внимал вечерний антифон.

Во всех церквах поют органы:
Родился в яслях Царь земли!
На площади Петра фонтаны
Сияют в радужной пыли.
Иду под свод колонн массивных;
Весь Ватикан, в одеждах дивных,
К приделу Хора востекал,
Где престарелый кардинал

Свершал над гробом Златоуста
Святую мессу, с головы
Сложивши митру. Но увы!
В громадном храме было пусто:
Турист в покинутых стенах
Бродил с Бедкером в руках.

Под сенью ватиканских сводов
Я видел дней твоих закат,
Союзник северных народов
И Льва Тринадцатого брат.
Уже расслабленный и старый,
В последний раз святые дары
Ты на престоле возносил
В день Рождества. Я посетил
Твою обитель вместе с Эрном,
Поклонником Сквороды.
Ты на церковные труды
Благословил нас, Церкви верным
Меня и друга моего
Нашел, сказав: «бравó! браво!»

Другой из глубины могилы,
Из мглы невозвратимых дней,
Встает монаха образ милый
И он душе моей родней.
Приветлив, тих, гостеприимен
Был среброкудрый старец Пимен,
Как оный Пушкинский чернец.
Меня ребенка мой отец
Возил в его святую келью.
Он в Риме был архимандрит;
Придет в отель к нам, подарит
Мне книжку... шумному веселью
Он был чужой: его смущал
Беспутный римский карнавал.

В толпе нахальной, буйной, вздорной
Так было странно иногда
Его клобук увидеть черный.
Серебряная борода
Струилась легкими волнами.
Он за зиму сошелся с нами,
Потом в Москве нас посетил;
А там и след его простыл.
О милостивом Филарете
Мне книжечку оставил он.
Всегда потом, как светлый сон,
Сопровождал меня на свете
Тот образ старца в клобуке,
Я часто звал его в тоске.

Он ангелом, слетевшим с выси,
Мне в детстве был. Теперь же вновь
Смиранный инок Дионисий
В моей душе возжег любовь
К таинственным пещерам Рима.
В потухшем алтаре незримо
Молился он по вечерам.
Я часто в православный храм
Ходил на площади Кавура.
Смиранный там архимандрит
Читал канон: больной на вид,
Сухая, слабая фигура,
Волнами кудри на плечах,
И тайна светлая в очах.

Спокойный духом, плотью хилый,
Он русский инок был вполне.
В пещерах катакомб Прискиллы,
При тусклом, восковом огне,
Где мучеников кость белеет
И, кажется, еще алеет

Их крови благовонный след,
Услышал я его привет.
Живою вестью о Иисусе
Стоял он, причтом окружен.
Я подошел; со всех сторон
Раздался шепот: Russi! Russi!
Так люди разделенных вер
Сошлись во тьме святых пещер.

В день Рождества лучом весенним
Играет южная зима.
Всхожу по мраморным ступеням
Капитолийского холма,
Где бродит тощая волчиха
В железном логове, и тихо
Сидят, нахохлены и злы,
Капитолийские орлы.
У нас в конце шестой недели
Поста, вблизи Никольских врат,
Такой же гам, и треск, и ад,
Как перед храмом Арачели,
Куда валит толпа людей
Послушать проповедь детей.

Где предрекла Октавиану
Сибилла ход земных судеб,
Теперь молиться я не стану
На разукрашенный вертеп,
С мишурным, золотым Bambino.
Но дети стаей голубиной
Воркуют с кафедры. Меня
Заученная болтовня
Невольно трогает. Их жесты
Порывисты, как у южан.

Здесь дети знатных горожан
Знакомятся. Здесь есть невесты
Для жениха в пятнадцать лет,
Здесь каждый мальчуган – поэт.

Я не забуду величавой
Равнины Лациума. Дол
Покинул я. На Monte Savo
Меня ленивый вез осел.
С вязанкой хвороста навстречу
Шла дева. Я ли не замечу
Албанских благородных плеч?
Блаженством мимолетных встреч
Я прежде жил, и погибала
Душа от нежных, страстных дум...
Те дни прошли... Лишь ветра шум
Свистел в горах. Где Ганнибала
Был прежде лагерь боевой,
Я ехал древней мостовой.

К камням Юпитерова храма
Меня тропинка привела.
Всё пусто. Под ногами прямо,
Как голубые зеркала,
Озера Неми и Альбано
Сияли нежно из тумана;
Шумели вещие дубы.
Где Рима древнего судьбы
Решило вышнее избранье,
Теперь лишь ветра слышен свист,
Засыпал камни желтый лист,
И бездыханная Кампанья
Простерлась с четырех сторон;
Окутана в лазурный сон.

О, Вечный Город! ты от века
Влюбленных пилигримов цель.
Здесь вырос гений человека,
Здесь сладострастный Рафаэль
Почил в объятьях Форнарины.
Здесь стены виллы Фарнезины
Хранят тела его богинь.
Его Олимп, как синька, синь,
Как Возрожденье, всё богато.
Обилен яствами обед,
И боги, нимфы, Ганимед,
Как розовые поросята,
Раскормлены. Античный мир
Здесь нагулял изрядный жир.

Здесь утопал в роскошной неге
Беглец Германии своей
И плел классических элегий
Венок, с певцами древних дней
Вступивши в спор на лире сердца.
Его благословил Проперций,
Ученый муж с огнем в крови,
И с триумвирами любви
Прославлен Гёте заедино.
Оставил здесь глубокий след
Диканьских хуторов поэт.
На темной улице Sistina
В те дни была святая глушь
И реял призрак Мертвых Душ.

Люблю у Trinita de' Monti
Встречать торжественный закат:
Там пинии на горизонте
Чернеют у Фламминских врат,
И Петр угрюмо золотится,
И город темный, как гробница,

Уходит в даль рядами крыш.
Какая мертвенная тишь!
Великий Рим! часы заката –
Твои часы: твой свет зашел,
Не шелохнется твой орел!
Но в блеске пурпура и злата
Твой похоронный балдахин,
И Ватикан, и Паладин.

Иной и лучшей панорамы
Я зритель был. Моей Москвы
Сияли золотые храмы
В лучах весенней синевы,
С них благовест летел веселый:
Канун весеннего Николы
Встречала древняя Москва.
Уже густа была трава,
Черемуха в одежде снежной
Стояла, меж ее ветвей
Журчал незримый соловей.
И образ милый, образ нежный,
Цветка черемухи нежней,
Сулил мне много светлых дней.

IV. НЕАПОЛЬ

По-русски кучер фразы сыпет...
Здесь морем воздух напоен,
Здесь веют Греция, Египет,
Здесь о смешении племен
Гласит трактирчик Серапида;
Здесь итальянец бойче с вида,
Черней, грязнее и наглей.
Ветрила дальних кораблей
Несутся к Искии лиловой.
В окошках – лава и коралл;
В толпе базарной пестр и ал
На девушке черноголовой
Роскошно рдеющий платок.
Здесь не Европа, а Восток.

Отель, и грязный, и пустынный,
Нас принял под холодный кров.
В окошко лезут апельсины...
Оливковых, корявых дров
Унылый уголь в камине тлеет...
Но море дышит, море млеет!
Какою ласковостью полн
Простор лазурных, южных волн.
А в залах светлого музея
Какой веселой наготой,
В улыбке солнца золотой,
Смеется Дафнис и, робея,
Прижал к устам живой тростник,
Сатира пылкий ученик.

Здесь откровенней и наглее
Смеются нагота и страсть,
И папской скромности затея
Здесь всякую теряет власть:

Представлен фавн козлотородый
Таким, как был он от природы...
Но что могу сравнить с тобой,
Из гроба вырванный судьбой
Нетленный, дивный прах Помпеи?
Какой творец создать умел
Воздушный рой прозрачных тел
С окраской розы и лилеи?
Весь этот легкий, нежный дым
Неподражаем, несравним.

Мы ехали долиной чахлой,
Манили Байи издали.
Был серый день. Весною пахло,
И розовели миндали.
Дышали мы парами серы
Во тьме Нероновой пещеры.
Вот край, где жил Тримальхион,
Здесь задавал пирушку он
Неприхотливым горожанам.
Здесь цвел изысканный разврат
В тени восточных бань. У врат
Виднелась надпись: cave sanem,
И собирался мелкий люд
Отведать крох с богатых блюд.

Где все служили богу чрева,
На лодке, в буре грозовой,
Суда Господнего и гнева
Явился вестник роковой.
Причалил к берегу ПUTEОЛА,
Весь полный грозного глагола,
Согбенный, хилый иудей.
С толпою преданных людей
Он дальше, к Риму, путь направил.
В стране отравленных паров,

Разврата, неги и пиров,
Как тень, прошел апостол Павел,
Пронзив преступные сердца
Предвестьем близкого конца.

Ужасный край! Здесь Божьей кары
На всё наложена печать:
И дым бурлящий Сольфатары,
И серая, глухая гладь
Как бы подземного Аверна,
И воды в глубине пещерной,
И ложе древней жрицы Кум –
Всё ужасом волнует ум.
Как эта зыбкая трясина
Над морем лавы огневой,
Таков удел наш роковой,
И неминуема кончина.
Но сей апостольский язык
Сынам греха казался дик.

Теперь здесь глухо и пустынно:
Невдалеке от адских стран,
На берегу озера Lucrino,
Стоит безлюдный ресторан,
Морскими устрицами славный.
Здесь житель Рима своенравный
Будил уснувший аппетит.
Я не таков: меня тошнит
От устриц, впрыснутых лимоном:
Одной довольно будет мне...
Когда я отдал дань вполне
Вину и кумским макаронам,
Меня мой гид – злодей, вампир! –
Лишил пятидесяти лир.

О, как был сладок путь обратный!
Уж звезды южные взошли,

Чуть веял ветер ароматный
Он волн, сребрившихся вдали.
И, в ласковых лучах белея,
Как девушка, Парфенопея
Дремала нежным сном весны.
Какие к ней слетели сны,
К подруге страстной, вечно-юной,
Поэтов древних и царей?
Не помнит ли она тех дней,
Когда всю ночь звенели струны
И легкий ветер лодки нес,
Увитые цепями роз?

V. СОРРЕНТО

Который раз, как пустомеля,
Я детство вывожу на свет:
Вот я в отеле Сосумелла,
Где мне исполнилось шесть лет.
Тогда здесь много проще было,
Беднее, но зато как мило!
Был глуше апельсиновый сад,
Свежа, как первый виноград,
Была шалунья Генриэтта,
Хозяина Гарджуло дочь;
Уста – как кровь, глаза – как ночь.
Меня уже пленяло это:
Я как-то персик утаил
И Генриэтте подарил.

Она смеялась очень звонко,
И я обиделся: она
Меня считала за ребенка,
Ей страсть моя была смешна!
Свиданья миг мне был бы дорог...
А впрочем: ей теперь за сорок:
Меньшой из братьев пансион
Теперь содержит, да и он
Не слишком молод. Вот когда бы
Была у Генриэтты дочь,
Такая же, как мать, точь-в-точь!
Да нет такой. Один лишь слабый
Винченцо, старый метрлотель,
Остался верен мне досель,

Да тот же сад, да то же море!
И волны так же, как тогда,
С грудями скал угрюмо споря,
Не отдыхают никогда.

И так же мертвые лимоны
В траве сгнивают потаенно,
Распространяя аромат,
И, бесконечные, висят
Плоды, как слитки золотые.
Низводит к морю ряд пещер:
Их камень выдолблен и сер,
И вторят своды их пустые
Мои шаги, как в оны дни,
Когда я бегал в их тени.

Мне памятна пещера эта!
Она мне кажется теперь
Жильем страдальца Филоктета,
Куда лишь только дикий зверь
Заглядывал и, не смолкая,
И день, и ночь ревела стая
Бесчисленных, зеленых волн,
И редко приставал к ней челн,
Бегущий к Греции счастливой.
Впервые здесь мой детский сон
Бывал взволнован и смущен
Мечтою страстной и стыдливой:
Сорренто! средь твоих пещер
Впервые мне предстал Гомер.

И к эллинскому баснословью
Припали жадные уста
С каким восторгом и любовью!
Киприды нежной красота
Меня как сладко волновала!
Казалось, море навевало
О ней пленительный рассказ,
И лиру взял я в первый раз.
Стихи без рифмы и без смысла
Я начал няне диктовать.

Молчал отец, хвалила мать
С улыбкою довольно кислой...
Я и тогда не унывал,
Как и теперь не жду похвал.

VI. ПОМПЕЯ

На целый день извозчик нанят.
Как счастлив я! Уже давно
Меня к себе Помпея тянет,
Как тянет пьяницу вино.
Полями катится коляска...
Как в жизнь ворвавшаяся сказка,
Покрыта пеплом и золой,
Уже Помпея предо мной.
Два-три отеля с рестораном,
А дальше – смерть. Всё тихо вокруг.
Везувий замер и потух,
И над бездейственным вулканом
Сияет голубая твердь,
Спокойно озаряя смерть.

Смотря на гидов без улыбки,
Вхожу в холодный ресторан:
Пиликают плаксиво скрипки
Для развлечения англичан.
Отдавши время макаронам
И везувийским благовонным
Вином – подобием чернил –
Заливши их, в страну могил
Иду, отпугивая гидов.
Сначала захожу в музей,
Где, в муках скорчившись, как змей,
И телом всем страданье выдав,
Мертвец, засыпанный золой,
Лежит столетья, как живой.

Здесь всё померкло, всё ослепло,
Всё искалечила судьба,
Везде – зола и груды пепла,
Везде – разрытые гроба.

И тут же – ясность древних линий,
И беломраморный триклиний,
Цветник и чистый водоем.
За храмом – храм, за домом – дом.
Вот светлое жилище Веттий
С игровой живописью стен;
Соблазном дышит древний тлен...
В изяществе, во всем расцвете
Греха, и юношей, и дев
Постиг внезапно Божий гнев.

С какой изысканностью люди
Здесь услаждали плоть свою,
Весь разум изощряя в блюде.
На крайней гибели краю
Они всю жизнь одели в розы:
Везде двусмысленные позы,
Везде объятия страстных пар
И рядом с храмом – лупанар.
О, ядовит твой пепел смрадный,
Он трупным ядом напоен,
Помпея! Пляска голых жен,
Лозой увитых виноградной,
Нас опьяняет и теперь,
В нас древний пробудился зверь.

Закройте древние могилы,
Не подымайте мертвецов!
Уже зараза охватила
Европу с четырех концов.
Помпея вся могильным ядом
Отравлена... а тут же, рядом
С развратным домом для рабов,
Белеет улица гробов.
Здесь кипарисы в небе синем
Чернеют, навевая мир.

Помпея спит, окончив пир
И кубок выронив. Покинем
С улыбкой грустной на устах
Ее прелестный, грешный прах.

VII. АССИЗИ

Терцины

Куда ведет меня мой путь нагорный?
Тропинки след уже давно исчез,
Но я иду, моей мечте покорный.

Святых олив внизу сереет лес,
И льется на безветренные доли
Сияние серебряных небес.

Колокола вдали жужжат, как пчелы,
Со всех сторон верхи Умбрийских гор
Сияют, как небесные престолы.

На них спускался ангелов собор,
К Бернарду здесь сошла Святая Дева,
А там Христос объятия простер

Франциску с окровавленного древа
И навсегда прожег его ступни.
Я на горе. Направо и налево,

Пустынные, в оливковой тени,
Лежат долины Умбрии священной;
Такие же, как в золотые дни,

Когда Франциск, Христов бедняк смиренный,
Здесь проходил с толпой учеников
И зрел Христа, коленопреклоненный.

Здесь воздух полн молитвами веков,
И кажутся волнами фимиама
Серебряные стаи облаков.

На башню я взошел. Пред взором прямо
Перуджия мерцала на заре.
Я преклонил колена, как средь храма.

Бледнела твердь в лучистом серебре,
И ночь, холмы безмолвием овеяв,
Меня застигла на святой горе.

Как древний сын плененных иудеев,
Я вспомнил мой любимый Богом край,
Мой Радонеж, Звенигород, Дивеев –

Родных скитов в лесах цветущий рай.
Моя родная, дальняя Россия,
Здесь за тебя мне помолиться дай.

Бесчисленные главы золотые
Уже меня зовут издалека,
Чтоб встретить Пасхи празднества святыя.

В златистые одета облака,
Вся Умбрия, как ангел в светлой ризе,
И так же, как в далекие века,

Вечерний звон несется из Ассизи.

ВОЙНА С ГЕРМАНИЕЙ

Salut donc, Albion, vieille reine des ondes!
Salut, aigle des czars qui planes sur deux mondes!
Gloire à nos fleurs de lys, dont l'éclat est si beau!
.....
Je te retrouve, Autriche! – Oui, la voilà, c'est elle!
Non pas ici, mais là, – dans la flotte infidèle.
Parmi les rangs chrétiens en vain on te cherchera.
Nous surprenons, honteuse et la tête penchée,
Ton aigle au double front cachée
Sous les crinières d'un pacha!
C'est bien ta place, Autriche!

Victor Hugo

І. ВИЛЬГЕЛЬМУ

России гибель и позор
Готова в самопоеньи,
Как царь Навуходоносор,
Небесное долготерпенье
Ты долго, долго истощал...
Кичась и чванясь, ты держал
В оцепенении полмира
И думал: всех отдать пора
На прихоть прусского мундира,
На злобу венского двора.

С кичливым братом заодно
Поднялся дряхлый Франц-Иосиф:
Делить Россию решено,
И, всей Европе вызов бросив,
Ты русских кроткий мир отверг.
И вот, смотри: под Кенигсберг
Идут бесчисленные рати,
За миллионом миллион,
Отмстить за кровь славянских братьий –
И новый пал Наполеон.

Смотри: с британских островов,
Французским пушкам дружно вторя,
Могучей Англии сынов,
Царей бушующего моря,
Отплыл неодолимый флот –
Российских берегов оплот.
Он по морям и бухтам рыщет,
Ловя немецкие суда.
Гранаты рвутся, пули свищут,
И как кладбища – города.

На прах бесчисленных могил
Струится кровь потоком свежим...
Что ж! Истошай звериный пыл
И торжествуй над павшим Льежем!
Возмездья день уж недалек:
За то, что ты весь мир обрек
На казнь безжалостным железом,
От Божьей ты падешь руки.
Уж по своим родным Вогезам
Идут французские полки.

К кому за помощью придешь?
К чьей мирной пристани причалишь?
Все помнят жен и старцев дрожь,
Залитый польской кровью Калиш
И осквернение церквей.
Пруссак безбожный, на детей
Ты поднимаешь меч кровавый,
На пастыря у алтаря,
И мрачную пятнаешь славой
Полубезумного царя.

Смотри, Вильгельм, какой поток
На твой цветущий край нахлынул,
Когда весь Север и Восток
Наш царь к твоим пределам двинул.

Какая даль, какая ширь!
Украйну, Польшу и Сибирь,
Хребты Кавказа и Алтая
Твой дерзкий голос разбудил.
Гремя, волнуясь и блистая,
Идут полки несметных сил.

Ты знаешь ли, германский край,
Всю силу веры православной,
Когда наш кроткий Николай,
С толпой епископов державной,
Среди святынь Кремля простерт,
Смирненным благочестьем горд,
Подобясь предкам богомольным,
Когда годину торжества
Справляет звоном колокольным
Золотоглавая Москва?

А ты, озлобленный старик,
Хладеющий у двери гроба,
Быть может, наконец, постиг,
Куда неблагодарность, злоба
Ведут твой гибнущий народ?
Уж день свободы настает
Для страждущей Червонной Руси.
О, бедный мой, казнимый край,
Мужайся в роковом искусе
И славу предков оправдай.

1914. 15 августа
с. Дедово

II. К ВОЛЫНИ

Моя Волынь! ты осенью одета
В златое пламя лип,
Веселый труд шумит в полях с рассвета
И молотилок скрип.

Твои поля цвели, грозы не чаяв,
На рубеже двух стран,
Как белый замок, высился Почаев –
Защита христиан.

И что теперь? Оторванный от дела,
Семью оставил жнец,
Не лист осин, а кровь людей одела
Всю землю в багрянец.

Молчат твои поруганные храмы,
Безмолвие в полях.
Рыдает перед Девой Остробрамы,
Прощаясь с жизнью, лях.

Моя Волынь, и над тобой нависла
Железная рука...
Но край отцов, наследье Осмомысла,
Манит издалека.

Восстань, Волынь! под гром музыки трубной,
Проснулись наконец
И древний Луцк, и – слава Польши – Дубно,
И горный Кременец.

И от высот Почаевской твердыни,
Благословляя рать
На бой с врагом поруганной святыни,
Сияет Божья Мать.

Готовые принять с небесной выси
Кровавые венцы,
Склонились Анастасий, Дионисий,
Святые чернецы.

Молитвой их закованы, как в латы,
Славянские полки:
Уж Божий ангел гонит за Карпаты
Австрийские штыки.

Но если ты «Австрийского Иуду»
Не победишь в борьбе,
Моя Волынь, я вечно плакать буду,
Родная, о тебе.

III. К АНГЛИИ

Царь, римских цезарей наследивший венец,
Предначертал пути священного союза
С тобою, Англия! Ты наша, наконец,
Британцев строгая и девственная муза.

Страна, где целый год ненастье и туман,
Мы о тебе давно мечтали на Востоке;
Твой остров – ярмарка для европейских стран,
Но девы нежные твои голубооки.

Страна приморская, где каждый город – порт,
Где дым фабричных труб встает в дали дождливой,
В тени твоих аббатств, и Кембридж, и Оксфорд
Цветут науками для юности счастливой.

В твоих горах досель Мак-Айвор и Стюарт
Блуждают на конях при свете ночи лунной,
И славу прошлого поет шотландский бард,
Под елью древнею, на арфе тихострунной.

Народ единственный, ты величаво горд
Стихами Байрона, Мильтона и Шекспира.
Как пять веков назад, твой благородный лорд
Гремит в парламенте, решая судьбы мира.

Перед Европою железный свой кулак
Германский канцлер сжал, и дрогнули народы...
Но прав и вольности держал священный стяг
Рукою крепкою твой Гладстон, друг свободы.

Народ, которому и право, и закон
Впитались в плоть и кровь, ты любишь нашу славу
И роскошь наших служб, в мерцании икон,
По византийскому свершаемых уставу.

Добро пожаловать! Когда наш общий враг
Подъял кровавый меч Германии на горе,
Мы помним времена, когда британский флаг,
При криках чаек плыл в пустынном Белом море.

Перикл Британии, великий Грэй, твой дед*
Явился с Ченслером в Кремлевские твердыни;
Твой голос – нам родной. Идем путем побед
Во имя вольности, закона и святыни!

* Здесь слово «дед» употреблено в смысле «предок». Так же употреблено это слово Жуковским: «Он за край, где жили деды, веледушно пролил кровь» («Торжество победителей»). Подразумевается сэр Ричард Грей, являвшийся ко двору Ивана IV, вместе с Джорджем Киллинворсом и Ченслэром.

IV. НА ВЗЯТИЕ ЛЬВОВА

Стольный град Червонной Руси,
В многовековом искусе,
Как в огне, перегоря,
Ты всё ждал, чтоб из-за Збруча
Подошли, к тебе, как туча,
Рати Белого Царя.

От Москвы золотоголовой
Царь к наследью Ярослава
Длань победную простер;
Вняв мольбе русинов слезной,
Русь идет грозой железной
Ко хребтам Угорских гор.

Здравствуй, край обетованный!
Смолкнет гром тревоги бранной,
И блеснут над тьмой могил
Главы греческого храма.
Здравствуй, край, где – бич Ислама –
Ладил с Римом Даниил.

Львов, цветы, не зная страха
Перед хитрой злобой ляха
И Цесарскаго двора,
С их кичением безбожным...
Стало близким и возможным
Невозможное вчера.

Львов, для радости пасхальной
Твой народ многострадальный,
От Карпат до Кременца,
Собери под стяг державный,
Звоном Пасхи православной
Торжествуя без конца.

V. ПАПЕ БЕНЕДИКТУ XV

Пятнадцатый в ряду своем,
Отцу монахов соименный,
О, наконец, звучит, как гром,
Твой голос властный, вдохновенный!
Забудь старинную вражду:
Когда Европа вся в аду,
Не время для церковных споров.
Безмолвье мрачное покинь,
Громя рушителей соборов
И осквернителей святынь.

Готовь безжалостный эдикт,
Грозя бушующим стихиям,
И пусть исправит Бенедикт
Ошибки, сделанные Пием.
Пусть поразит твой приговор
Двусмысленный австрийский двор –
Игрушку Пруссии коварной.
Перед германским палачом
Замкни навек порог алтарный
Святым, апостольским ключом.

Во прахе Реймс, и Нотредам
Едва избег руки тирана.
Ты дашь ли пьяным пруссакам
Поджечь святыни Латерана?
Пустеет Цесарский престол,
Но высоко парит орел
Над нашею Москвой верховной –
Священной Византии стяг.
О, Рим апостольский, церковный
Нам общий угрожает враг.

Наследник древних, славных пап,
Твой пастырь, кардинал Рамполла,

В борьбе возвышенной ослаб
Против австрийского престола.
Он веру русскую любил,
И Веною унижен был,
Уже приблизившись в тиаре.
Остыл вражды старинной пыл:
Ведь гордый Лев и Керулларий
Не встанут из своих могил!

Сними же роковой эдикт
С престола пленного Софии!
Тебе, державный Бенедикт,
Протянет руку Царь России.
Верны преданиям святым,
Обнимутся Москва и Рим –
Два златоглавых великана.
Пора, сверши завет любви
И отлученьем Ватикана
Преступников останови.

VI. К ФРАНЦИИ

Неужель, истомясь непосильной борьбою,
Ты не сгонишь врага с заповедных Вогез?
О, Франция, Франция! что же с тобою,
Иль изверилась ты в справедливость небес?

Вспомни, Франция, вспомни священные были:
Как британцы топтали родные поля,
Как бежали они пред сиянием лилий,
Как пастушка на трон возвела короля.

Пусть германец подходит к кремлю Орлеана,
Пусть разрушен твой Реймс неустанной пальбой, –
Веруй, Франция, веруй: твоя Иоанна
Не забыла тебя, неизменно с тобой.

Пусть поля твои красны от сечи кровавой,
Пусть и ночью и днем не смолкает пальба...
Пред свободным Парижем, свободной Варшавой
Разлетелась, как ветер, врагов похвальба.

Напряги, напряги же последние силы,
О, прекрасная Франция, дочь королей!
Будет горек германцам расплат за могилы,
За кровавую жатву французских полей.

Подыми же на север усталые очи,
Оглянись на далекий восток и воспрянь:
От кавказских хребтов и от стран полуночи
Миллионы полков ополчились на брань.

Чтоб Европе напомнить о правде и мире,
Подымается Русь, как один исполин;
Как река в половодье, всё шире и шире
Разливаясь, дошла до венгерских долин.

С ней и крест всепобедный, и меч Михайлов.
Удивляет весь мир доблесть русских солдат...
Пал старинный наш Львов, и проходит Брусилов
Далеко, за хребты неприступных Карпат.

И британцев воинственных, дружных с Нептуном,
С каждым днем вырастает бесчисленный флот,
И трепещет германец пред громом чугунным,
Покорившим брега Атлантических вод.

Потерпи же, о, Франция! Два исполина
Отомстят за твой Реймс и за кровь твоих ран,
И раздавит Европа кичливость Берлина,
И Европу спасет ополчение славян.

VII. ПРОБУДИВШЕМУСЯ ИСЛАМУ

И ты, несчастный, поднялся
И ищешь гибели упрямо.
Знать, прогневила небеса
Кичливость дряхлого Ислама.

Устала от тебя земля,
Расслабленный дракон! Уж время
Орлу московского Кремля
С Царьграда снять лихое бремя.

Удар в отплату за удар:
Россию, по велению Бога,
Освободила от татар
Наследница Палеолога.

Теперь подымет русский царь
Священный стяг – за Византию,
Отмстит поруганный алтарь,
Восставит падшую Софию.

Не лгут преданья старины,
Не лжет провидящее сердце:
Предсказан ход святой войны
В истлевших книгах староверца.

К осуществлению близка
Давно взлелеянная дума:
Уж встали русские войска
Перед твердыней Арзерума.

София, процветет твой храм
В бывалой красоте и блеске,
И вновь овеет фимиам
Твои мозаики и фрески.

Наступит вожденный мир
Для всех и, поздно или рано,
Мы вступим с пением стихир
В заветный храм Юстиниана.

VIII. ПЕРЕД ЛУЦКОМ

Промчались в вагоне рекрутском
Солдаты... Рассеявши тьму,
Багровое солнце над Луцком
Пылает в морозном дыму.

Глубоким засыпанный снегом,
Застыл и безмолвствует Стырь,
Забыв, как австриец набегом
Мutil его синюю ширь.

Волыни любимому сыну
Что Польши и Австрии гнев?
Здесь, путь заградив Гедимину,
Свой город отстаивал Лев.

Красавец Волыни, ты спишь ли?
Проснись! луч рассвета блеснул...
Опять загремел в Перемышле
Железного приступа гул.

*1915. Январь
Между Луцком и Ковелем*

IX. ХОЛМ

1

Покрыла белая зима
Однообразные равнины...
Белеет твой собор с вершины
Уединенного холма.

Но вместо тишины обычной
Здесь лагерный не молкнет гам,
И пестрый люд разноязычный
Снует по грязным площадям.

Издравле русская земля,
Ты – прошлого живая книга!
Здесь Русь освобождал от ига
Меч Даниила короля.

Теперь его священный прах
Почиет в глубине собора,
Когда оттаивает лях
Свой край от рабства и позора.

Темнеет сумрачный костел,
Толпою полн многострадальной,
А с высоты, овеяв дол
Какой-то тишиной Пасхальной,

Сияет древний русский храм,
Как голубь Ноева ковчега,
И Холм восходит к облакам,
В покрове девственного снега.

О, две извечною враждой
Разьединенные стихии!
Уже связует Дух Святой
Судьбины Польши и России.

Здесь, где почует Даниил,
Короной римскою венчанный,
Готов свершиться мир желанный
Двух вечных, равноправных сил.

Ужель вам враждовать до гроба?
И Девы Пресвятой алтарь
Не восстановит мир, что встарь
Разрушила людская злоба?

Х. В КОСТЕЛЕ

Сквозь лес готических колонн,
Горе, над мраком вознесенный,
Огнем лампы озарен,
Сияет чистый лик Мадонны.

Там, ко всему земному мертв,
Сложив молитвенно ладони,
Перед престолом распростерт
Священник в розовой фелони.

Мерцанье золота и бронз
Чуть озаряет тьму густую...
Поет орган, и юный ксенз
Возносит чашу золотую.

Всё смолкло. Кажется, весь мир
Развеялся, как облак дыма...
Лишь высоко взнесен потир
Под звуки музыки незримой.

То – отзвук неземных гармоний.
Им внемлет, с нежностью в очах,
С Христом-младенцем на руках
И с ветвью лилии, – Антоний.

А в нежно-бледной вышине,
Как в гроздьях вянувшей сирени,
Приветно улыбаясь мне,
Клубятся ангельские тени.

А там, где гуще жуткий мрак,
Над миром чувственным и дольным,
Как верной пристани маяк,
Сияет взорам богомольным

Цветистых стекол дальний рай,
Суля покой душе усталой,
И, как зари сиянье алой,
Зовет земной покинуть край.

О, если б взвиться к небесам
Движением бесплотных крылий...
Как полн сырой и темный храм
Дыханьем ладана и лилий!

XI. К ПОЛЬШЕ

Тебя железная судьба.
Казнила жребием тяжелым,
И не смолкают по костелам
Рыданья женщин и мольба.

Отцы и сыновья-подростки
Все – в бранном поле, и за них
Лепечет мать молитвы стих
У Ченстоховской Матки Бозки.

О, злополучная страна,
О, верная Пречистой Деве!
Ты вновь от риз обнажена
И распинаема на древе.

Кто истязуем так бывал
Касаньем к незажившей ране?
Но сам Христос тебя избрал
Причастницей своих страданий.

Взирай на кровь Его Страстей,
На пригвождаемые руки...
Ему поведай скорбь и муки
Твоих истерзанных детей.

Ведь скоро ясно будет всем,
Что кровь твоя – как жертва в храме,
Что вновь Рахиль рыдает в Раме
И озарился Вифлеем.

Насыщен голод духа злого
Твоими мертвыми детьми...
Прости же нам грехи былого
И нас, как братьев, прими.

ХІІ. НА ГРАНИЦЕ

Иль даже небо негодует
И в спор людей вступает ад,
Что непрерывно ветер дует,
Холодный ветер из Карпат?

Там наша рать грозит врагу
Во мгле февральского тумана,
Изнемогая в стуже лдяной,
На окровавленном снегу.

А здесь всю жизнь разрушил гром,
И бесконечные могилы
Покрыли сумрачным ковром
Равнины Холмщины унылой.

И ты, моя Волынь, грустна:
Пронесся смерти ворон черный,
И дышит близкая весна
Заразой, смрадной и тлетворной.

И сердце замерло в груди
Пред этой казнью очевидной...
Устали все... Конца не видно...
А сколько крови впереди!

Когда-нибудь придет покой,
Но как-то жутко мне и сир...
Ведь скорби не было такой
От самого начала мира!

ХІІІ. В ГАЛИЦИИ

Мой путь лежал к заветной оной грани,
Знакомой лишь по лепету молвы...
Передо мною в утреннем тумане
Чернели гор лесистые главы.

Кругом был край, еще чужой недавно,
Но ставший наш ценой смертей и ран,
Где столько лилось крови православной,
Что крови той не смоет океан.

То вверх взбегали снежные дороги,
То с кручи падали... Со всех сторон
Карпатских гор угрюмые отроги
Теснили бледно-серый небосклон.

Хромала кляча, жид ворчал суровый,
И ветер в чащах буковых гудел...
Но мысль моя летела за предел
Гор, тающих в дали черно-лиловой.

Там веры совершались чудеса,
Там ждет давно народ многострадальный,
Там нас зовут Богемии печальной
Приветливо шумящие леса.

ХIV. ДАРДАНЕЛЛЫ

Разбивая, словно стекла,
Укрепленья берегов,
Мчитя морем Фемистокла
Стая английских судов.

Море, славное исстари!
Ты – распутье двух дорог:
Здесь погибли Ксеркс и Дарий,
И раздавлен был Восток.

Геллеспонт взревел вспененный,
Вот он цепи разорвет...
Пред Европой восстает
Спор, от века предрешенный,
И ему – один исход.

Живы золотые были!
Лемнос флотом окружен,
Залпы пушек разбудили
Мирно спавший Илион.

Вождь Ислама побледнел,
Слыша, как, шумя в пучине,
С громом падают твердыни
Неприступных Дарданелл.

День уж близок. Скоро, скоро
Кремль Царьграда упадет.
В синем зеркале Босфора
Отразился русский флот.

Завершился спор столетий,
И, крестом сокрушена,
С Магометовой мечети
В море падает луна.

Мощь Европы и России
Опрокинула Ислам,
И опять в стенах Софии
Голубеет фимиам.

Спор безумный! спор неравный!
Слава Азии – как дым
Перед солнцем православной
Руси с Западом святым.

1915. 17 апреля
С. Дедово

ХV. К ИТАЛИИ

В Духов день, 1915 г.

Давно пора! В громах германской бури
Ты подвиг твой, начатый при Кавуре,
Свершишь, Италия! Возносятся до звезд
Стенания славян под твердию безмолвной,
И Адриатики уже краснеют волны,
И весь в огне Триест.

Италия, довольно ты стенала
Под игом варваров. От Квиринала
На брань священную тебя призвал король.
Ты руку подала России православной.
Сыграй же хорошо тебе уже издавна
Назначенную роль.

И, позабыв преданья распри старой,
Ключарь небес, увенчанный тиарой,
Благословил войска Италии родной.
Вотще грозил царям сей пастырь вдохновенный:
Угрозы истощив перед преступной Веной,
Он поднял стяг святой.

И Ватикан не спорит с Квириналом,
И римлян рать идет к тирольским скалам,
А над Венецией парит зловещий челн...
Увы, Италия, для варвара тевтона
Под солнцем нет святынь: твоих церквей корона
Падет в пучину волн.

Но будь крепка в борьбе, святой и правой:
Крылатый лев, с тобой орел двуглавый,
На запад и восток свою простерший тень.

Сегодня Русь – в цветах, над Римом пурпур ярк...
Спешим в последний бой! Спасибо за подарок,
Подарок в Духов день.

1915. 11 мая

РАЗДОР КНЯЗЕЙ

I

Не в день осенний журавли
С призывным криком мчатся к югу:
С окраин Киевской земли,
Вражду забывшие друг к другу,
Князья стекаются на съезд
В старинный Любеч. Ярче звезд
Их шлемы блещут. Под харлужным
Булатом весело кипит
Их кровь удалая, и щит,
Как жар, горит на солнце южном.
Вражду из-за своих земель
Они забыть желают ныне.
Покинув злачную постель
Своей красавицы Волыни,
Приехал хитрый князь Давид,
Смиренный, вкрадчивый на вид,
Но сердцем злобный и лукавый,
И простодушный Василько,
Уже покрытый бранной славой,
О нем гремящей далеко.
И, позабывши, как набегом
Олег терзал его поля,
Прощеньем сердце веселя,
Владимир обнялся с Олегом.
Владимир! – Киевской земли
Одна, последняя надежда!
Как вихрь, примчался он. В пыли
Его доспехи и одежда.
Он на заре внимать канонам
Пришел в Черниговский собор...
Вскочил в седло... во весь опор
Погнал коня. С вечерним звоном

Он был на берегах Днепра,
У врат обители Печерской.
Скакал без отдыха с утра
Могучий конь. Чепрак венгерский
Трепался в прахе и поту.
Кусты ломая на лету,
Владимир мчался без дороги,
Как половецкая стрела.
Уж конь едва волочит ноги,
Покрыты пеной удила,
Бока изранены стрекалом,
Но всадником своим удалым
Гордится благородный конь!
Метая из ноздрей огонь,
Храпя и фыркая пугливо,
Потряхивая черной гривой,
Вбегаёт он на княжий двор,
И, ногу вынувши из стремя,
Владимир говорит: «уж время!
Зовёт ко всенощной собор».

Так витязи со всех окраин
Обширных Киевских земель
Стеклись, одну имея цель –
Любовь и мир. Христовых Таин
В смиренности сердца приобщась,
В слезах клянётся князю князь
Бережь отцовское наследье,
И, дружную собравши рать,
Страну от вражеских соседей
Союзной силой охранять.
О славе прадедов толкуют,
О бранях с греческим царем,
И крест таинственный целуют
Перед разверстым алтарем.

II

Три дня князья справляют пир
И шумом радости застольной
Приветствуют наставший мир.
Через три дня на воздух вольный
Они из Любеча спешат
И едут к вотчинам наследным,
К лугам Волыни заповедным,
В предгорья грозные Карпат.
Темнеет твердь. В росе жемчужной
Степной травы зеленый шелк.
Давид промолвил: «Святополк,
С тобой поговорить мне нужно.
Ох, до беды недалеко,
Пока на воле Василько.
Пределов нет его гордыне!
Пока он в Галицкой земле,
Ни я не прочен на Волыни,
Ни ты на Киевском столе.
Подумай-ка! Еще не поздно
Предотвратить удар. Когда ж
Он с Мономаха силой грозной
Соединится, жребий наш
Не весел будет. Мало толку,
Когда погонят в шею нас,
Или, как брату Ярополку,
Под сердце всадят нож. Как раз
Теперь для нас настало время
Свести вполне старинный счет
И злое Ростислава племя
Исторгнуть с корнем вон. Идет?»
И Святополк, темнее ночи,
Отер заплаканный очи
Своим бибрюным рукавом.
«Воспоминанием о брате, –

Он молвил, – сердце как ножом
Ты мне резнул. В моем булате
Еще довольно силы есть,
Чтоб правую исполнить месть.
Но ужас клятвопреступленья!..
Не мы ль пред алтарем святым
Лобзали древо искупленья?
Ужели эта клятва – дым?
И мне ли, Киевскому князю,
Перед крестом солгать? Тогда
В меня мальчишка всякий грязью
Начнет бросать, и от стыда
Куда лицо свое я дену?
Ищи союзников других,
Когда замыслил ты измену
И точишь меч против родных». –
«Ну что ж? Я только между прочим
Сказал, что в сердце глубоко
Давно таю. На троне отчем
Владимир сядет. Василько
Не засидится в Перемышле
И двинет рати на Волынь.
Ты это благородство кинь,
Чтоб скверные дела не вышли.
Ты говоришь: я целовал
Крест. Эка невидаль! Для виду
Мы дали клятву. Но обиду
Кто вражьей кровью не смывал?
И что за крест! – одна забава!
Так, крестик для детей... ему
Цена вся – грош. Плюнь, брат! В тюрьму
Запри отродье Ростислава!»
Молчит угрюмо Святополк,
Внимая хитрый голос змиев;
Давид рукой махнул, умолк...
Уже золотоголовый Киев

Пред князем растворил врата,
И загремел затвор чугунный.
Весь город спит, и ночью лунной,
Как морем, площадь залита.
Гуляют тени голубые,
Сады чернеют, и стоит
Над тихим куполом Софии
Недвижный, лучезарный щит.

III

Какою вестью Киев-град
Подавлен, потрясен, взволнован?
Князь Василько обманом взят,
В темницу заключен, окован,
И – горе! – выжжены его
Глаза железом раскаленным.
Над братом, зверски ослепленным,
Князя справляют торжество,
Подводят счет былым обидам...
Но мчится грозная молва:
Попрали Святополк с Давидом
Для всех священные права,
Нарушив крест и целованье.
Всеобщее негодование
Бессильны выразить слова.
Блюститель правды и закона,
В Чернигове, Владимир князь,
Священным гневом разъярясь,
Клянется с Киевского трона
Согнать преступного лжеца,
Который, не стыдясь, позорит
Престол их общего отца.
Олег его угрозам вторит,
Уже готовы два полка:
Опустошительным набегом

Владимир отомстит с Олегом
За ослепленье Василька.

Угрюмо в тереме высоком
Замкнулся Святополк. Ничем
Не отвечает он упрекам.
Печален, сумрачен и нем,
Змеей раскаянья ужален,
Из княжеских опочивален
К боярам не выходит он.
Он знает, что со всех сторон
К нему летит негодование,
Что всех проникло состраданье
К несчастной жертве. Наконец,
Печерской братии игумен
К нему взывает: «Ты безумен!
Зачем свой княжеский венец
Ты кровью запятнал невинной?
Ее омыть не так легко!
Вспомняешь ты перед кончиной,
Как плакал кровью Василько!»

Войну кровавую кудесник
На площадях пророчит. Твердь
Затмилась мглой. И, чуя смерть,
Войны и мора верный вестник,
Над ширью Киевских полей
Кружится коршун плотоядный
И предвкушает праздник смрадный
Над грудой княжеских костей.

И грянул гром. Поля пшеницы
Топча копытами коней,
Владимир перешел границы
Отцовской вотчины. Грозней,
Чем туча, он нахмурил брови,
И синим пламенем горят

Его глаза. Он Киев-град
Готов залить потоком крови
Во имя правды и креста.
Недавно мирные места –
Добыча битвы и пожара.
Свершается святая кара.
И, Киевских достигши врат,
Тяжелый обнажив булат,
Владимир требует отчета:
«Знай, Святополк, ты не уйдешь
От правого суда. Ты нож
На брата поднял. Коль охота
Тебе пришла нарушить мир,
Что ж! Я готов. Труби тревогу:
Я жизнь мою вручаю Богу,
Иду на битву, как на пир.
Вина прольется в нем немало,
Драгого, красного вина!»
Сказал, – и опустил забрало,
И всколыхнулись знамена.

Великий князь ответ смиренный
Шлет чрез гонца: «То – не моя
Вина. Коварный, как змея,
Давид поступок дерзновенный
Свершил преступною рукой, –
Давида и к ответу требуй!»
Ему – Владимир: «Мне и небу
Ты смеешь дать ответ такой?
Не в Луцке, на границе Польши,
Был князь несчастный ослеплен, –
Предательски захвачен он
Здесь, в Киеве. Чего же больше?
В грехе сознайся, наконец!
Сложи, святую правду Божью
Не оскорбляя новой ложью,
Великокняжеский венец».

IV

Давид поспешно шлет гонца,
С приказом убедить слепца
Замолвить слово примиренья
Князьям разгневанным, суля
Отдать ему в вознагражденье
Волыни злачные поля
И город в вечное владенье.

В подвале, темном и сыром,
Томился Василько. Одром
Ему служил холодный камень,
И язвы жгучие, как пламень,
Терзали очи. Много дней
Он орошал росой кровавой
Свою постель и цепи ржавой
Кольцо, язвящее, как змей.
Но время шло. Привыкли очи
К пустому мраку вечной ночи,
И кровь на выжженных зрачках
Густою запеклась смолою.
Могильной окруженный мглою,
Несчастный князь хирел и чах,
Без вздоха, жалобы и стона.
Не отличая ночь от дня,
Главу на камень преклоня,
Молился Богу умиленно
И часа смерти ожидал.
Он мыслил: «Верно, пострадал
За гордость я. Одним ударом
Я думал ляхов покорить
И, перекинув рать к болгарам,
Главу за родину сложить.
Я слишком был самонадеян:
Великий подвиг мною был

В душе задуман и взлелеян.
Уже войсками я грозил
Прославленной земле венгерской,
И польский трепетал король
Перед моей отвагой дерзкой.
О жребий смертного! Давно ль
К верхам Карпат, покрытых снегом,
Я шел с блистающим полком?
Давно ль был страшен печенегам?
Что стало с гордым Васильком?
Для праведных небес – обида,
Когда возносится кто – мал...
Но я руки не подымал
На Святополка и Давида».

V

И целый год гремел раздор:
Князья, восставши друг на друга,
Из-за земель давнишний спор
Возобновили. Возле Буга
Давида встретил Володарь,
И взял копьем слепого брата...
Князь Киевский владел когда-то
Землей Волынской и, как встарь,
Он захватил Владимир стольный
И рай волынских деревень.
Пред грозным князем добровольно
Давид скрывается в Червень.

Кому, о Киев златоглавый,
Ты дан во власть? Священный долг
Опять нарушил Святополк.
На братьев поднял князь лукавый
Враждебной Польши короля,
Он ладит с королем венгерским...

И в жертву козням богомерзким
Родная брошена земля.
Цветущий край как будто вымер,
Погибли села и хлеба...
Пора: высокая судьба
Уже давно тебя, Владимир,
Зовет на Киевский престол,
Тебя, избранник всенародный
И ветви царской, благородной
Прекрасный цвет! тебя, орел
Золотоверхого Царьграда!
Тебя, о рыцарь и монах,
К венцу назначенный измлада,
Царей потомок, Мономах!

VI

Пора опомниться, пора!
Не тратьте крови молодецкой!
Ведь рати силы Половецкой
Уже грозят из-за Днепра.
Забудьте старые раздоры;
К востоку обратите взоры,
И встаньте дружно, с грудью грудь,
Чтобы спасти родные степи:
Когда враги наложат цепи,
Бывалой славы не вернуть.
Уж тает лед под солнцем вешним,
И скоро благовонный снег
Весна рассыпет по черешням.
Но диких половцев набег
Наш край опустошит пожаром...
Крестьянин выедет с сохой,
Но он трудиться будет даром, –
Падет, ужаленный стрелой.
Князя, спасайте Русь родную,
Оставьте недостойный спор!

Спешите в Киевский собор
И умоляйте Мать Святую
Прославить бранные труды
И от родных берегов Днепровых
Прогнать восточные орды.

В чуть зеленеющих дубровах
Владимир ехал на коне,
Задумчиво, в мечтах суровых.
Кругом, в рассветной тишине,
Под небом, синим и раскрытым,
Лишь жавронок будил поля,
И по холмам, дождем омытым,
Чернела влажная земля.
У врат градских никем не встречен,
Владимир едет дальше. В храм
Он тихо входит незамечен.
Струится синий фимиам
Неиссякающим потоком
И тает в куполе высоком,
К стопам Пречистой вознесен.
Там лики ангелов суровых
Грозят огнем очей громовых.
В сияньи эллинских письмен
Священных старцев зрятся лики,
С кругами золота у глав.
И молится толпа, упав
Пред чашей с кровию Владыки.
Касаясь лбом холодных плит,
Народ затих. В мольбе о мире,
Вознес старик-митрополит
Горе – пылающий трикирий.

Пред светлым алтарем князя,
Уже в доспехах и с мечами,
Стоят с поникшими очами.
Здесь Святополкова семья

В слезах внимает песнопенью.
Блестит парча, сверкает шелк...
Под раззолоченною сенью
Стоит угрюмый Святополк,
В упорной думе сдвинув брови.
Уже он слышит стук мечей,
Уже он видит брызги крови...
Один, таясь от всех очей,
Владимир стал в притворе темном.
Он видит: в куполе огромном,
В венце царьградских мозаик,
Сияет вечной Девы лик,
Господствуя над мраком храма.
Ее стопы утверждены
На камне. К Ней вознесены
С кадилъниц тучи фимиама.
И хор незримый раздался
Во славу непорочной Девы.
Росли могучие напевы...
Молился князь, и слез роса
Лилась волною благодатной.
Склонясь главой на меч булатный,
Владимир жаркие мольбы
Вознес за Русь: склонивши выю,
Он говорил: «Спаси Россию
Во дни искуса и борьбы.
Пречистая, избавь от муки
И от плененья Киев твой,
Ты, воздевающая руки
Над всею русскою землей!»

И в сердце князя, как в лампаде,
Елей молитвы пламенел.
А хор гремел, а хор звенел,
То умоляя о пощаде,
То захлебнувшись торжеством...
В сияньи грозно-золотом

Стояли ангелы Софии,
И благовонный фимиам
Бежал, как волны голубые,
К Ее недвижимым стопам.

*1914 г. Октябрь – 1915 г. 2 Июня
Дедово*

ЭПИЛОГ

Так в дни тяжелые войны
Напевы струн моих будили
Преданья нашей старины,
И Киева златые были
Казались вновь недалеки.
Бежал германец непреклонный,
И на рубеж Руси Червонной
Вступали русские полки.
Вернувши Львов одним ударом,
Достигши семиградских врат,
Стояли мы перед Унгваром,
За перевалами Карпат.
Страна заветная, родная,
России нашей колыбель!
Ты нас звала, как золотая
Годов младенческих свирель.
Здесь всё – свое, здесь всё – родное;
Украины ласковый язык
Поет в полях. Но ты поник,
Как цвет лугов в годину зноя,
Несчастный галицкий народ!
Веками плакал ты незримо,
Порабощенный игом Рима,
В грозе церковных непогод.

Увы! народ многострадальный!
Свободы день тебе блеснул,
И вновь во мраке потонул...
В полях Галиции печальной
Опять свирепствует тевтон,
Опять германец в Перемышле...
Галиция, ты устоишь ли
Под бурей вражеских племен?
Мужайся: под стенами Львова
Родная рать опять готова
Вступить в последний, страшный бой.
Сражать германцев нам не внове!
О, Львов, прольется много крови
За обладание тобой.
Ненастна даль и небо хмуро.
С тревогой вещей устремлен
На гордый кремль святого Юра
Взор всех взволнованных племен.

1915. 2 июня

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ ВАРВАРЕ

I

Богат, славен город Илиополь. Много в нем роскошных дворцов, окруженных тенистыми садами, беломраморных бань, храмов, украшенных золотыми кумирами. Но чей дворец сравнится с дворцом вельможи Диоскора? Строен он из чистого фессалийского мрамора, со всех сторон окружен рощами и садами, и, кажется, нет конца тем садам, и ты уже не в городе, а попал в райскую пустыню. Звонкоголосый соловей поет на дереве кипарисном, алые розы благоухают медом; лилии стоят серебряными светильниками, а посреди сада журчит чистый источник. В том источнике каждое утро любит омыwać лицо солнцу лепотой подобная дочка Диоскора Варвара.

Любо ей покинуть дом отца своего Диоскора и с милыми подругами играть в мяч и петь песни на зеленом лугу. Постыл ей родительский чертог, не веселит он ее сердце. А, кажется, есть там, чем полюбоваться и потешить взор. Гости из дальних городов стекались к Диоскору подивиться на его золотую утварь, расцвеченную смарагдом и сапфиром, на роскошное убранство его комнат, на расписанные славными художниками стены.

Светел триклиний в доме Диоскора. Посреди освежает его водоем прозрачной воды, где плавают золотые рыбы, а рядом с водоемом разбит цветник, где нежно благоухает черная фиалка и белые левкой – дар гостя из Александрии Египетской. Над водоемом белеет нимфа, изваянная резцом, достойным Фидия. По стенам изображены подвиги сына Зевсова Иракла: здесь цветущие нимфы Эспериды протягивают герою золотой плод божественного дерева, там он поражает дерзкого кентавра Несса отравленной стрелой, а ясноокая Деянира любит его отвагой, стоя на колеснице, запряженной парой дородных коней. Всё манило к сладкому отдыху и наслаждению в доме Диоскора, во всем у него – довольство и избыток.

Долго тосковал вельможа по милой жене, которая, умирая, оставила ему дочку Варвару, но скорбь его залечило всемогущее

время, да и золотая дочка не давала Диоскору печалиться, радуя его своей девичьей лаской и расцветающей красотой.

Видя, что красота Варвары подобна солнцу и что пришло для нее время Гименея, Диоскор не выпускал ее дальше своего сада, а в доме построил ей высокую светлицу, где проводила она время с подругами и рабынями в милых забавах, шила золотом, услаждала слух песнями Омира. Так решил Диоскор держать ее до тех пор, пока не приищет ей жениха достойного, царской крови, приближенного к престолу Кесаря Максимиана.

II

Никого так не любила Варвара, как служанку Зою. Ей поверяла она свои заветные думы, с ней коротала светлые весенние ночи, когда засыпали прочие служанки.

Высоко над городом высился терем Варвары; казалось, уходит он в самое небо. На много стадий видны из окна загородные дома, деревни и горы, синеющие вдали.

Села раз Варвара у окна и велела Зое, взяв лютню, играть ей, чтобы разогнать тоску. Тогда был весенний вечер. Алое солнце садилось за дальние горы, и кипарисы чернели, как уголь, на золотом небе. Варвара смотрела на горы, усаженные нагими деревцами, с вершинами, увенчанными зубцами башен. За края их цеплялись розовые клочья догоравших облаков.

Напрасно Зоя старалась занять Варвару и девичьей болтовней, и игрой на лютне, и чтением милетских рассказов. Кручинна была госпожа ее, ничто не веселило ее душу.

– Ах, Зоя! – говорила она. – Что приключилось со мной последнее время – не знаю. Но постыло мне в доме отца моего, тянет меня дальше, дальше. Вон, посмотри, как летит дикая горлица! Если б мне полететь с ней за синее море! Противны мне боги отца моего: я уже давно не жгу ладана на нашем алтаре, я бегу забав, мне постыло мое сапфировое ожерелье. Надоели мне рассказы о злых и завистливых богах. Разве могли они создать весь этот дивный, широкий мир, с садами, птицами, морями? Ведь эти боги – бездушные истуканы, и басням о их делах могут верить только дети. Ах! милая Зоя! Пойдем из этого дома к цветам и деревьям,

чтобы радоваться весенней ночи. Посмотри. Золотые звезды зажглись над городом, лучи их дрожат, переливаются. Как будто эти звезды говорят с моим сердцем, говорят мне о Боге, благом, бесконечном, вечном Боге, который создал и эти звезды, и этот двурогий месяц, что озаряет базилику Маркиана. Но где этот Бог? О, если б узнать его, отдать ему жизнь, мое сердце, мою красоту. Я знаю, отец ищет мне жениха царского рода, но иного царя жаждет мое сердце, к иному царю влечет меня тайное желание. Зоя! Зоя! если б узнать этого царя, если б найти путь к нему!

Зоя отвечала:

– Госпожа! кажется, я знаю человека, который поможет тебе найти этого царя. Но молчи до времени. Завтра я приведу к тебе торговца ароматами и пряностями и оставлю вас вдвоем. Он научит тебя всему. Только не выдай меня, госпожа. Если узнают о моем знакомстве с этим человеком, меня подвергнут злым пыткам.

– Благодарю тебя, милая Зоя, – отвечала Варвара. – Если правда то, что ты говоришь, я награжу тебя достойно. Проси у меня тогда всего, чего хочешь.

– Госпожа, – тихо молвила Зоя, – после разговора с этим человеком ты, может быть, узнаешь, что тебе нечего подарить мне, потому что я богаче тебя. Моли Бога, чтоб он дал тебе то же богатство, каким я владею. Не дивись моим словам, госпожа: смысл их ты уразумеешь после.

Девы замолкли. Новые и новые звезды высыпали в небе. Наконец, всё небо запылало, как паникадило, полное зажженных свечей, и Варвара, преклонив колена, молилась этому дивному свету, возносясь сердцем к неведомому Богу.

III

На другой день рано утром, когда все в доме Диоскора еще спали глубоким сном, Зоя пошла на городскую площадь, которая находилась перед храмом Солнца и была украшена белыми и золотыми кумирами богов. Здесь собирались торговцы с разных концов света. Зоя подошла к одному торговцу из Смирны, продававшему ароматы, и приветствовала его: Радуйся! Затем она вступила с ним в беседу. Это был христианский священник, рукоположенный апо-

столом Павлом. Узнав от Зои о желании прекрасной дочери Диоскора, он обещал прийти сегодня после полудня к Варваре, под предлогом продажи ароматов.

Священник исполнил свое обещание и, оставшись один с Варварой, научил мудрую деву знанию истинного Бога Христа, поведав ей о Его крестных страданиях и светлом воскресении. Он раскрыл ей также великую тайну святой Троицы.

После этого торговец ароматами стал часто посещать Варвару и однажды окрестил ее, окропив водой из источника и возложив на нее маленький кипарисовый крест. Так сочетал он Варвару с ее небесным женихом – Христом.

А Диоскор радовался, видя, что Варвара часто покупает ароматы, и говорил ей:

– Так-то, милая дочка! Ароматы, розы – лучшие дары Эрота. Время идет, и знатные женихи добиваются брака с тобой. Между тем мне надо поехать в Рим, и я вернусь домой не раньше наступления осени. А на это время, милая Варвара, я открываю перед тобою ворота нашего дома. Пора тебе повидать людей, принять участие в праздниках. Скоро будет торжественное шествие жрецов ко храму Солнца. Ты примешь в нем участие вместе со знатными девицами Илиополя. Великий жрец уже просил меня, чтоб ты несла золотую корзину с виноградом во время шествия канефор. Там ты увидишь лучшую молодежь нашего города. Не один брак был решен во время праздничных торжеств. Так-то, милая Варвара! Порадуй меня к моему возвращению разумным выбором жениха. Радостны песни Гименея, весело сверкают факелы, когда восходит вечерняя звезда, хотя стыдливая дева и роняет невольные слезы, переступая порог брачного терема.

Варвара ничего не ответила, и Диоскор вскоре уехал в Рим, сделав распоряжения по хозяйству и сдав ключи дома старому вольноотпущеннику. Он приказал ему не жалеть денег на расходы молодой госпожи, забавлять ее, приводя флейтистов и актеров, и не препятствовать ни одному ее желанию. Кроме того, он нанял плотников для постройки бани в саду, у источника. Для постройки была срублена целая роща кипарисов на горах соседнего Ливана и привезен лучший мрамор с Пароса. Стены предполагалось украсить картинами искусного живописца. Баня должна была быть

готова к свадьбе Варвары, и на фронтоне ее Диоскор предполагал изобразить свадьбу Пелея и Фетиды и золотое яблоко раздора.

IV

Словно птица, выпущенная из клетки, радовалась Варвара своей свободе после отъезда Диоскора.

Зоя уже давно была тайной христианкой. Теперь, вместе с Варварой, приняли крещение все ее подруги и рабыни, и девичий ее терем обратился в келью. Старый священник ежедневно наставлял юных дев в молитве и вере, и теперь уже ему не было нужды наряжаться торговцем. Варвара свела знакомство с тайными христианами Илиополя, часто навещала их бедные жилища на окраине города и раздавала богатую милостыню. Вольноотпущенник, управлявший домом, дивился, что госпожа отказалась от большинства прежних яств: оливы, виноград, пшеничные лепешки, немного молодого вина, – вот из чего состояла теперь трапеза Варвары.

Каждое утро, на восходе солнца, Варвара вместе с рабынями шла в сад, накинув на свой белый хитон бледно-изумрудное покрывало. Когда солнце зажигало красным светом снежные вершины Ливана и раздавались голоса первых птиц, девы, обратив очи к восходящему солнцу, пели песнь:

«Слава в вышних Богу, и на земле мир».

И золотое, торжествующее солнце казалось им светлым ликом Христа. Также и на вечерней заре девы сходили в сад для общей молитвы. Черные кипарисы недвижно стояли, как молитвенные свечи, розы благоухали, как кадила. А вдали озлащенный заходящим солнцем Ливан сиял нерукотворным иконостасом. Там расстилались пустые, каменистые равнины, без земли, без деревьев, и только на склоне Ливана один могучий древний дуб стоял, как бы в ожидании. А над ним сияли снега Ливана, и уже теплилась розовая звезда.

Девы пели:

«Солнце пришло на запад. Видев свет вечерний, поем Отцу, Сыну и святому Духу».

И ум премудрой девы всё глубже проникал в неисповедимую тайну святой Троицы.

V

Однажды, когда святая Варвара в уединении размышляла о тайне святой Троицы, она неприметно вышла на поляну, к источнику, где уже воздвиглись стены новой бани. В вечернем воздухе пахло свежим кипарисным деревом, щепки и стружки которого валялись кругом постройки. Уже вход бани был украшен двумя колоннами с коринфской капителью и фронтоном отделан мрамором и золотом. Несколько плотников в красных и зеленых рубахах, с засученными до локтей рукавами, мерно ударяли по дереву блестящими секирами.

Варвара вошла в неоконченное здание. Она много любовалась мраморными скамейками для омовения, порфирными сводами и блестящими трубами, сквозь которые уже была ключевая вода. Благоухание роз и левкоев проникало в окна бани. Всё здесь манило к отдыху и неге.

Два окна были прорезаны на запад, и сквозь них было видно золотое небо и два-три мертвых кипариса.

– О бессмысленные плотники! – воскликнула дева. – Можно ли портить столь дивное здание, лишив его света солнечного. Приказываю вам прорубить третье окно на Восток. Пусть три окна вещают о тайне святой Троицы. Пусть единое солнце, озаряя храмину тремя лучами, просвещает ум верных мудростию божьего слова.

И мудрая дева раскрыла строителям тайну триединого Бога и, покидая их, легким перстом начертала на мраморе подобие креста. И крест напечатлелся, как бы проведенный резцом. То было первое чудо святой Варвары.

VI

Когда наступило время сбора винограда, Диоскор вернулся из путешествия, и прежде всего пошел посмотреть новопостроенную баню. Увидев три окна вместо двух, он весьма изумился и строго спросил плотников, что побудило их изменить его приказание. Те отвечали, что поступили по желанию Варвары. Еще более удивился Диоскор, призвал Варвару и спросил ее, почему она вмеща-

лась в дело и испортила план бани. Варвара отвечала: «Отец! ты, вероятно, приказал сделать два окна в честь двух светил небесных: солнца и луны. А я приказала сделать три окна во имя святой Живоначальной Троицы».

И она исповедала перед отцом Христа, распятого и воскресшего, и учение о едином Боге, почитаемом в трех лицах.

Диоскор был усердным почитателем богов. Речи Варвары возбудили в нем ярость. Он выхватил меч из ножен и тут же бы поразил Варвару, но она бросилась бежать. Безумный отец погнался за своей дочерью, махая обнаженным мечом. Но Христос дал своей избранной невесте как бы два незримых крыла, и она неслась со скоростью ветра.

Преследуя Варвару, Диоскор выбежал за город, в поле. Здесь он остановился, чтобы перевести дух. Черные тучи сгущались над горами, понимался ветер, колебля ветви древнего дуба, к которому бежала Варвара.

Диоскор собрал последние силы и побежал дальше. Но Варвара была далеко впереди. Она бежала в горах, по бесплодным, кремнистым долинам, изредка поросшим терновником и осинкой. Ее зеленый плащ разорвался в клочья, которые развевались на ветках терновника. Сандалии развязались, нежные ноги оставляли следы крови на дорожных камнях. Вдруг дорога оборвалась, и скала загородила путь Варваре. Всем сердцем воззвала она ко Христу, и случилось великое чудо: скала расступилась перед девицей, и, когда она вошла в нее, камни снова сдвинулись.

Так – непорочная голубица – от черного врана земного воспарила она в покров небесного орла и нашла приют в тени его державных крыл.

Видя, что Варвара исчезла, Диоскор, как раненый тигр, стал бегать по горам. Услышав звуки пастушеской свирели, он побежал на них, и увидел двух мальчиков-пастухов, пасших коз в небольшой горной котловине, где было немного травы и кустарника.

– Пастухи, скажите мне, не видели ли вы в горах девушку, бегущую как ветер, и не знаете ли, где она укрылась? – крикнул Диоскор.

Один пастух отрицательно покачал головой, а другой, заметив в руках Диоскора блестящий червонец, молча указал ему на

соседнюю пещеру. Там таилась святая дева, там нежно ворковала пустыннолюбная горлица и журчал горный ключ.

Разъяренный Диоскор бросился в пещеру, и, схватив дочь за ее волосы, до ног падавшие золотыми струями, выволок ее из пещеры. Ударяя ее головой о камни, он бежал с ней к Илиополу, который весь был омрачен тучами. Молния уже вспыхивала то здесь, то там, мгновенно озаряя беглым пламенем мраморную кровлю храма Солнца.

Изрыгая проклятия, влачил Диоскор Варвару, и капли крови, как алые цветы, испещрили ее голову. Так кровавым венцом венчалась Варвара с небесным женихом своим.

VII

Продержав Варвару несколько дней в сырой подземной темнице, Диоскор повел ее на суд к игемону Маркиану. Это был день сбора винограда, все лозы в винограднике Диоскора были обнажены и точила обрызганы кровью винограда.

День был золотой. Облетающие осины трепетали в синем небе багряными листьями. По городу ходили веселые толпы гуляющих, блестя парчовыми одеждами и шелковыми плащами.

Судилище было полно знатных посетителей, пришедших посмотреть, как будут судить дочь знатного вельможи. Маркиан сидел на троне в парчовой одежде, по обе стороны трона стояли солдаты с секирами. Перед тронном воздвигнут был алтарь богу Солнца, на котором дымился жертвенный ладан.

– Здравствуй, прекрасная Варвара, – начал говорить Маркиан. – Верить ли дошедшим до меня печальным слухам? Неужели дочь лучшего гражданина в Илиополе соблазнилась учением христиан? Опровергни этот нелепый слух: принеси жертву славному богу Илию, в честь которого воздвигнут наш святой город.

– Пророк Божий говорит, – отвечала Варвара, – идолы язычников – серебро и золото, дела рук человеческих, «подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них!»! Я же, о Маркиан, приношу жертву хвалы Богу моему и сама хочу быть Ему жертвой.

Слова эти привели Маркиана в ярость.

– Я пощажу пока твоё тело, – воскликнул он, – но знай, что если ты будешь упорствовать и не сожжешь сейчас хоть несколько зерен фимиама на алтаре Илия, я потешу взоры собравшейся толпы твоей девичьей красотой, которая должна была осчастливить юношу царской крови. Палачи! совлеките с нее одежду. Пусть ее Бог придет спасти ее от поругания!

О, святая Варвара! найду ли слова, чтобы описать смятение твоей целомудренной души, когда ты услышала приказ неистового игемона? Опишу ли мучения, ужаснейшие, чем раны и заушения, когда грязные руки палача коснулись твоего непорочного тела и совлекли с тебя светлые одежды, и тело твое, золотое и благоуханное, обнаженное от одежд, было выставлено на поругание – жертва, уготованная Иисусу. И Маркиан, насладившись позором твоим, велел повергнуть тебя на землю, вдеть руки твои в железные узы, ноги связать ремнями и нещадно бить тебя воловьими жилами. И плоть твоя очервленилась язвами и кровью, и сладкое благоухание той крови поднялось, как облако, к небесному престолу жениха твоего Иисуса!

Когда кровь, сочившаяся из ран Варвары, залила весь пол судилища, так что скользили сапоги палачей, Маркиан приказал вынуть Варвару из уз, завернуть тело белой и нежной тканью, обложить останавливающими кровь травами и мастями и отнести в темницу.

VIII

Оставшись одна в темной и сырой темнице, Варвара всем сердцем воззвала к жениху своему Христу, и внезапно свет озарил темницу. Как бы легкое белое облако подплыло к Варваре, и из облака сошел к ней Иисус Христос в терновом венце и багрянице. Прикоснувшись перстом к ее ранам, он исцелил их, а потом стал беседовать со своей возлюбленной невестой. Лучи света исходили от его тернового венца, и от одежды его изливалось райское благоухание. Беседуя с Варварой, он незаметно стал удаляться, и, когда исчез из виду, снова тьма объяла Варвару, но она радостно славословила Бога и пела псалмы Давида.

Вдруг из-за окна послышался ей тихий плач, потом чей-то голос стал вторить ее молитве. Варвара подошла к окну и заглянула за железную решетку. В свете месяца она увидела, что неизвестная женщина сидела на камне перед окном. Увидев Варвару, эта женщина опустилась на колени и, подняв руки к святой Варваре, воскликнула:

– Радуйся, Варвара, невеста Христова прекрасная! Блаженна я, что удостоилась видеть, как возлюбил тебя жених небесный; к тебе, непорочной своей невесте, пришел, от ран исцелил, светлостью лица Своего неизреченно возвеселил твою душу. Радуйся, ибо капли крови твоей были слаще меда пресладкому Иисусу!

– Кто ты? Откуда ты пришла? – спросила дева.

– Меня зовут Иулиания. Я была в судилище Маркиана, я сделала твои муки, я оставила всё и теперь пойду за тобою, чтобы разделить твои страдания и удостоиться лицезрения твоей славы в царствии небесном.

IX

Маркиан был весьма удивлен, увидев святую Варвару исцеленной от ран.

– Видишь, – сказал он, – как наши боги заботятся о тебе. Принеси же благодарственную жертву за твое чудесное исцеление.

– Иисус Христос исцелил меня, – отвечала Варвара, – и его одного славит и поет мое сердце. Вновь покрой язвами мое тело, да уподоблюсь я пречистому жениху моему, изъязвленному гвоздями на древе крестном!

Тогда Маркиан приказал обнажить святую Варвару и водить ее по городу для поругания.

Она же взывала:

– Иисус, жених мой возлюбленный, за тебя терплю позор. И с тебя, одевающего небо облаками, совлекли багряницу, и тебя водили на поругание по стогнам Иерусалима. Дай же мне до конца быть причастницей твоих мук, сподоби меня страдания на древе!

И Бог услышал молитву святой Варвары, и вот повели ее за город. И она проходила мимо дома Диоскора, и любящие ее рабыни стояли у крыльца и рыдали, видя позор госпожи своей, и посы-

дали ей благословение. Варвара остановилась, чтобы проститься с родным домом: «Прости, тенистый сад, где мы пением священных песен встречали каждое утро и вечер! Простите, милые подружки и служанки, с которыми я проводила краткое время моего девичества в родном тереме! Прощайте, я больше вас никогда не увижу. Прощайте, мои кипарисы, розы, веселый источник, все прощайте!»

Рыдание служанок было ответом на эти слова.

В это время солнце, уже готовое зайти за вершину Ливана, озарило сад Диоскора, и три окна новой бани зажглись золотым светом.

– Хвала тебе, трисолнечная Троица! – воскликнула Варвара. – О вечное веселие! О светлая отчизна горнего Иерусалима!

Радуюсь и воспевая псалмы, святая Варвара продолжала путь. Выйдя за ворота Илиополя, шествие двинулось по направлению к Ливану, сиявшему розовым снегом заоблачной вершины. Там, на склоне, среди бесплодных камней и утесов, возвышался одинокий дуб. К нему повели Варвару.

Х

Соединив руки Варвары над головой, палач скрутил их веревкой и привязал к нижней ветви дуба.

О святая Варвара! Вот твой брачный вечер! Но где же пение вечернего гимна? где сияние брачных факелов? Точат острые ножи, разжигают желтые свечи, калят клещи железные. Теми ножами обстругают твои белые ребра, опалят твои раны свечами, вырвут клещами нежную грудь! Но не устаешь ты взывать к жениху твоему, устремляя взоры на померкающие снега Ливана.

Долго длится истязание. Уже кора дуба почернела от крови, уже устали руки палачей, уже замолкли уста Варвары, и не призывает она небесного жениха.

Наконец, Маркиан приказал кончить казнь, и палач раскаленными клещами вырвал перси святой Варвары, и они упали на землю. Расходится народ. Всадники садятся на коней. Палач убирает в ящик окровавленные ножи, бритвы, клещи, стругала. Поздно. Солнце давно померкло. Розовая звезда сияет над Ливаном.

Здесь уже начинаются вседневные разговоры и шутки; там палач умывает руки и уговаривается с товарищем, где бы повеселее провести вечер. Наконец, всё пусто, и Варвара одна, привязанная к дубу.

И вот слышит она как бы далекое пение. Оно долетает с гор Ливана и приближается к ней. И вот легкие херувимы начинают парить в небе, играют незримые арфы, и вдруг всё смолкло. И в тишине как бы могучий гром сотрясает небо, молния, изламываясь от востока до запада, зажигает огнем весь мир, и Великий Царь в золотой одежде приближается к Варваре на облаке небесном, окруженный тьмами херувимов и серафимов. И раздастся в небе песнь: «Свят! Свят! Свят!»

И один ангел венчает главу святой Варвары золотым венцом брачным, а другой, подняв ее отрубленные перси, возносит их ко Христу, как грозд виноградный, полный сладкого благоухания.

XI

Кто из русских не знает того невыразимого, единственного в своем роде чувства, которое охватывает душу, когда после долгого пути перед нашими глазами является дикая Печерская гора, осененная золотыми главами, украшенная зеленью святых садов, красующихся над прохладными волнами синего Днепра? Кто не осенит себя крестным знаменем, кто не скажет от всего сердца: «здравствуй, колыбель Руси! Здравствуй, колыбель православия. Здравствуй, златоверхий Киев, мать городов русских!»

Сюда, в незапамятные времена, греческая царевна Варвара, дочь Алексея Комнена, привезла драгоценное сокровище – нетленные мощи великомученицы Варвары и положила их в златоверхом Михайловском монастыре для поклонения верных.

Сюда пришел я когда-то бездомным скитальцем, и радостью наполнилось мое сердце, когда я увидел на монастырских воротах твой образ, святая Варвара. С золотой чашей предстоишь ты престолу Христову, избавляя прибегающих к тебе от внезапной смерти и источая бесчисленные исцеления. Здесь, где, окутанное благоуханным покровом, поживает твое нетленное тело, здесь незри-

мо парит твоя святая душа, исцеляя и врачую призывающих тебя в молитве.

Здесь, где воздух напоен душным ладаном, трудовым потом издалека пришедших богомольцев и сладким миром твоего гроба, здесь в сиянии бесчисленных свечей возносится над толпой твое тело в золотой раке, и ежедневно равноангельный инок славословит тебя, взывая:

«Радуйся, Варвара, невеста Христова прекрасная!»

*1913. 6–7 сентября
с. Хованское*

CRURIFRAGIUM

Haec est vestra et potestas tenebrarum.
Evangelium secundum Lucam,
cap. XXII, v. 35

ПРЕДИСЛОВИЕ

Nunc iudicium est mundi: nunc
princeps hujus mundi eijcietur foras.

Evangelium secundum Ioannem,
с. XII, v. 31

I

Красота есть разумная материя. Логос овладевает материальным хаосом, проникая его собою. Так над текучестью временных явлений, как неподвижная радуга, возникает слово-представление. Слово-представление есть разум, овладевающий чувственным материалом восприятий; в нем сочетание неизменяемости априорных данных разума с богатством признаков чувственного образа. Пока разум имманентен природе, природа жива, деятельна, гармонична. Такова была она до грехопадения; такова она теперь в произведениях искусства. Художник вкушает от златоплодного древа жизни; он дает *имена* животным.

Разум отделяется от материи, становится ей трансцендентен. Возникает слово-понятие; возникает мир чистого познания: разум не животворит более природу, но обращается на самого себя, создавая область абстрактного мышления. Как последствие такого извращения разумной деятельности, становится возможно возникновение не-разумной материи. Разум искажается, отрешаясь от конкретного содержания; материя искажается, отрешаясь от подчинения абстрактным нормам. Это – момент грехопадения. Врата Эдема затворяются; и человек, и природа подпадают под иго проклятия.

Момент возникновения слова-представления, языка изобразительного, поэзии, есть тот момент, когда над зеленой пучиной водной, из рдяного сгустка морской пены – крови древнего хаоса – возникает роза – Анадиомена, и нетленный жемчуг росного семени нисходит в цветодевственный потир утробы Марииной.

Момент возникновения слова-понятия, языка абстрактного, науки, есть тот момент, когда мрак Тартара пленяет собиравшую весенние цветы Прозерпину и пречистая плоть Христова раздробляется на Голгофе. Ад осеняет вселенную своим скипетром. Наступают ночь, тоска и страх.

По всей земле кличет Прозерпину мать; со слезами смешано миро Магдалины.

В нашей современной жизни совершается непрерывное Распятие Красоты. Пречистое тело богини распинается гвоздями абстрактного мышления, механической культуры похоти и разврата. Опрокинуты алтари всесожжения, где столько веков жрецы прекрасного приносили искупительную жертву за грехи мира.

Но близится утро. Сладко дышат лилии Твоего кипарисного сада. Жены благовестницы текут ко святой горе Твоей Сиону. И Ты, улыбчивый, наклоняясь, шепчешь кручинной матери слова утешные: «Не рыдай: я восстану!»

II

Предлагаемая читателям книга содержит в себе произведения разнородные по форме, но связанные последовательностью раскрываемых в них символов. По всей книге проходит одна тема – пленение богини Аидом. Природа находится во власти магических сил (Алая Пантера, Чернодум). Этим силам противопоставляются борцы добра, истины и красоты, герои, сражающиеся с чудовищами греха (Голубой Луч, Черный Камень, Золотой Меч). Начала пассивные, женственные становятся добровольными (Звездоглазка) или невольными (Жемчужная Головка, Апрельская Роза) жертвами магии. Изобразив символы в чистом виде, я преломляю их сквозь призму истории. Читатель, следящий за ходом моей мысли, легко узнает в теме Рима и язычества развитие темы Алой Пантеры и Чернодума; в теме христианских мучениц развитие темы Золотого Меча и Апрельской Розы. Наконец, в последнем произведении этой книги, которому я придаю значение большее, нежели всем предыдущим, изображается весенняя евхаристия

Эроса. Здесь я пытаюсь в любви, понимаемой как таинство, дать разрешение внутреннего трагизма всей книги.

В конце концов, мои основные мысли сводятся к следующему тезису: человеческой душе, подверженной магическим воздействиям злого начала, возможны три выхода: 1) сознательная жертвенность (Звездоглазка, девушка в «Веснянке»), 2) выделение себя из подверженной изменениям области эмпирического бытия в область вечного и неизменного сущего (Золотой Меч), 3) покорность безразличной среде материального бытия (Апрельская Роза). Четвертым выходом было бы сопричастие магическим силам, господство над миром через союз со злым началом. Но да идет мимо нас чаша Алой Пантеры и Чернодума.

Я не могу не сказать несколько слов об одном символе моей книги, неудавшемся в художественном отношении и более похожем на *аллегорию*, чем на символ. Я разумею Чернодума. Кроме общего значения, я придаю Чернодуму значение частное, поскольку Чернодум символизирует *город* в Верхарновском смысле, *ville tentaculaire*. Я прибавлю еще: *город, как центр и выражение капиталистической культуры*. Я пользуюсь случаем вкратце высказать, как я понимаю отношение поэтического служения к служению общественному.

Социалистические доктрины наших дней ведут борьбу с *капитализмом*. Но капитализм есть явление общего мирового зла. Поэт борется в мире сущего с тем же началом, с каким общественный деятель борется в мире явлений. Поэтому я решусь сказать, что *поэт*, поскольку он не изменяет своему назначению и не искажает смысла своей деятельности, *ведет борьбу с капитализмом*. И если уклонения от истинного религиозно-поэтического служения в некоторых частях нового искусства несут на себе ответственность за общественные бедствия нашего времени, то на искусстве же лежит задача, путем внутреннего очищения и возрастания, способствовать победе над капитализмом. Искусство – действительно в прямом значении этого слова; только действенность его скрыта от эмпирического наблюдения. Задача поэта в тяжелую годину народных бедствий – великая и трудная. Он должен помнить, что на его алтаре приносится постоянная жертва за его страну и народ и что Бог только тогда примет эту жертву, когда сердце его будет

чисто и непорочно, когда слово его будет мощно и звучно. Долг поэта перед родиной и народом не в том, чтобы писать стихи на революционные темы, а в том, чтобы очищать родники вдохновения, ковать вечные и прекрасные формы переживаний. Уклонение от работы над формой есть уклонение от долга.

Капитализм не менее ненавистен для поэта, чем для социалиста. Я думаю – более. Итак, цели поэта и социалиста до известной степени совпадают. Но нельзя не упомянуть о том, что протест против капитализма у поэта и представителя социал-демократической доктрины вызван быть может сходными чувствами, но совершенно противоположными принципами. Если принципы социалистических доктрин обыкновенно сводимы к той или иной форме *оптимизма* и *эвдемонизма*, то началами истинного поэтического мирозерцания неизбежно являются: *пессимизм* и *аскетизм*. «Мир мой даю вам; *не так, как мир дает*, Я даю вам».

Капитализм – химера нашего века. Это адское чудовище попирает всё святое и прекрасное. В его щупальцах хрустят кости наших братьев. Но золотой меч красоты жалит черного гада и наносит ему неисцелимые раны.

И среди фабричных труб, электрических конок, автомобилей, в этом визге и скрежете хаоса, зацветает нетленный сон Галилейского счастья. Вот они: кроткие старцы, стройные отроки, влекущие отягченный невод; сладкоголосые девы, с ланитами, рдеющими, как розы Сарона. Вы – чисты, потому что нищи; вы – праведны, потому что чисты; вы – угодны Христу, потому что праведны.

Наше счастье – с нами, и никто не отнимет его у нас. Сретим Его, как сретил Филипп из Вифсаиды Галилейской.

III

Для двух моих сказок я пользовался формой сказок Андерсена и Гофмана, применяя некоторые технические приемы, выработанные в наше время Валерием Брюсовым и Андреем Белым.

Поэмы вызывают вопрос о русском гексаметре, его возможности и типических особенностях. Гексаметры в поэме «Червон-

ный потир» построены по образу гексаметров Жуковского, с их частыми enjambement и случайными заменами дактиля спондеем. Первая часть поэмы «Три девы» в метрическом отношении также не имеет иных источников, кроме Жуковского. Более удовлетворительна последняя часть «Трех дев», где отразилась метрика Гомера и Овидия.

Поэма «Червонный потир» написана мной в 1905 году. Готовя рукопись к печати, я поражен был вопиющими ошибками стиля и метра, и занялся исправлением особенно слабых стихов. Эта работа чрезмерно увлекла меня и, вместо исправления, я заново переделал отдельные места, применив к ним мои новые стихотворные приемы. Не знаю, выиграла ли от этого поэма, ибо при подновлении одних мест еще ярче выступила ветхость и негодность других. Быть может, я отложил бы печатание поэмы в отдаленное будущее, но появление в альманахах «Воздетые руки» первоначального, изобилующего грубыми метрическими ошибками (напр. пятистопные гексаметры (!) текста), возбудило во мне желание поскорее обнародовать исправленный текст поэмы, во всяком случае свободный от *формальных* нарушений законов метрики. Краснея за целые страницы, я утешаю себя сознанием, что такие стихи, как:

Нежный! рано поблек, утомив вожделение нимфы,

окажутся любопытными для немногих любителей словесности, дружелюбно встретивших мои первые опыты.

На *содержание* поэмы «Три девы» несомненно оказала влияние идиллия Феокрита и его подражателей. Влиянием Феокрита объясняется сочетание высокого стиля с картинками бытового характера, легкими, почти игривыми, диалогами девушек. Соединение приемов буколических с сюжетом, заимствованным из Пролога, не должно удивлять читателя. Пролог возник в непосредственной связи с Византийским романом, а последний, через роман Александрийский, во многих чертах сходен с Александрийской идиллией.

Рассказ «Веснянка» явился результатом работы над стилистической проблемой, которую поставил Андрей Белый своим рассказом «Куст».

В заключение упомяну о маленьком орфографическом новшестве, которое я допустил при печатании моей книги*. Разумнее более широкое употребление буквы *v*, нежели принятое в современном правописании. Я ставлю *v* во всех словах греческого происхождения для передачи греческого звука *υ* и в словах латинского происхождения для передачи *u* дифтонгового. Таким образом, в иных случаях *v* читается у меня за *u*, в других – за *v*. Напр.: нумфа=нимфа, но лавр=лавр. Ввиду немногочисленности слов греческого происхождения и их частой повторяемости, подобная орфография (заимствованная мной у Тредьяковского) никого не может затруднить серьезным образом. А мне хотелось, чтобы тень Греции, осенявшая меня при писании книги, положила свой знак и на ее внешность.

Сергей Соловьев

1907 г. 1 октября. Покров
с. Дедово

* В наст. изд. не воспроизводится. – *Сост.*

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОЙ СВИРЕЛИ

Эллису

Мишина мама уехала за границу. Она поручила Мишу старому стихотворцу, который жил в Штатном переулке. Миша и стихотворец стали вместе жить в Штатном переулке.

Мишина комната большим окном выходила во двор. Перед самым окном росло дерево. По голым веткам прыгали черные вороны, помахивая крыльями и крича: карр! карр! В Мишиной комнате было очень светло, потому что она выходила на солнце, а во дворе много лежало белого снега.

Почти весь день Миша играл на дворе. К нему приходил мальчик с чужого двора, и они вместе катались с ледяной горки. Иногда мальчик с чужого двора бил Мишу. Тогда Миша говорил, что позовет старого стихотворца и что стихотворец накажет мальчика с чужого двора.

Обедали рано, когда только начинало смеркаться. Стихотворец выходил из кабинета в халате и туфлях. После обеда он учил Мишу и показывал ему картинки.

Потом Миша играл в солдатики, на ковре, в гостиной. Иногда старый стихотворец ходил по комнате, что-то бормоча и посмеиваясь на Мишу.

За вечерним чаем бывали вкусные булки. На ночь старый стихотворец рассказывал Мише сказку. Мише казалось, что он знал всё это прежде. В окна бились звонкие снежинки, а печь весело потрескивала. Самовар шипел на столе. Стихотворец пил много крепкого чаю с лимоном. Миша потягивал молоко из фарфоровой чашки, опуская туда сдобные булки. В десять часов стихотворец говорил: «теперь пора спать». Брал свой стакан и затворялся в кабинете.

Прошло несколько месяцев. Миша привык к старому стихотворцу, его булкам и сказкам.

Был март. Из желобов капала вода. Небо стало мокрое, облака – жидкие. Стихотворец водил Мишу к вечерне. Дринь-дринь-бом, дринь-дринь-бом – позванивали колокола. А сверху было го-

лубое, нежное. Черные вороны летали под Мишиным окном, садясь на разбухшие ветки. Пахло весенними почками.

Миша стал тосковать о маме. Он сказал об этом старому стихотворцу. «Она вернется, – сказал старый стихотворец, – а чтобы ты не скучал, я придумаю тебе новую сказку». И ушел в кабинет, запахнувшись бархатным халатом. Вечером на столе появились коробка фиников и засохшая роза. Старый стихотворец сказал Мише: «Эту розу тебе прислала мама из далеких краев, а эти финики я купил тебе к чаю. Попробуй. Они вкусные». И поставил чайник на самовар. А Миша подумал: «Мама меня не забывает. Прислала мне розу. Я не буду больше плакать. Мне хорошо у старого стихотворца». И начал есть финики, отдирая их от корявых палочек.

Старый стихотворец надел медные очки на свой розовый нос и вынул из кармана тетрадку.

«Ну, слушай новую сказку», – сказал он Мише.

СКАЗКА

I

Замок доброй волшебницы стоял высоко на горе, окруженный еловым лесом. Путь к нему лежал по отвесным кручам, над бездонными пропастями. Через рвы были перекинуты подъемные мосты, подымавшиеся на ночь. Когда их опускали или подымали, герольд трубил в золотую трубу. Зашло солнце за черные ели, прогремела золотая труба, и никто уже более не может попасть в замок доброй волшебницы, если не хочет погубить себя и своего коня, сорвавшись в темную бездну, где водятся змеи и чудовища. Если выйти из замка на утренней заре и идти по лесу, то, к тому времени, когда солнце станет на середине неба, придешь к открытому морю. По дикому берегу раскиданы лачуги рыбаков, лежат опрокинутые лодки, предназначенные для осмоления, пахнет соленой водой и рыбой.

В замке жила добрая волшебница Серебряная Свирель с двумя девочками: одну звали Звездоглазка, другую – Жемчужная Головка. У волшебницы была одна особенность: всякому, кто бывал с ней, непременно делалось хорошо, весело и как-то безопасно. И если было у кого-нибудь горе или забота, – запоет Серебряная Свирель – и развеется горе и забота. Красивая была волшебница, высокая, простая и ласковая. И все-таки некоторые боялись ее: боялись ее косых глаз, постоянно менявших цвет: то они казались карими, то серыми и голубыми. Веселая была волшебница.

По весне ходили в лес. Небо сквозь ели было такое влажное и голубое. Ручьи бежали такие чистые и серебряные. Еще пахло прошлогодними прелыми листьями. Кукушка куковала грустно и задумчиво.

Серебряная Свирель садилась на гнилой березовой пенешек. Звездоглазка и Жемчужная Головка венчали ее золотые кудри хвойной короной. Все плясали, взявшись за руки, и волшебница пела песни о возвращении весны. Тогда приходил приятель Звездоглазки с тростниковой цевницей. Лукавый был приятель. Ласковый и веселый. Его звали Лесной Монашек. Когда созревали ягоды, он набирал их и на зеленом листе подносил Звездоглазке. А она гладила его светлую щетину и тихо улыбалась ему. Серебряная Свирель любила Лесного Монашка, и он первый являлся поздравлять ее с наступлением весны. На зиму он уходил далеко в горы и не показывался. Звездоглазка привыкла, что он появляется вместе с весной. Вот небо засинело, пахнет фиалками: жди Лесного Монашка. И всегда одинаковый бывал он. Шли года, а у него всё такие же розовые щеки, веселые глазки и светлый пушок на подбородке. Серебряная Свирель знала, что он – не молодой и не старый, и никогда не был молодым и никогда не будет старым, а всегда останется милым Лесным Монашкой, с весной приходящим в замковые владения.

То, о чем я хочу рассказать, как раз было в начале весны. Жемчужная Головка собирала фиалки, которые голубыми каплями разлились по траве, между корнями деревьев.

Заря была такая, какая бывает только ранней весной: розовый пар, мешаясь с голубым дымом, клубился над елями.

«Смотри, сестрица, – закричала Звездоглазка, – два неизвестных всадника едут за мостом. Ах, успеют ли они добраться до замка? Уже герольд подымает золотую трубу».

Звездоглазка была очень добрая, и ей жаль стало бедных всадников, во весь опор погонявших коней. Жемчужная Головка, гибкая и легкая как тигренок, побежала на холм, откуда говорила Звездоглазка.

В розовом дыму они увидели двух всадников, с быстротою ветра мчавшихся к подъемному мосту. Гулко прогремела золотая труба, вызвав отголосок в ущелье, и мост поднялся.

Передний всадник пришпорил коня, и тот свободно перепрыгнул пропасть. Второй конь не отставал от товарища. В розовом сиянии девочки различали доспехи всадников.

Передний ехал в золотом шлеме с голубыми перьями, латы на нем тоже были золотые, щит походил на солнце, сиявшее в лазурном небе. Под ним был стройный белый конь.

Доспехи второго всадника были из яркого серебра, украшенного пламенными рубинами. Над шлемом веял багряный султан. Под ним был тяжелый черный конь.

Всадники остановили коней, поравнявшись с девочками. Звездоглазка устремила на первого темный лучистый взор. Жемчужная Головка опустила ресницы и в смущении стояла, обрывая лепестки у нарванных ею фиалок.

Серебряный всадник заговорил, соскочив с седла и задерживая коня шитой уздой:

«Привет вам, добрые девочки! Вероятно, вы – царевны этого прекрасного замка, стоящего на горе, среди елового леса. Не бойтесь нас. Мы – два блуждающих рыцаря. Наше дело – избивать чудовищ и вредных зверей. Приближается ночь. В лесу и поле – холодно, туманно, неприятно. А мы устали, давно не подкрепляли себя пищей и очень нуждаемся в мирном крове и кружке доброго вина перед сном. Проводите нас к замку, который, вероятно, принадлежит вашему отцу, владельцу этих гор и долин. В награду за ваше гостеприимство мы очистим соседние ущелья и дебри от вредных гадов, отравляющих воздух и воды и обижающих добрых людей. Наши имена, быть может, вам известны. Тот, кто закован в лучезарное золото, – славный рыцарь Голубой Луч. А я изве-

стен в родных селениях под именем Черного Камня. Помогите нам, дивные царевны».

В это время из лесу раздалось пение Серебряной Свирели. Кони подняли мохнатые уши. Рыцарь Голубой Луч обратил лицо по направлению голоса, и серые глаза его вспыхнули.

Волшебница показала на опушке в своей хвойной короне.

«Кто эта прекрасная, как Вечность, женщина?» – спросил Голубой Луч.

Ему отвечала Звездоглазка:

«Это – владетельница замка, который стоит на горе. Ее зовут Серебряная Свирель. Она – добрая волшебница. Просите ее о приюте».

И Звездоглазка помогла рыцарю сойти с коня и вынула кованную золотом ногу из стремени. Голубой Луч преклонил колена перед волшебницей, восхищаясь ее дивным образом и голосом.

А Жемчужная Головка изредка метко взглядывала узкими светлыми глазами, озирая уборы коней и всадников.

«Это я вас прикликала моим пением, – сказала Серебряная Свирель. – Добро пожаловать в мой замок. Жемчужная Головка, возьми черного коня, он горяч, сестрица с ним не справится. А ты, Звездоглазка, веди белого».

И они все пошли в гору. Впереди шли девочки, держа лошадей за поводья. Голубой Луч рассказывал волшебнице приключения этого дня и благодарил за гостеприимство, а Черный Камень, немного отстав, подбирал фиалки, которые рассыпала Жемчужная Головка.

В это время наступил вечер. И над серыми башнями замка означился тонкий серп новорожденного месяца. В прозрачных и голубых даях проступали бледные звезды.

Из ворот выбежали псы и залаяли на рыцарей. Но Жемчужная Головка погрозила пальцем, и они, подбежав, стали лизать ее руку мокрыми розовыми языками.

Все вошли в ворота замка.

II

Ужин был накрыт в главной зале замка волшебницы. Эта зала стояла необитаемой уже много десятилетий. Высокие входы заканчивались наверху стрельчатыми сводами. Сквозь трещины древних стен пробивались цепкие побеги кустарника и плюща, росших по внешней стороне замка, в углублениях, где ветры нанесли глубокий слой пыли. Смоченная осенними дождями, эта пыль вскормила случайно заброшенные семена растений. Зелень свеживалась повсюду, испещренная малыми розовыми цветками. Окна, узкие и высокие, расписаны были яркими пестрыми красками. На них были изображены сцены из рыцарской жизни: много сияло золотых шлемов и голубых лат, краснели пурпуром откидные плащи с золотой оторочкой, кудрявились зеленые купы, из которых блестели плоды различного цвета.

Сегодня в первый раз Серебряная Свирель велела накрыть ужин в главной зале. Это было по случаю приезда рыцарей. В углу развели ветхий и дымный камин. В зале давно не топили, и потому было сыро и холодно.

На столе блестели высокие медные кубки. Перед Голубым Лучом волшебница поставила кубок золотого вина, а перед Черным Камнем кубок красного вина. Оба рыцаря подняли кубки и приветствовали великодушную и прекрасную владельницу замка.

Меж тем слуги разносили большие блюда, отягченные сладким мясом жирного вепря.

После ужина Звездоглазка и Жемчужная Головка ушли спать в верхний покой, под самые зубцы замковой башни. Слуги убрали остатки обильных яств и откланялись госпоже. Черный Камень подбросил несколько поленьев в потухавший камин. Сырое дерево зашипело, и скоро вся зала осветилась красным дрожащим пламенем. Голубой Луч наполнил кубки и сел рядом с волшебницей поближе к камину.

Серебряная Свирель сказала:

«Волшебным даром песен, который я получила от Бога, я прикликнула вас в мой пустынный замок. Осушим кубки в залог прочной дружбы. Вы – рыцари: вы должны помогать и людям и богам

в бедах. Я надеюсь на вас, рыцари. Не долгое время позволено мне еще жить в моем замке. Бог велит мне лететь в иные края, услаждать священными песнями скорби страждущего мира. Но куда я полечу, – никто не может следовать за мною. Итак, я покидаю вверенных мне Звездоглазку и Жемчужную Головку. Я оставляю им мой замок, даю окружные леса и поля, всё принадлежит им, вплоть до моря, где грань моих владений. Но кругом много враждебных мне существ: гадов, богов, волшебников. Я не могу оставить девочек без верной защиты в замке. Поручаю их вам, рыцари. Клянись мне, что один из вас бессленно будет сторожить Звездоглазку и Жемчужную Головку, вплоть до дня, когда я сама прилечу и отрешу вас от ваших обязанностей. Клянись мне, рыцарь Голубой Луч и рыцарь Черный Камень!»

Рыцари поклялись, преклонили колена и поцеловали руку волшебнице.

Серебряная Свирель сказала:

«Мне неведом день моего отлета. Но я знаю, что он очень близок. Я рада, что поговорила с вами. Вы не будете скучать в замке. Наши леса богаты зверьем и дичью, воды изобилуют рыбой. Злых сил так много развелось за последнее время, что вашим золотым мечам не придется высыхать от черной крови гадин. Звездоглазка станет рассказывать вам занятные повести и заботиться, чтобы ваша жизнь текла легко и весело. Жемчужная Головка первое время будет молчалива и сурова. Но не удивляйтесь и не печальтесь. Она дика, подобно горной серне. Со временем она привыкнет к вам и перестанет дичиться».

Все молчали. Уголья в камине догорели и подернулись пеплом, копошившимся как клубок серых змей. Иногда из-под него взвивались багряные черви и бессильно падали.

Серебряная Свирель скосила глаза, которые стали вдруг маленькие и темно-карие. Она внимательно смотрела на пепел. Внезапный ужас расширил ее зрачки. Золотые волосы шевельнулись над мраморно-белым челом. Она дико зашептала, отстраняясь руками. Рыцари со звоном встали и в тревоге следили за Серебряной Свирелью. В зале наступил полный мрак. Большое окно бесшумно распахнулось, и открылось бледное весеннее небо, с тонким серпом луны, окруженным звездами. Провеял ночной ветер. И с

ветром подлетела громадная птица с голубыми крыльями. Она села на окне.

Серебряная Свирель сказала:

«Мой миг наступил. Мне не позволено даже проститься с моими девочками. Их сохранит Бог. Но мучительное предчувствие овладело мною. Повторите вашу клятву, рыцари. Выньте мечи!»

Мечи сверкнули в бледном свете месяца, и рыцари на мечах подтвердили клятву.

Волшебница села на спину голубой птицы и вылетела из замка. Рыцари спустились по лестнице и выбежали, чтобы последний раз посмотреть на Серебряную Свирель. Их обогнали Звездоглазка и Жемчужная Головка. С плачем они упали в траву, на колени, и тянули руки к улетающей птице. А Серебряная Свирель грустно улыбалась девочкам. Скоро птица исчезла за еловым лесом.

Тогда рыцарь Голубой Луч взял за руку Звездоглазку и поднял с травы.

Он сказал:

«Волшебница Серебряная Свирель отдала вас нашему попечению, девочки! Мы будем с вами до ее возвращения. Постарайтесь же полюбить нас. А мы не дадим вас в обиду. Или я, или Черный Камень, кто-нибудь будет при вас неотлучно».

И они пошли в замок. Черный Камень предложил руку Жемчужной Головке, но она уклонилась и побежала к лесу. Черный Камень посмотрел ей вслед. Уже рассвело; звезды быстро таяли. Было холодно, и рыцарь дрожал под легким плащом.

Черный Камень свистнул и приказал, чтобы ему оседлали лошадей. Когда она была готова, он вскочил в стремена и помчался по направлению к лесу, сияя в лучах утреннего солнца.

III

Черный Камень с трудом гнал коня через непроходимые чащи векового леса. Иногда ветви, переплетаясь, загромождали путь. Рыцарь разрубал их одним взмахом меча. Иногда дорогу пересекал ручей, широко разлившийся во время таяния горного снега.

Наконец рыцарь выехал на открытую поляну. Под деревом он увидел Жемчужную Головку. Она спала, и слезы, как бриллианты,

сверкали на ее ресницах. Топот лошадиных копыт разбудил Жемчужную Головку. Она хотела бежать. Но Черный Камень крепко сжал ей руку и заставил сесть на траву.

Черный Камень сказал:

«Жемчужная Головка! Ты хорошо знаешь леса и воды, окружающие замок волшебницы. Расскажи мне, какие звери в них водятся, какие чудовища смущают покой вашей жизни. Я не люблю терять времени».

Жемчужная Головка быстро взглянула на него своими узкими глазками и ответила:

«Если ты хочешь, я сведу тебя к звериным пещерам. Я покажу тебе ущелье, где копошатся змеи. Я много стреляла их из моего маленького лука».

«А у тебя есть лук, Жемчужная Головка? Покажи мне его».

«Он хранится в дупле большого дуба, часа два ходьбы отсюда. Мне сделал его друг Звездоглазки Лесной Монашек».

Рыцарь и Жемчужная Головка пошли к дубу. Жемчужная Головка вынула из ствола маленький лук с золотыми загибами и вощенной тетивой. Меж толстыми корнями дуба разбросаны были медные стрелы, заржавленные и потусклые.

«Посмотри, рыцарь, – сказала Жемчужная Головка, – вот золотая стрела. Я ни разу не пускала ее. Она всегда хранится в дупле».

И Жемчужная Головка вынула тонкий золотой ствол с лучезарными перьями.

«Садись ко мне на лошадь, – сказал Черный Камень, – и поедем к зверям».

«Нет, – отвечала Жемчужная Головка, – ты не знаешь, как я скоро бегаю. Твоему коню не поспеть за мною».

И она побежала впереди, треща сучьями и быстро следуя по изгибам лесной тропинки. Рыцарь мчался за ней на коне.

К вечеру Черный Камень и Жемчужная Головка вернулись в замок. Тяжелые ножны рыцаря были окроплены запекшеюся кровью. Ладони исцарапаны. Жемчужная Головка бежала впереди, волоча окровавленный хвост неизвестного чудовища.

IV

Голубой Луч любил ходить на берег моря, в часы заката. Часто его сопровождала Звездоглазка. Они садились на углублениях береговой скалы и следили за белыми чайками, кружившими над поверхностью синего моря. Иногда на черте, отделявшей небо от моря, возникал серебряный парус и, просияв, таял бесследно.

Звездоглазка собирала прибрежные камни и раковины, сплетала из них ожерелья.

Рыцарь мало говорил. Звездоглазка видела, что он грустит, и, так как очень любила его, боялась тревожить разговорами. Голубой Луч снимал шлем, оставлявший красную полосу на его высоком, открытом лбе. Пристально смотрел он вдаль, и серые глаза его делались всё грустнее и грустнее. Когда море краснело и становилось похоже на окровавленную чешую в предсмертных судорогах быющего чудовища, Голубой Луч внезапно оживал. Он улыбался заре и шептал непонятные для Звездоглазки слова. Звездоглазка садилась у его ног, облачиваясь о его холодные, золотые колена, и безмолвно созерцала его лучистым темным взором. Но рыцарь не видел ее.

Когда заря была багряная, рыцарь оставался печален весь вечер. Он любил нежные, голубовато-розовые зори.

Раз была именно такая заря. Розовый дым таял над морем. У берега качалась легкая рыбацья лодка. Ветра не было. Иногда большая рыба с плеском выпрыгивала из воды и снова шлепалась в бездонную глубину.

Звездоглазка обняла колена рыцаря и сказала:

«Голубой Луч! Закат розовый сегодня, такой, как ты любишь. Мне кажется, что розовый сад цветет над морем. Отчего же ты грустен, рыцарь? Ты не улыбаешься, не шепчешь приветных слов заре. Какая печаль у тебя, рыцарь Голубой Луч?»

Рыцарь перевел глаза на Звездоглазку, но взор его блуждал далеко. Он провел рукой по ее рассыпчатым темным волосам.

Голубой Луч сказал:

«Я не могу поведать тебе моей кручины. Но если ты любишь меня и если тебе хочется, чтобы я был веселее, Расскажи мне всё,

что знаешь про острова, далеко лежащие в море. А мне позволь помолчать, Звездоглазка».

В это время набежал ветер, и лодка сильно закачалась; волна хлестнула за низкий борт.

Звездоглазка сказала:

«Море, которое перед нами, – пустынно. Но, если плыть не отдыхая три дня и три ночи, приплывешь к острову злой волшебницы. Ее зовут Алая Пантера. И остров называется островом Алой Пантеры. Но ты задрожал, рыцарь? Тебя тревожат мои слова? Ты знаешь что-нибудь о Алой Пантере?»

Но Голубой Луч не отвечал. Звездоглазка замолкла и печально смотрела на рыцаря. А он в невыразимой тоске сжал голову руками и устремил взор на море.

И бледные голубые тени весеннего вечера упали на печально-го рыцаря и замершую у его золотых ног девочку.

V

Наступило лето. По-прежнему рыцари с утра уходили на охоту. По вечерам Звездоглазка и Голубой Луч ходили на морской берег, а Жемчужная Головка и Черный Камень, по другую сторону леса, занимались рыбной ловлей. Рыцарь закидывал уду, а Жемчужная Головка рылась на морском берегу, доставая приманки для рыбы, червей и букашек.

Однажды солнце закатывалось всё розовое и дымное. Черный Камень нахмурил брови и подозвал к себе Жемчужную Головку.

Она подбежала, перепачканная песком и мокрыми травами.

Черный Камень сказал:

«Ты видишь, какая розовая заря сегодня. Я боюсь этих закатов».

Жемчужная Головка быстро и тревожно взглянула на рыцаря.

«Я боюсь за моего друга Голубого Луча, при этих закатах, – сказал Черный Камень. – В розовой заре ему всегда грезится улыбка волшебницы Алой Пантеры. Он любит волшебницу, как и я любил ее когда-то. Но я стряхнул с себя ее чары и не вернусь к ней. А Голубой Луч любит ее, забывает зло, какое она сделала для него и для его близких, сколько крови пролилось ради нее. Алая Пантера

питается кровью. Она обманывала меня и Голубого Луча, говоря, что она во власти дракона, что она – ангел, плененный дьяволом, что мы должны преступить все грани для ее спасения, что мы должны шагать через горы трупов и озера крови. Последний раз Алая Пантера сказала нам, что еще два убийства – и оковы ада спадут с нее, и она просияет, и станет не только красивая (о! она – очень красивая), но и добрая. Но для этого ей надо выпить два кубка. Один кубок золотого вина, а другой – красного вина. В оба кубка надо влить по капле крови из сердец двух чистых девочек. Выпив эти два кубка, Алая Пантера преобразится и полюбит небесной любовью своих избавителей. Но я не верю Алой Пантере. И Голубой Луч проклял ее, но раз она ему улыбнулась в розовой заре, и цепи волшебства вновь сковали его. Он говорит: “мы ступили слишком далеко, – возврата нет. Или идти вперед, или погибнуть”. Но я готов лучше погибнуть, чем вернуться во дворец волшебницы. Я задохался там. Меня леденили ее синие очи и жестокие ласки. Я знаю: она подвергнет меня мучительным истязаниям. Но я твердо стал на моем пути. Перекинь удочку, Жемчужная Головка!»

Жемчужная Головка сердито смотрела на рыцаря.

«Убейся к твоей волшебнице! – сказала она. – Я вижу, как ты любишь ее. Для тебя тоска – оставаться в нашем замке».

Черный Камень сказал:

«Ты ошибаешься, Жемчужная Головка. Если кто уедет из замка, то это Голубой Луч. Он страдает и дни и ночи. А оба мы не можем уехать: мы поклялись Серебряной Свирели, что один из нас бесценно будет находиться в замке. А я счастлив моей жизнью здесь. Мне ничего более не надо».

Так окончился разговор Черного Камня с Жемчужной Головкой.

VI

С первым лучом Звездоглазка пошла в лес. На полянке, под дубом, сидел Лесной Монашек, поджидая свою подругу. Он держал желтую плетеную корзину, полную красных ягод.

«Здравствуй, Звездоглазка, – сказал Лесной Монашек. – Что ты сегодня такая грустная?»

«У меня большое горе, – отвечала Звездоглазка, – и ты один можешь помочь мне. Скажи, Лесной Монашек, ты хорошо знаешь рыцаря Голубого Луча?»

«Да».

«Не можешь ты объяснить мне, почему он такой печальный последнее время?»

Лесной Монашек вздохнул и заволновался. Он предложил Звездоглазке отведать сладких ягод. Звездоглазка села на мшистой кочке, и друг рассказал ей подробно историю волшебницы Алой Пантеры и Голубого Луча.

Звездоглазка сказала:

«Я люблю рыцаря Голубого Луча. Мое сердце невинно. Пусть он возьмет его и каплю моей крови вошьет в кубок золотого вина. Пусть волшебница Алая Пантера выпьет этот кубок и освободится от власти дракона. Только тогда рыцарь Голубой Луч перестанет тосковать и получит счастье, заслужив небесную любовь волшебницы. А я не могу жить, зная, что Голубой Луч – несчастен».

Лесной Монашек грустно поник головой и сказал:

«Я знал святость твоего сердца, Звездоглазка. Мне без тебя трудно будет на свете, но, если ты хочешь отдать твое сердце рыцарю, я не стану мешать тебе. Я только целую мох, где ступала твоя ножка, и буду приходить сюда молиться и плакать, неизменно, до часа моей смерти».

А меж еловых ветвей была знойная просинь. Где-то, как серебряный колокольчик, журчал лесной ручей. Голоса разнообразных птиц сливались в один хор лесных звуков. Лесной Монашек смотрел последний раз в темнотные очи своей подружки.

VII

Черный Камень и Жемчужная Головка долго убеждали Звездоглазку изменить решение. Но она стояла на своем. Она говорила:

«Я чувствую, как цветет мое сердце. Оно – лепестковая чаша, кипящая багряным вином. Я люблю рыцаря Голубого Луча. Пусть он оборвет лепестки моего сердца и растворит мою кровь в золотом потире Алой Пантеры. Уколы его стрел для меня сладки».

Черный Камень говорил, что Алая Пантера – злая и обманывает. Жемчужная Головка проклонила Голубого Луча и хотела уку- сить его за руку. Звездоглазка утешала ее:

«С тобой остается Черный Камень. Он любит тебя больше всего на свете и никогда не уйдет из замка».

Но Жемчужная Головка дико взглянула и воскликнула:

«Ну тебя к бесу, Звездоглазка! Очень нужно Черному Камню оставаться в замке! Он любит мерзкую волшебницу, и, вероятно, убьет меня для нее. Но я не дамся. У меня есть золотой лук. Я сама убью его». И глаза Жемчужной Головки сверкнули по-звериному.

Настал вечер отъезда рыцаря Голубого Луча и Звездоглазки. Розовая заря смеялась за морем. Голубой Луч улыбался ей в ответ, и упорные морщины разглаживались на его лице. На зеленых зы- бях, отливавших вечерним пурпуром и золотом, качалась лодка. Рыцарь предложил Звездоглазке войти в нее, но Звездоглазка ска- зала:

«Убей меня здесь, чтобы я в последнее мгновение никого не видела, кроме тебя. Я боюсь волшебницы и не хотела бы умереть при ней. Убей меня из лука».

Голубой Луч сказал:

«Смерть твоя прекрасна. Не забудем же ничего. Пойди и на- рви лесных цветов. Сплети небольшой венок и охвати им твои рассыпчатые кудри. Твое сердце – цветок. Ты должна умереть вся осыпанная цветами».

И Звездоглазка набрала цветов, синих, красных и белых. Она оплела ими голову, и в руку взяла несколько стеблей, и стала на берегу.

Голубой Луч вошел в лодку и напряг тетиву лука.

«Мгновение подожди, – закричала Звездоглазка, – дай взгля- нуть на тебя и на небо! Передо мною только розовая заря и ты, лучезарно-сияющий. О, как я счастлива!»

Тетива прозвенела, и железное острие вонзилось прямо в сер- дце Звездоглазке. Рыцарь подошел к убитой. Она была неподвиж- на. Одежда на груди промокла от густой крови, а застывшие паль- цы сжимали связку белых цветов. Рыцарь поцеловал ее в лоб, под- нял тело, забрызганное кровью и цветами, и положил в лодку – лицом к ясному вечернему небу.

Голубое весло взрезало слой жидкого золота. Лодка медленно отчалила. И морские чайки видели, как мчался к острову Алой Пантеры прекрасный рыцарь в золотых латах и голубых перьях, с мертвой девочкой на корме.

VIII

Настала осень. Леса запестрели оранжевыми и золотыми пятнами. Небо стало отдаленнее и прозрачнее.

Золотые листья металлическим шорохом шептали Черному Камню, что волшебница ждет его. Что одна только жертва, и совершится желанное освобождение, и Алая Пантера полюбит рыцарей небесной любовью. Что пока она по-прежнему злая, и Голубой Луч томится и чахнет в ее волшебном дворце. Что еще немного, и волшебница придет сама за Черным Камнем, и, если он откажется вернуться в ее дворец, отомстит ему страшную местью.

Но Черный Камень презрительно усмехался на угрозы Алой Пантеры и продолжал с раннего утра рыскать по лесным дебрям. На закате возвращался он, в крови и пыли.

Жемчужная Головка снимала с него латы и давала воды – смочить знойное и запыленное лицо. В пустой зале замка они проводили вечер. Рыцарь у камина потягивал вино из медного кубка. Жемчужная Головка, как кошка, свивалась у его ног, а он тихо гладил ее волосы и, смотря в камин, рассказывал ее дикие приключения прошедшего дня. Иногда он приносил ей в подарок огрызок хвоста неведомой гадины, или безобразный клюв, или подозрительное копыто.

Однажды они поздно засиделись у камина. Уголья потухали.

Черный Камень наклонился к Жемчужной Головке и тихо поцеловал ее в матовые губы. При этом ему казалось, что он взором проник до дна ее души.

Затем он рассказал ей, о чем шепчут осенние листья.

«Ты уйдешь?» – спросила Жемчужная Головка.

«Нет, – отвечал рыцарь, – я люблю одну тебя, и, если за измену волшебнице мне грозит смерть, я радостно встречу ее, только бы ты сияла мне перед смертью своими узкими глазками. Я никогда тебя не оставлю».

И последние уголья погасли. Холодный ветер стучал в окна. По крыше сеялся мелкий дождь. Пусто было в замке.

IX

Был золотой прощальный день. Всё золотело: и небо, и деревья, и земля, засыпавшая под червонным ковром истлевших листьев.

Черный Камень и Жемчужная Головка далеко зашли в лес. Оба они были такие грустные. Предчувствие чего-то злого тяготило их.

Жемчужная Головка вынула из дупла золотую стрелу и сказала:

«Я буду теперь всегда носить ее с собою. Я боюсь за тебя, твои враги – близко».

Жемчужная Головка никогда не бывала такая кроткая и покорная, как в этот день. Ее дикость исчезла. Она шла рядом с рыцарем. Так как рыцарь был очень высокого роста, Жемчужная Головка могла свободно прижаться щекой к его плечу.

От долгих осенних дождей ручей, через который лежал их путь, разлился, и вода была по колено рыцарю. Он взял на руки Жемчужную Головку и ступил в пенную воду. Дерево, свесившееся над потоком, отряхало сухие листья, и они, подобно каплям золота, падали в распущенные волосы Жемчужной Головки. Глубокий покой был в ее белом лице, с нежными матовыми губами.

К вечеру небо побледнело. Завыл холодный ветер с моря. Вершины елей со скрипом клонились по ветру. Оранжевые ветви беспомощно трепались в мутном, сером небе, сбрасывая последние блеклые листья.

Черный Камень приказал развести камин в главной зале и накрыл стол.

Угрюмый и бледный, он вышел к ужину. В это время небо немного прочистилось, и зыбкий луч скользнул по стене. Рыцарь предложил Жемчужной Головке посмотреть на зарю. Запахнувшись плащом, они вышли из замка.

Вдали послышался глухой гром. Черный Камень вздрогнул и быстро взглянул туда, где вилась дорога к морю. Всё небо было

разноцветное. В середине оно ровно краснело, отливая золотом. Справа было мертвенно зеленовато, как кожа тронутого тлением трупа. А над самым морем клубились розовые пары, тая в голубоватом дыме.

Жемчужная Головка в ужасе прижалась к рыцарю, а он, накрывая ее голову своим плащом, старался скрыть от нее страшный образ, засиявший над лесом. Из розового дыма вышла громадная женщина, с звериной шкурой на плечах. Ее несли широкие серебряные крылья. Она быстро подвигалась к замку.

«Жемчужная Головка! беги! – закричал рыцарь. – Это – волшебница Алая Пантера идет за мной. Спасайся, Жемчужная Головка!»

Но Жемчужная Головка стремительно бросилась вперед, поднимая над головой свой маленький лук.

Алая Пантера опустилась на землю и твердой поступью приближалась к Черному Камню.

Ее ланиты рдели как розы, а синие глаза ледяными иглами впивались в сердце рыцаря.

Жемчужная Головка пустила стрелу, целя прямо в лоб Алой Пантере, но под магическим взором волшебницы стрела прозвенела, перевернулась, полетела назад и вонзилась в сердце Жемчужной Головки.

Черный Камень стал перед трупом девочки и скрестил руки на груди.

«Что тебе надобно от меня, волшебница Алая Пантера?» – спросил он.

«Дай мне сердце той, которая лежит у твоих ног, и следуй за мною. Я зову тебя к счастью. Голубой Луч ждет тебя. Не медли, рыцарь Черный Камень!»

Черный Камень сказал:

«Ты не получишь ее сердца, и я не последую за тобою. Я проклиная тебя и твои чары».

И, взяв тело Жемчужной Головки, он вошел в замок. Над потухшими углями камина вился синий дымок. Вспыхивали багряные языки.

Но дверь распахнулась, и волшебница стала на пороге. Ее прекрасное лицо внезапно обуглилось и почернело. Она заговорила:

«Я не властна наказать тебя смертью. Но знай, что отныне ты присужден к вечному одиночеству. Я обвожу волшебную черту кругом замковых владений. Никто не переступит этой черты. Живи здесь с твоими зверями, скитаясь по дебрям, в поту, прахе, крови.

Будь вечно один с твоими думами и страстями. Проклинай час твоего рождения и моли небо о смерти. Вот тебе подарок от Алой Пантеры».

Черный Камень сказал:

«Я с радостью принимаю твой дар и не боюсь одиночества. Тот, кто раз любил, никогда не может быть одиноким. То, что я любил, всегда со мною, и ты не властна отнять у меня мое сокровище. Ты бессильна в твоей злобе и не понимаешь твоего бессилия. Ты никогда не любила, и не поймешь меня. Уйди же, злая, питающаяся кровью добрых, нечистая, питающаяся кровью чистых. Я выгоняю тебя из моего замка, и, если ты промедлишь, выпущу свору моих узкомордых и яростных псов».

Алая Пантера заскрежетала зубами и бросилась на рыцаря. Мгновенно руки ее покрылись шерстью, заострились когтями. Но тогда раздалось тихое пение из глубины темной залы. С каминных углей взвился последний дымок, и из него возник воздушный образ Серебряной Свирели. Она пела заклинательный гимн, и Алая Пантера, бессильно простонав, скрылась. Воздушный образ также исчез.

Черный Камень склонился на колени перед мертвой Жемчужной Головкой и приник к ее улыбчивым губам, прощаясь с единственной подругой.

Х

Наступили ненастья и холода. Черный Камень по-прежнему рыскал по лесам и горам и возвращался ночью в замок, забрызганный кровью и усталый. Он сам разводил огонь в камине и наполнял красным вином высокий медный кубок. Иногда до рассвета просиживал он, подбрасывая дерево в камин и касаясь губами металлических краев кубка. От красных углей змеился голубой дым и слагался в милые образы. Иногда Жемчужная Головка веяла где-то совсем близко; рыцарь закрывал глаза и чувствовал на

губах прикосновение ее теплых губ. Но – мгновение, – и она отлетала.

Несколько глубоких морщин означилось на челе рыцаря. Брови строго сдвинулись. Он никогда не улыбался. Окрестные дебри стонали от его неустанного меча, и, при одном звуке его шагов, самые злые чудовища мчались прятаться в свои пещеры.

Весною Черный Камень проводил вечера на берегу моря. Он ждал: вот просияет серебряный парус, и на легкой лодке причалит Голубой Луч, чтобы не разлучаться более с Черным Камнем и помогать ему в борьбе с чудовищами.

Дождался ли Черный Камень своего друга – неизвестно. Может быть, и до сих пор он бьет чудовищ и приветствует вечерние зори.

Стихотворец сложил рукопись и спрятал в карман бархатного халата. Он взглянул на часы и сказал: «Теперь пора спать!» Взял свой стакан и затворился в кабинете. Миша успокоился и перестал тосковать. Он взял в постель несколько фиников. Но перед сном Миша поплакал: он понял, что мама никогда более не вернется.

И опять они тихо зажили вдвоем: Миша и старый стихотворец.

1906

СКАЗКА О АПРЕЛЬСКОЙ РОЗЕ

М. А. Петровскому

Весна была ранняя. К половине апреля развернулись древесные листья, и сирень покрылась мелкими бутонами.

В Штатном переулке много садов. По вечерам крепко пахнет липами и тополями. Из камней пробиваются свежие кустики молодой травы. В некоторых дворах зеленеют темные лужайки.

Листья древесные – клейкие, желтовато-зеленые.

Миша весь день проводит в саду, и сам старый стихотворец выходит туда на закате. Для этого ему приходится менять свой халат на пиджачок. А то увидят соседние барышни: неловко.

Стихотворец аккуратно ходит взад и вперед по расчищенной дорожке. Иногда заговаривает с дворником. Впрочем, последнее время он больше молчит, и много пишет, затворясь в кабинете.

Раз Мише надо было достать молоток и гвозди. Он с мальчиком из чужого двора строил крепость. Сначала на постройку хватало старых ржавых гвоздей, которые они выдергивали из заборов. Но вот больше нет ржавых гвоздей, а крепость еще не готова. Миша знал, что в столе у старого стихотворца, в правом ящике, очень много гвоздей, и не ржавых, а светлых, крупных. И молоток есть.

Миша робко вошел в дверь. Стихотворец сидел у стола. На бумаги падали розовые отсветы заходившего солнца. Очки стихотворца лежали на бумаге. Средний ящик стола был выдвинут, и стихотворец разглядывал лежавшую в нем маленькую коробку.

«Чего тебе надо?» – строго спросил он у Миши.

Миша сказал, что ему нужны гвозди и молоток. Стихотворец полез за гвоздями и молотком, а Миша посмотрел на раскрытую маленькую коробку, которую разглядывал стихотворец.

В коробке лежали белые восковые цветы, с зелеными листиками.

Получив гвозди и молоток, Миша спросил:

«Старый стихотворец, что это за цветы? Почему они у тебя в столе?»

Старый стихотворец ответил:

«Эти цветы однажды были приколоты к моему жилету. Тогда я не был старым стихотворец. Тогда я был молодой стихотворец. Если теперь я вижу эти цветы, я роняю на них слезу. Коробочка с восковыми цветами будет на моей груди, когда я умру. Пусть говорят, что это сентиментальность!»

И у старого стихотворца сделалось обиженное лицо.

«На кого это он обиделся?» – подумал Миша.

На столе лежала чистая белая рукопись. На ней была сделана крупная надпись. Чернила еще не просохли.

Стихотворец взял рукопись и сказал Мише:

«Я написал новую сказку. Сегодня прочту ее тебе за вечерним чаем».

Миша обрадовался и побежал на двор строить крепость. Мальчик с чужого двора, увидев изобилие больших новых гвоздей, был очень рад. Он удивлялся, как это старый стихотворец не пожалел гвоздей.

Из открытого окна слышался звон чашек. Шипел самовар.

Миша простился до завтра с мальчиком из чужого двора, и побежал пить чай. Стихотворец ждал его с налитым стаканом и рукописью.

СКАЗКА

I

Дворец злой феи стоял в старом липовом саду. Кругом давно уже заросли тропинки, исчезли в траве дорожки. Везде росла трава, глубокая и зеленая.

В старом саду легко было заблудиться. Ноги вязли в цветах. Широкие луговины краснели и синели от цветов. Посреди луговины иногда возвышался зеленый дуб. Стенами стояли черные ели. В их глухом сумраке жужжали пчелы.

Злую фею звали Серая Суета. У нее были седые волосы, но морщин на лице не было. Она постоянно отлучалась из дворца к разным волшебникам и волшебницам. Тогда она рядилась в дорогие платья, убивала бабочек и накалывала их на платье в виде ук-

рашения. Она умела распространять вокруг себя душные пары, от которых у людей кружилась голова.

Единственным другом злой феи был угрюмый волшебник Чернодум. Он всегда молчал. Про его замок ходили дивные слухи. Рассказывали, что по ночам замок светится разноцветными огнями, что сам волшебник разъезжает по лесу на огненном коне. У коня этого железные толстые ноги. Он мчится со свистом, хрипом, грохотом. Из рта его дым валит клубом, а глаза светятся двумя громадными желтыми огнями. Где пробежит конь Чернодумов, там спалена трава, обожжены листья древесные. Дети поселян иногда во сне слышат крик коня Чернодумова – крик пронзительный, как мечом, разрезающий тишину ночи. Тогда дети просыпаются и плачут. Но вот всё затихло. Не шелохнут дубравы зеленые. Мирно светятся звезды серебряные. И все забывают про страшный крик коня Чернодумова.

В замке у волшебника часто задаются праздники. Злые волшебницы и волшебники слетаются на метлах, веселятся всю ночь. Тьма ходит слухов в народе про эти праздники. Рассказывают, что гостей забавляет там поющая труба. На все голоса кричит труба: как скрипка играет, и человеческим голосом говорит, и песни поет.

Думают, что в этой трубе гнездится нечистая сила.

Но особенно любит Чернодум зажигать огни разноцветные. Поделает что-то над стеклом, и всё оно засветится: зеленое, красное, голубое.

Иногда предлагают гостям тронуть медную шишку. Кто неопытен, тронет, и его ударит по всему телу, так что он едва на ногах устоит. Вот какие штуки выделявал злой волшебник Чернодум. По крайней мере, про него это рассказывали.

Каждый день волшебник приезжал к Серой Суете. Иногда разговаривал с ней из своего замка. Он становился у своей стены, она – у своей. Поговорят что-то в стену, и поняли друг друга.

А между дворцом Серой Суеты и замком Чернодума много полей, лесов, озер. И все-таки они разговаривали друг с другом, не выходя из своих жилищ. Серая Суета называла это «удобством». А некоторые говорили, что у нее есть хвостик под платьем, и что, когда приезжает Чернодум, ее платье всегда немного подымается и двигается. Это она виляет хвостом от радости.

Чернодум очень богат. У него много гор, лесов и рек. Его уважают все: поселяне, пастухи, водяные, лешие, русалки. Он обкладывает леса данью. Каждый год лесные жители поставляют ему известное количество шкур, дерева, меда и ягод. Деревяшка ему надо очень много: он постоянно жжет его и дымит на всю окрестность. Говорят, он кормит деревом своего коня, и тот столь прожорлив, что скоро не хватит всех окружающих лесов на его прокормление. За ним ходит множество народу. Кто год походит за ним, становится болен, худ и бледен. Кровь из людей высасывает конь Чернодумов.

У волшебницы Серой Суеты была единственная дочка. Звали ее Апрельская Роза. Ей было четырнадцать лет. Она проводила дни в играх с пастухами и пастушками. Много одна гуляла в глухом, запущенном саду своей матери. Редко она доходила до конца его. Но она хорошо помнила серый забор, окружавший сад. Развалившиеся бревна его поросли серым мохом. Чтобы добраться до забора, нужно пройти чащу тонких, белоствольных березок. Там, на лугу, крепко пахнут белые ночные фиалки.

Однажды, теплым июньским вечером, Апрельская Роза долго гуляла в саду. Иногда она ложилась в траву. Раскидывала нежные белые руки. Следила, как облака бегут по синему небу.

Вот Апрельская Роза заприметила кустик алой земляники. Она сорвала губами сладкую ягоду. Кузнечик ущипнул ее за ухо. Она улыбнулась, и далеко швырнула зеленого кузнечика, взяв двумя пальцами за жесткую спинку.

Потом встала Апрельская Роза и начала бродить по саду, топая белыми ногами стебли трав и цветов. Дальше и дальше забиралась она в глушь. Наконец, открылись перед нею серые бревна забора. Далеко раскинулись луга зеленые. За ними синели леса, и пышное багряное солнце уходило за деревья. Столбы насекомых чернели в воздухе. Пахло свежою травой. Сырело.

Апрельская Роза взобралась на забор, осторожно ступая, чтобы не оцарапать свои нежные ступни. Она была в пурпуре, отороченном золотом. Золотая цепочка свисала ей на грудь. Крутая русая коса падала за спину. Розовые ее губы были полураскрыты. Сквозь них сверкали жемчужные перлы. Большие изумрудные глаза пристально смотрели вдаль.

В поле запела свирель. Это пастух прогонял вечернее стадо. Пастух был голубоглазый мальчик.

С ним шла его старшая сестра, краснощекая девушка, погонявшая коров свежим ивовым прутом.

Пастуха звали Лазурный Хрусталь. Его сестру – Алая Ягодка.

Молодой пастух играл на свирели. Песня его была исполнена грусти и нежности. Это были серебряные пени робкой любви; это была дань красоте его возлюбленной. Что он мог дать ей – бедный пастух? Что, кроме связки лесных цветов и песен свирельных?

И туманный вечер исполнен был той же любви и грусти.

Лазурный Хрусталь заметил царевну, сидевшую в пурпурной одежде среди белоствольных березок, над лугом ночных фиалок. Он сказал сестре своей:

«Чья коса желтеет между листвою древесной? Должно быть, это русалка».

Алая Ягодка ответила:

«Нет, это не русалка, а царевна Апрельская Роза. Пойдем поклонимся ей».

Апрельская Роза давно знала и любила пастуха и пастушку. Она прыгнула с забора, засмеялась и побежала к ним по лугу. Роса благовонным серебром капала на ее ноги.

Смолкли песни Лазурного Хрусталя. Он смотрел, как весело обнимала царевна его сестру, как гладила она мохнатые морды коров, смеялась над прыжками овец.

Они втроем пошли за стадом. По дороге клубилась розовая пыль. Засыпая, шептались вершины деревьев. Возникали первые звездочки.

Медом веяло от лип зеленокудрых.

Дошли до деревни. Поселяне кланялись Апрельской Розе. Женщины вслух восхищались ее красотой.

С мычанием и блеянием звери загонялись во дворы. Алая Ягодка, поддернув платье, быстро бегала крепкими ногами и хлестала ивовым прутом по коровьим спинам, отряхая с него свежие, зеленые листья.

А брат ее рвал цветы из своего садика в дар царевне Апрельской Розе.

II

Тенистая березовая аллея вела к пруду. Издали сверкала синей зыбью поверхность пруда в просветах громадных черных елей, росших по берегам. Широкий был пруд, кое-где заросший осокой и тростниками. Он казался полною серебра чашей. И серебро отливало синевой и золотом.

В тростниках стояла старая голубая лодка. Над нею пролетали стрекозы. Плакучие ивы роняли ветви в воду.

Царевна Апрельская Роза любила встать рано и забраться в лодку; кругом – пустыня; солнце сияет в голубом небе; по ту сторону пруда вьется дымок над деревней.

Когда Апрельская Роза была еще совсем маленькой девочкой, она любила проводить часы в голубой лодке.

Раз, когда мать ее Серая Суета на целую ночь уехала в замок Чернодума, Апрельская Роза до утра пробыла на пруду. Иногда она засыпала, и качание лодки сладко баюкало ее. Туман стлался над прудом. Бледные звезды тускло светили.

Когда багряное ядро солнечное вышло из-за леса, Апрельская Роза раскрыла глаза. Она села на корму и опустила белые ножки в синий хрусталь воды, зыбко трепетавший и ластившийся к деревянным бокам лодки.

Между тростниками вода была гнилая и стоячая. В ней истлевали сорвавшиеся ветки, березовые семена, листья. На дне была густая тина, вязкая и липкая, кишевшая лягушиной икрой. Рыболовы избегали удить рыбу в этом месте. На крючок попадались здесь обыкновенно отвратительные существа: тритоны, мохнатые водяные крысы.

Говорят, что раз даже кто-то вытащил маленькое чудовище: у него был скорлупчатый заостренный хвост, серый пушок на голове и огненные глазки. Крючок глубоко вонзился ему в горло, и липкая алая кровь сочилась по черной скорлупе его тела. Рыболов двумя пальцами коснулся до хвоста, желая снять чудовище с крючка и тем положить конец его мучениям. Но скорлупчатый зверек мгновенно ужалил его концом своего хвоста, отчего рыболов вскоре заболел и умер. Плавать в этом месте пруда тоже было небезо-

пасно. Корни подводных растений цеплялись за ноги, обвивали их и затягивали пловца на дно.

В этом самом месте и стояла голубая лодка.

Туман свеялся. Апрельская Роза, раскрыв губы, дышала зарево-вой прохладой. Она посмотрела на воду. Ее испугало ее отражение. Неужели она такая бледная? неужели у нее так мало волос на голове осталось? Она ощупала свою русую, тяжелую косу. Нет, это кто-то неизвестный глядит на нее из воды. У него большая, почти лишенная волос голова, прозрачное, зеленоватое лицо. Но он не страшен Апрельской Розе. Вот он высунул голову из воды. Вот он улыбнулся и кивнул ей. И опять голова исчезла под водою.

Апрельская Роза с любопытством всматривается в глубину. Но там только ходят стада золотых рыбок. Зеленеют корни подводных трав и чернеет глубокая тина. Оттуда пахнет гнилью и затхлой сыростью.

Потом часто стала приходиться царевна в лодку, по утрам и вечерам, и ждала, не появится ли незнакомец. Долго его не было; но раз, когда сгорела вечерняя заря, он опять возник из тумана. Опять улыбнулся ей, грустно и нежно, и исчез.

Потом прошло много лет, а царевна Апрельская Роза всё помнила о незнакомце, и верила, что еще встретится с ним на заре.

III

Лето было богато розами. На заре сад был насыщен благово-нием. Розы круглились в изумрудной оправе листьев.

Молодой садовник, которого звали Золотой Меч, ходил за цветниками. Он взрыхлял землю заступом, обрезал побеги, поливал цветочные кусты. А пастушка Алая Ягодка выпалывала сорные травы своими сильными белыми пальцами.

Кроме роз в цветниках росли лилии. У них были высокие стебли – зеленые колонны. На стеблях зыблились серебряные чаши, с продолговатыми лепестками, нежными, как персты семнадцатилетней девушки.

Каждый вечер садовник Золотой Меч рвал розы и лилии. Он связывал их пучком и отдавал владельнице роскошных цветни-

ков – царевне Апрельской Розе. В благодарность она позволяла садовнику принимать участие в играх, которые она устраивала вместе с друзьями своими пастухами и подругами своими пастушками.

Игры эти происходили ввечеру, под навесом древних елей. Пастух Лазурный Хрусталь приходил со своей свирелью, и юноши плясали, обняв девушек, под свирельные напевы.

Садовник Золотой Меч приходил позже, кончив свои садовые работы. Он тихо шел, опустив голову и держа в пальцах связку роз и лилий.

Царевна с улыбкою принимала дар садовника, а Алая Ягодка вплетала розы и лилии в ее густую русую косу. Так что царевна продолжала игру вся покрытая цветами. Она казалась благоуханным цветком. Розовели лепестковые уста ее. Изумрудами сияли выпуклые, медленно вращавшиеся очи. А желтизна волос ее была вся выткана серебром лилий и багрянцем роз. Сверху одежда ее была пурпурная, внизу – зеленая. Так что грудь ее красным цветом расцветала из золотистой зелени листьев. Ее лодыжки, ее ладони сверкали ценными жемчужинами.

Дремали розы в липовом саду.

Пастухи и пастушки расходились. Над елями вставал золотой месяц. Апрельская Роза одна оставалась в березовой аллее. Розы и лилии осыпались в волосах ее; розовым и серебряным дождем они струились на траву.

Тогда приходил к ней садовник Золотой Меч и рассказывал сказки про Бога и ангелов. Он говорил Апрельской Розе, что она – самое прекрасное из творений, что всё небо с его ангелами радуется ее красоте, что она – гимн земли к небу, что в ней все травы, все цветы, все листья слили свое благоухание. Что в очах ее смеется зыбь морская, что в устах ее пламенеет заря утренняя, что в волосах ее желтеют колосья злачные.

Он говорил, что она должна быть свята как лилия; что она не может любить никого кроме Бога, ибо всякое движение ее, всякое дыхание, всякое слово – молитва.

Апрельская Роза смутно слышала слова Золотого Меча. Что-то родное звучало ей в речах его, но облак мутный стоял между ними. От запаха ночных фиалок дрема повивала ее. Она силилась

слушать и понимать, но голова ее тяжелела. Она не могла разогнать сонного тумана, и с двойственной улыбкой пожимала руку Золотого Меча. А когда она уходила, он целовал траву, тронутую ее ступнями. Он видел, что трава эта расцвела нетленными цветами и дышала нетленным ароматом.

IV

Фея Серая Суета читала наставление Апрельской Розе, посадив ее перед собою в одной из комнат дворца. Она говорила:

«Ты не должна забывать, что ты – дочь царицы фей. Тебе не следует дружить с какими-то пастухами и пастушками. Я требую прекращения этих неприличных игр и песен. Я не хочу, чтобы ты, как дикий зверок, бегала весь день по лесам и лугам. Вынь из косы эти жалкие цветы, которые тебе подарил садовник Золотой Меч. Он не смеет с тобою разговаривать! Если это еще раз повторится, я выгоню его».

Она подошла и сама вынула розы и лилии из волос царевны. Она бросила их за окошко. Она продолжала говорить:

«Вместо диких цветов я дам тебе достойные твоего звания украшения. Их прислал для тебя мой друг Чернодум. Эти вещи так прекрасны, что ты их не стоишь и не оценишь достойным образом. Всё же ты должна убрать ими свою голову, когда поедешь на вечер в замок Чернодума».

Тут Серая Суета вынула из ящика убор из маленьких стеклянных лампочек. Все они светились разными огнями.

Серая Суета продолжала говорить:

«Ты более не будешь ходить с непокрытой головой. Ты должна обернуть вокруг головы твою длинную косу».

Тут она вынула от ящика головную покрывку. Вся покрывка была утыкана иглами, а посреди находился птичий труп.

Серая Суета продолжала говорить:

«Как тебе не стыдно ходить босой! Ведь это уродство! Твои ноги должны быть гораздо меньше и сжаты в пальцах. Вот тебе два рака. Пусть они клещами сжимают твои ноги, чтобы они стали более узки. Надо заботиться о своей красоте».

В эту минуту в углу что-то пронзительно зазвенело и задрезало. Серая Суета воскликнула:

«Ах! какое удобство!»

И побежала в угол.

Волшебник Черnodум давал знать Серой Суете, что в этот вечер у него будет большой пир.

Он приглашал фею, вместе с дочерью Апрельской Розой.

Серая Суета отвечала, что благодарит и будет в назначенный час. Опять в углу зазвенело и задрезало, а фея Серая Суета вернулась к дочери.

Нарядив ее, она сказала:

«Ну, ступай! Вечером мы поедем в замок Черnodума».

Печально шла Апрельская Роза в роще. Ей казалось, что деревья пугаются ее головного убора, что при виде ее птицы испуганно смолкают. Иглы кололи ей голову, в висках стучало. Она едва могла ступать, так больно сжимали раки ее ногу. Скоро слезы выступили ей на глаза. Она чувствовала, что стала чужая деревьям, цветам и птицам. Никто не узнавал ее.

V

Когда стемнело, фея Серая Суета вышла с дочерью из ворот. Они пешком прошли до леса.

На опушке дожидался их конь Черnodумов. Он гремел, свистел, извергал клубы дыма с искрами.

Серая Суета и Апрельская Роза сели на спину коня. Он помчался через леса, изогнув в небе огненный хвост свой. Если хвост задевал за деревья, они мгновенно чернели, обугливались; листья свертывались и падали. Беда была жителям лесным: зайцам, волкам, лисицам.

Железные ноги коня одним махом рассекали их тела, крошили на мелкие части.

Попался на пути человек. Он бросился в сторону, но было поздно: через мгновение ничего от него не осталось, кроме кровавых ключев, далеко разбросанных по лесу.

Апрельская Роза дрожала от страха и жалости. А Серая Суета поправляла ее одежду и говорила:

«Что за удобство иметь такого коня!»

Огненный конь засвистел и остановился перед замком Чернодума. Сам хозяин на крыльце встретил гостей.

Апрельская Роза поразилась впалостью его груди. Казалось, под одеждой у него – не тело, а дощечка. Черная мантия висела на нем как на вешалке.

В зале было много волшебников, волшебниц и всякой сволочи, жившей на их счет. Занимались плясками.

Ах! как больно было Апрельской Розе ступать ногою во время пляски. Раки не отлипали от нее.

Она села в уголку отдохнуть и стала рассматривать людей, бывших в зале. Ей показалось, что она находится на дне кладбища. Вот красивая девица. Но это – не девица, это – скелет, остов, украшенный розами. Были свежие красавицы, только что умершие. Еще ланиты их не успели побледнеть, но зрачки остановились. Были лица, подернутые первой синевой. Некоторые тщательно нарумянились, но синева проступала сквозь румяна.

Кто-то наклонился к ней. Она очнулась. Чернодум приглашал ее проплясать с ним.

Она безвольно встала и подала ему руку. Его лицо с черными, таракаными усами близко было к ее лицу. Из рта его пахло падалью. Он цепко обнял Апрельскую Розу узловатой рукой. Кругом плясали пары: готовые развалиться трупы беспомощно цеплялись друг за друга. Уста смыкались поцелуями. Запах гниения смешивался с запахом ночных фиалок.

Апрельская Роза перестала чувствовать боль в ногах. Ей легко плясалось; будто кто-то двигал ее ногами. Она перестала понимать, наяву она или во сне.

Когда пропели первые петухи, Чернодум проводил Серую Суету с дочерью до ворот своего замка. Они сели на огненного коня и доехали до опушки леса. Оттуда они пошли пешком. Серая Суета бранила Апрельскую Розу за то, что она мало разговаривала с Чернодумом.

VI

Оставшись одна в своей комнате, Апрельская Роза растворила окно. Заря занималась. В саду стояла белая мгла.

На луговине, перед окном, садовник Золотой Меч вскапывал цветник. При каждом ударе заступа отделялся большой пласт черной, жирной земли, набитой корнями растений. Садовник перерубал пласт и разрыхлял землю, выбрасывая корни.

Увидев царевну в окне, садовник бросил заступ и сказал:

«Привет тебе, царевна Апрельская Роза! Как рано проснулась ты сегодня. Обычно в этот час я одиноко работаю, и никто кроме птиц не видит меня. Но что за страшный убор у тебя на голове? Зачем ты спрятала свою косу?»

Царевна со стоном заломила белые руки.

«Ах! если б ты знал, где была я эту ночь! Я вся больна! Мне кажется, что тело мое отлипает от костей, как растопленная смола. Меня жжет этот волшебный убор, мои ноги до крови изжалеены. Ах! и никто не знает, как я несчастна!»

Так говорила Апрельская Роза.

Золотой Меч сорвал высокую лилию, надрезав ее у самого корня. Подойдя к окну, он подал цветок царевне и сказал:

«Серебряная чаша лили полна хрустальной росы. Выпей росу, и тебе станет по-прежнему легко. Наваждение развеется».

Царевна взяла двумя пальцами упругий зеленый ствол с полуразвернутыми лепестками.

Она поднесла к губам серебряные лепестки лилии. Ее изумрудные слезы упали в хрусталь росы утренней.

Безвольно отбросила она лилию.

Искры зари ударили по оконным стеклам. Туман свеялся. Птицы громче запели.

Царевна Апрельская Роза поспешно затворила окно и прошептала:

«Уходи, Золотой Меч. Никогда не дари мне цветов. Мне запрещено говорить с тобою».

VII

В замке волшебника Чернодума готовились к торжественному празднику. Владелец замка вступал в брак с царевной Апрельской Розой. Многие завидовали счастливой царевне: она будет владеть всеми полями и лесами, окружающими замок. Ей будет принадлежать огненный конь и разные другие чудеса, которыми полны подвалы волшебникова замка.

Волшебники и волшебницы съезжались поздравлять фею Серую Суету и ее дочь. Апрельская Роза цвета красотой и весельем. Чернодум ежедневно приезжал к ней и обвораживал волшебными речами и ласками. Он научил ее говорить с ним через стену, и каждый день в углу что-то звенело и дребезжало.

Чернодум казался влюбленным и нежным. По вечерам, когда приезжала его невеста, он устраивал в саду занятные зрелища. Взвивались огненные змеи; прыгали пламенные жабы.

Так весело прошел месяц. Приближался день свадьбы. Накануне ее Серая Суета задавала пир в своем дворце. Зала полна была гостями. Кипело вино; шумели буйные речи. Чернодум сидел рядом с невестой. Она безмолвно повиновалась каждому его движению, каждому слову: он наливал ей вина, и она пила; он накладывал ей яств, и она ела.

Окно было раскрыто. Из сада пахло розами и липовым цветом. Облака вдали розовели.

После пира все разошлись по залам, и царевна Апрельская Роза, уклонившись от предложения жениха, который звал ее пройти по саду, одна ускользнула из дворца. Бегом добежала она до пруда. Там раздавались веселые песни. Пастухи и пастушки, сплетая венки из березовых листьев и желтых купальниц, плясали под широковетвистой липой.

Голубая лодка была полна золотой и серебряной рыбой. Скользкие хвосты ударялись о дно.

Рыбаки выгружали добычу и радовались хорошему улову. От тростников стлался туман.

Апрельская Роза грустно улыбалась своим старым друзьям, а они не знали, как говорить с ней: ведь она теперь почти жена волшебника Чернодума.

Подошли пастух Лазурный Хрусталь и сестра его Алая Ягодка. Ноги пастуха были засучены выше колена и вымазаны тиной. Он только что вынул из тростников плетеную вершу.

Алая Ягодка перекладывала рыбу из верши в большой глиняный сосуд. Златочешуйчатые тельца скользили между ее белыми пальцами. Прядь каштановых волос, растрепавшись, падала ей на лоб. Влажные щеки густо краснели.

Когда лодка была опорожнена, Лазурный Хрусталь предложил царевне проехаться в лодке.

На дне лодки трепыхались маленькие забытые рыбы. Скамьи были перепачканы илом и осокой.

Но Апрельская Роза радостно вошла в лодку. Родной запах воды врачевал ее сердце. Как радостно стало ей, когда Лазурный Хрусталь оттолкнул лодку веслом от берега, и голубой туман окружил их!

Алая Ягодка правила рулем. Путь извивался между тростниками и осокой.

Когда лодка была на середине пруда, Лазурный Хрусталь вынул свирель и заиграл. Апрельская Роза попросила Алую Ягодку уступить ей руль. Она направила лодку к плакучей иве, в залив, окруженный тростниками. Здесь она сказала пастуху и пастушке:

«Сойдите на берег и оставьте меня на ночь в лодке. Так надо. Прощайте. Я вас всегда любила. Не забывайте меня».

Лазурный Хрусталь и Алая Ягодка ушли. В еловой чаще замерли звуки свирели.

VIII

Царевна робко глянула в воду. Там была безмолвная черная тайна. Пахло илом и перегнившей листвой.

Заря пламенела золотым пурпуром. Голубой туман стлался в тростниках.

Апрельская Роза почувствовала, как она глубоко устала. Пора возвращаться во дворец. Вероятно, ее хватились, ищут, скоро прибегут сюда. Она вспомнила запах падали из мертвых уст ее жениха; вспомнила его огни, грохоты, железа; а с завтрашнего дня она

останется одна с ним в его волшебном замке, где подвалы полны огненных змей и пламенных жаб.

От воды веяло прохладой и лаской. Струи чуть слышно шептали царевне милый, давно забытый призыв.

Апрельская Роза почувствовала, что она не вернется во дворец. Она безумно боялась Чернодума.

Вся полна тоски и томления, царевна устремила глаза в туман. Там ясно возник с детства ведомый образ: ласковое, бледно-зеленое лицо в венке болотных лилий. Он манил ее, ускользя в туман, теряясь между тростниками.

Ах! какое это было отдохновение! как сладостно казалось царевне предаться влажным объятиям водяного знакомого и растаять вместе с туманом. Кануть. Ах! она так устала; никто не жалел ее.

Апрельская Роза очнулась. Заря давно потухла. Бледная звездочка возникла над плакучей ивой. Сильнее пахло водой и водяными цветами.

Апрельская Роза почувствовала сильную боль в голове. Виски ее были набиты раскаленным металлом. Кости ломило.

Она захотела покупаться при свете месяца, который только что встал заброшенным багряным рогом. Она расплела косу и разделась.

Апрельская Роза вспомнила страшные рассказы про водяных зверей, водившихся в этом месте пруда. Вспомнила про цепкость трав и корней, обвивающих ноги и затягивающих в топкое дно. Она поняла неизбежность того, что сейчас случится. Тоска и страх овладели ей. Она горько заплакала, одна, ночью, в пустой лодке.

«Зачем? зачем?» – прошептала Апрельская Роза.

Ответа не было. Тростники не шелохнулись.

Она робко ступила ногой в черную воду. Стала на дно. Ноги ее выше лодыжки погрузились в вязкую тину.

При свете месяца белели круглые кувшинки, лежавшие на влаге, широко раскрыв лепестки. Апрельская Роза поплыла к цветам. Кувшинки были прекрасны. Но когда царевна приблизилась к ним лицом, на нее пахнуло запахом смерти.

Везде встречала ее смерть, цеплялась за нее, затягивала.

Мгновение вспомнила царевна высокие потиры белых лилий – серебряные кадилницы, курившие чистый фимиам перед Богом. Еще хотела вспомнить что-то. Но душное облако оцепило ее. Ей захотелось покоя и безмолвия.

Она поплыла дальше. Месяц вышел из-за ветвей и подернул серебром воду.

В ушах царевны замирали грохоты огненного коня, мерзкие ласки Чернодума. Это безвозвратно минуло. Она спасена. О! как она счастлива.

Стебли подводных трав хватко оцепляли ее ноги, обвивались вокруг ее тела. Дышать ей стало тяжело. Она хотела ступить, но нога уходила в тину выше колена. Ее ступня давила скользких зверо-рей, вспрыгивавших со дна и садившихся ей на спину.

Тина с хлюпаньем всасывала ее глубже и глубже.

Апрельская Роза сделала усилие, и опять поплыла по поверхности. Но скоро она ослабела.

Опять попробовала ступить на дно, но кто-то так обжег ее, уколов ей пятку, что она, бессильно простонав, перестала грести и раскинула руки.

Знакомое лицо в венке белых кувшинок возникло совсем рядом. Он улыбался царевне, как старый друг.

Тишина и покой настали для царевны Апрельской Розы.

IX

Ночной пир шумел во дворце феи Серой Суеты. Звенели кубки, играло вино. Все веселились. Только волшебник Чернодум сидел молчаливый и мрачный. Он давно заметил отсутствие своей невесты и чуял, что ему готовится недоброе.

Незадолго до конца пира дверь растворилась и вошел садовник Золотой Меч. Он был одет по-дорожному. За плечами у него висела котомка на палке.

Поклонившись гостям, садовник сказал:

«Пастухи пришли с горестным для всех известием. Царевна Апрельская Роза, катаясь на лодке, попросила оставить ее одну между тростниками. Ее желание было исполнено и царевна оста-

лась в лодке. Через несколько часов рыбаки пришли к лодке и нашли лодку пустою. Пурпурная одежда царевны, сложенная, лежит на корме. Тростники кругом измяты и кувшинки оборваны».

Чернодум поднялся со своего места.

«Я знаю, кто виноват в гибели моей невесты, – грозно сказал он. – Скорее схватить садовника и, сковав, отправить в мой замок. Там я предам его пыткам и он расскажет всю правду».

Золотой Меч отвечал:

«Твоя обычная мудрость изменила тебе сегодня. Ты сам приблизил к себе час гибели твоей необузданной яростью. Или ты не узнал меня? Взгляни попристальнее».

Словно оводом ужаленный, крикнул Чернодум, Золотой Меч поднял высокую белую лилию.

Он сделал ею знак в воздухе.

Запахло дымом и серой. Лицо волшебника потемнело и свернулось. Он весь обуглился и распался горстью золы. Нестерпимое зловоние распространилось по залам дворца.

Фея Серая Суета не двигалась, пораженная всем происшедшим. Садовник обратился к ней:

«Я пришел проститься с тобою, Серая Суета! Спасибо тебе за добро и ласку. Я как мог работал в твоём саду, и оставляю тебе его в хорошем виде. Сам же я иду в дальний путь. Не ищи виновников и утрашись гибели твоего друга Чернодума. Постарайся искупить твой тяжкий грех и живи одна. Прощай».

И садовник Золотой Меч вышел из дворца.

Х

Прошла зима. Наступила весна. Синюю зыбью разлились снега. Раскололась ледяная броня, сковавшая пруд, и вода заблестела на солнце. Первые зеленые травы возникли из земли рядом с недотаявшими кучами потемневшего снега. Пели жаворонки и скворцы.

Розовым вечером путник с дорожной котомкой присел отдохнуть на берегу пруда. Солнце багряным ядром опускалось за ели. Из деревни доносились весенние песни девушек.

Туман стлался над тростниками. Дремали белые кувшинки.

Путник услышал, что в осоке что-то плеснуло. Желтые волосы засквозили меж зеленью тростника. Кто-то вздыхал и тихо плакал.

Пастух Лазурный Хрусталь вышел из-за елей со своей свирелью. Он узнал путника и сказал:

«Здравствуй, Золотой Меч!»

Вдвоем они сели на берегу. Золотой Меч спросил:

«Слышишь ли ты эти вздохи, сливающиеся с плесканием струй? Видишь ли желтую косу между побегами тростника?»

Лазурный Хрусталь отвечал:

«Вижу».

Весь вечер Золотой Меч и Лазурный Хрусталь прислушивались к вздохам и плачу Апрельской Розы. Они вспоминали то время, когда царевна – веселая девочка с длинной желтой косой – собирала ввечеру пастухов и пастушек для игр и плясок. Они вспоминали розы в липовом саду.

И наконец замолчали. Светла была ночь весенняя и много было в ней сладости и грусти. И тихо капали в сонную воду изумрудные слезы безвозвратно погибшей царевны Апрельской Розы.

Окончив чтение, старый стихотворец беспокойно взглянул на Мишу. Миша был взволнован, и даже побледнел. Старый стихотворец сказал:

«Для тебя вредны такие сказки. Следующий раз обещаю тебе сказку с хорошим концом. Впрочем, ведь и здесь конец нельзя назвать плохим. Вот если бы Апрельская Роза вышла замуж за Чернодума, тогда другое дело! А в пруду ей хорошо. Только иногда в весенний вечер вспоминает она прошлое, выплывает в тростники и плачет. Потом возвращается на дно, и ей там покойно. Будем радоваться, Миша, что злему волшебнику не удалось завладеть прекрасной царевной».

Немного помолчали.

Старый стихотворец продолжал:

«Люби, Миша, царевну Апрельскую Розу. Никогда не изменяй красоте, липовому саду и благовонным розам. Пусть тебя будут звать сентиментальным: ты оставайся всегда рыцарем Апрельской Розы».

1906

ЧЕРВОННЫЙ ПОТИР

В. В. Владимирову

Правитель Востока,
Из крови растущий посев христиан
Упорно, жестоко
Преследовал Цезарь Диоклетиан.
И шумом погони
Селенья полны
От крайних колоний
До желтого Тибра ленивой волны.

Богатые порты
Воздвиглись над морем, из груди камней.
Давно уж когорты
В Дунае купают вспененных коней.
Железных законов
Сомкнулись тиски.
Мечи легионов
Безмолвной пустыни вздымают пески.

Рабов, не жалея,
Казнит Императора строгий декрет.
Молчит Галилея,
Затерян в холмах небольшой Назарет.
Но строгие меры
Бессильны пресечь
Таинственной веры
В гробах и пещерах окрепшую речь.

I

Идя с легионом,
Солдат на дороге от прочих отстал.
Под лавром зеленым
Веселый источник шумел и блистал.

Сквозь мрак кипариса –
Огонь синевы.
Кумир Диониса
Белел, выделяясь из темной листвы.

С дороги усталый,
Марцелл растянулся на влажной траве
И паллиум алый
Свернул, чтобы выше лежать голове.
Шелом белоперый
Скатился, стуча.
Смыкаются взоры
Под пенье воды и под ласку луча.

Недолго дремота
Вливала забвенью струей ключевой.
Неведомый кто-то
Прошел, шелестя опаленной травой.
И девушка в белом,
Как лебедь волны,
Движеньем несмелым
Раздвинула зелень лавровой стены.

Прохладные росы
Сверкали на нежной, округлой ступне,
Как жемчуг; и косы,
Тяжелые, падали вниз по спине.
Лиэя подругой
Казалась она.
Вздымался упругой,
Могучею грудью покров изо льна.

Осанка богини,
Царицы Пафоса и розовых рощ.
Прозрачны и сини
Горячие очи. И нега, и мощь

В походке стыдливой
Невинных невест.
В руке – из оливы
Елееухающий, сладостный крест.

С восторженным всплеском
Молитвенных рук наклонилась она.
Со смехом и блеском,
Лучей золотисто-пурпурных волна
Омыла ей плечи,
Разлившись вокруг.
Воздеты, как свечи,
Серебряно-звонкие лилии рук.

Архангелом белым
Безвестная девушка с желтой косой
Пред юным Марцеллом
Цвела, как весеннее утро, красой.
Он смотрит, не дышит,
Раскрывши уста.
И явственно слышит
Прерывистый шепот и имя Христа.

С вниманием жадным
Из чаши он внемлет молящейся ей.
В венке виноградном,
Задумчиво смотрит на деву Лиэй.
Ручей напевает.
Безмолвье окрест.
И дева лобзает
Губами горячими, влажными – крест.

С зеленого дерна
Она поднялась, преклонившись ниц;
Стыдливо, покорно
Пошла, и златистые иглы ресниц

Упали на влагу
Синеющих глаз.
От каждого шагу
Клонилась, как клонится зреющий клас.

В лесу опустелом
Божественных лилий кипел аромат.
Сиянием белым
Лучилась лазурь над лугами дриад.
И столб благовоний
Развеялся там,
Где, в белом хитоне,
Безвестный, склонялся к девичьим устам.

Мечтаний, раздумий,
Доселе неведомых, юноша полн,
Забывшись при шуме
В тени кипариса синеющих волн.
Смыкаются вежды,
И, как наяву,
Белеют одежды,
Виссонной волной наклоня траву.

Жестокие муки
Растут, и восторг переходит за край.
Желанные руки
Его заключают в пылающий рай,
И губы слитые
Теряют слова.
Ресницы золотые
Сверкают, и теплится глаз синева.

Надеждою сладкой
Обманут, со стоном проснулся Марцелл.
Всё с той же загадкой
Менад предводитель из листьев глядел.

Тяжелые кисти
Свисали с чела,
И солнца лучистой
Улыбка веселого бога была.

Венок изумруден
Роскошные кудри обильно венчал;
В безмолвье полуден
Высоко божественный Гелиос мчал
Сияющих коней
Меж выпретенных сфер.
В чалу благовоний
Покоились фавны и нимфы пещер,

Не зрелось ни тучи,
Ни облака в небе, лазурно-густом.
Под говор трескучий
Цикад, очарованы властью истом
И люди, и твари,
И лес, и цветы.
Но в терем к Варваре
Не могут проникнуть земные мечты.

Под знойною крышей,
В своем одиноком покое она,
Невинного тише
Младенца, на кресле сидит у окна,
В излюбленном круге:
Три нежных красы,
Три юных подруги
С ней делят девичьих досугов часы.

Умело на пальцы
Рука белоснежная девы легла;
Проворные пальцы
Продернули нитку, и блещет игла.

Выводит узоры –
Рисунок простой,
Чтоб нежила взоры
Гирлянда из роз на парче золотой.

И очи лазурны
Таинственно теплятся кротким огнем.
Медвяно-пурпурны,
Уста молодые и ночью, и днем
Единое слово
Хотят произнестъ:
То – имя Христово,
О Боге воскресшем блаженная весть.

В оконную раму
Белеют вершины – чертоги зимы.
И к дальнему храму
Волнистым извивом восходят холмы.
Синеют оливы
На горном ребре.
Далеко заливы
Лазурь отдают в голубом серебре.

И град белостенный
Сияет на дальней, небесной черте.
Весь вид неизменный
Привычен и радостен юной мечте.
Так тихо в светелке
Меж милых подруг!
Упавшей иголки
Порой раздается прерывистый звук.

Наперсток злаченный
Варвара надела на розовый перст.
Ремнем закрученной
Ноги лепесток белоснежный отверст.

И говор веселый,
И тихая речь.
Волною тяжелой
Малиновый бархат спускается с плеч.

II

К тихоулыбчивой, в терем серебрянокровельный, дщери
Старый пришел Диоскор, далеко именитый вельможа.
Дочкой единой была у отца Варвара. Младенцем
Мать завещала Варвару отцу, от тяжелой болезни
В возрасте раннем скончавшись. И старый вельможа
Дочку хранил, как жемчужину ценную. Старости бремя
Тихая ласка прекрасной Варвары ему облегчала.
Он за ее воспитаньем следил, и почтенных приставил
Учителей к подрастающей девушке. Песни Гомера –
Чтение ее постоянное. В древней отеческой вере
Твердо Варвара воспитана под наблюдением отчим.
С девами знатными вместе, к соседнему храму Дианы
Путь совершала она, почитая усердно богиню.
И кипарисными, темными рощами, в раннее утро
Двигались девушек толпы, белеющих в легких хитонах.
Обручи цельного золота, все в самоцветных камнях,
Головы их окружали, сжимая блестящие кудри
Их, умащенные щедро восточной душистою мазью.
Поясом пышным подхвачены ткани одежд под грудями;
Ноги завязаны были ремнями. Повыше лодыжки
Пряжкой звонкой смыкались концы ароматных сандалий.
Плавно по свежей траве открытые ноги ступали,
Дождь отряхал серебряный с злаков и стеблей цветочных.
В храм дары приносили. Янтарно-смолистые зерна
Жгли пред идолом девы с обильным стрелами колчаном.
Красными искрами солнце ложилось на мраморы храма,
Портики, кровли, колонны в лучах сияли, как розы.
Близко ручей протекал, осеняемый зеленью ульмов;
Жрицы богини в нем омовенья свершали святые.
В роще окружной гнездились сладкоголосые птицы,

И соловьев не смолкали рыдания. По влажному лугу
Цвел серебристый наркисс с кроваво-рдеющим сердцем –
Юноши юношам многим и девам любезного память.
(Нежный! рано поблек, утомив вожделение нимфы.)
Старцу навстречу привстала Варвара, и нежные губы
К блеклым прижала губам. Навстречу хозяина девы
Встали, работу сложив и скромно потупивши взоры.
После приветствия первого старец рукой тяжковесной
Голову дочери начал трепать, и, с улыбкой, такую
Речь повел: «Дорогая, милая дочь! утешенье
Старости бедной моей и моя единая радость!
Горько и мне, и тебе при мысли, что будет расстаться
Должно когда-нибудь нам; но наступит наверно разлука!
Весен семнадцать тебе. Давно уже ты – не ребенок:
Женской красой расцвела, и созрела для брачного ложа.
Время подумать о том, чтобы мужа приметить по нраву,
Внуков цветущих отцу-старика подарить, чтоб пред смертью
Милого мог я младенца ласкать ослабшей рукою.
Многие юноши знатные звать соучастницей ложа
Алчно ищут тебя, и недавно Цезаря родич
Сватов ко мне засылал, и дары предлагал дорогие:
Много тканей роскошных, металлов и камней восточных.
Браком гнушаться таким не советую, дочь дорогая!
Дай согласие твое, и веселого праздника скоро
Шум раздастся в чертогах. И, косы убравши цветами,
С пением гимна вечернего перед звездой золотою,
Факелы яркие, маслом шипящие, к небу поднявши,
Девы-подруги тебя в жениховскую опочивальню
Тихо введут, да изведешь радости сладкого ложа!»

III

По небу розы Аврора бросала из полной кошницы;
Нежные их лепестки упали на сонные воды.
В роще прибрежной везде соловьев замирали рыдания,
Сеялись робко лучи, слои разрезая тумана.
Рыбами воды кипели. Улов ожидая обильный,

Бодрствовал целую ночь Марцелл, и вот, на рассвете,
Мирно лежавший дотоль поплавок очнулся и дрогнул.
Юноша зорко следил его движения. Снова
Дрогнул сильней поплавок, образуя водные круги.
Дергаясь, прыгая, весь исчезая мгновенье под влагой,
В сторону начал тянуть, напрягая вощеную лесу.
Быстрым движением дернул Марцелл уду, и плескаясь,
В мгле предрассветной сверкая, серебристое гибкое тельце,
В воздухе ярко блеснув, о песчаный ударилось берег.
Бьет хвостом о песок, открывая порывисто жабры,
Влаги жадно ища и смыкая мутные глазки;
К красному рыблю перу прилипают песчаные зерна.
Ловко вынул Марцелл крючок, вонзившийся в губы,
Пальцы забрызгавши темной, холодною рыбьею кровью.
В глиняный полый сосуд, зачерпнув сначала до края,
Он добычу пустил, и, хвостом ударяясь о стенки,
Быстро заплавала рыба. Потом одну за другую
Рыбу выдергивал он, и время быстро бежало.
День уже полновластно блистал, и последние ключья
Утренней мглы убегали от трав, увлажненных щедро.
Там над водой голубой звездами пурпурными розы
Сладко сияли, а там темнело копьё кипариса.
В чаще кустарников лежа, Марцелл горящего зора
С точки одной не сводил: с прыгучей, вертящейся пробки.
Шорох и звуки шагов его возбудили вниманье;
Он оглянулся и видит: с густозаросшего склона
Сходит старец согбенный, опёршись на лавровый посох.
Ноги – босые и темные; сам препоясан веревкой;
Черная грубая ткань закрывает слабое тело.
Стал неподвижно старик, и взором полуослепшим
В даль лучезарную начал смотреть, туда, где золотое
Солнца ядро огневело над черной листвою кипарисов.
Сквозь соловьиною песню и ропот немолкнувшей влаги
Ясно расслушал Марцелл слова неизвестного старца.
К солнцу весь устремившись, в траву поставив колени,
Старец стал нараспев говорить такую молитву:

Свет показавшему,
Слава Тебе.
Внемли воззвавшему
Тебя в мольбе!

Тебя, вкусившего
Язвы гвоздей.
Отца молившего
За тех людей!

Молю, доколе не
Погаснет речь,
Тебя, чьих голеней
Не тронул меч!

Из кости ребренной –
Вода и кровь.
Ручей серебряный...
Иисус! Любовь!

Где муски брачные,
Нард, киннамон?
Как тени мрачные –
Покровы жен.

Скорбью ужалены,
Струят алой.
Се: вход, заваленный
Тяжкой скалой.

Но Бога встретили,
Вновь плоть жива.
О, не на третий ли
День торжества?

Ныне и присно я
– В Христе, с Христом.

Сень кипарисная
Мне – храм и дом.

Кончил старик, и из смежной, в тени почивающей рощи
Девушка, розовой Эос подобная, ясная, вышла.
Белый хитон обвивал хорошо сложенное тело;
Был меж пальцев ноги ремень продернут блестящий.
Стала она перед старцем, и он молитвенно руки
На плечи ей положил, в небеса глаза устремляя.
Тихо беседу они вели недолгое время.
Малый крест деревянный к ее губам приложил он;
К влаге спустился с холма и трижды священное древо
В вод синеву погрузил. С движеньями, полными неги,
Дева к нему подошла, и он иссохшей рукою
Косы ее развязал, и они до колен опустились.
Легким движеньем Варвара назад откинула пряди
И, наклонившись низко, сандалий ремни развязала.
Бросила их на песок. Потом золоченую пряжку,
Ей хитон на груди замыкавшую, вынула; плавно
Белая ткань соскользнула, открывши плечи и руки.
Только рубашка из белого льна закрывала ей тело.
Вплоть до колен доходила она. И упругие груди
Ткань поднимали при каждом ее дыханье. А ноги
Были серебряны. Чашей цветочной казалось колено.
Старец застыл неподвижно, со взором, поднятым в небо.
Весь горел он в молитве, Варвару не видя, не слыша.
С плеч рубашку спустив, с молитвою тихой Варвара
В воду вступила, и страстными, нежными вздохами струи
К телу прильнули ее, обнимая, лаская, целуя.
Вплоть до персей вода доходила. Кипящая пена
К снежной коже прилипла, журча, разбегаясь и тая.
Стоя в купели речной, со взором, полным молитвы,
Лилией белой, с кудрями златыми, сияла Варвара,
Лилией белой, омытой в синем речном водоеме.
Руки над нею скрестил молитвенно старец, вещая:

К Христову веселию,
Дева, теки!
Тебе купелию –
Лоно реки.

Пред вечерью брачную
В купель вступи.
Струей прозрачною
Тело кропи.

Светлей, чем золото,
Жди жениха.
Плоть не уколота
Жалом греха.

Росою синею
Тебя мочу.
В Христову скинию
Ввести хочу.

Красуйся, нежная,
Чиста от скверн.
Плоть белоснежную
Изыязвит терн.

Ждет мука жгучая –
Сердце готовь:
Вино кипучее –
Алая кровь.

Где тот единственный,
Чей меч сверкнет?
Сосуд таинственный
Кто разомкнет?

Кто с властью жреческой
Пронзит в мольбе?

Не человеческий
Жених тебе.

О непорочная!
Кто меч занес?
Радость бессрочная –
Иисус Христос.

Зной палил беспощадно. Уж не было старца. Под солнцем
Влажное тело сушила Варвара, и гребнем злаченым
Мокрые пряди чесала. Заплетши тяжелые косы,
Их венцом на главе положила, и к зеркалу влаги
Лик наклонила, и руки к ней протянула, и кто-то,
К ней из воды устремившийся и протянувший объятия,
Так был нежно прекрасен, что долго синего взора
Дева отвести не могла от воды, и вдруг улыбнулась.
Так с небесным своим женихом сочеталась Варвара.

IV

Варвару связали:
И ноги, и руки – в железном кольце.
В торжественном зале
Она появилась с испугом в лице.
Бледнее, бескровней
Варвара, что миг.
Над дымной жаровней
Охотницы девы возносится лик.

Смолистые зерна
Солдаты Варваре кладут на ладонь,
Но дева упорно
Глядит на язвительный, красный огонь.
Черты осиянны,
Сомкнуты уста.
Пред ликом Дианы
Не жжет фимиама невеста Христа.

Правитель суровый
Велит с непокорной одежды совлечь.
Златые покровы
Скользят тихошелестно с груди и плеч.
Спаستись от позора
Она не вольна.
Рукой Диоскора
Снимается пеплум из белого льна.

В боязни стыдливой
Она ощущает свою красоту.
И взор похотливый
Солдаты вонзают в ее наготу.
Подобная розе,
Потупила взгляд.
И слаще амврозий
Пурпурных и влажных сосцов аромат.

До нежного тела
Правитель солдатам коснуться велит.
И воины смело
Варвару простерли вдоль каменных плит.
Орудия казни
Внесли палачи.
Молясь, без боязни,
Варвара легла под воловьи бичи.

Недвижимо лежа,
Она предавалась ударам бича.
И нежная кожа
Растрескалась, красные капли соча.
И с яростным свистом
Впивается плеть.
Но нимбом лучистым
Сиянье вокруг кос начинается гореть.

И груди измяты
О каменный, кровью забрызганный пол.
Пьянят ароматы
Пред ликом богини дымящихся смол.
И тела изгибы
Трепещут в бреду,
Дрожанием рыбы,
Из влаги попавшей на ловчую уду.

Но смолкли удары.
Пред девою юноша воин предстал,
И взор его ярый
И дерзкой отвагой, и страстью блистал.
Стремится, несдержан,
Неистов, горяч,
И навзничь повержен
Занесший кровавую плетку палач.

«С возлюбленной вместе
Предайте меня истязанью бича!
Как милой невесте,
Пред общею смертью меня обруча.
О, дайте к ланите
Губами припасть!
Казните, распните:
Из крови сияет омытая страсть!

Земное величье,
И славу, и жизнь отдаю за любовь.
Пусть эта девичья,
По капле текущая красная кровь
Навеки нас свяжет,
И радостен, смел,
С улыбкою ляжет
Под острые, жгучие плети Марцелл.

Страдания того же
С ней рядом, как высшего счастья хочу.
На брачное ложе
Гряду, предавающий тело бичу.
И Бога Варвары
Пред Цезарем чту.
Скорей под удары,
Скорее кладите меня на плиту!»

И главный из судей
Марцелла с Варварой сковал на позор.
Он льнет к ее груди,
И взора касается алчущий взор.
Железным узлом он
Охвачен, горел.
Иссечен, изломан,
Солдатами вынут из пытки Марцелл.

Варвара ресницы
Смежила, в бессильное вновь забытье.
И в ткань плащаницы
Солдаты закутали тело ее.
Покров белоснежный
Кропит червленец.
В мечте безмятежной –
Жених непорочный и райский венец.

Повисли, как плети,
Бессильные ноги – увядший цветок.
Опять на рассвете
Начнется допрос, беспощадно жесток.
Как в темной гробнице,
Ей быть до утра
В холодной темнице:
А боль – неусыпна, и мука – остра.

Утром однажды святой отшельник отправился в город;
Пищею скудной ему запастись не мешало на время.
Новое скоро гоненье готовилось. Правда, не трудно
Было питаться в горах, в покупной не нуждаясь пище;
Рыбою воды обильны; нагорные чащи – маслиной.
Мяса животных отшельник давно не вкушал, умерщвляя
Грешную плоть и с Христовою плотью сораспинаясь.
Высохло всё, как пергамент, постами томимое тело.
Нижнего платья святой никогда не снимал, и в одежде
Спал неизменно, чтоб членов пагубной негой не холить.
Даже не мылся, волос не расчесывал. Ангельский образ,
Плотских страстей умерщвление было ему вожделенно.
В город теперь он явился, и робко по улицам шумным
Крался на рынок, бояся попасться преторианцам.
Маслом оливковым надо было ему раздобыться,
Пару сандалий купить, да малость рыбки соленой.
День был солнечный. Гнулись зеленые ветви, свисая
Всюду с заборов, кой-где краснели сочные гроздья.
С моря свежим веяло ветром и в небе лазурном
Снежное облако таяло, белым расплывшись барашком.
Статуи в портиках, в нишах, сияли мрамором белым;
На площадях, серебристые, весело били фонтаны,
В радужных брызгах. Внезапно, в улице узкой, отшельник
Был толпой увлечен и затерт. К процессии пышной
Волей-неволей пристал он. В главе ее ехал, на сером,
Мощном, шеей крутою трясушем коне, сановитый
Военачальник. За ним, кольцом окруженная тесным,
Шла нагая Варвара. Насмешки, крики, угрозы
Яростной черни ее окружали. Для горького срама
Судьи ее повелели вести по улицам людным.
Но, пред собою смотря и сомкнувши пурпурные губы,
Гордо ступала она, как богиня, рожденная пеной.
Рдели румянцем ланиты; в очах сияла молитва.
Всюду по белому телу зияли красные раны:
Так на синем снегу заходящего зимнего солнца

Красные отсветы рдеют, кругом белизну оттеняя.
Путь позорный бестрепетно чистая дева свершала.
Скрылась из вида процессия. Тихо и радостно плача,
Старец на землю упал, где ступали ноги Варвары.
«О голубица! – шептал он. – Гонителей дерзкая злоба,
Их поруганье бесстыдное твердость твою не сломили.
О, до конца претерпи! уже золотую корону
Два херувима несут, да твою главу увенчают!
Милое чадо мое! за что мне милость такая
Богом всевышним дарована! Я ли рукой недостойной
Плоть твою окрестил и невесту убрал Иисусу?»
Так говоря, наклонил он уста, чтобы след от кровавой
Раны поцеловать, и видит: всюду меж камней,
Там, где упали капли пречистые крови, возникли
Цветики алые. Долго молился ликующий старец.

VI

Окровавлен, ударами изъеден,
Марцелл без сна лежал на каменном полу.
Серпчатый месяц встал, и, бледен,
Чуть серебрил темничных сводов мглу.
От звезд тянулись трепетные нити;
Марцелл стонал, движенья их следя,
И раны – змей язвящих ядовитей –
Мешали сну, мучительно зудя.
Но замолчала боль. Минутное забвеньё
По членам разлилось, и, с пленных ног и рук
Железные неслышно спали звенья,
Сияньё белое забрезжило вокруг.
И – роза белая в златистом ореоле –
Предстала девушка, коснувшись до него.
Преобразилось всё: ни муки нет, ни боли:
Оковы косности стряхнуло вещество.
Прозрачные, серебряные ткани
Являли тела девственный цветок.
Но тело соткано казалось из сверканий,

И язвы алые струили крови ток.
Лилеи красные мгновенно расцветали,
Где капли падали на мрамор плит.
Все камни ценные в венце ее блистали:
Алмазы, жемчуг, яшма, хрисолит.
Марцелл припал к ступням, лучистым, млечным,
И пламень яростный, божественный прожег
Его насквозь мечом остроконечным,
И, бездыханный, он лежал у чистых ног.

Боль твоя и муки где же?
Где ударов борозды!
Ключевой струею свежей
Смыты знойные следы.

После муки вождеденна
Ласка чистая моя.
Плоть, как райский крин, – нетленна,
Вся – восторг и радость я.

Видишь, видишь язвы эти?
Просияли, расцвели.
В новой ризе, в белом свете,
Восхожу я от земли.

Для тебя спадет порфира.
Ты – изъязвлен, ты – избран.
Каплет сладостное миро
Из прозябших красных ран.

Ах! легки мои покровы.
Взор умершей не потуск.
Благовонен гроб кедровый,
Брачной сладью дышит муск.

Для желаний, для пыланий
Снова грудь зажег Христос.

Сблизим язвенные длани
В аромате рдяных роз.

VII

Их казни место – тихая дубрава.
Два воина прибили к двум стволам
Марцелла слева, а Варвару справа,

Одежды разделивши пополам.
Меж веток знойная лазурь синела
И ручейка, бегущего к скалам,

Хрустальная струя едва звенела,
Змеєю извиваясь меж корней
И брызгая на два висящих тела.

Поднявши плетъ из кожаных ремней,
Варваре в грудь язвительные жала
Вонзает воин. Древнего темней

Вина, хранимого на дне подвала,
Сочится кровь. Раздроблены в куски
Два полные амврозией фиала.

В железные, тяжелые тиски
Включает руки воин, дерзкий, грубый.
Глаза ее исполнены тоски,

Иссохшие полураскрыты губы.
«Довольно мук! Смерть! Смерть! иди! пора!»
Но в кровь, шипя, стальные входят зубы,

Дробя бедро, как чашу серебра.
И в забытыи она внимает слева
Предсмертный стон: «желанная! сестра!

Нам ложе брачное – страданий древо.
Сквозь муки новый чувствую восторг:
Я жив с тобой, таинственная дева!

Где скипетр твой, ненасытимый Орк?
Навеки мы сопряжены любовью.
Где тот, кто б нас разъединил, расторг

Союз любви, запечатленный кровью?
Пусть плоть твою разрушили, дробя;
Твой сладкий глас, подобный славословью,

Пускай затих! я чувствую тебя
Здесь, у груди, и, дерево лобзая,
Как брачной ночью, как жених любя,

Я гасну, плоть подруги осязая.
Над лесом воздух – перевозданно синь.
В него смотрю – в твои смотрю глаза я –

В безумный взор страдающих богинь,
Кровь, кровь, меня связавшая с Варварой,
Из рдяных ран ручьем последним хлынь!»

Охваченная сладостною чарой,
Ему внимала дева в забытьи,
И иссякал источник боли ярой.

Горячие и липкие ручьи
На цветики лазурные стекали,
Источника обагрив струи.

За темною дубравую сверкали,
Как золото, вечерние лучи.
И их сердца слабели, умолкали...

Два тела таяли, как две свечи.

VIII

Ты ли, ты ль, моя подруга?
Да, я взор твой узнаю.
В блеске солнечного круга
Вижу голову твою.

– Милый! стерты язвы пыток...
О, как смертный миг далек!
В серебристый, белый свиток
Ангел плоть мою облек.

– Как тебя, святая, трону?
Мне застыть в твоём снегу.
О палящую корону
Лик мой тленный обожгу.

– Милый! слушай! слушай! Разве
Дальний звон не слышишь ты?
Миро, миро – в каждой язве.
Раны – алые цветы.

– Блещут горние престолы,
Солнца падает игла,
И жужжат, жужжат как пчелы,
В вышине, колокола.

– В жемчугах и изумруде,
Вижу Божьего гонца.
Он несет на круглом блюде
Два небесные венца.

– Взвейся к небу, в терем брачный,
На крылах из серебра!
Вся лучистой, вся – прозрачной
Стала ты, моя сестра.

– Милый, мчимся телом слитным –
Две венчанные главы, –
Чтоб в восторге ненасытном
Взрезать пламя синева.

– Крылья в небо мы раскрыли;
Нас встречает горный клир:
Нимбов блеск, лучи воскрылий,
Голоса небесных лир.

– Нет! обет Христов не ложен!
Совершилось. Видишь, брат:
Там, из белых камней сложен,
Новый храм и новый град.

IX

В двух соседних могилах святые тела схоронили,
Вместе с главами, мечом усеченными. Свежую насыпь
Розовый куст осенил, и скоро ближний источник,
Путь русла отклонив, оросил надгробные травы.
Влага источника стала целебной, и часто больные
В ней приходили омыться, к святой воззвавши Варваре.
Каждую весну, когда небеса синевою горели,
Каждую весну, когда соловьи запевали в дубраве,
Старец плелся к могиле в своем одеянье убогом.
Бережно рвал он фиалки душистые с ближнего луга,
Свежий сплетая венок и его возлагая над прахом.
Целый день проводил он в слезах и молитве. Когда же
Над кипарисами облако плоскою, розовой лодкой
Тихо плыло в беспредельной лазури, и рдяное солнце
Падало в росы, и пахло влажной землею в дубраве,
Насыпь поцеловавши и окрестивши, в молитве
Деву святую Варвару он призывал и Марцелла,
Кровью крещенного. Тихо затем удалялся, чтоб снова
К гробу прийти по весне и венок возложить из фиалок.

ТРИ ДЕВЫ

Н. П. Киселеву

ПРОЛОГ

I

Последним, роковым ударом
Грозит грядущее. Близка
Заря тех дней, когда labagum
Поднимут римские войска.

Забыть алтарь. Иссиякла вера,
И нет доверия к богам.
На алтарях твоих, Венера,
Оскудевает фимиам.

На обещанном престоле,
Верша вселенские судьбы,
Сквернят священный Капитолий
Вчера наемные рабы.

Бушует войско. Пехотинцы
И всадники, окончив бой,
Добро разграбленных провинций
Открыто делят меж собой.

И планы будущего чертят,
И, обступив толпою трон,
По произволу в пальцах вертят
И скиптр, и золото корон.

Напевам муз закрылось сердце.
Певец лугов и деревень,
Угас Тибулл; в раю Проперций
Ласкает Кинфиеву тень.

Бунтов и войн грохочут бури,
Ожесточаются сердца.
Забвенья плющ повис в Тибуре
На гроб Веронского певца.

Над ним синее свод лазурный,
В сиянье вечном торжества;
И с сиротеющею урной
Печально шепчется листва.

Дряхлеет Рим. Усталость давит,
И седины его – белей.
Но старец ожил: шумно правит.
Тысячелетний юбилей.

Темнеет вечер. Город – ярок,
К веселью праздника готов.
Везде обвили своды арок
Гирлянды пестрые цветов.

В пурпурной, бархатной завесе,
С тяжелым золотом кистей,
Рабы несут в главе процессий
Носилки царственных гостей.

Алтарь увенчан, над которым
Встает курений синий столб.
Театры, цирки, храмы, форум
Полны кипящих, буйных толп.

И говор их разнообразный
Чреват предвестьем близких бед.
Ликуй же, Рим! Ликуй и праздной
Века блистательных побед.

II

По долине, осенним туманом увитой,
Погоняя коня, через холм, через ров,
Окруженный отборной, воинственной свитой,
Проезжает игэмон, по имени Пров.

Чуть поляна ущербной луной серебрима;
Там, где купол небесный с землею слился,
Над стенами и башнями черного Рима
Разноцветным сияньем полны небеса.

От веселого праздника мчится зачем он?
Добрый конь изнемог; в белой пене – узда.
Повелением Цезаря послан игэмон,
На разгром потаенного, злого гнезда.

Их приют сокрушится, по ветру развеян:
Истребится огнем, истребится ножом.
Уж довольно отверженный род Галилеян
Тишину государства смущал мятежом.

Конь бежит, погоняемый плеткой шелковой,
Чрез ручьи, по опавшим осенним кустам,
Бьет копытами пыль, и грохочет подковой,
Пролетая, как ветер, по чугунным мостам.

Конь вздыбился, и стал. «Отдохни, ты устал,
Пробираясь кремнистой тропой».
Молвил Пров, и коням, по песку и камням,
Дал идти и начать водопой.

Все, сошедши с коней, отдаленных огней
Любовались блестящим дождем.
«Здесь навалимте дров, и у жарких костров
До рассвета зари подождем».

И, прохладным дыханием ночи бодрим,
Утомленный поспешной ездой,
Пров смотрел с высоты на ликующий Рим,
Где взлетали звезда за звездой.

Свет уж сумерки гнал. Мир кругом начинал
От ночной просыпаться дремы;
И игемон узнал Авентин, Квиринал,
Проступавшие ясно из тьмы.

Далеко, за стеной кипарисов зубчатой,
Где над Тибром жемчужный склоняется грот,
Груды камней лежат, кирпичей, для начатой,
Но походами прерванной, стройки ворот.

И, пурпурным, рассветным лучом осиянна,
Отеня заросший кустарником склон,
Возвышается гордая арка Траяна,
И красуется мрамором белых колонн.

А за градом, кругом прихотливых извилин
Полноводного Тибра, за черным мостом,
Простирается дол, виноградом обилен,
Золотясь и краснея осенним листом.

И подумал игемон: «уж время, я тронусь,
Призывая в защиту богов и богинь».
Кипарисов надгробных чернеющий конус
Уходил в лучезарную, знойную синь.

На востоке заря разливалась пожаром,
В догоревших кострах чуть краснели дрова,
И ущелье клубилось предутренним паром,
И холодной росой серебрилась трава.

КНИГА ПЕРВАЯ

Малый стоял монастырь недалеко от города Рима,
Спрятан глубоко в саду, возвышаясь стенами над морем.
Келья везде окружала густая тенистая заросль,
Даже в полуденный зной разливавшая в окна прохладу.
Древнею ветхой стеной замыкались зеленые рощи;
Мохом стена поросла; в черепицах роилась плесень,
Цепким побегом плющи обвивались по мшистым карнизам.
Сыро было в саду, и пахло цветами и гнилью.
В темной глубокой траве плоды перезрелые тлели,
Фиги и персики; сорной травой зарастали тропинки.
К морю извилистый путь пролегал по глубоким пещерам,
Мглистым, обрывистым, врытым в бесплодных, желтых утесах.
Там по камням раскаленным чудовищный, лапчатый кактус
Стлал широкие, твердые, иглами колкие листья.
Скудный сочился ручей из отверстий жемчужного грота.
Берег тянулся морской, цветными камнями усыпан,
Множеством раковин дивных, медуз, кораллов, полипов,
Трупами гадов морских, попавших с рыбами в сети.
Море синело безбрежно, вскипая серебряной пеной,
И в беспредельность летела крыла распластавшая чайка.
Женский тот монастырь состоял под началом Софии,
Старицы праведной; несколько с ней добродетельных постниц
Там укрывалось, Христу угождая постом и молитвой.
Девы писали иконы, гимны играли на арфах,
Золотом ткали по шелку, и шили парчовые ризы.
В кельях ладаном пахло; горели желтые свечи.
В красном лампад хрустале густое янтарное масло
Теплилось ночью и днем, освещая ясные лики;
Из кипарисного дерева крест возвышался над ложем;
Веяло благостным миром в просторных девических кельях.
В третьей весне потерявши родителей, граждан богатых
Города Рима, игуменье старой Анастасия
Дочерью стала приемной, и выросла в вере Христовой.
Вот восемнадцатый раз свой круг совершили светила,
С дня как родилась прекрасная Римлянка Анастасия.

Тяжко было челу от бремени кос золотистых,
Влага очей изумрудных дышала желаньем и негой.
Губы, как два лепестка, розовели, налитые соком.
Розою нежная грудь круглилась под черной одеждой,
Тело ее облекавшей до ног – серебряных лилий.
Рано вставала она; с сестрами шла на молитву;
В полдень к общей трапёзе сходились сестры; немного
Темных оливок вкушала Анастасия; с елеем
Хлеба пшеничного. После, трапезу окончив, друг другу
Сестры давали потир деревянный, до самого края
Полный багряным вином, утоляющим жажду, и тело
Силою дивной крепящим. Затем по тенистому саду
Девы гуляли свободно, пока почивала София.
Часто, забравшись туда, где погуще мгlistые тени,
Косы расплетши, дремали, раскинувшись в заросли травной.
Солнце склонялось над морем; тогда в прохладные кельи
Сестры шли за работы свои приниматься. Порою
Вместе садились ткать на высокой каменной кровле,
Иль на площадке, откуда видно лазурное море.
Пели хвалы Иисусу, апостолам, Деве Марии.
Тихий звон созывал на молитву вечернюю. После
Краткой трапёзы, приняв от игуменьи благословенье,
Девы ко сну отходили, на ложа из жесткой соломы.
Спали кто по́ три, а кто по четыре в объемистой келье.
Две сестры обитали с прекрасною Анастасией.
Дочь рабыни восточной, кудрявая дева Фалоя,
С медным цветом лица и черным пламенем зора.
Губы краснели ее, как будто насыщены кровью.
Тайно любила она в фиалкотемные кудри
Пышные гроздя влетать и густые венки анемонов.
Часто к молитве была неприлежна. Меж тем как подруги
Дремлю по кельям, вдыхая прохладу божественной ночи,
Тихо Фалоя дойдет до дверей, и без верхней одежды
В сад благовонный скользнет, освещаемый полной луною.
Там срывает она виноградины с лоз отягченных,
Персика плод золотой, покрытый розовым пухом.
Плод подносит к устам, и кажется ей, что не персик

Трогает губы ее, а другие влажные губы
Отрока нежного льнут к ее устам воспаленным.
Лозы обнимет она, и опустит ресницы, и чувствует
Сладких ягод упругость, прижатых крепкою грудью.
Гроздь ее холодят, скользя по спине обнаженной.
Или в траву упадет ослабшим, пламенным телом,
Чьих-то объятий ища; но земля – холодна, безответна.
Вдруг, вскочивши, как зверь, побежит по тенистому саду,
Тунику сбросивши с плеч, и янтарно-смуглое тело
В страсти бесстыдно открыв для луны леденящих лобзаний.
Прыгает дико и стонет. Таков леопард разъяренный,
Если его уязвят не до смерти железной стрелой.
Гроздь роняя из синих волос и топчя их ногами,
Мчится Фалоя к пещерам, и воплями в каменных гротах
Будит ответное эхо; ступни о кактус колючий
Ранит, и сок виноградный, смешавшись с теплою кровью,
Капля за каплей, сочится на камни холодной пещеры.
Ветер влажный повеял в лицо Фалое, и в море
Прядает дева с разбега, и черную, сонную влагу
Мощными делит руками. Сначала цепкие ноги
Трогают гладкое дно и шевелят пальцами камни,
Скоро до дна не достать. Под ней бездонная бездна
И над ее головой бездонная звездная бездна.
Черные кудри Фалои, соленой насытившись влагой,
Жадно, как змеи, облипли шею, спину и плечи.
Дышит прерывисто грудь; лучи луны серебрятся
В черных звериных зрачках, увлажненных томною негой.
В царстве влаги свободной, как рыбе, привольно Фалое.
Третья в келье жила ясноокая дева Хрисилла.
Взор безмятежно бездумный казался фиалкой лучистой,
Бледной фиалкою северной; гладкие кудри, с отливом
Нежного золота, были похожи на связку колосьев.
Многим казалось: вокруг них ореол излучался воздушный.
Вечно молчала она и как будто душою внимала
Хорам духов бесплотных и райским сладостным лирам.
Грустная часто улыбка в устах сияла сомкнутых.
Мнилось, что эти уста хотят рассказать о блаженстве

Рая, о том, как мгновенны, ничтожны страдания земные.
Весь ее лик лучезарный казался чашей лилеи,
Зыблемой плавно на стебле высоком; и лоб белоснежный
Был ослепительно чист – скрижаль святого глагола.
В матовых, детских губах как бы приметно белела
Манна небесная – след невещественной ангельской пищи.
Если ходила она, то не шаг человеческий – шелест
Слышался веющих крыл херувимских и зыбких покровов.
Сядет под вечер Хрисилла на каменной кровле, к перилам
Низким прислонится, смотрит на рдяное тихое море.
Там на границе небес и воды серебряный парус
Реет в безбрежность; над ним кружится белая чайка.
Парус и чайка исчезли; растаял розовый облак.
Ветер свежий подул. Хрисилла, звучную арфу
Взявши, играет на ней Христу вечерние гимны;
Смотрит на дымное облако, где разливается пламя,
Залежи золота рдеют, края легко серебрятся,
Ползают черные змеи, свиваясь в серебряном блеске.
Там рисуется ей знакомый ласковый образ,
В терпком, терновом венце, забрызганном каплями крови.
Полны любви несказанной его глаза голубые,
Губы сухие раскрыты в молитве за мир. И в ладони
Черные гвозди, как жабы, ввелись, кругом червленея.
Кто-то копье протянул, с пропитанной оцетом губкой.
Юноша рядом стоит, золотыми сияя власами,
В красном плаще, и рукою держит согбенную мать.
Звуки арфы замолкли; Хрисилла смотри недвижно,
С кроткой улыбкой в губах, на которых тает молитва.
Кто-то обнял ее, и Хрисилла Анастасию,
Более прочих сестер любезную сердцу, узнала.
Нежно прижалась к ее голове и шептала: «ты видишь?
Видишь, Анастасия, там, на облаке рдяном?» –
«Вижу», – провеяло с уст подруги. – «Какие страдания
Могут тебя утратить, от него заставят отречься?» –
«О, ты знаешь, сестра, невозможны страдания такие!»
– «Сласти ль тебя соблазнят? Утехи брачного ложа?
Пытки: колеса, ножи, железные лапы, стругала,

Плоть терзая твою?» – «Ничто, ты знаешь, Хрисилла:
Мы уневестились обе Христу – Жениху» – «Для чего же
Негой желанья твои так часто подернуты очи?
Томно раскрыты уста? Сестра, ты молишься мало,
Дьявол тебя посещает». – «Бессильны пост и молитва». –
– «Жарче и чаще молись. Побеждай вожеления плоти,
Грешное тело терзай, бичуй, Христовому телу
Сораспинаясь». – И, крепко обнявши Анастасию,
Арфу другою рукой подняла Хрисилла, и звуки,
Память о рае блаженном будившие, нежно запели.
Розовый солнечный сад зацвёл далёко над морем.
Там, в прозрачном дыму золотые вставали колонны,
Синие дымы бежали с каминов, и храм многостолпный
Таял в багряных парах. И всё смешилось. Угасло.
Бледной лампадой луна всплыла над темной пучиной.
Плесенью пахло сырой из сада. Луна через листья
Сеяла матовый блеск. Деревя молчали без ветра.
«Где ты, Анастасия?» – раздался голос. Фалоя
Снизу кричала. – Поди перед сном прогуляться немного.
Завтра сбор винограда. Чуть свет подыматься велела
Мать игуменья». В сумрак древесный Анастасия
Робко взглянула. Как будто ночь сырые объятия
Ей простирала оттуда, дыша гнилыми плодами,
Цепко лаская ее тяжелыми ветками. В мраке,
Спрятаны сорной травой, резко белели черепья
Статуй разбитых. Когда игуменья старица Софья
Здесь монастырь учреждала, нашла в саду кипарисном
Мраморных много кумиров; тут были: и фавн козлоногий,
С легкой цевницей, и нимфы, белевшие девственным роєм;
Та уклонялася телом нагим от объятий сатира,
Та под свирель пастуха плясала на злачной поляне,
Та с белорунной козой играла, упавши под деревом.
Там Афродита белела со свитой божественных граций;
Падали тяжко на мрамор синие гроздьи. И с луком,
В легком плаще откидном, красую блистающий Делий
Мчался как ветер, гонясь за стыдливорумяною Дафной.
Тотчас велела игуменья мерзких богов изваянья

Все перебить и места, на которых стояли кумиры,
После молитв, окропит обильно святою водою.
Мохом теперь черепки зарастали, но всё же возможно
Было порой различить кусок божественной груди,
Пышных осколок кудрей, половину разбитой цевницы,
С мраморным пальцем и ногу, плющом перевитую гибким.
Анастасия хотела идти к синекудрой Фалое,
Но, улыбаясь, Хрисилла на плечи ей тонкие руки
Вдруг положила и тихо сказала: «адские бесы,
Жившие в статуях мраморных, пользуясь тишью и мраком,
Могут возникнуть теперь и навесь на тебя наважденье.
Много осталось от них черепьев: нечистая сила,
Верно, гнездится в осколках. Сберем их завтра поутру.
Выбросим в море. Тогда очистится сад монастырский,
И безопасно в нем будет ходить во всякое время».
Тут послышался звон, призывавший к вечерней трапезе.
В трапезной много толпилось сестер. В углу, пред лампадой
Стоя, игуменья тихо, вполголоса пела молитвы
Передтрапезные. Стол, накрыт белоснежною тканью,
Был от стены до стены. Вода в объемистой урне,
Для омовения рук, стояла у двери, и рядом,
Шитые шелком пурпурным, на длинном гвозде полотенца
Были повешены. Вкруг стола устланные лежа
Длинным рядом тянулись, на крепких ножках дубовых.
Были пред каждым прибором долбленные узкие чаши
Из кипариса, а также солонки с крупитчатой солью.
В медной корзине горой золотые навалены хлеба,
Укус – в хрустальном сосуде, с оливками плоские блюда.
Сквозь растворенные окна темнели далекие пальмы,
И серебрилось луной фиалковидное море.
Старица, кончив молитвы, приблизилась к главному ложу,
Хлеб, оливы, вино осенила знаменьем крестным.
Девы молча вкушали плоды, и, разбавив водою
Сок виноградный, к устам подносили долбленные чаши.
«Завтра, – так начала игуменья, – все на рассвете
Встанем, любезные дочери! и, помолившись, приступим
К жатве кистей виноградных. Серпы отточите заране,

Чтобы под их острями свободно падали ветки.
Гроздь в кучи сваливши, мы сложим в каменном гроте;
Будем из ягоды сладкой сок выжимать благовонный
И наполнять хорошо осмоленные, полые бочки.
На зиму нужно запас вина изготовить, чтоб было
Тело чем подкрепить и душу в тайне Христовой.
Лучший от Господа дар вино виноградное: сердце
Радостью полнит оно, и врачует во всякой болезни,
Если его принимать разумно, согласно природе.
(Только излишество вредно, к греху приводя неуклонно.)
Сам Господь Иисус Христос от лозы виноградной
Часто вкушал, и другим вино вкушать заповедал,
В образ его положив своей божественной крови,
Наших ради грехов пролиянной на древе крестном».
«Мать! – воскликнула тут чернокудрая дева Фалоя: –
Если Господь освятил лозу виноградную, что же
Ты пеняешь, когда убираю я черные косы
Листом зеленым лозы и обильными соком кистями?»
Ей отвечала София, взглянув исподлобья: «Бесстыдной,
Верно, ты родилась и до смерти пребудешь, Фалоя!
На смех старухе такие слова ты сказала! Хрисиллу,
Милую дочку, спроси, коль впрямь тебе непонятно,
В чем упрекаю тебя, когда в стенах монастырских,
Сея соблазн меж сестер, наподобие пьяной менады,
Жрицы бесовской, ты рядишь цветами и зеленью косы.
Место ли здесь наряжаться и холить грешное тело?
Душу свою облакай одеждой нетленной веры,
Подвигов добрых цветами укрась. А меж тем, в наказанье
Дерзости новой твоей, я пост обычный усилю:
Только единожды в день приступить позволяю к трапезе».
Так говорила София. Меж тем кончалась трапеза.
После прощальных молитв на сон грядущим, София
Стала прощаться с сестрами, давая всем целованье,
И, на костыль опираясь, к своей направилась келье.
Встали Фалоя тогда, розоустая Анастасия
И доброзрачная дева Хрисилла. Аллеею темной
К кельям тесовым пошли, в глубину кипарисного сада.

Комната дев озарялась одною неяркой лампадой,
Свет разливавшей на лик Пречистой Девы Марии.
Став на колена пред образом, долго молилась Хрисилла;
Луч лампы дробился в ее фиалковых взорах.
Камень четок сжимали прозрачные, тонкие пальцы.
Эти четки София дала Хрисилле в подарок,
В день как исполнилось ей пятнадцать лет. На шелковой
Нити нанизаны были различной формы камня,
Крупные, малые, круглые, продолговатые; цвета
Разного все: краснели морские кораллы, а рядом
Были янтарь, изумруд и много светлых жемчужин.
Ценные камни Хрисилла, молитву шепча за молитвой,
Двигала. Пламя лампы меж тем приметно бледнело
И умалялось; потом, с шипением легким, угасло.
Синий дымок взвился с фитиля и растаял. Хрисилла
Встала с колен и пошла к устланному ложу. Нагнувшись,
Из-под постели достала ларь деревянный, тяжелый,
Весь полированный, сверху окованный яркою медью.
Ящик был обведен кругом искусной резьбою:
Вкруг обвивались древесные ветви, гирлянды и змеи,
Резаны в дереве черном. На крышке, медью обитой,
Выведен хитрый рисунок: под сенью ветвистого дуба
Стадо лежало ягнят; сыновья Иакова в разных
Позах стояли: кто на пастуший опершился посох,
Срезанный в чаще недавно, еще местами зеленый;
Кто прислонившись к стволу густолистного дуба; кто руку
В белое агнца руно погрузив; кто могучие руки
Важно скрестив на груди, кто глаза потупивши долу;
Кругом обстали они прекрасного отрока; бедный,
Плакал он горько, глаза закрывая нежной ладонью.
Вплоть до колен доходила одежда расшитая; пряжкой
На обнаженном плече скреплялась она золотою.
Тут же, вокруг двугорбых верблюдов, измаильтяне,
В пышных одеждах, толпились. Один со спины у верблюда
Снял драгоценную кладь – набитый товарами ящик,
Вынул мешочек шелковый и сыпал жадной рукою
Денег кружки золотые в пригоршню старшему брату.

А в отдалении горы сияли; кудрявились купы
Пальм низкорослых, и небо синело кусками эмали.
Этот прекрасный рисунок, от времени сильно пожухший,
Лаком вновь навела розоустая Анастасия,
И прозрачными красками дивно везде расцветила.
Выставив ларь из-под ложа, Хрисилла медную крышку
Приподняла, и, нагнувшись, подперла ее головою.
Вынула сверху лежавшие, золотом тканые ризы,
И высокий сосуд подняла, с засмоленной пробкой.
Шуйцею дно охвативши, стала ногами на лавку,
И, из светильни фитиль свободно правой рукою
Выправив, свет заняла от свечи из янтарного воска;
Вынула пробку, сосуд наклонила, и осторожно
В чашу лампадную стала струю елея густую,
Капля за каплей, вливать, стараясь не переполнить
Емкость сосуда. Огонь засиял; и оливковым маслом
В келье запахло. Хрисилла, вложивши бережно пробку
В устья сосуда, назад отняла и в ларец положила.
Ризами снова накрыла, и, медною крышкой замкнувши,
Вдвинула тяжкий ларец под свое устланное ложе.
Анастасия меж тем корыто из крепкого бука
Чистой водой наполняла, чтоб в нем совершать омовенье.
К ложу поставила, села, и, ноги спустивши с постели,
Кожаный стала ремень разматывать, вплоть до колена
Ей доходивший, к ступне прикреплявший подошву. Фалоя,
Косы пред сном расплетая, в кусок полированной меди
Долго, прилежно гляделась. Фиал с граненою пробкой,
В поясе спрятанный, вынула, и, подошедши к корыту,
Несколько капель душистых влила, и, сбросив сандали,
Ноги свои полоскать принялась, задевая игриво
Ноги Анастасии и брызгая на пол дубовый.
«А не на шутку сегодня игуменья мать рассердилась.
Знает сама, что права я. Сознаться не хочет и злится». –
«Будет, Фалоя! За дело, за дело тебе наказание:
Стыд потеряла ты всякий». – «Послушай, Анастасия!
Матушка любит тебя, ни в чем тебе не откажет.
Ты испроси у нее для меня прощение. Шутка:

Голодом хочет старуха меня уморить». – «И за дело!» –
«Ну, по глазам твоим вижу, что ты замолвишь словечко
Ей за меня». – «И я попрошу, – сказала Хрисилла. –
Спи, и не бойся, Фалоя. У матушки доброе сердце.
Только тебя испугать она хотела, трапезы
Сладкой лишая». И тихо на ложе склонилась Хрисилла,
Тканью накрылась серебристой, и ясные очи смежила,
Завесы длинных ресниц опустив на бледные щеки.

КНИГА ВТОРАЯ

Девы шумели по саду, блеща голубыми серпами.
Здесь и там из ливы виноградной и гроздьев багряных
Смех серебристый звенел и вились умашенные косы.
Те золотою короной сквозили меж веток зеленых,
Те обвивали стволы и побеги свободным извивом.
Белые пальцы одной держали ягоды грозда,
Острым другая серпом отягченную ветвь подрезала.
Дó края были наполнены ягодой сладкой корзины,
И от груд винограда ломились дубовые скамьи.
Всюду звенели серпы, и сочились теплые капли.
Можно бы было сказать, что розы, с подземного корня
Вдруг оторвавшись, войну объявили соседственным лозам.
Тщетно лоза обвивает стебель цветочный. Шипами
Вся изъязвленная, никнет, роняя мутные слезы.
Так серпоносные девы кололи гибкие сучья,
Бремя тяжелых кистей стряхая и брызгая соком,
Треск ходил по всему сырому, темному саду.
Скудный луч, проникая во мрак сквозь древесную заросль,
Гроздья слегка золотил и играл на румяной ланите,
Синие очи слепил, в золотые просеясь ресницы.
Знойная просинь пылала в просветах ветвей кипарисных.
В зелени черной плодов золотые и красные слитки
Грузно висели. В траве, меж корнями поросшей, глубокой,
Легкий точка аромат, цвели лесные фиалки,
Синие слезы дриад, обитающих в дуплах древесных.

Полную гроздьев корзину держа на плече, по тропинке
Шла чернокудрая дева Фалоя. Спустилася на лоб
Прядь непослушных волос, отливающих гляncем лиловым.
Были раскрыты зрачки широко, и под мутною влагой
Блеском горели сухим, утомленные страстною негой.
Влажноянтарной рукой она держала корзину.
Медленно шла, чтобы ягод не высыпать. Черной одежды
Подняты были края, и ноги ее до колена
Были крепким ремнем охвачены. Икры тугие
Вздулись меж цепких ремней, отягченные пленом сандалий.
В грот вступила она. Там, на полу деревянном,
Были навалены копны зеленых и исчерна-красных
Ягод. В досках на полу просверлены частые дыры
Были, чтоб сок протекал в под землю стоящие бочки.
Снявши корзину с плеча и ее опрокинув, Фалоя
В колокол стала звонить, на сучке, у входа висевший.
Девы с корзинами полными к ней устремились толпами.
Тяжко дыша и со лба утирая соленые капли,
Ягоды все из корзин высыпали в общую кучу,
Плотно отверстие забив и пол до края усыпав.
«Все ли в сборе?» – «Не все». – «Кого не хватает?» – «Кариста?»
– «Здесь». – «Статира?» – «Пошла за водою на берег залива,
Для омовения ног!» – «А где же Анастасия?»
– «Нет и Хрисиллы?» – «Фалоя, куда девались подруги?»
Говор такой раздавался под сводом жемчужного грота.
В это время в дверях показалась Анастасия,
В золоте кос благовонных запутался лист изумрудный,
Сор от древесной коры и несколько ягод. Высокий,
Гроздьями полный кувшин, с изукрашенной медною ручкой
Держит на круглом плече розоустая Анастасия;
Томно вращает она шары изумрудные ока,
Девственных губ лепестки не скрывают жемчужные перлы.
В желоб долбленный меж тем наливали прохладную воду,
Ноги омыть перед пляской на гроздьях. Тотчас сандалии,
Пряжкой медной звеня, полетели с ног разрешенных.
В угол их навалив, одежды поддернувши, девы
Стали ступни полоскать в корыте из крепкого бука;

За руки дружно взялись, и, в тени сверкая ногами
Белоколенными, прямо вступили в глубь винограда.
Ноги их потонули в высоко наваленных гроздьях;
Быстро намокла одежда, поднятая выше колена.
Тут одна из сестер воскликнула: «Так невозможно!
Платья мы вымочим все, разорвем ветвями туники.
Скинемте лучше одежды! Тогда свободней, быстрее
Будут движения наши, и ткани останутся целы».
Ей сказала в ответ розоустая Анастасия:
«Грех нагими при солнце плясать. Золотыми устами
Нас зацелует оно, коли мы наготу обнаружим».
Тут прервали ее: «Не дело, Анастасия,
Ты говоришь. Не похвалит нас игуменья верно,
Если мы явимся к ней в раздранных, мокрых хитонах».
Все согласились и им покорилась Анастасия.
Девы сложили у входа верхние черные ризы.
Легкие белые ткани одни завязали у бедер,
Сбросили вовсе другие, а третьи, как полотенцем,
Чресла свои препоясали. Солнца стыдясь золотого,
Анастасия узлом над коленом скрепила тунику.
В глубь виноградной горы, рассыпая сладкие брызги,
Кинулись девы и начали шумновеселую пляску.
Сучья трещали, ягоды лопались. Мутной струею
Скоро закапали гроздья, сочась в отверстия пола.
В синебагряных волнах ныряли неистово девы,
Ветер по гроту ходил; кружились ткани и кудри.
Часто до пояса девы в шипящие, пенные копны
Вдруг погружались, и вновь возникали в серебряной пене,
Текшей по бедрам, ногам, проникавшей под нежные ногти,
Сучья царапали их, раздражали касаньями кожу.
Воздух от винных паров помутнел. В углублении грота,
Точно чудовищный зверь, чернея, лежали одежды.
Анастасия в тунике, промокшей от пота и ягод,
В изнеможенье плясала. Круги всплывали во взорах.
Крепко обнявши ее, кружилась нагая Фалоя,
Липла к медным ступням кожура раздавленных ягод.
Солнце высоко стояло над морем. Расплавленной медью

Зыбкие волны струились. Расколотых статуй черепья
Тлели с гнилыми плодами, поросшие плесенью склизкой.
Временем этим Хрисилла готовилась к празднику в келье.
В ступе кирпич истолокши, скребла им медную утварь,
Грудюю на пол свалив подсвечники формы различной,
Вывинтив гвозди из них, по частям составным разложивши.
Также кадильницы медные терла намоченной тряпкой,
И кирпичным песком блеск на них наводила.
Вот подсвечник один засиял лучезарною медью,
Вновь его по частям собрала в порядке Хрисилла.
Стройным, высоким стволом воздвигся подсвечник, и только
Выпуклым медным брюшком иногда закруглялся. Подножье
Было на львиных основано лапах. Вверху же подсвечник
Чашей лилеи кончался. В узкие медные устья
Дева Хрисилла свечу из белого вставила воска,
Толстую, золотом вокруг перевитую, с необоженным,
Белым, мохнатым вверху фитилем. Листом виноградным
Ствол восковой завернула Хрисилла снизу, чтоб в устьях
Медных стояла свеча, не колеблясь. Потом, из-под ложа
Выдвинув ларь и поднявши тяжелую медную крышку,
Ящик вынула малый. Смолистые желтые зерна
В ящичке том заключались. Хрисилла, подбросив в кадило
Черных углей, его на гвоздь повесила. Ладан
Горстью сложила, и вновь ларец задвинула медный.
В келью одна из сестер меж тем вошла со словами:
«Мать игуменья просит тебя на высокую кровлю;
Там беседу она ведет со священником нашим,
В полдень пришедшим из гор, для свершенья
предпраздничной службы».
Так говорила сестра. Приказу игуменьи Софьи
Не неохотно послушалась дева Хрисилла. Но тотчас,
Бросив работы свои, пошла по тенистому саду,
К дому игуменьи. Там, над навесами штор полотняных,
С медным крестом на груди, на плоской возвышенной кровле,
Древняя днями София сидела на устланном ложе.
Против нее, опершись на дорожный посох руками,
Старец согбенный сидел, в коричневой, ветхой одежде.

Жидкие волосы старца струились серебряным током;
Впалы были ланиты; лазурные ясные очи
Были полны тишины, и любви, и таинственной думы.
Старец святой Поликарп обитал в горах по соседству.
Келья ютилась его в бесплодных, диких утесах,
Очень высоко над морем. Неверные, узкие тропы
Над пропастями вились. Порою цепкий кустарник,
В трещину въевшись корнями, лепился на круче отвесной.
Там, в сообществе птиц и ланей забеглых, спасался
Много уж лет Поликарп, удалясь из мятежного Рима.
Он питался плодами, кореньями. Старица Софья
Чтила святого отшельника, и в монастырь приглашала
Для совершения служб и божественных таинств. Любили
Сестры отца Поликарпа, подолгу охотно внимая
Мудрым его поученьям о тайнах веры Христовой.
Важные вести принес сегодня отшельник. Упорно
Слухи идут по округе, что новое скоро гоненье
Цезарь воздвигнет, что едет проконсул со строгим декретом
Общины все христиан разогнать и в пытках кровавых
Вынудить старцев святых и дев отречься о веры.
Злая ходила молва о проконсуле Прове: жестоким
Зверем он слыл, неспособным к жалости кроткой. К тому же
Мерзостно был похотлив и бесчестил дев христианских.
Если ж встречал противленье, тела их терзал беспощадно,
Груды клещами выдергивал, рвал колесом острогвоздным.
Эти тревожные слухи держать до времени в тайне
Было условлено между игуменьей и Поликарпом.
Что понапрасну пугать сестер? Быть может, обитель
Их и не тронет проконсул. Она стоит потаенно,
В месте, отсюда закрытом горами, глухом и безлюдном.
Только Хрисилла вошла, и замолкли София и старец.
Старец благословил ясноокою деву Хрисиллу,
А игуменья так сказала: «от долгой дороги,
Верно, умаялся старый отец Поликарп. Изготовь-ка,
Чем освежиться ему и восставить упавшие силы».
Дева Хрисилла пошла хорошо устроенным домом,
И чрез недолгое время пред старцем поставила чашу,

Красным наполнив вином и разбавив водой ключевую.
Персика три принесла на круглом, серебряном блюде,
Только что сорванных с ветки. Еще кудрявая зелень,
Свежая, возле плода виднелась. Наполненный соком,
Персик с одной стороны розовел, а с другой золотился;
Пухом, прозрачным и нежным, была подернута кожа;
Вдоль углублением плод рассекался; а рядом гранаты
Рдели багрянцем, как свежая, кровью залитая рана.
Блюдо с вином и плодами пред старцем поставила дева,
И удалилась с поклоном. А ей на смену Фалоя
Быстро вбежала на кровлю, со сбитыми буйно кудрями,
В черной тунике, поддернутой вплоть до колена. Пылало
Зноем румяным лицо, обильно увлажнено потом.
Старец любовно и кротко иссохшей прозрачной рукою
По темнокудрым ее волосам провел и широко
Знаком креста осенил. Смутясь пред старцем, Фалоя
Быстро одежду спустила, со лба откинула пряди,
И, поклонившись Софии, сказала: «уж солнце спускаться
Начало с синих небес; близка вечерняя служба.
Мать, не пора ли работу нам прекратить на сегодня,
Малость пойти отдохнуть и омыться на берегу моря.
Все мы забрызганы соком; от запаха пьяного гроздий
Стало стучать в голове и туман расстилаться пред взором».
Выслушав деву Фалую, София на синее небо
Взор устремила внимательно, и отвечала Фалое:
«Правда, Фалоя, твоя. Удлиняются тени. На запад
Мчит искрометных коней золотая дня колесница.
Труд на сегодня прервите. Омойтесь в пустынном заливе,
Где не видал бы никто. Да кому и видеть? С закатом
Только пастух через берег прогонит веселое стадо
Коз белорунных, с отвислым, полным сладкого млека,
Выменем. После опять нелюдим наш берег песчаный.
С Богом, Фалоя, иди! Да смотрите, не долго плескайтесь:
Только зардеет заря, собирайтесь к вечерней молитве».
Девы нагие, одежды держа в руках, побежали
Вдоль по тенистому саду на берег синего моря.
Там, в прозрачных волнах, они полоскали одежды;

Влагу из них выжимали; потом на кудрявую зелень,
Или побеги морских тростников, омытые ткани
Вешали, долго суша в солнца лучах золотого.
Анастасия в воде стояла по пояс. В ладони
Черпала чистую влагу и мыла желтые косы.
Ноги белели ее, в прозрачных волн изумруде,
Точно серебряных две, перевитые розой, колонны.
Рыбы ныряли кругом золотые, хвостом задевая
Ноги мывшейся девушки. Неподалеку Фалоя
Плавала, дико визжа, хохоча, ударяя ногами
Шумно вспененные волны: «Скорее, Анастасия,
Мойся! давай поплывем! я знаю остров зеленый!
Много там ягод, цветов! успеем, Анастасия,
Мы и набегаться там, и роз нарвать благовонных!
Будем веночки сплестать, чтоб украсить святые иконы!
Верно, похвалит за это нас старуха София!
Ну же! Скорей поплывем!» Охотно Анастасия
Нежною грудью легла на зеленые, пенные волны,
И, возвышаясь над морем волос золотою короной,
Вслед за Фалоей помчалась. Меж тем невысоко над морем
Солнце стояло, и волн изумрудных хребты золотыми,
Всё удлинявшимися, языками лизало. Зеленый
Скоро возник островок пред глазами Анастасии,
Круглый, густо поросший травой, деревьями. Розы
В зелени темной краснели. Сплетаясь колючим побегом,
Вход закрывали они глубокого, черного грота.
В мраке древесном кой-где висел виноград пурпуровый,
Зреющий праздно, чтоб с ветки упасть, и, ничье вождельенье
Не утоливши, истлеть, в траве, густой и высокой.
Морем со всех омываем сторон, обилен плодами,
Чистым ключом орошен, засеян цветами, – Эдема
Диким, прелестным углом казался остров безлюдный.
Став жемчужной ногою на мох прибрежный, стяхнула
Капли соленой воды розоустая Анастасия;
Выжала русые косы. Ее обнявши, Фалоя
Быстро скользнула во мрак, под своды зеленые лавров.
«Стой, Фалоя! ты слышишь? – заметила Анастасия. –

Веет серебряный звон над морем багряным. К вечерне
Он созывает сестер. Как быть? Я устала от гребли.
В путь обратный поплыть не могу, без того, чтоб хоть малость,
Здесь, у ручья, отдохнуть». – «Отдохни, – отвечала Фалоя. –
Я между тем благовонных цветов наберу, и с венками
Явимся мы в монастырь, когда, на розовых конях,
В море помчит колесницу заря, и звезда золотая,
Первая, ночи предтеча, отметит серебряной нитью
Путь наш пустынный по царству седого, волнистого моря.
Нас приметит рыбак запоздалый, свой невод влекущий.
Верно, подумает он, что две подводные нимфы
Вздумали с ним подшутить, на челн его утлый напавши,
Выгрузить ценный улов, отягченный рыбами невод
Вытрясти в море, любуясь на блеск сверкучих чешуек,
Снова пучине вернуть ее золотое богатство».
Так Фалоя сказала. Послушалась Анастасия;
Сладкой дремоте она отдалась под дубом зеленым.
Остров обегала весь в то время Фалоя. Стеблями
Дикие злаки ее обвивали, и ей до колена
Часто они доходили верхами, и влага, и холод
Ноги ее обнимали на дне глубокого луга.
Ветвь виноградной лозы она сорвала и короной
Ягод пурпурных чело увенчала; а несколько кистей
Падали вниз с головы и прятались в груди глубокой,
Так что и самая грудь плодом казалась среди ягод.
Лилии зеленоствольные райским лесом стояли,
Чаши к небу воздевши, как полные сладких курений
Цепи кадилниц серебряных. В их очарованной чаще
Тихо блуждала Фалоя. До чресел ее достигали
Лилий душистых цветки и, как уста серафимов,
Жадно лобзали ее, прохладой дыша лепестковой.
С долгих, зеленых стволов цветки обрывала Фалоя;
Вместе слагала цветы в одну благовонную грудку.
К розам потом перешла чернокудрая дева Фалоя;
Больно язвила шипами она персты и ладони,
С терпких срывая ветвей закругленные нежные розы.
Вдоволь набравши цветов, Фалоя стала проворно

Плеть гирлянды, венки, сочетая в различные формы.
С ворохом диких цветов, оплетя всё тело венками,
К гроту пришла на заре чернокудрая дева Фалоя.
Там, меж корнями зеленого дуба, раскинувши руки,
Сном непорочным спала розоустая Анастасия,
Ног лилейных ступни купая в ручье белоструйном.
С тихим жужжаньем пчела над нею кружилась, желая
В розу медвяную уст ее ужалить, взаправду
Диким считая цветком ее благовонные губы.
Вечер сгорал; дышали цветы; вдали золотое
Небо ровно сверкало за трепетной зеленью дуба.
Звон последний донесся, и замер над морем. Фалоя
Бросила наземь цветы; венки, оплетавшие тело,
Гибкой рукой сорвала, и спящую Анастасию
Запеленала цветами; из роз тернистых сплетенный,
Белобагранный венок на чело ей надела. И, вскрикнув,
Синие очи открыла язвимая Анастасия.
На ноги встала она, лучезарная в вихре цветочном,
К черной дубовой коре прислонилась серебряным телом.
Шепот пошел по листве, и замер. На золоте неба
Дуб неподвижно чернел. В листовом его изумруде,
В розовом остром венке дышала Анастасия.
Капля за каплею кровь спадала в глубокие травы.
В ужасе вещем упала Фалоя под дубом. «Я вижу, –
Дико вскричала она, – я вижу венец твой кровавый.
Выбиты зубы твои, и язвой уста червленеют,
Как раздроблённый гранат; и бритвою нежные груди –
Срезаны – пали в траву, как поблекшие розы. Сиянье
Блещет из крови твоей, золотое сиянье. Мне сладко
Раны твои целовать, заструившие чистое миро.
Вспомни в раю обо мне, заступись за меня перед Богом!
Небо горит золотое. Цветами цветет золотыми
Каждая капля твоей нетленной розовой крови.
Анастасия, проснись!» Проснулась Анастасия,
Полная страшным и сладким виденьем. Рукою схвативши
Нежную руку ее, с лицом искаженным Фалоя
Вдаль устремляла глаза, и шептала: «о горе! погибли!

Ах! мы погибли наверно! Куда нам бежать? Беззащитны,
Даже одежд лишены, мы – одни на острове диком.
Слышишь бряцание лат и коней веселое ржанье?
Слышишь топот копыт? По берегу мчатся солдаты,
Медью доспехов звеня, зажигая криками небо».
Вдаль устремила глаза розоустая Анастасия.
Облако пыли багряной клубилось над берегом; ярко
Шлемы сверкали в пыли, голубыми султанами вея.
Панцири медью блестели; сияли щиты золотые.
Всадник внезапно, дотоль впереди отряда скакавший,
Лошадь уздой задержал и что-то крикнул солдатам.
Все задержали коней. Одной рукою от солнца
Всадник глаза защитил, а другою на остров далекий
Свите своей указал. Отряд замедлил немного.
Снова раздался приказ, и всклубилось облако пыли.
Прямо в обитель Софии со свитой стремился проконсул,
В горы, откуда чуть слышно звон раздавался субботный,
Козни богов упраздняя, к небесной любви и молитве
Все призывая сердца и надеждой врачуя печали.
Море волной не плескало, вверху облака розовели –
Ангелов зыбкие крылья, пред сном осенившие землю.
Плакали в роще цветы; молились высокие кедры.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Отсветы мутной зари проникали в пустынную келью;
Ветер шумел; деревья шелестели золотом блеклым;
Мерный стук топора доносился из сада; Хрисилла
В келью пустую вошла, и лампаду затеплила. Тихо
Стала она на колени пред ложем Анастасии,
И зашептала молитву, припав к изголовью ланитой.
После молитвы взяла с полированной крышкою ящик,
Где хранились работы покойной Анастасии:
Кисти, краски, полотна и доски. В гробницу хотела
Милой сестре положить ясноокая дева Хрисилла
Образ, который написан самую Анастасией.

Долго смотрела она расцвеченные красками доски.
Выбрала образ один наконец; недавно написан
Образ тот был розоустой Анастасией; на древе
Масляной краскою сделан: кудрявились круглые пальмы,
Золотом синим сверкал Иордан; волнистые холмы
Вдаль уходили, синяя, по склонам поросшие лесом.
Лодка рыбачья стояла у берега; на побережном
Желтом, влажном песке наполненный рыбами невод
Весь трепыхался и в солнце посверкивал золотом скользким.
В мокрой одежде, спеша выгружать наполненный невод,
Симон стоял среброкудрый и с ним сыновья Заведея.
Рыбарей бедных из лодки учил Иисус Галилейский,
В плотничьей ризе простой, с золотым лучезарным сияньем
Вкруг головы, и над ним голубело весеннее небо.
Волны соленые в красках дышали, кусты и деревья,
Рыб золотые тела и лучи благодатного солнца.
Вынувши образ, Хрисилла спрятала ящик, и тихо,
Выйдя из кельи, пошла облетающим садом. Печально
Ветер шумел в деревьях, обрывая последние листья.
Плотник, стуча топором, сколачивал гроб кипарисный:
В древо впивался топор, осыпались опилки и стружки.
Рядом стояла Фалоя, окутана черным покровом,
Как изваянье надгробное; буйно разметаны кудри;
Ветер на голову ей свевал поблекшие листья,
Каплями крови и золота рдевшие в россыпи синих,
Длинных волос; неподвижно она стояла; как мрамор,
Холодно было лицо, и сомкнуты красные губы.
Тут же, в корзине серебряной, были навалены розы,
Лилии – жатва последняя, снятая с гряд монастырских.
В гроб кипарисный Хрисилла сложила нежные ткани,
Белый холст погребальный и тонкие верхние ризы.
Ящик вдвинула малый с алоем и смирной. Фалоя
У изголовья корзину с цветами поставила. Крышкой
Гроб замкнули они, и подняли на плечи. В то время
Месяц, багряным серпом прорезав кровавые тучи,
Вышел из бледных деревьев, тускло путь освещая.
Сад монастырский прошли чернокудрая дева Фалоя

И доброзрачная дева Хрисилла. Пещерой глубокой
На́ берег выйдя морской, направились к темному лесу.
Ветер холодный стонал и метался, как жалкий младенец,
Матерью брошенный. Облаки черными клочьями мчались,
Тмя сиянье луны, засветлевшей под тучею рдяной.
С севера злая зима грозила железным морозом,
И по ночам рыбаки у костров согревались трескучих.
С высей горных стада пастухи сгоняли в долины.
Снегом уже поутру ожемчужены были вершины.
Тщетно подножного корма в раздолье пастбищ долинных
Скот отощавший искал; увяли травы и листья;
Белая влага ручья корой подернулась льдяной.
Кончены были работы в садах, виноградниках, в поле.
К женам мужа возвращались из плаваний дальних. На берег
Лодку выгаскивал рыбарь, сушил и сматывал сети,
Выделкой шкур и топлением рыбьего жира зимою
Время свое наполняя, чтоб с первым дыханьем Зефира,
С первой улыбкой весеннего, ясного неба, надолго,
Бросивши дом и детей, уйти на промысел в море.
В лес глубокий вошли доброзрачная дева Хрисилла
И синекудрая дева Фалоя. При месячном свете
Лик Хрисиллы казался изваян из белого воска.
Очи же были ее – с лазурным елеем лампы,
Лик жемчужный насквозь проникавшие тихим сияньем.
Прядка бледных волос выпала из черного платя,
Матовый лоб отеняя; слабо уста розовели,
Словно первой зари неуверенный, робкий румянец.
«Тише, Фалоя, пришли! затепли светильник», – сказала,
Старого дуба достигнув, Хрисилла, и наземь гробницу
Девы поставили. Месяц лучи просеял сквозь заросль
Дуба поблекшего. Здесь, пропитана свежою кровью,
Темная никла трава, куски раздробленного тела
Были разбросаны, сгустки недавно запекшейся крови.
Кровью и клочьями плоти кора широкого дуба
Вся червленела, забрызганы были увядшие листья.
Крышку с гроба сняла доброзрачная дева Хрисилла,
Винула полную роз и лилий корзину и ткани.

Вопль Фалои раздался. Упавши наземь под дубом,
Волосы с корнем рвала, лицо терзала ногтями,
В грудь поражала себя, проливая слезы, Фалоя.
Громко взывала она: «Иди, Хрисилла, последний
Дай поцелуй!» – и рыдания речь ее заглушали.
Дева Хрисилла приблизилась к томностенящей Фалое.
В луже багряной лежала Фалоя, в пропитанной кровью
Черной одежде, в руках держала голову мертвой
Анастасии, лобзая в уста с запекшейся кровью,
В золото кос очервленное, в смертью сомкнутые очи.
Голову в гроб положили, обвив кровавую выю
Тканью легкой и нежной; влили в ноздри немного
Благоуханного масла, из трав ароматных, чтоб дольше
Плоть не распалась ее, и лицо не стало добычей
Жадных могильных червей, часто гнездящихся в язве.
Долго потом по частям собирали тело, но всё же
Грудей найти не могли. (Они не знали, что срезать
Груды игэмон велел во время пыток.) Омыли
В ближнем ручье кровавое тело Анастасии
Дева Хрисилла и с ней синекудрая дева Фалоя;
Чистым обвили холстом, умастив его ароматом.
Сверху ж надели на тело сребристую, легкую ризу.
Кровь отерли с лица и волос. В открытой гробнице
Анастасия лежала, спеленута белым покровом.
«Вынь, Фалоя, цветы из корзины серебряной. В розах
Сладко уснет розоустая Анастасия. Страдания,
Страсти символ огнецветный – красные, пышные розы.
Лик же сестры увенчаем короной серебряных лилий –
Знак белизны непорочной, стяжаемой страстью и кровью,
Образ небесных лучей, нетленной райской одежды».
Так сказала, и обе, вынув цветочные связки,
Тело Анастасии цветами усыпали. Тихо
Ей целованье последнее дать склонилась Хрисилла,
Ей уронив на лицо несколько слезных жемчужин.
Долго от губ омертвелых не в силах отпрянуть, Фалоя
Синим разливом кудрей покрыла гробницу, и долго
Плакала глухо, сжимая горячими пальцами древо

Гроба холодного. «Время, – молвила кротко Хрисилла, –
Звезды бледнеют на небе; круг совершили светила.
Скоро заря». И безмолвно встала Фалоя. И, взявши
Горсть пурпуровых роз, лицо закрыла цветами
Анастасие. Затем, с Хрисиллою вместе, замкнула
Крышкой тесовую гроб. Меж тем рассветало в дубраве.
Ложе Тифона покинув, Эос в одежде шафранной
Вверх по небесному кругу спешила на розовых конях.
Место искать для могилы пошли Хрисилла с Фалоей.
Молча шли; дышала прохлада; свевались туманы.
Вдруг меж черной листвы кипарисов сверкнуло сиянье;
Райским повеяло вдруг ароматом; цветами богато
Луг поблекший оделся; нетленным золотом небо
Всё зацвело, и, ступая по злакам весенним, зеленым,
Девушка в пеплуме красном, сверкая золотом ценным
Пышного пояса, в белой короне из лилий, навстречу
Девам вышла. Сияли, как два золотых изумруда,
Дивные очи ее и уста розовели, как розы.
Нежно, нежно она улыбалась подругам. Навстречу
Руки к ней протянули Хрисилла с Фалоей, и быстро
Обе от сна пробудились. Давно уже солнце светило,
Иней в листве серебрился. Крепко уснули у гроба
Девы, измучены долгим блужданьем и горем. Поспешно,
Сон рассказавши взаимно и Бога прославя, в дубраве
Выбрали ров для могилы. Убравши зеленью яму,
Гроб опустили на дно; завалили сухью и листом
Яму могильную. Вскоре гроб перенести в монастырский
Склеп желала игуменья Софья. Потом в среброводном,
Чистом ключе омывали одежды, залитые кровью.
Так погребали они розоустую Анастасию.

1905–1906

ВЕСНЯНКА

А. С. Петровскому

ЛЕПЕСТКОВЫЙ ЛАДАН

I

Зацветали огнем золотым белоствольные свечи. Теплились розы лампад благовонно-елейные.

Ладан веял с кадила серебряного.

Розовый вечер таял в голубом дыме. Доцветавшие розы зари вечерней припадали к холодным стеклам. Где-то вздыхали цветы росоносные.

Был апрель прохладный.

Тебя звала молитва моя, в храме тихом, на заре вечерней.

Тихоокая царевна моя, ты не знаешь меня, но для тебя слагаю я мои песни.

В фиалковом дыме очей твоих разверзается мне небо.

Ты – лепесток райской лилии. Я видел, как цвела ты слезами. Золотыми зернами слезы твои упали в ниву моего сердца. Я взлею посев ветрами благих помышлений, буду орошать его влагой молитвы. Да соберу жатву обильную и отдам ее Богу моему.

Ты – лампада светоносная. Плоть твоя соткана из лучей сверхъестественных. Ты облечена в ризу нетления.

Голубая влага очей твоих – истечение несякнущих источников любви Божией. В ней – пламя, опаляющее грех.

Очи твои – голубой мост в небо.

Ах! я не вижу тебя, но это ты провеяла. С зарею и запахом тополей весенних проникла ты во храм.

Белые потиры лилий отряхают дождь хрустальный. Ангел веет серебряным омофором.

Ты слышишь благовест далекий? Наступает ночь небесной любви и молитвы.

Бледно-золотой локон волос твоих упал на черный бархат одежды. В золотой пыли ресниц зыблется лазурь очей твоих. В устах белеет манна небесная.

Ты веешь холодом горним. Ты – роса на заре вечерней.

II

Ах! раствори окно. Как рой пчел, жужжит звон голубой, звон воскресный. Белые камни омыты волнами солнечными.

Первые травы возникли. Улыбчиво небо.

Пасха.

Нетленна лазурь весенняя. Небо – чаша золотая вина синего.

Весна плывет над розовым храмом.

Ты ли улыбнулась? Весна, Пасха, тихоокая моя царица?

Ищу тебя там, где голубеющие волны ладана овевают печальные лица девушек; где синее грусть первых цветков; где улыбнулся Апрель над урной надгробной, поросшей мохом забвения.

Здесь, где изваяния белых женщин склонились к гробницам разрушенным; где теплится елей любви неугасаемой; где расцвела песнь Воскресения.

Ты возникла из праха цветком апрельским сладкодышащим. Ты прозябла лепестками белыми. Ты заблагоухала росным ладаном.

Ты – свеча надгробная.

Очи твои – лампадки, где теплится елей лазурный.

С райских кринов собрали пчелы мед (пчелы небесные), чтобы выткать сот золотой.

То – не сот золотой, то – волос твоих златоцветных прядь; то – не воск райского улья, то – твое чело жемчужное.

Расцвел твой лик чашей лилеи утренней. А уста твои – роз лепестки бледные, фимиам молитвы свежающие.

Я – один. Но ты глядишь на меня из неба синего, благоухаешь мне первыми цветами весенними.

Золотая прядь волос твоих, как меч ангельский, насквозь рассекает мне сердце, выжигая из него червя греховного.

Ныне сердце мое – чаша, полная вином любви и молитвы.

III

Разверсты царские врата. Три ангела за престолом на оконной раме начертаны. Под кущей зеленой три ангела белокрылые. Авраам коленопреклоненный держит сосуд вина виноградного и хлеба пшеничные на блюде золотом.

Ты расцвела в голубом ладане.

Ты ли это, моя тихоокая царевна?

Фимиам сливает благовоние с ароматом розовых риз твоих.

Косы твои златоцветные умащены елеем многоценным.

Стыдливо и робко преклонилась ты перед святою чашей.

Лепестки уст твоих бледные коснулись золотых устьев потира.

И ты съела частицу плоти нетленной, обогренила уста твои нежные вином крови червленной.

Сверкнул меч златожалый.

Розой расцвела ты перед Божиим престолом.

Где жемчужность ланит твоих? Где уст твоих серафимских лилейность? Вся ты розами зажжена, окапана миром сладостным. Ты рдеешь в неге любви и познания.

МЕДВЯНОЕ ЖАЛО

I

Вот и ты, Матерь цветов, прославляемая играми веселыми, и за тобой хороводы нимф белоколотных; лобзают древесную листву уста Зефира тиховойные.

Дриады зеленозрачные кычут в дуплах древесных; звенит изумрудный смех; плескаются руна листвяные.

Из сырой земли, из дубовых гробов выходят тела дев проклятых; в косах русых – комья сырой земли; греют на солнце груди мерзлые, посинелые; плещутся в синем хрустале озер полноводных; чешут волосы зубчатым гребнем.

От зеленого смеха леса звенят. Зачинаются игры любовные, звоны поцелуйные.

Отогрелась, пооттаяла кора древесная; дышит ствол смольный: зацветает устами роз медвяных.

Видишь, сквозит хвоя зеленая меж березок белоствольных? То – не хвоя зеленая, то – волосы резвого фавна; он приложил к губам тростниковую цевницу.

Видишь в первой скудной траве фиалок нежный цвет?

То – не фиалки: то – слезы душистые плакучих дев дриад.

Здесь дева сирая роняла слезы росные. Здесь стонала душа древесная, исходя в пнях любовных.

Зеленоствольная купальница расцвела над ручьем белоструйным. Здесь на заре нимфа дубравная мыла ноги сребролодыжные. Здесь мыла она одежды пурпурные и сушила, развесив на кудрявой зелени тростника приречного.

Пылает яростью синею неба терем злат.

II

Ты отстала от подруг твоих, розоустая девушка? Они кличут тебя на злчных полянах.

Ты устала. Отдохни под ласковой тенью зеленого дуба.

Поставь на землю твою плетеную корзину, полную душистых фиалок.

Еще долго до вечера.

Дай я сниму твои кожаные сандалии и омою прах дорожный с твоих ног.

Вечер.

Ты спишь, розоустая девушка?

Ветер ночной тронул листья.

Розовеет облако золотое. Вдали подруги твои кличут коров цветоядных. Проснись. Сгорел день весенний.

Туман голубой стелется. Ты слышишь игры веселые, свирель и смех?

Бедная, как ты найдешь теперь подруг твоих? Страшен лес светлой весенней ночью.

Вот ты раскрыла ресницы золотые. Очи твои – лампадки, где теплится елей лазурный.

Коса твоя желтая – спелый колос ржи. Ноги твои – два белых цветка в изумруде злачном.

Бедная, ты не вернешься больше в дом родимый. Напрасно будет ждать тебя мать твоя, в хижине малой, на крутой горе. Ты не будешь доить ее овец сладкомлечных. Ты не будешь петь ввечеру, вышивая одежды венчальные.

III

Да будет весел мой пир вечерний.

Нимфы дубравные принесли сот пчелиный и плоды земные. Розами багряными и лилеями белыми убрали они трапезу.

Девушка розоустая! ты – сад запечатанный, ты – потир многоценный вина заповедного.

Но я оборву цветы полурасцветшие, до дна выпью потир червлёный и, выпив, разобью его на осколки.

Жертва вечерняя, крестись в купели ручья белоструйного, омойся росой студеной.

Весел будет мой пир вечерний.

Девушка, ты – хлеб пшеничный; ты – потир вина виноградного.

Грудь твоя – плод медвяный, розовым цветом прозябший.

Ах, я – одна с тобою в глубоком, зеленом лугу.

Разгораются лазурные лампы очей твоих. Я узнаю тебя: это – ты, моя тихоокая царевна.

Ты слышишь пение Пасхальное?

Нет, только пчелы жужжат над лугом зеленым.

Не ладан ли веет с кадила серебряного?

Нет. Только крепче на заре запахи медуницы полевые.

Ах, зачем ты забил меня в улей пчелиный. Ах, ты убьешь меня; то – не улей пчелиный, то – гроб тесовый.

Улыбнись, моя тихоокая царевна: то – не улей пчелиный, то – не гроб тесовый, то – луг зеленый, глубокий. Высоко над нами сплетаются вершинами злаки полевые. Никто не увидит нас на дне глубокого зеленого луга.

Ах! мед залепил гортань мою. Пчелы жалят меня ядовитыми жалами. Ах! смерть моя в лугу зеленом, в цветах медоносных.

То – не пчелы, моя тихоокая царевна. То – мои поцелуи любовные. Ширятся зраки твои лазурные, как улыбчивое небо Пасхальное.

Вернулся Апрель прохладный нашей первой весны.

Ах! земля раскрылась; пахнет корнями цветочными и костями мертвыми. Что ты сделал со мною?

Ты замкнула очи лазурные. Ты уснула сном вечным.

Мир тебе, моя тихоокая царевна.

ПОСЛЕДНЕЕ ЦЕЛОВАНИЕ

I

Ты спишь в домовине тесовой, в золотой парче. Дышат розы увядшие в перстах твоих. Не колышется грудь бездыханная.

В келье дошатай теплится свеча воску ярого. А за окном яблоня весенняя, что невеста, цветами белыми разукрасилась. И шумит зеленый Май.

Я выдолбил тебе гроб белодубовый. Я омыл тело твое и умастил его ароматами. Я повил тебя полотном чистым. Я спеленал твои руки и ноги.

Крепко пахнет в келье цветами и ладаном. Ах! то – не цветы и не ладан, но твоя грудь увядшая, твои уста отцветшие.

Кто надел тебе венчик червлёный? Ах! то – не венчик червлёный. Я уснул и забыл. Ведь я убийца твой. И вот лежишь ты недвижимая, и кроваво-черная язва изъела жемчужное лицо твое.

Я целовал твою язву червленую. Я убрал ее розами. Колыбель – ложе брачное – гроб.

Ты – дитя спеленатое, невеста распятая.

Я распял тебя в лесу зеленошумном, у ключа среброводного. Я пригвоздил твои ноги белые к сладкодышащей коре. Ты цвела, пригвожденная к дереву. Нежная грудь твоя – роза в листве древесной, зеленой.

Ты – цвет и плод. Тобою прозябло древо дубравное. Въелись в плоть твою белопшеничную язвительные жала гвоздные. Каплет багряный грозд. Уста раскрыты – лепестки сладких роз. Зраки твои воздеты – синий виссон.

Слезы твои – роса листовая. Не ты стонешь: то ветер гудит в коре дуба.

На заре пылает небо золотое. Темнеет лесная глушь. Крепко пахнут медуницы полевые.

Я склонился меж корней древесных; я целую твою пятую жемчужную. Я целую твою язву червленую; из нее падает кровь густая в глубину вечерних трав.

Дитя синезрачное, девушка розоустая, мертвец распятый.

Листва шелестит над тобою. Заря дышит в лицо мертвое. Мне тихо под покровом твоим.

II

Что ты киваешь мне, урод лесной, за кочкой болотной? Ты издеваешься надо мной, строишь мне рожи. Но я знаю: ты боишься меня.

Я – с вами, но я – не ваш. Вы – рабы мои покорные. Вы собираете мне ягоды лесные, выгоняете птиц и зайцев из заросли, когда я иду на охоту с моим золотым луком.

Из осколков лиры моей я сделал себе лук золотой. Я думал заклясть зверя святой песнью, но глухи к песням рая уши звериные.

И разбил я лиру мою. И лежала она в золотых осколках.

И подобрал я осколки лиры и сделал из них лук, и колчан, и пять стрел. Одна из девушек лесных шла мимо, когда я любовался моим новым луком, сверкавшим на солнце. И я сказал девушке: есть у меня лук, есть и колчан, и стрелы; только тетивы нет у меня. Дай мне волос из золотой косы твоей. Он крепок и сверкуч, и все станут завидовать моему луку.

И девушка расплела свою косу. И я вырвал тот волос, который мне показался лучше.

А девушка со смехом убежала, так что я не мог разобрать, листья ли шумят, или она, убегая, смеется.

Хорош оказался мой лук. И звери, не боявшиеся лиры, стали бежать при блеске моего лука.

И по всему лесу прошла молва, что перековал я мою лиру на лук.

И пресмыкаются с тех пор передо мною твари лесные. Ненавидят меня, но боятся моего лука и служат мне.

И благословляют меня плененные души древесные.

III

Мирно спишь ты, моя тихоокая царевна. Не истоптана дикая трава у могилы твоей. Только пчелы жужжат в ней.

Я не встревожу твоего сна могильного. Я не разбужу твою тень загробную. Я не зачарую слух твой приятным пением лиры. Разбита лира моя.

Да если б и привяла твоя тень неуспокоенная в мои дикие дебри, ах, да ты бы не узнала меня. Нежный слух твой привык к пению лирному. Тебя испугает звон стрел и бряканье колчана. И – бедная – вернется тень твоя в поля загробные, и не останется у ней ничего заветного на земле, о чем она вздохнула бы в стране мертвой. Нет, не возвращайся в места родные. Спи спокойно – моя тихоокая царевна.

Ты не узнала бы моего голоса, шептавшего тебе ласки любовные. Одичал мой голос, скликая лихих охотников и зверей лесных по глухим дебрям.

Огрубели мои пальцы, которыми я сплетал тебе венки розовые, чтобы украсить косы твои медвяные. Теперь они изжалены колючими травами, отмечены волчьим зубом. Сомнет твои волосы нежные рука, привыкшая рвать челюсти хищных тигров.

В глухой чаще стоит хижина лесничего. Туда я прихожу, когда почувствую голод.

Я приношу в моей охотничьей сумке убитую птицу или зверя. Угрюмый лесничий разделяет со мною обед и делает к нему приправу из диких корней и ягод.

Прости, моя тихоокая царевна. Пусть всегда будут свежи розы над твоей бедной могилой, пусть всегда овевает их прохладный ветер.

И пусть не долетят до тебя ни мои безлирные жалобы, ни веселый звон моего золотого лука.

1906

ПОЛЕМИКА

ОТВЕТ ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ*

Дорогой Валерий Яковлевич!

В Вашем отзыве о моей книге «Цветы и ладан» есть немало пунктов, далеко не бесспорных, притом имеющих при оценке моего творчества решающее значение. Многое в Вашей критике удивило меня, и сначала скажу об одном и главном: о полном пренебрежении к первому тезису моего предисловия, без принятия или опровержения коего невозможно правильное суждение о моей поэзии. Я разумею: единство формы и содержания. Между тем вся критика Ваша основана на понимании формы и содержания как начал отдельных, чему есть многочисленные примеры, как то: в начале Вы находите у меня (и притом в первых, незрелых стихах) «мастерство стиха»; говорите, что стихи мои «порой прекрасно сделаны»; и в заключение утверждаете, что моя книга «не есть книга поэзии» и даже что «напевность» *совсем* не досталась мне в дар. При этом Вы замечаете, что стихи мои «в лучшем случае звучны».

Валерий Яковлевич! что же значит: *мастерски, прекрасно сделанное стихотворение, звучное, но не поэтическое и не музыкальное*? Сколько бы я ни напрягал мое воображение, я не в силах был бы представить предмет, о котором вы говорите; мне кажется, что эта вещь нереальная. В самом деле, возьмем частный пример: *звучность*. Если Вы разумеете под *звучностью* соответствие выражаемой мысли с выражающими ее звуками, то *звучность* = музыкальность, ergo: если стих мой звучен, то он музыкален. Если же под *звучностью* Вы разумеете гармонию слов самих по себе, без отношения к содержанию, то такой гармонии слов существовать не может. Составьте стихотворение из бессмысленных слов, с рифмами, аллитерациями и т. д. Неужели Вы получите нечто звучное? Звучность, напевность, музыкальность (все три слова в

* Веса, 1907 г., № 5, стр. 62.

применении к поэзии – синонимы) состоит в единстве звука, мысли и образа. Поэтому критика стихов может исходить только из вопроса: соответствует ли форма стихов их содержанию, соответствует ли рифма настроению, эпитет – образу и т. д. Разбирать же, хороши рифмы или эпитеты сами по себе, – труд, по меньшей мере, бесплодный. Рифм, как и эпитетов, плохих самих по себе, не существует, ибо на рифме отражается всякое колебание чувства, всякий уклон мысли. Потому что в рифме – весь поэт; она – зеркало его души. Но стоит отнять предмет от зеркала, как получится пустота, ничто. Между тем Вы, «оставив в стороне идеи и чувства книги», именно отняли предмет от зеркала. И, вместо того, чтобы по изображению на стекле судить о изображенном предмете, занялись критикой свойств стекла, из которого сделано зеркало. И когда Вы нашли, что стекло хорошо или плохо, то Вы нисколько еще не определили свойства той, напр., лампы, которая недавно в этом зеркале отражалась. Хорошая лампа может отражаться в плохом зеркале, и плохая в хорошем. Можно ли, напр., сказать, хороша ли рифма «переулочной – булочной» или нет? Нельзя, потому что хороша она у Блока, поскольку типична для него, и нехороша была бы, напр., у Вас, поскольку для Вас не типична. Точно так же рифмы «темной – скромной» у Пушкина, «рأسпят – аспид» у Вас – хороши, потому что типичны. А исследовать, хороши ли рифмы сами по себе, всё равно что исследовать свойства зеркального стекла для характеристики отраженного в нем предмета. Также и о эпитетах самих по себе не может быть речи. Какой, напр., эпитет лучше: *красный* или *алый*? Тот и другой, и ни тот, ни другой, в зависимости от того, *где* и *как*, в зависимости от «идей и чувств книги»*.

Далее. Вы обвиняете мои эпитеты в *условности*, что не так еще удивительно, как следующее замечание: «очевидно, сам сознавая условность своих описаний и эпитетов, С. Соловьев стара-

* Если возможна критика, оставляющая в стороне «идеи и чувства», то критика – чисто филологическая. Но такие вопросы, как вопрос о «условности эпитетов» не подлежат ведению последней. Она может только указать, что такие-то эпитеты оригинальны, такие-то заимствованы оттуда-то, но оценка художественного творчества находится за границами ее компетенций.

ется оправдать их тем, что выдерживает свои стихотворения в определенном стиле то античной оды, то пасторали XVII века, но от этого они, конечно, не становятся более живыми». В чем же дело? Если Вы сами признаете, что условность моих эпитетов происходит от стремления к *стилизации*, то, конечно, это не сделает их более *живыми* (ох! опасное слово), но, несомненно, делает *стильными*. Но неужели Вы, Валерий Яковлевич, будете укорять меня за *стилизацию*? Упрек неожиданный. Я ожидал упрёка другого и более справедливого. Упрёка не в том, что я выдерживаю стихотворения в стиле пасторали XVII века, каковым стилем, кстати сказать, ни в одном месте моей книги и не пахнет, а в том, что у меня в иных стихах стиль пасторали XVI века смешан со стилем пасторали XVIII века, свежие, девственные краски эпохи Генрихов не согласуются с искусственными и эротическим мотивами Версаля.

Теперь перейду к частным возражениям.

Вот какими примерами оправдываете Вы Ваш тезис: «С. Соловьев забывает, что из слов создаются предложения»: «В одном стихотворении св. Цецилия играет на органе, хотя во времена св. Цецилии органов еще не существовало». Но неужели же Вы забыли св. Цецилию Дольчи, играющую на органе, которою и было вдохновлено стихотворение? Далее. «Белица, сообщая, что она пойдет погулять и посбирать цветов и ягод, внезапно прерывает свою речь совершенно вставочным замечанием: “вся истомилась я за́ год”, только затем, чтобы дать возможность поэту срифмовать “ягод” и “за́ год”». Слова «вся истомилась я за год» совершенно уместны после слов «в горы пойду погулять». Ход мыслей таков: «пойду погулять, мне хочется пойти погулять, потому что я истомилась в келье за год». Скорее можно было бы возразить против слова «ягод», ибо малоправдоподобно, чтобы ягоды зрели в то время года, когда «голос кукушечий слышен». Далее возражение совсем изумительное. «В стихотворении “Свете тихий” приходится сообщать читателям довольно известные вещи, вроде того, что могила – “приют от бедствий”, а рыцарь – “монах, что закован в железо”, чтобы срифмовать красиво “в детстве” и “трапéза”». Позвольте, Валерий Яковлевич: не говоря уже о том, что «ничто не ново под луной», то, что могила – «приют от бедствий», далеко не всем известно, это положение не асергторическое, а лишь пробле-

матическое; могила в известном настроении, при известной обстановке, *может казаться* «приютом от бедствий»; в других случаях она может казаться началом бедствий, продолжением бедствий и т. д. Назвать могилу «приютом от бедствий» побудил меня общий замысел стихотворения. Также и рыцарь может представляться вовсе не монахом. Разве монах, напр., рыцарь Ричард Кольдингам? Сказать «рыцарь-монах» побудил меня общий замысел стихотворения.

Как примеры выражений, производящих «прямо комическое впечатление», Вы приводите: «в блеске выи розы давали место белым лилеям» и спрашиваете: «идет ли речь о выях розы или о розах выи». С трудом разобравшись в этом замечании, отвечаю Вам: пауза после слова *выи*, требуемая сапфическим метром, ясно показывает, что слово *выи* есть определение к слову *блеске*, а *розы* – подлежащее, *nominativus pluralis*. Далее. Что значит: «сотни уст раскрываются на солнце»? – говорится ли здесь об «устах солнца» или «на солнце» значит «под солнцем»? На это приходится возражать пространно. Представьте себе, что один человек брал солнечную ванну, и приходит к другому человеку, и говорит: «я целый час лежал на солнце», и представьте себе, что на эти слова собеседник делает изумленное лицо и совершенно серьезно спрашивает: «где же Вы, собственно, лежали? *под* солнцем или на самом солнце?» Согласитесь, что еще неизвестно, кто из двух собеседников произведет на Вас «прямо комическое впечатление», тот ли, кто сказал самую простую, естественную фразу, или тот, кто высказал такое странное изумление и непонимание. Впрочем, вообще по поводу моей книги много было высказано самого неожиданного *удивления* и непонимания. Один критик, упрекнув меня предварительно за банальные и нелепые суждения о природе, безмерно превышающие количество оригинальных и здравых наблюдений над ней, замечает по поводу моего стихотворения «Вечерняя молитва»: «мы только на 28 строке с удивлением узнали, что дело происходит зимой». Между тем первый стих этого стихотворения читается не более и не менее как:

Три дня подряд господствовала вьюга.

Мой критик так искусился в *оригинальных* и *здравых* наблюдениях над природой, что высказал о ней действительно *небанальное* суждение, удивившись тому, что *вьюга* бывает зимой, а напр., не в июле месяце.

Как примеры «просто неправильных» выражений Вы приводите: 1) «скрыться в лугу». Однако в этой неправильности виноват никто иной, как Эсхил, за знакомство с которым Вы так похвалили меня в начале. Из его βαθὺς λειμών извлек я понятие *глубины* луга, состоящего из столь высоких трав и цветов, что *в них* можно укрыться; 2) «червлёный от солнца». Червлёный – причастие страдательное, следовательно, должно сочетаться не с предложением, а с творительным падежом. Не так ли? Но «червлёный» в народной поэзии давно окаменело в смысле *прилагательного*, и, как таковое, *должно* сочетаться с предложением *от*: как: *красный от солнца*, так и: *червлёный от солнца*; 3) «был доброволен в крови». *Кровь* в смысле *убийство, смерть* – вполне законный латинизм: если можно быть *добровольным в смерти*, то можно быть и *добровольным в крови*; 4) «Страх исчез с сердца». Если бы говорилось только «страх *в* сердце», то возможна была бы только форма «страх *исчез из* сердца». Но говорится: «печаль у меня *на* сердце», «страх у меня *на* сердце». И как от «книга *лежит на* столе» мы образуем «книга *исчезла со* стола», так от «страх *на* сердце» мы образуем «страх *исчез с* сердца». Что касается «прямого пренебрежения к аллитерациям и внутренним рифмам», то вот примеры того и другого:

1) внутренняя рифма:

Огорода о г и б а я,
Холмы кругом оплетя,
З о л о т а я , г о л у б а я,
Ты смеешься, как дитя.

2) аллитерация + внутренняя рифма:

В этом кротком п о з л а щ е н ь е
В вещем шорохе листвы,

Извещение о возвращении Жаркой майской синевы.

Относительно *рифмы* я уже сделал основное возражение, остаются частности. Если Вы должны осудить рифмы, где одному н «соответствуют два», то кстати должны Вы осудить и гениальную строфу Вашего стихотворения:

Вспомни, вспомни луг *зеленый*,
Радость песен, радость пляск.
Вспомни в ночи *потайный*,
Сладко жгучий ужас ласк.

Если же Вы осудите те рифмы, где мягкое окончание рифмуется с твердым, как напр.: «примиришь – Парис», «зажглись – Симоис», то я Вам напомним Пушкинские рифмы: «зажглись – Дафнис», «вознеслись – кипарис». Неужели же в стихотворении «Таврическая звезда» есть рифма, заслуживающая «осуждения»? В заключение всего изложенного я считаю себя вправе утверждать, что если и справедливо Ваше мнение: «“Цветы и ладан” – не есть книга поэзии», то Ваша попытка обосновать это мнение на объективных данных не может быть признана удачной.

Г. БЛОК О ЗЕМЛЕДЕЛАХ, ДОЛГОБОРОДЫХ АРИЙЦАХ, ПАРЕ ПИВА, ОБО МНЕ И О МНОГОМ ДРУГОМ

В шестом номере «Золотого Руна» за 1907 год г. Блок, разбирая новые стихотворные сборники, высказал свое собственное поэтическое сredo. Сличая некоторые места из VI-й главы, где Блок разбирает мою книгу «Цветы и ладан», с некоторыми местами из I-й главы, где Блок излагает свои общие мысли о поэзии, я усмотрел между этими местами несомненную связь. Единство им придает равная степень озлобления, доводящая критика, обыкновенно весьма кроткого и нежного, до брани дурного тона, до воскли-

цаний вроде: «Ему я посылаю мое презрение от лица проклятой и светлой лирики. Так я хочу».

Против «так я хочу» полемика невозможна. Доказательство можно опровергнуть доказательством, но «так я хочу», пощечина, плевков – неопровержимы, и Блок занял воистину неприступную позицию. Также я ничего не могу возразить против того, что «в тысячах окон качается ситцевая занавеска», против того, что «румяный академик в холщовом сюртучке склоняет седины над грудой переплетенных книг», против того, что «бесстрашный и искушенный мыслитель, ученый, общественный деятель – питаются плодоносными токами лирической стихии». Всё это хотя чрезмерно торжественно и витиевато, но, по крайней мере, правдоподобно; но, к сожалению, Блок не ограничивается этими интересными наблюдениями и на двух страницах решает вопросы религии, эстетики, общественности и многие другие, причем от его решения побледнел бы самый *румяный* академик и самый *бесстрашный* ученый устранился бы «плодоносных токов лирической стихии», грозящих затопить все *груды* книг, не только «непереплетенных», но и переплетенных.

Г. Блок слышал о христианстве. В своей автобиографии он сообщил, что учился на филологическом факультете. О христианстве писали Мережковский, Вячеслав Иванов, Андрей Белый. Но автор «Балаганчика» расправился с христианством очень скоро, всего на пяти строчках: «но есть легенда, воспламеняющая сердца. Она – как проклятое логово, залегающее в полях, в горах и в лесах; и *христиане-арийцы, долгобородые и мирные*, обходят его, крестясь. Они правы. Здесь нечего делать мирной душе, ее “место свято”, а это место, – “проклятое”». Где ты, румяный академик? Приди и скажи: «почему, г. Блок, именуете Вы долгобородыми арийцев, т. е., напр., немцев, англичан, французов? и можно ли говорить “христиане-арийцы”, когда всё греко-римское язычество создано арийцами и когда христианство выросло на семитической почве и сам Христос был семитом? И неужели же Гёте, Шекспир, Лейбниц – несомненные арийцы – не заслуживают от Вас ничего, кроме презрения? Потрудитесь обосновать Вашу явно семитическую тенденцию». Итак, арийцам – не место в «проклятом логове», где засел «лирик». Блок торжественно предостерегает приближа-

ющихся к этому логову: «люди, берегитесь, не подходите к лирику». Но, вопреки всем ожиданиям, несмотря на ужасные угрозы, прямо выписанные из устарелой романтики и только слегка позолоченные дешевым модернизмом, как: «В ваших руках засверкают тонкие орудия убийства, и в окне вашем лунной ночью закачается тень убийцы. И ваши жены отвергнут вас и, как проклятые жрицы древних религий, пожелают холодных ласк трепетной и кольчатой змеи» (о!), «люди» осмелились и подошли, они «приходят и берут». Что же они берут? На это г. Блок отвечает фантазиями, которые, в свою очередь, ужаснут «бесстрашного общественного деятеля». Оказывается, что «на просторных полях русских мужики, бороздя землю плугами, поют великую песню – “Коробейников” Некрасова». Где видел г. Блок, чтобы мужики пели «Коробейников», «бороздя землю плугами»? Нет, г. Блок, если б Вы наблюдали мужиков не из Вашего кабинета, как добрый помещик старого времени, то Вы узнали бы, что мужику не до Ваших «плодоносных токов лирической стихии», когда он, ругая тощую лошаденку и обливаясь потом, пашет землю. Если он и будет петь Ваших «Коробейников», то в праздник, а коли он – мужик дельный, то предпочтет в свободный вечер почитать газетку, да поговорить с умным человеком о последнем заседании Государственной Думы, или о чем другом, что считает важнее «сладкого бича ритмов». Ох, довольно уж он испытал «сладость» всяких бичей!

Не более утешает и другая бытовая сценка, рассказанная г. Блоком: «Над извилинами русской реки рабочие, обновляющие старый храм с замшелой папертью, – поют “солнце всходит и заходит” Горького». Если эта сцена и правдоподобнее первой, то всё же г. Блок совершенно напрасно радуется тому, что обновление храма производится не с соответствующими религиозными помыслами, а под напев пошлой революционной песни, по существу антихудожественной и, во всяком случае, не народной.

Далее г. Блок посылает презрение от лица «проклятой и светлой лирики» тому, кто «умеет слушать и умеет обратить шумный водопад лирики на колесо, которое движет тяжкие и живые жернова, знает, что всё стихийное и великое (?) от века благотельно и ужасно вместе, знает это и не хочет признаться... Он не задержит стихии. Он будет только маячить над ней, бросая свою урод-

ливую тень на блистательную пену низвергающейся воды, бес- сильно стараясь перекрычать грохот водопада. В облике его мы увидим только искусителя, возмущающего непорочный бег реки». Где подглядел г. Блок своего «искусителя», догадаться трудно. Для нас же несомненно, что тот, кто «не хочет признаться в чем-то» и еще стремится перекрычать грохот водопада стихийной жизни, представляет комическую фигуру. Но несомненно и то, что стихийная жизнь, как бы она ни была благодетельна, с лирикой ничего общего не имеет и в ней не нуждается. И если никакой *крик* не заглушит грохота стихийного водопада (который г. Блок назвал бы «миром явлений»), если бы, вместо того, чтобы похлопать по плечу «румяного академика», хоть немного бы почитал из его книг и еще не гнался бы за дешевым модернизмом), то единственный *звук*, заглушающий грохот мира явлений, есть *звук лиры*, гармония песни, *лирика*. Если г. Блока интересует вопрос об отношении искусства к стихийной жизни, мы посоветуем ему прочесть III-ю часть сочинения Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и представить свои возражения. Только едва ли идею единства лирики и стихийной жизни можно обосновать на чем-нибудь, кроме «ситцевой занавески, качающейся в тысячах окон». Впрочем, не будем решать вопрос заранее и подождем философской аргументации г. Блока.

Не более доказательно заявление Блока: «умеющий услышать (голоса стихий?) и не погибнуть – пусть скажет проклятие *всякой* лирике; он будет прав, ибо он знает, где его сила и где бессилие». По рецепту г. Блока, Гёте и Пушкин неизбежно должны были сказать проклятие *всякой* лирике, ибо они слышали голоса стихий острее и тоньше всех лириков, и, однако, как бы посмотрел Веймарский старец на российского декадента, заявившего ему, что он «погиб», если он лирик!

Расправившись со всеми арийцами, христианами, непогибшими лириками, г. Блок принимает себе «в сердце»... Савонароллу. Кланяйся, монах! Г. Блок прямо заявляет о своем великодушии к тебе: «вот ему – хлеб, вода и рубище от наших щедрот». Отсюда видно, что «проклятый лирик» действует «не без расчета» и бедному флорентийцу не много перепадет от его «щедрости». Наконец, г. Блок бросает стрелу в «мещан». «Не умеющий слушать, тот

мещанин, который оглушен золотухой и бледен от ежедневной работы из-под палки, – вот ему его мещанский обед и мещанская постель. Ему трудно живется, и мы не хотим презирать его: он не виноват в том, что похлебка ему милее золотых снов, что печной горшок дороже звуков сладких и молитв». Аристократизм лорда Байрона не к лицу г. Блоку. Истинный аристократизм – благороден. Байрон в значительной мере в силу своего аристократизма являлся защитником угнетенных и бичом тирании. Глумиться над бедным тружеником за то, что он «оглушен золотухой и бледен от ежедневной работы», снисходительно заявлять, что «мы не хотим презирать его», – как всё это аристократично! Нет, г. Блок, хоть Вы однажды на страницах того же «Золотого Руна» и обругали графа Алексея Толстого «аристократом, мягкотелым и сентиментальным», но, право, Вам не мешало бы почаще бывать в настоящем аристократическом обществе, хотя бы для того, чтобы осторожнее судить о «мещанах».

Во II-й главе Блок особенно настойчиво доказывает, что поэт может быть «хулиганом, подлецом, развратным, кощунствующим атеистом и злым трусом». Не спорю. Далее, приходя в бешенство и как будто отстаивая какие-то свои права: «Поэт совершенно свободен в своем творчестве, и никто не имеет права требовать от него, чтобы зеленые луга нравились ему более, чем публичные дома». Что с Вами, г. Блок? *De gustibus non est disputandum*.

Затем г. Блок восхваляет Бальмонта и утверждает, что «весь искус Европы – с Бальмонтом». Бедная Европа! Как же так? Лейбниц, Шекспир, Гёте... Э! да что тут!

Перехожу теперь к тому, что собственно говорит Блок о моей книге. Я не буду возражать Блоку по вопросам техники. Почти все его обвинения ранее высказаны Брюсовым, и я ответил на них в своем месте. Умолчу и о тех мотивах, которые побуждают поклонника музыки Вячеслава Иванова находить у меня «грубые славянизмы» и автору «Балаганчика» возмущаться цинизмом стихов о беременной женщине, заимствованных мной у Немезиана. Скажу только несколько слов по поводу «мистического града», о котором я упоминаю в предисловии и который прямо «взорвал» г. Блока. «Мысль автора “Цветов и ладана” витает около “града, обещанного религиями”». Хотя словом «витает» еще не доказано ровно ни-

чего, однако видно, что тут г. Блок задет и как-то обижен. Очевидно, у певца «Прекрасной Дамы» свои счеты с «Новым Иерусалимом». Но не осилить проблемы – не значит ее преодолеть. Арлекинада «Балаганчика» – не возражение молитвам литургии.

Несостоятельность Блока в роли мистического пророка, рыцаря Мадонны, за последнее время достаточно выяснилась. Не более удачно играет он роль стихийного гения. Как бы отрицательно ни относились мы к пафосу стихийности, мы не можем не приклониться перед такими титанами стихийности, как Микель-Анджело, Эмиль Зола, Лев Толстой. Но что же общего со стихийным титанизмом имеет г. Блок, пересадивший на русскую почву хилые, чахоточные цветы западного декадентства, создатель бесплотных и бескровных призраков в стиле Мориса Дениса и Метерлинка?

Наконец, г. Блок уверен, что он – демонист первого сорта. Но об этом мы поговорим в свое время.

Среди несвязного лепета и бреда, где мысли сочетаются по законам первичных ассоциаций, одна мысль сверкнула как молния: «Так я хочу. Если лирик потеряет этот лозунг и заменит его любым другим, – он перестанет быть лириком». Нет, г. Блок. Лозунг замоскворецкого Тита Титыча не идет лирику. Необходимое условие художественного творчества есть сознание иной высшей воли. Истинный лирик творит «не во имя свое». Это прекрасно сознавал лучший поэт наших дней, заимствовавший вечного огня Гёте и Пушкина, когда писал:

Нам кем-то высшим подвиг дан,
И властно спросит он отчета.

Какой отчет дадите Вы, г. Блок, за Вашу похлебку à la Sainte Vierge? Или Вы залепечете о «румяном академике» и «долгобородых арийцах»?

ПОЭМЫ

ДЕВА НАЗАРЕТА

ПОЭМА

I

Возраст последний уже настал по Кумейским вещаньям,
Новых великих веков череда зарождается ныне.
Вот уж и Дева грядет, грядет и Сатурново Царство,
Новое племя уже с небес посылается горних!..

Вергилий, IV эклога

Пред ним склонился Рим. Чужие племена
Увидели, что он Юпитером отмечен.
Междоусобная окончена война,
Отныне прочный мир народам обеспечен.

Диктатор, консул он, трибун, верховный жрец,
Не равный никому в своей великой славе,
Разноплеменных стран властитель и отец,
Вчера с Антонием боровшийся Октавий.

Доспехи брошены, и, заключен в ножны,
Висит без дела меч, оставленный и ржавый;
Молчат провинции, разбои смирены,
И Цезарь властвует над крепкою державой.

Столица празднует забвение тревог,
На белых статуях благоухают розы,
И в храме предстоит Октавий-полубог,
Он – накануне дня своей апофеозы.

И боги новые текли со всех сторон концов
В столицу Августа. Покинув пирамиды,
Явилась в Рим толпа угрюмых мудрецов,
Хранивших таинства божественной Изиды.

В окне святилища едва бледнел рассвет,
Великий жрец гадал по книге вещей знаков...
Когда же прочитал таинственный ответ,
Упал пред идолом, испуганно заплакав.

II

*Victa iacet pietas, et virgo caede madentis
ultima caelestum terras Astraea reliquit.*

Ovidius, Met. II

На дороги покатые
Солнце смотрит, алея;
Стройно высятся статуи
В кипарисной аллее.

Вот народ возвращается
По домам вереницей.
На носилках качается
Горделивый патриций.

Зелень благоуханная
Обвилась по аркадам,
Брызжет пена фонтанная
Серебристым каскадом.

Над уснувшими парками,
Над густыми садами,
Над изящными арками
Небо блещет звездами.

Меркнут краски закатные,
Стих на улицах гомон.
Вспоминал времена невозвратные,
И о веке мечтал золотом он:

«Золотую росу
Дуб медвяный не точит,
И в священном лесу
Лишь источник рокочет...

Зародилась вражда
Средь людских поколений,
Отлетел навсегда
Мира ласковый Гений...

И жесток человек,
В преступленьях старея;
Отлетела навек
Дева правды, Астрея...»

Вечер гас и бледнел,
Опускался туман,
И без устали пел
Серебристый фонтан.

III

Не Изида трехвенечная
Ту весну им приведет...

В лучах сиял небесный свод,
На берегу дымился кратер.
По ярко-синей глади вод
Везли богиню Magna Mater.

Но вот в мгновение одно
Померк веселый блеск лазури,
Бежит поспешнее судно,
Почуя приближенье бури.

Толпятся люди в полутьме,
На корабле рыданья, визги...

В лицо стоящим на корме
Летят соленой пены брызги.

Оторван руль, трещит корма,
Темнее небо и враждебней...
И пены белая кайма
Блестит во мгле на вставшем гребне.

Спасенья нет, всему конец!..
Разорван парус... В страхе бросил
Молитву шепчущий гребец
В морскую пасть обломки весел.

Дрожащей молнии зигзаг
Блеснул мгновенно и потухнул,
Смешалось всё, и в бурный мрак
Кумир богини с треском рухнул...

.....

В сияньи розовой звезды
Легли серебряные росы,
Впивались в зеркало воды
Песка желтеющие косы;

Недвижна гладь вечерних вод,
Горит заря, дымится кратер,
Сирен рыдает хоровод
Там, где погибла Magna Mater...

Солнце спустилось низко,
В волны лучами упало,
Пурпур вечернего диска
В зыбях зеленых купало.

Моря поверхность тиха,
Росы вечерние капали...

Звонкая песнь пастуха
Смолкла в уснувшем Неаполе.

В бледных волнах замерла
Дев одинокая жалоба...
Мерно качаясь, плыла
Судна разбитого палуба.

И берег с пальмами дремал,
Морская птица не рыдала,
Весь мир грядущему внимал,
И берег ждал, и море ждало...

IV

Семя жены сотрет главу змия.

Бытие III

Долина сонная у Иорданских вод
То волнами текла, то становилась глаже.
Еще молчала жизнь. У запертых ворот
На ложе каменном полудремали стражи.

Сияньем погася неверную звезду,
Вставала на небе златистая корона.
Деревья ожили в полях, в лесах, в саду,
У серебристых волн бегущего Кедрона.

Горели пурпуром высокие дворцы,
Сторожевых постов наточенные зубы;
В полях, за городом оделись в багрецы
Красивых домиков белеющие кубы.

На каменной скалы грозящей крутизне
Сверкали выступы Антониевой башни;
В чертогах Ирода всё спало в мертвом сне,
Отдавши эту ночь распутно-пышной брашне...

Столица гордая под тягостным ярмом
Еще хранила вид своей недавней мощи.
Вдали Вифания проснулась под холмом,
Селенье мирное, в тени масличной рощи.

Проснувшийся рыбак на небольшом дворе
Задумчиво сидел, чиня хомут ослиный;
Под щебетанье птиц дремали на горе
Листовою серою одетые маслины.

Иосиф быстро шел по улицам крутым,
Среди немых домов и площадей безлюдных;
Горела в нем душа предчувствием святым,
До дна раскрытая для откровений чудных...

* * *

Сам ли знал он... Божий зов ли
Вел его... Он видит храм...
Высоко на белой кровле
Вознеслася Мариам.
Всё поняв, душою чуткий,
Плотник радостно взирал:
На лице Ее играл
Свет зари – и незабудки
Глаз глубоких озарял...
Как стрела, темнели брови,
Взор молитвою сиял.
В небесах пурпурной крови
Таял утренний фиал.
И стояла, вся блистая,
Еще чуждая скорбей...
Налетев, плескалась стая
Дымно-сизых голубей.
Роз гирлянда украшала
Злато кос вокруг чела...
Тучка с неба подплыла

И у ног ее дышала.
Иудею осеняла
Нежно-белая рука...
Вся, как лебедь, широка,
Над вселенною сияла
И на мир благословляла
Предтекущие века.

* * *

В распаденъи бесконечном,
Сонмы тварей без конца
Чрез Тебя в единстве вечном
Вечны в Вечности Отца!

Праха с небом примиренье,
Сердца радость и покров,
К Солнцу мира возвращенье
Разметавшихся миров!

В вертограде Божья лоза
Источает ток вина,
И мистическая роза
В звездном круге возжена...

Небеса огнем залиты...
В блеске вечных алтарей
Пред Марией в прахе сбиты
Сонмы духов и царей.

Мир, усталый от страданья,
Обещанию внемли!
Не напрасны ожиданья
Торжества и оправданья
Древней матери Земли!
Дети, дети дряхлой Евы!
Вновь восстанем, спасены

Вечной тайной Вечной Девы,
Чистым семенем Жены!
Близко, близко это время!
Слышу веянье весны...
Мир спасет святое семя
Вечно девственной Жены!

V

Ἰδοὺ ἡ δοῦλη κυρίου γένοιτό μοι κατὰ τὸ
ρῆμά σου.

Λουκά, I

Через раму оконную
Вижу синюю даль;
Над долиною сонною
Зацветает миндаль;

Вижу в синем тумане я
Гор сияющий трон;
Зацвела Гефсимания,
Запеваает Кедрон,

Стать блаженно-счастливыми
Наступила пора...
Зацветает оливами
Голубая гора...

Ангел с крыльями белыми
Просиял из угла,
Лучезарными стрелами
Перерезана мгла...

В пальцах – лилия нежная,
Стебель зелен и прям,
Лучезарная, снежная
Белизна по кудрям;

Где-то – голубь воркующий,
Брежит утренний свет...
Скоро, скоро ликующий
Зашумит Назарет!

Стать блаженно-счастливыми
Наступила пора...
Зацветает оливами
Голубая гора!..

Молодая, цветущая,
Золотая страна
Успокоит грядущие
В новый мир племена.

Задрожит преисподняя,
Разорвутся гроба...
Всё исполню: Господня
Я навеки раба.

САУЛ И ДАВИД

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Выси немые; в вечном снеге
Неподвижный сон верхов.
Камни, скудные побеги
Одиноких черных мхов.

Высь без предела и сны без желаний...
Вечный покой без цветов и созвучий,
Лишь иногда боязливые лани
Резко мелькнут на безжизненной круче.

Искрятся белые снежные груды,
В небе лазурно сияющем лежа,
Снизу стремятся к ним алчные люди,
Рвутся, недвижимого сна не тревожа.

Вечно над миром несытых стремлений
Искрятся белого снега твердыни.
Люди глядят, истомленные в плене,
Вверх, где лазурна свобода пустыни.

Это – мечта невозможного счастья,
Это – восторг ледяных созерцаний...
Там над землею обитель бесстрастья,
Свет над печалью минутных мерцаний...

Вечно стремятся, покинувши доли,
Выше, минуя обрывы, уклоны,
В мир, где горят ледяные престолы,
Льют серебро снеговые короны.

Жизнь пронесется, развеется, минет...
Канут в ничтожество сны поколений, –
Так же бесстрастно, торжественно стынет
Белое царство нагорных селений.

Мутны тени. Вечер зноен.
Канул в море яркий день.
И разнuzдан, и нестроен
Гул веселых деревень.

Из-за гор ворчанье грома.
Вздулись водные бугры.
На лугу, у водоема
Шум неистовой игры.

Вторит флейтам грохот трубный,
Страстный, огненный напев,
Позолоченные бубны
Стонут в пальцах быстрых дев.

Руки, плечи загорели
В ярких жалящих лучах,
Блеск серег и ожерелий,
Зной в потупленных очах.

Бьются медные монеты
В благовонной мгле кудрей.
Нежным пурпуром одеты
Дали гаснувших морей,

Рощи лавров опочили,
Густы воздуха слои,
Бьются, вспенились в точиле
Гроздей пьяные струи.

Ночь пылает. Даже тени,
Даже тени горячи.
Бьются в искрах, в мутной пене
Виноградные ключи.

Выси немы в вечном снеге.
Неподвижный сон верхов.

Камни, скудные побег
Одиноких, черных мхов.

Там под ними – вихрей мчанье,
Быстрый смутный бег веков.
В небе – вечное молчанье
Онемелых ледников.

I

ЧЕРТОГИ САУЛА

САУЛ

Отчего так давно я не знаю покоя?
Не смыкались три ночи больные глаза.
За желаньем одним набегают другие,
За грозой находит гроза.

Как скала на пустынных высотах Кармила
Вознеслась над ущельем, окутанным мглой,
Так над стадом людским бесприютно, уныло
Я стою одинокой скалой.

Целый год, весь страданий исполненный, минул
С незабвенного мне и проклятого дня,
Дня, когда Самуил меня гневно покинул,
И Господь отступил от меня.

Изызвили мне сердце горячие раны,
За рукав я цеплялся, но грозный пророк
Удалился; от ризы его разодранной
Мне остался на память кусок.

И от этого дня уж покой мне не ведом...
О Господь, твоя воля тверда и строга!

Тот ли это Саул? Ах! напрасно к победам
Призывают Саула рога.

Неутешными муками сердце объято...
Я глубоко незримым мечом поражен.
Посребрились кудри мои, что когда-то
Привлекали прекраснейших жен.

От бессонных ночей раскаленного бреда,
О, куда я уйду, навсегда проклятой?
Всё равно мне теперь – поражение ль, победа –
Мне, давимому адской пятой.

Дни и ночи желаний, бессменная ярость,
Бесконечная жажда и скука потом...
Впереди – безысходная, черная старость
Мне грозит костью перстом.

О рабыни, с волос совлеките повязки!
Обожгите меня ураганом пустынь!
Мне осталось одно – иступленные ласки
Этих вскормленных солнцем рабынь.

Я забудусь на миг в этом вихре объятий,
И запястий меня убаюкает звон, –
Но очнусь: филистимлян огромные рати
С четырех наступают сторон.

И вспомню, что царь я, народу любезный,
И жизнь озарится лазурной мечтой...
Но дух мне, извергнутый адскою бездной,
Всё шепчет: ты царь проклятой!

О, если б погасли желанья, стремленья!
Их мука насквозь прожита,
Но призрачен радостный миг утоленья,
И прочное счастье – мечта.

Желания жизни – безумны, бесцельны,
Как волн океана тревожный порыв,
Как туча, что мчится во мгле беспредельной
И тает, ударившись в горный обрыв.

Бесцельно свершает свой путь одинокий
В небесном просторе царица луна,
Куда она мчится велением рока, –
Об этом не знает она.

В горах Галилейских весенними днями
Я видел: цвели голубые цветы.
Но осень настала, с туманом, дождями,
Развевала сон красоты.

Смирись перед роком. Лови наслаждений
Минутные краски, случайные дни!
Не тщишь разорвать эту цепь заблуждений,
Отдайся волнам и усни.

Но отдыха нет на безрадостном ложе.
Закрою глаза – и опять предо мной
Возникнет всё то же, всё то же, всё то же,
Проклятье природы земной.

Нет, нет! Как цветов, не могу прозябать я,
И душен мне мир, как гнилая тюрьма!
Нет, мне не стереть рокового проклятья,
Палящего сердце клейма!

Я помню день: я с братьями моими
Пошел искать потерянных ослят.
В дали полей, тонувших в синем дыме,
Давно блуждал мой утомленный взгляд.

Подумал я, что нас заждались дома.
Был душен зной полдневной тишины.

Увидели мы возле водоема
Веселых дев, черпавших в кувшины.

Они пошли, пылающее око
Под мрак ресниц застенчиво склоня.
Я им сказал: вы знаете пророка!
К пророку путь откройте для меня!

И чистых дев неожиданным разговором
Я, пастырь, им не знаемый, смутил.
Мне назвала одна, с поникшим взором,
Дом, где живет провидец Самуил.

Придя, я стал смиренно у порога,
Я, бедный сын отеческих полей,
И на меня из каменного рога
Пророк возлил помазанья елей.

И новая во мне явилась сила,
Таинственно воспламенел мой дух,
Любезный сын пророка Самуила,
Я стал царем, незнаемый пастух.

Наутро я пошел домой, и скоро
Нашел моих потерянных осят.
И поднесли у светлых роц Фавора
Мне мех с вином, три хлеба и козлят.

И я вошел на холм зеленоглавый,
Пурпурных туч разорвалась гряда,
И в их венце, в лучах небесной славы,
Ко мне спустилась ангелов чреда.

Одежды их алмазами горели,
От крыльев дождь струился снеговой,
Держа в руках тимпаны и свирели,
Они текли в лазури огневой.

Над ними рой кружился голубиный;
И в золотых распущенных кудрях
Сверкали лент огнистые рубины,
Как жертвы кровь на дымных алтарях.

Снопам искр их головы сверкали...
Их всех несла на волнах синева.
Вкруг тонких рук потоками стекали
Лучистых риз льняные рукава.

И я не знал: принять их за кого мне,
За юношей иль за прекрасных дев?
А хор их рос торжественней, огромней...
Мне дух пронзил божественный напев.

И ангел мне из горних стран востока
Пронзил чело расплавленным венком.
И из души моей огонь пророка
Взвился в лазурь багровым языком.

Исчезло всё. Мои земные очи
Вотще тонули в дали синих гор.
И я пошел, в селениях пророка
То, что узнал, восшедши на Фавор.

Канули яркие дни откровений!
И тоска, и тоска без конца!
Тщетны молитвы, и слезы, и пени...
О рабы, позовите певца!

Лишь одного я желаю: забвенья!
Я умчаться хочу на незримых волнах...
Раны целит это тихое пенье
И игра на созвучных струнах.

Давид

Привет тебе, мой царь!

Самл

Я жду: скорее

Играй и пой свои простые песни!

Они – елей целебный для души.

Давид (поет)

Стихли вьюги, холодные, злостные.
В глубине изумрудных долин
Распустились цветы медоносные
Под навесами синих маслин.

Запах лилий, молчанье, прохлада...
Зажигается звездный венец.
Раздается в горах Галаада
Запоздалых бляенье овец.

Жду тебя я порою вечерней,
Улегается розовый прах;
Легконогой подобен ты серне
И оленю в Вефильских горах.

Гиацинты, нарциссы и розы
Травянистый устелят нам одр,
Мои груди – душистые лозы
И, как лилии, выгибы бедр.

Как приветливо в доме родимом
Загорелись ночные огни;
Я к устам припадаю любимым,
Ты рукою меня обогни;

Мои кудри – золотая корона,
Я руками тебя оплету...
Я – нарцисс из долины Сарона,
Я – лилея в молочном цвету!

В синем тумане вечерние дали;
Резко отчетливо лунная тень!
Вижу я блеск золоченых сандалий:
Ты оперлась о зеленый плетень.

Милая, звезды сверкают над нами,
Милая, крепче ко мне припади!
Будем охвачены нежными снами,
Сладко вздохну у тебя на груди.

Шею твою обнимаю я твердо,
Сердце баюкаю трепетом ласк,
Белая шея, как башня, что гордо
С высей Ливанских глядит на Дамаск.

Хижины гаснут, селенье спокойней,
Сумраком звездным горит тишина...
Груды твои – серны белые двойни,
Нежное тело белее пшена...

Взором ты яркие звезды затмила,
Нет в тебе скверны и вся ты чиста...
О, голова твоя – круча Кармила,
Токи вина источают уста.

Милый мой, взойдет заря!
Дверь тихонько отворя,
Мы пойдем с тобою в села,
Вместе встретить день веселый.
Милый мой! с тобой вдвоем
В сад ореховый сойдем,

Взглянем в поле, расцвели ли
Чашы дольных, белых лилий...
Милый, милый, я не сплю,
Нежный шепот твой ловлю...

Вздохи твои фимиама душистей.
Ты, что голубка, чиста.
Груды твои – виноградные кисти,
Алая лента – уста.

Кудри твои, как стада Галаада,
Белые зубы, как искры огня...
Скоро дохнет зарева прохлада,
Вспыхнет мерцание дня!

САУЛ

Спасибо, мальчик, песнью благодатной
Ты духа адского развеял чары.
На сердце хорошо. Из знойных глаз
Слеза прозрачная упасть готова.
Как ты согрел меня! Скажи, откуда
Ты научился этой дивной песне,
В которой слово каждое – любовь?

ДАВИД

Когда пропал из стада у отца
Ягненок, я был послан на разведки.
Искал везде и, наконец, пришел
К горам Гевуйским; там я встретил стадо,
И в нем узнал я нашего ягненка
Среди скота, рассеянного редко.
Между двух гор в долине травянистой
Его пасла пастушка молодая,
С распущенными русыми кудрями,

В которых ярко иногда блестели
На солнце вешнем медные монеты.
Я ей сказал, что это мой козленок,
И с радостью его она дала мне.
Я знал, что до свету мне не поспеть
Домой, к отцу, а ночью я боялся
Один идти, чтоб не попасться в руки
Разбойников, что грабят по дорогам.
А потому, разговорясь с пастушкой,
Я принял приглашение ее,
И в дом к отцу она меня свела.
Старик пастух меня с приветом встретил,
И разделил я с ним убогий ужин:
В кувшине глиняном он молоко
На стол поставил, хлеб с ломтями сыра
И саранчу, которую собрали
В долине Ездrelонской накануне.
А девушка, когда уж ночь синела,
Присев к окну, запела песню гор.
И тот напев запечатлелся в сердце
Моем надолго. Дивные слова
Волшебной этой песни я твердил,
На крыше лежа ночью. Надо мною
Кипела ночь несметными звездами.
Одни казались яркими мирами,
Другие – серебристой мелкой пылью.
Всё было тихо. Только иногда
От фигового дерева листок,
Неслышно оторвавшись, задевал
Мне по лицу. Ведь домик пастуха
Под деревом развесистым стоял,
Им мирно осененный. А наутро
С ягненком я пустился в путь обратный,
И ласково со мной простились оба,
Старик пастух и дочь его пастушка;
Она меня еще поцеловала

И, сочных фиг нарвавши, на дорогу
Дала мне, говоря: твой путь не краток,
Так вот тебе, чем подкрепиться, милый!
Прошли года, и я опять прохождением
Был в Галилее. Домик, где когда-то
Я принят был так ласково, опять
Я навестил, и там нашел пастушку,
Но уж одну: ее отец скончался.
Сдружились мы, и много светлых дней
Вдвоем в горах мы провели, и песням
Своим она меня учила. Быстро
Я схватывал нетрудные напевы
И ими оглашал поля и горы...
Потом мы с нею больше не встречались.

САУЛ

Да, в этих дивных песнях веет воздух
Благословенных галилейских гор,
Цветущий рай, где так неверно горе,
Где так невольно верится надежде...
И я прошедшею весною ехал
Ермонскими горами. Гиацинты
С душистыми, тугими лепестками,
Нарциссы бледные, чья жизнь мгновенье,
Жасмины, розы, белые моря
Дерев миндальных, аромат точащих, –
Всё это вспомнил я, тебе внимая!
Как чудно в диких песнях галилейских
Звучит весь этот мир волшебных красок!
Да, эта песнь переживет века
И в новые сердца прольет усладу,
Прочь отогнав мучительные грезы!
Она звучать всё так же будет юной,
Когда от нас останется лишь кучка
Земли холодной, из которой разве

Цветок возникнет призраком былого...
Но пусть земля! Нет, раньше это тело,
Которое цвело, кипело, жило,
Зловонной слизью станет, распадется
И обнажит от мяса наши кости!
И вместо глаз останутся лишь две
Зияющие впадины, – от глаз,
Которые переливались жизнью,
В которых вдруг сквозили краски неба,
Которые то вспыхивали страстью,
То подымались к небу и яснили,
Спокойные, лазурью голубые.
Да, да! Вот что останется от той
Красавицы, с которою беспечно
Вкушал ты радость в рае Галилеи!
Как с этим быть? Но, это раз сознавши,
Уж жить нельзя. Тогда в мгновенье каждом
Ад целый мук, ничем не утолимых.
Послушай, ты ласкал ее? Ты помнишь,
Какою теплотой в твоих объятьях
Ее дышало трепетное тело?
Ты, наконец, лобзал ее в уста,
Румяные, алкающие встречи?
Ты ей смотрел в глаза? Ты погружался
В их глубину, лоя в ней тайну жизни?
Ты в смерть тогда не верил! Но не можешь
Ты знать теперь, что не осталась вместо
Трепещущего пламенного тела
Холодная безжизненная масса,
Точащая мертвящее зловонье...
Что от нее собака с тихим визгом
Не убегает, хвост поджав трусливо.
Что это всё. Что больше ничего
Не может быть. Что к этим чистым прядям
Куски прилипли тлеющего мяса...
Но я молчу. Прости... Кто твой отец?

ДАВИД

Отец мой – Иессей из Вифлеема,
Я – младший между братьями. Овец
Пасти отцом я был приучен с детства

САУЛ

Как это мне знакомо! О, ты счастлив,
Доволен будь своей смиренной долей!
Благовари же беспрестанно Бога,
Что не судил тебе дорог просторных,
Где спотыкнуться так легко. О, если б
Меня он не призвал, я жил бы тихо,
Не знал бы я и ужасов проклятья!
Счастливый! Да... Тебе не суждено
Идти дорогой царской.

ДАВИД

С первой встречи
Тебя я полюбил. Хочу остаться
С тобой всегда, твоим оруженосцем.
По мере сил я помогу тебе,
Мой бедный царь, бороться с адским духом.

САУЛ

Пусть Бог тебе дарует годы счастья,
Жизнь долгую за это состраданье!
С тех пор как Самуил меня покинул,
Все отвернулись от меня со страхом.

ДАВИД

Кто? Самуил? Так, помню, звали старца
Высокого, сияющего ликом.

Однажды пас овец я. Вижу, вдруг,
Мой брат бежит от дома, через поле
И машет мне рукою. Бросив стадо,
К нему навстречу побежал я. Дома
Нас ждал отец и братья. На пороге
Стоял пришлец неведомый. Пророком
Его назвал отец. Меня обнял он
И, взявши рог, на волосы мои
Возлил душистое, густое масло.

САУЛ

А!

ВЕСТНИК

Филистимляне идут!

(Звук труб и гром барабанов за окном.)

САУЛ

О горе!
Они идут, а Бог меня покинул!
Но всё же я оставлю царство с честью.

ДРУГОЙ ВЕСТНИК

Царь!

САУЛ

Ты дрожишь? Ты бледен словно мертвый.
Что испугало так тебя? Успешно
Доселе мы сражали филистимлян,
И вновь сразим, поддержанные Богом.

ВЕСТНИК

Прости, что будет речь моя несвязна,
Но страшная молва идет в народе!
Как длинная змея, вивась в ущельях,
Идут полки несметные. Пред ними,
Как голова у змея, великан
Идет, закрыв, подобно туче, солнце.
Все говорят, что пробил час последний,
И наша гибель неизбежна.

САУЛ

Помню!
Не раз во сне мне этот образ страшный
Являлся, – ужас, изблеванный адом.
Пред ним всё светлое бежало. Сердце
Сжималось и томилось в мертвом мраке.
Но прочь, боязнь! Скорее мне доспехи!
Позвать сюда вождей! Я сам на битву
Вас поведу!

(Сбегаются сыновья Саула и вожди.)

Не бойтесь! Только верьте!
Ионафан! Скорей коня! Оружье!

ИОНАФАН

Мне, мне вели вести войска на битву!
Останься дома сам! Ты болен, болен...
Тебе покой теперь всего нужнее.

САУЛ

Ты лжешь: не болен я!

ИОНАФАН

Твои глаза
Горят бессонным блеском. На щеках
Багровые всплывают пятна. С виду
Ты тяжело болен!

САУЛ

Ну, так всем желаю
Больными с виду быть, затем что я
Здоров, силен, и не идти на битву
Меня заставить может только трусость.
Но пусть я проклят! Храбр я, как и прежде,
И та же мощь в моих руках таится.

ИОНАФАН

Отец, твое здоровье!..

САУЛ

Что здоровье!
Оно в цветущем состояньи! Да,
В цветущем!.. Ха, ха, ха!.. Что ж, что не ем я,
Что ж, что не сплю?.. Привычки эти бросить
Давно пора. Готова лошадь? Что вы
Глядите на меня, как на безумца?
Иль вы ослушаться хотите? Живо
Подайте мне мое оружие!
Я никогда еще так не был силен!...
Ничто не страшно мне.

ИОНАФАН

Пойди, усни!
Поешь хотя немного! Невозможно
Голодным и бессонным рваться в битву.

САУЛ

Собаки! Заговор теперь мне ясен!
Хотите вы свести меня с престола,
Распространив в народе слух нелепый,
Что болен я! Теперь один иду я
Сразиться с великаном. Он иль я
Назавтра не увидит свет небесный.

(Осматривается и хватается за колонну; покачнувшись, падает; у рта его выступает пена. За окном гром труб и барабанов.)

II

САУЛ и ИОНАФАН

Ионафан у окна.

САУЛ

Что значат эти клики?

ИОНАФАН

Наше войско,
Сразившее надменных филистимлян,
Идет назад и радостною песнью
Приветствует нежданную победу.

(Заслоняет окно.)

САУЛ

Что там поют?

ИОНАФАН

Не знаю! Слышу трубы
И бой в тимпаны. Звуки музыкальных
Орудий заглушают песню.

САУЛ

Что ты
Стоишь, окно загородив? Как будто
Не хочешь, чтоб и я послушал клики
Моих счастливых войск? Напрасно думать,
Что весть победы может осчастливить
Кого-нибудь так сильно, как меня!
Теперь мое рассеется унынье;
Я бодр, мне весело. Ведь, значит, Бог
Опять ко мне благоволит, коль эту
Чудесную победу даровал нам.
Недаром я ему и дни и ночи
Молился на одре моем бессонном!
Да, да, теперь верну любовь народа,
И он во мне опять привыкнет видеть
Великого Саула, филистимлян
Жестокого бича... О Боже! Если
Ты внял моим молитвам, задымится
Обильно алтари священной жертвой
И с дымом жертв подыметесь к тебе
Моей души счастливой благодарность!

ИОНАФАН

Отец, уйди! Ты нездоров! Не надо
Тебе теперь показываться к войску!
И радость может быть вредна, когда
Не в меру ей мы предадимся.

САУЛ

Странно

Как выпроводить хочешь ты меня...
Уж будто так я болен? Нет, постой,
Я из окна хочу приветом встретить
Мои войска, сразившие неверных.
Что ты стоишь, загородив окно?
Ты от меня скрываешь что-то?.. А!
Всё это ложь!.. Вы, как с больным ребенком,
Играете со мной, желая скрыть
Весь ужас правды! Значит, мы – разбиты,
И то не крик победный наших войск,
А филистимлян бранные напевы!..
Они вломились в город! Эй, доспехи
Скорее мне! Увидите, как я...

ИОНАФАН

Отец, я правду говорил. Не стал бы
Обманывать тебя я так нелепо.
То наше войско! Подойди и слушай...

(Отходит от окна.)

Я сделал всё, что мог.

САУЛ

Так это правда!

И громкий вопль народный означает
Ко мне любовь, к отцу их и владыке!
Да, тысячи я победил. – Что это?
Давид?.. Какой Давид?

ИОНАФАН

Тот нежный отрок,
Что утешал тебя игрою сладкой
И песни пел о тихой сельской жизни.
Иессея сын из Вифлеема. Этот
Пастух мой лучший друг. Сражен им грозный,
Всё войско в страх ввергавший Голиаф.

САУЛ

Советую тебе друзей получше
Себе найти. А с сыном пастуха
Быть другом, знай, царевичу не дело!

ИОНАФАН

А сами разве мы не пастухи?
Иль ты не пас овец на поле Киса,
Когда еще на царство не был избран?

САУЛ

Спасибо, сын, за это наставленье.
Я знаю, стать давно пора мне скромным.
Да, я – пастух! О, для чего покинуть
Велел Ты мне мое родное поле,
Где я беспечно охранял стада,
Счастливый сын стареющего Киса!
Меня любили все, и был я добрым.
Я не хотел иной прекрасной доли.
Я был силен. Как спорилась работа
В моих руках. Как я любил просторы
Веселых нив и синий дым вечерний,
Когда стада сбегались к водопою!
Зачем привлек меня на путь тяжелый?

Зачем манил меня неверным счастьем?
Я не искал престола! Сам хотел Ты
Меня царем в Израиле поставить.
Но я не смог идти дорогой царской.
Так отпусти меня. Зачем проклятье?
Нет, Ты несправедлив!

*(Перед окнами останавливается войско. Барабаны
смолкают.)*

Давид (войску)

Сказал Саулу я: зачем
Нужна мне медная броня?
Отступит Бог – ни щит, ни шлем
Не защитят от стрел меня.

Обременяться ношей лишней
Не стану я, бросаю щит,
Бросаю меч; один Всевышний
Меня от смерти защитит.

Я безоружен, посмотри!
Мне помощь не нужна ничья!
Беру я в сумку камня три
Из близ текущего ручья.

Ведь без оружия и без шлема
Я льва убил, преодолев,
Когда в горах у Вифлеема
Мою овцу похитил лев.

Мне великан в лицо глядит,
Презреньем дышит острый взгляд,
Ему смешон мой детский вид
И мой пастушеский наряд.

Глумясь над Богом Израэля,
Мне крикнул враг мой: трепещи!
Но, метко в лоб ему прицеля,
Я бросил камень из пращи.

И навзничь он упал, в пыли
Широко тело распластав.
Так умер враг моей земли,
Хулитель Бога Голиаф.

Он пищей стал лесного зверя
И хищных птиц, истлел, сгорел...
Я шел на битву, сердцем веря,
Что Бог спасет меня от стрел.

Я силы не страшусь земной.
Зачем мне меч, зачем мне щит?
Господь со мной! Господь со мной!
Меня всегда Он защитит.

САУЛ

Да, да, с ним Бог! Так, значит, Ты, как прежде,
Всесилен и даешь победу тем,
Кого полюбишь! О, я думал, больше
Не силен Ты, когда Тобой был брошен,
Когда я стал томиться одиноко
И опустело это сердце, храмом
Тебе служившее. Я думал землю
Оставил Ты и проклял. Но ошибся
Жестоко я. Нет, продолжаешь щедро
Ты расточать свои благодеянья
Тем, вдруг кого по прихоти полюбишь!
Меня любил Ты прежде и высоко
Вознес меня щедротами Твоими,
Ну, а теперь... Но неужель другой

С такой же любовью безраздельной,
С какою я Тебе отдался, ныне
Тебе отдаться мог? Не понимаю,
Как мог Ты вдруг, отторгнувши Саула,
Другому дать свое благоволение!..
О, вижу, я любил Тебя напрасно.
Однако знай: коль Ты мне объявляешь
Теперь войну, не думай раздавить
Меня, как жалкого червя! Бороться
Я стану до последнего дыханья,
Пока моя не высохнет гортань
И изойдет больное сердце кровью!
Поборемся!.. Посмотрим, кто кого!..
Один, совсем теперь один... И страшно,
И холодно. Навеки я оставлен.
Кем? Кем оставлен? Призраком, рожденным
В истерзанном моем воображеньи.
По слабости себе его я создал,
Чтобы пред ним униженно молиться,
Затем что все родимся мы рабами!
Но первый раз блаженство ощущаю
Теперь, когда докучное виденье
Стряхнул с себя и сам себе стал Богом!
Я лучшее придумал отомщенье
Владыке злему. Он напрасно тщился,
Запугивая ужасами ада,
Меня в него заставить верить. Полно!
Очнулся я от дикого кошмара
И праздную моей свободы праздник!
Что ж, заступись за самого себя!
Молчишь? Молчишь? Молчишь?.. Затем что вовсе
И нет Тебя ни на земле, ни в небе!

Голос

Он – безумный!

Кто это сказал? Отвечайте! Говорите, собаки! Не то шукурами вашими я изукрашу стены Галгальские!

(Молчание.)

(Падая.)

Помогите!.. Нет, ничего... Ничего больше не нужно!
Мне лучше...

Нет, нет! Я лгал себе, когда я думал,
Что жребием смиренным пастуха
Мои могли насытиться желанья.
Нет! Я всегда алкал Тебя, Всевышний.
О, помню, иногда в тиши полудня,
Баюкаемый шепотом ручья,
Я погружался в смутные мечтанья,
Я ждал чудес в предчувствии призванья...
Ты был моей любовью первой, – да,
Любовью первой и единой. Страсти
Мой сжигали сердце, но любовью
Я лишь к Тебе горел, не понимая
Иной любви... Из-за Тебя казался
Я чуждым среди семьи моей. Укоры
Мне расточала, в грудь себя бия,
Ахинаам, жена, когда внезапно
На ложе, полном ласк, объятий, вздохов,
Я каменел, как будто схвачен кем-то
Невидимым. И становились чужды
Мне дом родной, и радостные игры
Моих детей под желтою маслиной,
И песни сладкие жены, идущей
С кувшинами, наполненными влагой
Серебряной от ближнего колодца.

И я бежал в глухие горы. Камни
Мне вторили, и эхо разносило
Мои моления Богу Израэля.
Но Ты другого больше любишь? Кто он,
Саулу предпочтенный? Этот жалкий
Мальчишка с белым пухом под губою,
Способный лишь играть, пуская камни
Из самоделанной пращи, да песни
С плаксивою девчонкой петь в Гелвуйских
Горах... Но он недолго торжествует!
Я затравлю, как жалкого волчонка,
Моею сворой этого Давида
И надругаюсь над Тобой, Всевышний!
Один теперь... Совсем один... Разрушен...
Кумир любимый! Что же? Отзовись!
Хоть громом прогреми в горах соседних,
Хоть мышью пискни из угла! О, лучше
Будь громом, мышью, чем угодно, – только
Дай мне увериться, что Ты – не призрак,
Что – не ничто!.. Прощай! Когда-то проклял
Меня Ты, а теперь я проклинаю
Тебя, червя, точившего мне сердце!..
Нет, ты – не Бог! Ты – адский дух, принявший
Личину Бога! Сгинь, проклятый призрак!
Один!.. Его я проклял и навеки
Оставлен Им, добыча сам себе...
Он не помог... А я Его любил,
И Им одним мое горело сердце...

(Уходит, опираясь на Ионафана.)

III

ЧЕРТОГИ САУЛА

ДАВИД (поет)

Блажен под покровом Господним живущий:
Храня от погибельной сети ловца,
Его осеняет Отец Всемогущий
Крылами, как птица птенца.

Господняя правда – и щит и ограда.
Ему не страшна полуночная мгла,
Ни в час, когда жжет беспощадная страда,
Полднего беса стрела.

Кругом его тысячи пали; но разве
Он может мертвящей стрелой быть пронзен?
К жилищу святого и стрелам, и язве
Щитами небесными путь загражден.

Господь его помнит, Господь к нему близко,
Хранящий на сердце Господни слова
Наступит на аспида и василиска,
Попрет и дракона, и льва!

Кто праведен – волей храним всемогущей;
И будет Господь к нему в милостях щедр.
Он пальме подобен, на высях цветущей,
Возвысится он, как торжественный кедр.

САУЛ

Остановись, довольно! Сам хочу я
Теперь занять тебя рассказом чудным.
Не слышал ты сказанья о проклятом?

Давид

Нет, не слышал.

Самл

Он был прекрасный ангел,
Всех ангелов прекрасней. Светоносным
Звался он в небе. Но проклятый Богом,
Теперь он страшен кажется младенцам
И их во сне пугает, простирая
Над ними крылья черные. Он – друг
Всех нас, проклятых Богом разъяренным.
Как часто вижу лик его прекрасный!
Спокойный, бледный, грустно одинокий,
Бесшумно вея черными крылами,
Ко мне склонился он, когда впервые
Я проклинал проклявшего меня.
Уста его бесцветны. Поцелуи
Безвременно печальны. Мне казалось,
Что я его когда-то видел в детстве,
Что это – друг старинный. В одинокой
Холодной темноте он приникает
К горячему постели изголовью
И охлаждает лоб мой воспаленный.
Но как он холоден! Однажды слезы,
Моим горячим выжженные сердцем,
К нему на крылья черные упали.
Оледенев мгновенно, разметались
Они, как звезды льдистые на черном
Покрове ночи; и замерзло сердце,
И ни о чем уж боле не жалел я.
Я знаю: поцелуй его смертелен.
В глазах его безбрежные просторы
Небытия, где нет цветов и звуков.
А как любил я жизни острый пламень!

Везде искал я жизнь, и ей молился.
Руки бесцельное стремленье, мысли вспышка,
Хотенье сладострастное – всё было
Мне лишь единой жизни откровеньем,
И верил я в Того, Кто вечно сущий.
Его любил я, и моей любовью
Он вечно жил, и семя вечной жизни
Я в Нем имел. Но проклинал я Его,
И нету больше Бога, и я сам,
Отторгнутый от жизни вечной, жертва
Игры случайной временных явлений,
Его убив, себя убил навеки
И стал добычей яростного страха.
Тогда-то вот давно знакомый голос
Старинного товарища раздался,
И я упал в холодные объятия
Сулившего покой небытия.
Пусть неприютно, холодно... О, лучше
Остаться с этой правдою холодной,
Чем тратить негасимый пыл любви,
Чтоб сотворить ненужный лживый призрак,
Который, насмеявшись над тобою,
Тебя жестоко бросит. Пой скорее,
Играй на гусях, разгоняя ужас!

ДАВИД (поет)

Он пищей стал лесного зверя
И хищных птиц, истлел, сгорел...
Я шел на битву, сердцем веря,
Что Бог спасет меня от стрел!

Я силы не страшусь земной;
Зачем мне шлем, зачем мне щит?
Господь со мной! Господь со мной!
Меня всегда он защитит!

САУЛ

Безумный! Кто твоя защита? Призрак,
Который няньки выдумали детям,
Чтобы заставить их повиноваться!..

ДАВИД

Сдержи язык! Бог грозен! Не кощунствуй!

САУЛ

Я не рожден, чтоб подло пресмыкаться,
И страх меня смириться не заставит!

ДАВИД

Безумный! Иль не видишь Божьей кары?
Зачем в своем упорствуешь безумье?

САУЛ

Не забывай, что ты еще не царь,
И я могу отдать тебя собакам!

ДАВИД

Не забывай, что больше ты – не царь
И что на мне помазания масло.

САУЛ

Да, он хотел тебя царем поставить,
Но я хочу другого! Ты увидишь,
Кто победит!

ДАВИД

Когда угодно Богу,
Чтоб был Давид царем – царем он будет.

САУЛ

Когда угодно мне, чтобы Давид
Растерзан был, то он растерзан будет!

ДАВИД

Не изменить тебе Господней воли.

САУЛ

Молчи, несчастный, или я, не медля,
Тебя проткну копьём медноконечным!

ДАВИД

Меня спасет мой Бог!

САУЛ

Посмотрим, как-то
Тебя спасти Он станет!

ДАВИД

Жизнь мою
Я предаю в Его святую волю!

САУЛ

Не раздражай меня смиреньем глупым!
Ты не дитя, чтоб верить бабьим сказкам!

ДАВИД

Я не безумец, чтоб отвергнуть Бога!

САУЛ

Я не безумец, чтоб Его бояться!
Его я проклял!

ДАВИД

Нет, но Он тебя!

САУЛ

Не при тебе ли проклинал я Бога?

ДАВИД

Твое проклятье было крик бессилья!

САУЛ

Прими ж мой дар бессильный, ты, всесильный!

(Бросает в него копьем. Копье вонзается в стену.)

ДАВИД

Господь меня хранит от вражьей злобы!

САУЛ

Что это? Или призраки владеют
Моим умом, что стали чудеса
Свершаться пред глазами? Прямо в стену
Вонзилось острое, а целил метко

Я в лоб ему. Рука моя доселе
Не изменяла мне ни разу. Странно...
Иль правда Богом он храним?

ДАВИД

Уверуй,
Что жив мой Бог и что Ему не надо
На то, чтоб быть, твое согласие!

САУЛ

Вот же!
На этот раз удар мой будет меток!
Мальчишка хитрый! Ловко увернулся
Ты от копья! Пусть веруют глупцы,
Что Бог тебя хранит, тогда как просто
Ты хитростью своей избегнул смерти!
Но я тебе отмшу, и ты царем
Не будешь! Я над волею Господней
Восторжествую. В глубину пустынь
Ты убежишь, и там тебя настигнут
Мои войска, и принесут мне труп –
Тебя, царя, помазанного Богом!..
Беги теперь, чтоб я тебя не видел.

(Давид уходит.)

Как пусто, пусто! На осеннем небе,
Как зарево, встает кровавый серп...
Да, на ущербе месяц. Как он страшен!
Ни звука! Чу! осенние листья
Шумят в саду с непостижимой грустью.
Грядущее – темно, темно...

(Входит Ионафан.)

ИОНАФАН

Прилег бы
Немного ты, отец! Уж пять ночей
Не подходил ты к ложу! Что ты смотришь
С безмолвным ужасом в окно?

САУЛ

Задерни
Скорее занавеску! Этот месяц –
Какой-то нехороший! Тише. Слушай!
Как будто ветер изменился. Значит,
Погода переменится.

ИОНАФАН

Да, ветер
Холодный из пустыни дует.

САУЛ

Лучше
Теперь в могилу лечь, когда повсюду
Могильным веет холодом. Но горько
Холодному ложиться в гроб холодный,
Когда душист и зноен горный ветер,
Когда земля пьянеет жаждой жизни.

ИОНАФАН

Отец, зачем такие мысли!

САУЛ

Разве
Не видишь ты, что смерть глядит мне в очи?

Не избежать когтей ее железных...
Что там задрезало?

ИОНАФАН

Ветер! Ветер!

САУЛ

Настанет день, и мир – пустыня будет!
Умрет живое всё, и тот же ветер
Носиться будет с похоронной песнью,
Оплакивая мир, когда-то живший,
Страдавший, всё терпевший, в ожиданьи
Какого-то неведомого счастья,
И провалившийся...

ИОНАФАН

Ты просто болен!
Пройдет болезнь, – и ты вернешься к жизни!

САУЛ

Я не могу ожить. Я заключил
Союз с проклятым, мертвым богом смерти.
Он соблазнил меня холодной лаской.

ИОНАФАН

Оставь свой бред! Смотри на жизнь здорово!

САУЛ

Ты не видал его бесшумных крыльев
И потому еще живешь надеждой.
Что за безумье там?.. Как будто день

Приблизился последний. Раствори
Окно! Вот так. Как душен сумрак ночи!
И холоден, и душен. Звезд не видно,
И в мутной мгле повис обломок красный.
Ужели звезд я больше не увижу?
Я их люблю, бездумных и бесстрастных...

ИОНАФАН

Отец, прими целебное питье!
Ты целый день его не трогал.

САУЛ

Дай!

(Берет изукрашенный резьбой с рисунками золотой кубок и, откинув голову, с упоением глотает.)

ИОНАФАН

Как исстрадался он и как ужасно
Ему лицо прекрасное изрыли
Глубокие морщины! Напряженье
Во всяком мускуле! Так жить нельзя,
Без сна, без пищи, жертва страшных мыслей!

САУЛ

Как будто благодатная сонливость
По телу разлилась! Когда бы мог я
Теперь уснуть!

ИОНАФАН

Ложись, а я пойду.

САУЛ

Нет, погоди! Вот я один останусь,
А он и явится – предтеча смерти...

ИОНАФАН

Спокоен будь! Теперь уснешь ты крепко
И утром встанешь с обновленной силой.

САУЛ

Окно закрой покрепче! Так. Ты знаешь,
Я говорил тебе, что Бог оставил
Меня совсем на жертву темным силам!
Я знаю, гибель неизбежна. Всё же
Не верится, что я умру бесследно!
Ведь жил я в Боге. Как Он мог оставить
Меня совсем?

ИОНАФАН

Прощай! Покойной ночи!
Я уношу свечу.

САУЛ

Нет, нет! Оставь!
Я не гашу до утра. Разольется
Рассветный крик петуший за окном, –
Тогда ее и погасить!.. А раньше
Боюсь остаться в беспросветном мраке
Наедине с собой и с ним... Скорее б
Заря всходила!

ИОНАФАН

Доброй, доброй ночи!

(Уходит.)

САУЛ

Я падаю куда-то... Близко, близко
Проклятый дух, и нет спасенья мне...
Позвать певца!.. Но я его прогнал...
Он больше не вернется! Страшно, страшно...

(Падает на ложе и закрывает глаза.)

IV

ПУСТЫНЯ ЭНГАДДИ

Пещера. В глубине Давид и воины. Давид поет. Вбегает Авесса.

АВЕССА

Ходил я за водою. Вижу, рати
Громадные Саула наступают,
И вся пустыня блещет медью шлемов.
Я, прячась за пригорками, камнями,
Бегу тебя, Давид, предупредить,
И вот на узенькой тропинке, сбоку
Заросшей кактусом, глазам не верю!
Саул, – один, без свиты и без близких,
Идет, на грудь уныло опустив
Торжественную голову, а кудри
Громадным черным лесом ниспадали
Ему за спину, и трепал их ветер.

Он не глядел по сторонам. Обходной
Тропинкой побежал скорей к тебе я.
Он прямо шел к пещере. Видишь: Бог
Тебе врага сегодня предал в руки!
Он безоружен. На него враспloch
Мы нападём! И больше нет Саула!

ДАВИД

Принес воды?

АВЕССА

Да, глиняный кувшин
Наполнен весь студеной, чистой влагой.
Искал я долго! Начал приходить
В отчаянье. Кругом серели камни,
В края небес бесцветных уходила
Горячая песчаная пустыня;
Ни облачка; вот только в вышине
Всплывает белый, легкий, тонкий волос,
Надежду дав желанного дождя,
И вновь бесследно тает. Ни цветка,
Ни хилой травки в каменном ущелье;
Лишь кактусы раскидывают всюду
Корявые, в жестоких иглах лапы,
Да иногда возникнет из камней
Змея, сверкая чешуей пятнистой,
И, быстро извиваясь, пропадет,
Вильнув хвостом, за каменную глыбой.
Уж мой язык засох от острой жажды;
Я не считал бесчисленные капли,
Стекавшие с лица в песок горячий;
Хотел уж я сюда вернуться. Вдруг
Приветное послышалось журчанье;
Холодный ручеек из недр скалы
Стекал по дну из разноцветных камней,

Из каменных отверстий выбивались
Прозрачные и ледяные струйки;
Кругом ручья лужайка зеленела,
И под водою желтые цветы
Склонялися трепещущей головкой.

ДАВИД

Тс! Кто вошел?

АВЕССА

Саул!.. Иль ты не видишь?..

ДАВИД

Не двигайтесь до моего приказа!

*(Делает несколько шагов и смотрит по направлению
к выходу пещеры.)*

Усталый, он упал на пол пещеры
И, широко раскинув кудрей пряди,
Закрыв глаза. Во всем могучем теле
Какая-то надломленность. Как тяжко
Вздывается его крутая грудь!
Растрескались широкие ступни,
И жадно пыль насела на ногтях.
Пернатый шлем скатился с головы;
Под голову положен плащ багряный.
Уста сухие жалостно открыты...
Как дикий лев, стрелою уязвленный,
Лежит Саул, еще недавно грозный,
И, кажется, сейчас из алой пасти,
Густыми волосами обрамленной,
Рыканье вылетит, встревожа эхо
И огласивши каменные своды...

Глубоко спит, измученный дорогой!..
Вот ящерица гибкая вскочила
На грудь ему, юркнула и пропала
В пещерной трещине. Он не проснулся...
Саул! Мой царь! В моей теперь ты власти!
Вот меч. Взмахну – и больше нет врага,
И я один – владыка Израэля!
Но знай: Давид не станет на царя,
Помazanного Богом и пророком,
Бесчестно руку подымать! К тому же
Все ужасы гоненья не могли
Во мне любовь горячую ослабить
К тебе, моей алкающему смерти!
Но, чтоб ты знал, что был в моих руках,
От твоего плаща я отсеку
Большой кусок золоченого шелка!

(Вынимает меч и отсекает. Воинам.)

А вы его не смейте пальцем тронуть!
Проснувшись, он захочет, верно, пить;
Кувшин с водой поставлю к изголовью!

*(Берет глиняный кувшин с змеевидной ручкой и ставит
возле Саула. Саул шевелится. Давид прыгает в глубину
пещеры.)*

САУЛ

О, если бы хоть каплей чистой влаги
Я освежил пылающие губы!
Кувшин! Откуда? Прежде не видал я
Здесь кувшина! Но это очень кстати.

(Пьет. Давид показывается.)

САУЛ

Опять меня морочит призрак лживый?
В пустыню я, и он за мной в пустыню!

ДАВИД

Смотри! В лучах полуденного солнца
В моих руках блестит кусок багряный
От твоего дорожного плаща!
Сейчас его отрезал я мечом!
Когда б хотел я, заостренный меч
Легко отсек бы голову твою.
Но не хотел я гибели Саула,
Хоть он моей алкает так упорно!
Мне горько, царь, что я посмел одежду,
Тебе принадлежащую, рассечь!
Теперь ты видишь, понимаешь ты,
Что понапрасну думал, будто я
Ищу тебя убить? Когда бы легче
Я это мог исполнить, чем теперь!
Но вот мой меч к ногам твоим слагаю!
Опомнись, царь! Кого ты злобно гонишь?
Что сделал я тебе? Господь рассудит
Меня с тобой! Но знай: моя рука
Не поразит тебя!

САУЛ

А я-то думал,
А я, безумный, верил, что с престола
Меня свести ты хочешь!.. О, безумье!
Прости меня, прости меня, Давид!
Давид, мой сын, ты ль это?

ДАВИД

Я, мой царь!

САУЛ

Прости, за зло добром мне воздающий!
О, как ты чист и свят! И как я мерзок
Себе кажусь перед тобою! Кто,
Кто, повстречав врага, его отпустит?
А ты... Послушай: скоро час пробьет
И средь живых меня уже не будет!
Я не скорблю о жизни! Но одно
Меня томит: оставлю я детей,
Беспомощных сироток. Злая участь
Детей Саула ожидает. Если
Ты раз был добр с твоим врагом заклётым,
То пощади его птенцов безвинных!
Они тебе не могут повредить!
Пошли их к деду Кису. Там забудут
Они отца, виновника их бедствий,
И доживут свой век под тихой кровлей
Пастушьей хижины. Не будь жестоким,
Не откажи в моей единой просьбе,
Клянись ее исполнить!.. Царь Давид!..

ДАВИД

Клянусь ее исполнить, царь Саул!

САУЛ

Мой мальчик! Ты ль, недавно так игравший
На гусях песни галилейских гор,
Ты ль, так робевший в царственных чертогах,
Ты ль – ныне царь?.. О, что со мной? Без боли
Тебя, Давид, царем я называю!

Достоин ты престола! Как прекрасен
Ты стал теперь! Каким чудесным блеском
Твои глаза сияют голубые!
Будь, будь царем и будь меня счастливей!
Цвети здоровьем, силой, красотой...
Но, позабыв проклятого Саула,
Не забывай его детей несчастных!

(Выбегает.)

V

ЧЕРТОГИ САУЛА

Ночь

САУЛ

Он умер. Перед смертью ничего
Не поручил сказать мне. Неужели
Меня совсем забыл он? Иль, быть может,
Не смел, боялся Бога?.. Одинок
Совсем теперь мне стало! Прежде знал я,
Что где-то есть великий муж, мудрейший
Меня... Он умер. Я теперь один.
Все, кто вокруг, мне кажутся ничтожны,
И сердце им открыть я б не решился.
Что мне дадут они? Насквозь я знаю
Все мысли их. Мне душно в этом мире,
Я жажду тайн, сокрытых в сердце мира...
Я знаю, мир умерших страшно близок
Для нас, живых, и силой тайных чар
Порой мы может с ними общаться
(Одни глупцы не ведают об этом)!
Я богом стал себе однажды, Бога
Отвергнув... Тайны жизни мировой

Ужели Бог не вскроет? Помню, слышал
Я о колдунье галилейской. Как-то
Мне указали дом ее, высоко
Стоящий на горах у Аэндора
Среди бесплодных скал... Она мне даст
Ключи от тайн. Презренно суеверье,
Что запрещает нам тревожить мертвых!
Он нужен мне, и я его достану,
Хотя б из черной пасти ада! Завтра
Тайком бегу в далекий Аэндор,
Чтоб говорить с пророком Самуилом!
Как ночь ясна, прозрачна! Над горами
Сияют звезд лучистые лампы;
Ни ветерка, – и слышу чутким сердцем
Напевы звезд серебряных. Хотел бы,
Покинув шум земли, в далекий путь
Пуститься я сквозь океан воздушный
И навестить пустынную луну...
Ничья нога там не была ни разу;
Там нет цветов и вольных ручейков,
Там тишина и неподвижность смерти.

(Появляется женщина в белом покрове.)

Кто там вошел?

(Женщина скидывает покров с головы.)

Шомера, ты!.. Не верю!..
Нет, это наваждение!

ШОМЕРА

Здравствуй, царь мой!

САУЛ

Тот самый голос, так давно звучавший!

ШОМЕРА

Я принесла тебе благословенье
Отца, тобой забытого!

САУЛ

Отца?
Он вспомнил обо мне? А я... Я думал...

ШОМЕРА

Он сына ждет!

САУЛ

Отец, отец!..

ШОМЕРА

Печально
По вечерам сидит он на пороге,
Когда стада бегут, вздымая пыль,
Алеющую в зареве заката,
И говорит: Саул, мой сын! Ужели
Тебя я не увижу?.. И не он,
Мой первенец любимый, мне закроет
Глаза, последним сомкнутые сном!..

САУЛ

О, говори! Я каждый звук ловлю!..

ШОМЕРА

Вот я пришла! Я слышала, ты болен,
И Бог тебя оставил?

САУЛ

Да, оставил!

ШОМЕРА

У нас весна! Я принесла тебе
Румяный гиацинт со дна долины;
Возьми!

САУЛ

Весна!.. Ты говоришь: весна?

ШОМЕРА

Весна в родных горах! Под ясным небом,
Между кустов, зазеленевших ярко,
Опять гуляют овцы, и свирели
Поют из золотистой дали!

САУЛ

Странно!..
Я думал, больше нет нигде весны!..

ШОМЕРА

Идем со мной! Как прежде будем жить,
И ты уснешь в моих объятьях жарких!

САУЛ

Меня любила ты! Да, но теперь
Кто может полюбить меня? Источен
Проклятьем я, и потускнел мой взор.

ШОМЕРА

Люблю тебя, Саул! Люблю, как прежде,
Мой бедный царь!

САУЛ

И ты Саула любишь?
Беги, несчастная! Страшись с проклятым
Его проклятье разделить!

ШОМЕРА

С тобою
Я не боюсь проклятья!

САУЛ

Странно, странно!

ШОМЕРА

Иди к отцу. Он ждет тебя всечасно.

САУЛ

Идти к отцу... Забыть всех этих лет
Тяжелый сон, и прежним стать Саулом!..

ШОМЕРА

И прежним стать Саулом!

САУЛ

Возможно счастье? Неужели

ШОМЕРА

Там, в горах весна!

САУЛ

Там, там весна...

ШОМЕРА

И золотятся дали!

САУЛ

Отец... Меня он любит?

ШОМЕРА

Ждет минуты
Тебя прижать к груди своей.

САУЛ

Со стадом
Пойдем мы в горы!

ШОМЕРА

Там цветут нарциссы,
Поет свирель...

САУЛ

И ты, и ты... Шомера!..
Нет, это сон!

ШОМЕРА

Мой бедный, бедный царь!

САУЛ

Нет, поздно, поздно! Должен Самуила
Я вызвать.

ШОМЕРА

Что?

САУЛ

Беги, беги отсюда!
Я проклят! С адом я связался.

ШОМЕРА

Горе!..
Что, что с тобой?

САУЛ

Отцу мою любовь
Снеси! Скажи, чтоб он меня забыл,

Что сыном быть его я недостоин...
Поди сюда! Последнее лобзанье,
И уходи! Прощай!

ШОМЕРА

Нет, не уйду!
Дай мне побыть с тобой!

САУЛ

Кричит петух,
Светлеет сумрак...

ШОМЕРА

Тают звезды...

САУЛ

Крепче
Прильни к устам горячими устами!..

ШОМЕРА

О, если б я тебя вернула к жизни!..

САУЛ

Ты – гиацинт, цветок родимых гор!..

IV

В ГАЛИЛЕЕ. НОЧЬ

По ущелью меж гор, где стоит Аэндор,
Он бежал в нависающей мгле.
Было пусто кругом. Лишь волшебницы дом
Возвышался на голой скале.

В темноте горячей одинокий ручей
Пробивался из каменных скал.
Разбудя тишину, завывал на луну
В отдаленьи голодный шакал.

Вот ущелье темней, и шаги от камней
Отдаются, сливаются в гул,
И, испуганный им, по уступам крутым,
Как безумный, несется Саул.

Вот волшебницы весь. И он крикнул: «я здесь!»
Эй, старуха, скорей отвори!»
Ярко пламя углей, красных маков алей,
Проступало, как пятна зари.

«Заклинаю тебя! Мне томиться невмочь!
Я хочу его видеть теперь!
Чтоб увидеть пророка, в холодную ночь
Пробирался в горах я, как зверь.

Посмотри: я тоской обессилен и стар!
Чтоб услышать знакомую речь,
Прибегаю я к силе таинственных чар...
Эй, старуха! Смотри, не перечь!

Коль pomoжешь ты мне, я тебя награжу,
А откажешь, мечом заколю!

Изнемогший, несчастный к тебе прихожу...
Приступай к заклинанью, молю!»

И при виде меча, заклинанья шепча,
Подняла она перст костяной,
Затрясла головой. Ветра яростный вой
Раздавался за ветхой стеной.

Замутилася мгла. Забелел из угла
Бледно-тусклый могильный покров...
В одиночестве скал как-то странно звучал
Тяжкий звук неизвестных шагов.

И покров совлеча, и костями стуча
О пещеры отзывчивый пол,
Житель темных могил, он, пророк Самуил,
На Саула взор мертвый навел.

И воскликнул Саул: «помоги, помоги!
Ты, возливший елей на меня!
Что мне делать? Кругом наступают враги,
И страшуся я каждого дня!

А Господь отступил от меня навсегда!..
Что могу я, покинутый Им?
Помоги, помоги! Прихожу я сюда
За последним советом твоим!»

– «Для чего из могилы ты вызвал мой прах?
О Саул, мертвецов не тревожь!
В первой яростной битве в Гелвуйских горах
Неизбежную смерть ты найдешь!

Твои дети погибнут, погибнешь ты сам,
И тебе не могу я помочь!
Твой покинутый труп – яства алчущим псам...
Все бегут от проклятого прочь...

Для чего ты, безумный, тревожишь гроба?
Запах смерти живым ядовит...
Ты умрешь! Что могу я? Решила судьба,
И на царство воссядет Давид».

Было пусто кругом. Яркий месяц сверкал,
Горы – дики, пустынно, мертвы.
Тихо звезды мерцают, и только меж скал
Раздается рыданье совы.

VII

В ГОРАХ ГЕЛВУЙСКИХ. ПАЛАТКА САУЛА

Ночь. Саул на ложе. Рядом мерцает светильник.

САУЛ

Как бесконечна эта ночь! Продумал
Я всё давно, и встретить смерть готов!
Ужели ночь последнюю я должен
Без сна томиться в безысходных думах?
О, что за тишь! Отчетливо и мерно
Свершает время круг определенный,
И голос тишины мне ясно слышен.
Один, один... Мне кажется, что я
Лежу на дне глубокого колодца
И вверх смотрю на небо, сквозь отверстие,
Но там звезды не видно ни единой.
Кто это?

АВЕНИР

Я, мой царь!

САУЛ

Приходишь кстати.
Не спится мне. Я рад со старым другом
Поговорить об этом свете бледном.
Спокойно всё?

АВЕНИР

Обходят часовые
Войска дозором и, на холм поднявшись,
Высматривают дали. Горы немые.
Еще далеки рати филистимлян.

САУЛ

Они придут с зарею.

АВЕНИР

Думать надо.

САУЛ

И трубный звук мне будет знаком смерти?

АВЕНИР

Нет, светлым знаком радостной победы!

САУЛ

Зачем ты лжешь? От Самуила знаю,
Что завтра день моей кончины!

АВЕНИР

Полно!

Не доверяйся призракам!

САУЛ

Я видел

Его покров могильный, ниспадавший
До самых ног потоком серых складок,
Я слышал, как его стучали кости
О пол пещеры каменный, и запах
Безумный тлеющего тела в ноздри
Мои впивался, голову мутя мне...
Но я узнал его знакомый голос,
Хоть он звучал иначе, глухо, мертво...
Я ниц упал от страха...

АВЕНИР

Полно, полно!..

Не возвращай больных своих видений!
Пускай они умрут в тебе навеки!

САУЛ

Он мне предрек моей кончины день,
Меня отверг, и я наверно знаю,
Что не обман пророка предсказанье.
Но пусть! Прошло, давно прошло то время,
Когда беспомощно, в предчувствии смерти
Я скрежетал зубами и боялся
Мгновенья смертного. Случайно в мире
Я проблестел залетным метеором,
И вновь теперь вернусь в родное чрево
Земли, меня когда-то изблевавшей.
Сегодня день так медленно сгорал,

Так нехотя за холм садилось солнце,
Как будто бы потешить на прощанье
Меня хотело. Я смотрел на горы,
На небо бледное, – и мне не больно
Прощаться было с миром. Над цветами
Кружился мотылек золотокрылый,
Как я, погибнуть завтра осужденный...
Да, рано или поздно – всё равно:
Чем ярче были искры, тем скорее
Они погаснут, канув в мрак бездонный...
Весь мир несется к цели неизвестной:
Желают все, скорбят, и в заключение
Куда-то падают. Там – нет желаний...
Там тишина. Скажи, что так безумно
Журчит там за окном? В горах Гелвуйских
Потоков много ясноструйных. Снова
Журчит, журчит поток неугомонный
И камень точит силою упорной.

АВЕНИР

Нет, здесь нигде потоков я не видел.
Чтобы достать воды, за много стадий
Ходили мы сегодня в полдень.

САУЛ

Странно.

Так явственно журчанье. Неужели
В моем мозгу оно? Да, неустанно
Точили мысли мозг мой воспаленный;
Ни днем, ни ночью нет во мне покоя.
Я как-то не похож на человека.
Тот мир, который вижу, так отличен
От мира, всеми видимого! Звуки
Мне слышны в час, когда для прочих смертных
Стоит ненарушимое молчанье.

Я одиноким был всегда. Давно уж
Давила жизнь меня, как сон проклятый.
Я смерти жду. Она мне пробуждение
От долгого и тяжкого кошмара.

АВЕНИР

Ты умирать не должен!

САУЛ

Иль жестоким
Ты хочешь быть, последнюю надежду
Отнявши у несчастного? Подумай,
Что мне осталось в жизни? Ведь другому
Израильское царство вручено!
Он – молод, благороден; почитает
Он Бога своего. Я понимаю,
Что будет он меня полезней. Странно
Безумному оставить в руки царство.

АВЕНИР

Что твой недуг! Пройдут года – он минет!

САУЛ

Нет, завтра провалюсь я в вечный сумрак!

АВЕНИР

Забыл ты Бога!

САУЛ

Ах, молчи, довольно!..
Я так устал от лжи, к тому же подлой!..
Я гибну, – да! – но Им не побежденный!

Пойду теперь, а ты усни.

САУЛ

Постой!

Постой... Ужель опять?.. Да, страшно, страшно!..
Что знаем мы? Что, – если не услада
Небытия, а новые мученья,
Опять, другая жизнь в иных мирах
И то же бремя вечного проклятья?..
Нет, нет!.. Не уходи!.. Мне больно, больно!..
Послушай! Из окна так остро пахнет
Весенней ночью!.. Это – запах жизни...
Я так любил всё это... Называли
Меня прекрасным. Неужели завтра
Всё это тело жалко посинеет,
Придет шакал голодный и откусит
Мне нос?.. Ха, ха!.. Вот чудная картина!
Какое издевательство! Кто смеет
Так нагло издеваться надо мною?..
Я цвел здоровьем, силою, красотой,
Я обнимал весь мир моей любовью,
И вот... Не уходи! Как я останусь?..
Так далеко до солнца! Я нуждаюсь
В любовной, нежной ласке. Так давно
Меня никто не приласкал. Жестоко
Смотрели на меня, как на больного,
Безумного. Хотел бы я теперь
Лежать на поле, там, в родной деревне,
Горячий лоб уткнув в траву густую
И нюхая безгрешные фиалки...
А ветерок бы колыхал былинки,
Желтеющие в ласковой лазури,
Где тают облака. Их быстрый бег
Следил бы я окрепшим, острым взором...

Летят они далеко и бесцельно...
Одни растают, прилетят другие...
А ветерок поет мне сладко в уши...
Но этого ведь никогда не будет!
Ах, чувствую, что кто-то злой и сильный
Схватил меня за шею и толкает...
Смотри скорей: следы проклятых пальцев,
Наверное, остались на затылке!
Я больше не свободен. О, напрасно
Я мнил себя свободным в те мгновенья,
Когда, покорный быстрому желанью,
Того казнил, тому давал награду,
Когда во имя власти и свободы
Убил я Бога, став себе законом...
Нет, я бессилен! Острыми клещами
Меня сжимают... Упираюсь тщетно...
Мгновенье, и...

АВЕНИР

Молчи, молчи, молчи!
Тебя и слушать страшно!

САУЛ

Позови
Ионафана! У окна вдвоем
Садитесь вы! Заснуть я постараюсь.

(Авенир уходит.)

Быть может, умолять Его простить?
Рыдать, упавши на колени? Властно
Он защитит меня от адских духов!
Да, защитит!.. Но жить в позоре вечном,
Сознать себя бесславно побежденным,
Служить Владыке, раз Его проклявши!..

Нет, нет! Пускай весь ад меня терзает.
Я гордо жил и умираю гордо.

(Входит Ионафан и Авенир.)

Светильник не гасите! Так. Оставьте
Меня теперь!

(Опускает голову и закрывает глаза. Ионафан и Авенир у окна.)

АВЕНИР

Как он пойдет на битву?

ИОНАФАН

Что делать мне?

АВЕНИР

Уговори его
Не выступать в сраженье! Он беречься
Не станет. Он в своем безумстве тверд
И верит в неизбежность смерти.

ИОНАФАН

Горе!
Что от него осталось?.. Погляди!
Ведь это труп живой! Как пот струится
С бесцветного чела!

АВЕНИР

Удержим силой
Его от битвы! Руки свяжем!

ИОНАФАН

Страшно:
Как руку на отца поднять?

АВЕНИР

На благо
Ему должны мы это сделать.

ИОНАФАН

Больно
Пред смертью мне его обидеть! Верю
Я сам, что близок час его последний.

АВЕНИР

Безумье заразительно.

ИОНАФАН

Поверь мне,
Он не безумный. Мудростию дышат
Его страдальческие речи. Болен
Он тяжело: бес его терзает.

(Саул вскакивает.)

САУЛ

Утро!
Слетают сумерки! Друзья, подите,
Я расскажу, какой я чудный сон
Сейчас увидел! О, какое счастье!
Бесследно миновал недавний ужас!
Послушайте. Измученный, уснул я

И вижу, в тех же я горах Гелвуйских,
Но ночь минула. Яркий белый свет
Залил окрестность. Он исшел с Фавора
И озарил всю Галилею. Кто-то
Был на Фаворе. Кто – не помню. Только
Всё разрешалось там, – всё, что томило,
Что прежде неразгаданным казалось,
И счастье бесконечное лилось
Волнами белыми... О, как спокойно
И хорошо! Отдерни занавеску!
Смотри туда! Вот он, Фавор зеленый,
И тот же белый свет, зари предвестник!

Смотри, смотри, как просияли рощи,
Напевен ключ и лучезарна даль!
В душе моей яснее, чище, проще...
Как нежно пахнет розовый миндаль!

Кто там стоит, сияя и белея,
Кто смотрит так, лаская и любя?
О, песни пой, родная Галилея,
Придет земле спасенье из тебя!

Как перед ним мерцает, робко тает
Последний свет ночных печальных звезд!
Какой-то мир торжественный слетает;
Смотри: стоит любовен, близок, прост.

Откуда он, неожиданный утешитель?
Не всё ль равно? Что спрашивать, когда
Он побежден, проклятый искуситель,
И мрак прожгла восточная звезда!

Он убежал, жестокий призрак вражий.
Весна кругом, весна в душе моей;
Всё тот же я! Весна всё та же, та же,
И не кажусь я больше чуждым ей.

Трава бежит раскидистым побегом,
Встают цветы из влажных, черных недр;
Осыпанный душистым, белым снегом,
Прозяб миндаля, и зеленеет кедр.

Как счастлив я! Как все со мной счастливы!
Что скорбь моя пред счастьем полноты?
Я всё люблю: и горные оливы,
И красных маков яркие цветы...
Я вечно жив, и все со мною живы!
Мы все в одно таинственно слиты!

Ликует всё. Куда ни кину взора,
Всё говорит о счастье бытия.
Смотри, смотри: меж белых гор Фавора
Вознесся он, моря огней лия!

И торжествует он над древним игом;
Из адской тьмы сияет Назарет.
Он в нас, мы – в нем... Что перед этим мигом
Мученья все моих тяжелых лет?

И он стоит, – всех звезд и солнц лучистой,
Вдаль устремив лазурные глаза;
Его уста – багряных гроздей кисти,
Он – истинная, чистая лоза.

Он говорит: «земную плоть усвоя,
Меж вечностью и вами я звено.
Ко мне идите! Пейте даровое
Моей любви багряное вино!

И лягу я в холодном камне гробном,
Увитый белой, льняной пеленой;
Мой труп висел один на месте лобном,
И был пронзен я пикою стальной.

Я – вечный свет, зажженный на востоке!
Ягненок я, закланный прежде век!
Из рук моих струятся крови токи,
Пятная тела нежно-белый снег.

Согрею вас в моей любви покрове;
От смерти вас спасу, второй Адам!
Вот, плоть моя в горячих брызгах крови
Раздроблена: я вновь ее создам.

Вы, смерти яд вкусившие от древа,
Вам вознесен мой деревянный крест!
В Марии оживет праматерь Ева;
Кто хочет жить, тот плоть мою да ест.

Жена, любовь, восторг любовной жажды,
Мир – красота, забывшая добро!
Ты, из ребра созданная однажды, –
Не для тебя ль в крови мое ребро?

На третий день из каменных расселин
Восстану я, поправший смертью смерть,
И образ мой, и завершен, и целен,
Взлетит к Отцу в сияющую твердь.

И будет мир получен вами внове,
Через меня опять ваш дух окреп...
Кто хочет жить – моей да жаждет крови
И плоть мою да ест, небесный хлеб!»

О, сын мой, сын! Бессмертной жизни семя
Во мне цветет, его я полюбил.
Я не боюсь, чтоб тяжкий молот – время
Меня навек ударом раздробил.

Смотри туда, смотри туда!.. Но боле
Не вижу я сияющих лучей.

Там – никого. Росой блистает поле
И дальний ключ играет горячей.

Как хор земли сегодня полнозвучен!
О, ты, земля, мне чуждая досель,
Великий мир, ты снова мной получен!
Чу, вдалеке серебристая свирель!

Но знаю я, что этот сон недолог.
Он пролетит, – и снова темнота.
Потонет он, грядущих дней осколок,
Чтобы блеснуть, как дальняя мета.

ИОНАФАН

Как болен он!

АВЕНИР

Безумен безвозвратно!

САУЛ

Ионафан, порадуйся со мной!
Светла душа, и утро ароматно,
Я – не чужой среди радости земной.
Далек тот день, когда одно мы будем,
Я, Бог, земля, леса и облака, –
Но *он* придет, и станут дики людям
Былой вражды тревожные века.
Ионафан, иль ты не видел света,
Что ниспадал с Фаворской высоты?
Там, вдалеке, ужель не видел ты
Серебристый луч над всею Назарета,
Где расцвели миндальные цветы
И брезжит луч грядущего Завета?

(Гром труб.)

ВЕСТНИК

Полки врагов явились из-за гор.

САУЛ

Пускай идут.

АВЕНИР

И ты не озабочен?

САУЛ

Мой дух горит и боевой топор
Здесь, у бедра висит, для битв отточен.

ВЕСТНИК

Они явились на рассвете дня,
Их рать шумит, как бешеное море!..

САУЛ

Скорее мне доспехи и коня!
Ты, Авенир! Чтоб войско было в сборе!

(Уходит.)

VIII

В ГОРАХ ГЕЛВУЙСКИХ

Полдень. Мрак.

По ущельям, отягченным
Грудой туч, несется гул.
На коне, с мечом злаченным,
Мимо войск летит Саул.
Повод вышитый роняет
И движением руки
Раздвигает и ровняет
Меднобронные полки.
Из-за гор стремятся рати,
Блещут в сумраке мечи.
С каждым мигом войско статей,
Кони бьются горячи.
Блещут перья, вьются гривы,
Пламень рвется из ноздрей.
Царь, как ветер, и красивы
Пряди черные кудрей.
Рати движутся, блистая;
Яркий копий плотен лес;
Скрыла туч свинцовых стая
Свет полуденных небес.
Черны тучи. Гром могучий
Колыхнул угрюмый бор,
Поднялся песок зыбучий,
Вспышки молний из-за гор,
Лязг, бряцание оружий,
Шлемов блеск из мутной мглы,
Злобный ветер дышит стужей,
Звон меча и свист стрелы;
Окровавленные кони,
Ярой бури стон и вой.

Скачет царский конь в попоне
Златотканной, парчевой,
Он упал, мечом рассечен...
Бьются молний языки.
Рой враждебный бесконечен,
За полком летят полки
На высоком, голом скате
С полководцами Саул.
Там, под ними, сшиблись рати,
Дол во мраке потонул.

АВЕНИР

Остерегись! Сейчас чуть не задела
Тебя стрела!

САУЛ

Не знаешь разве ты,
Что стрелами горячими изъеден
Давно мой мозг? Чего же мне страшиться?

ИОНАФАН

Опять, опять! Она в плечо воткнулась,
И кровь течет струею дымно-алой!
Отец!..

САУЛ

Пускай! Мне нечего бояться!
Без страха я гляжу в глухую бездну
Небытия, в нее готовый кануть...

АВЕНИР

Дай, поддержи тебя!

САУЛ

Не надо! Рана
Пустьшная!.. Как ярко кровь моя
Багрянит латы золотые! С кровью
Течет душа моя и легким дымом
Разносится!

ИОНАФАН

Уйди за этот скат!
Туда не достигают вражьи стрелы!

САУЛ

Ни разу я не бегал пред врагами!
Смотри: земля оплакивает шумно
Мою кончину! Небо затянулось
Покровом черным, и далеко солнце...

ИОНАФАН

Ты, изнемог, приляг! Мы перевяжем
Твое плечо.

САУЛ

Ведь я сказал: не надо!

(Гром и молния).

Греми, греми! Пускай в безумстве бури,
При блеске диких молний, дух Саула
Его покинет тело! Жил довольно
Я на земле, довольно, чтоб изведать
Всю горечь жизни и ничтожность счастья!

ИОНАФАН

Еще стрела!

САУЛ

Смотри на кровь Саула:
Она краснее крови жалких смертных
И горяча, как пламень!

АВЕНИР

До конца
Он хочет быть безумным!

(Саул падает на руки Ионафана.)

САУЛ

Больно!.. Больно!..
Скорей меня убейте!

ИОНАФАН

Перевяжем
Тебе мы раны!

(Пронзенный стрелой, падает мертвый. Авенир поддерживает Саула.)

САУЛ

Больно! Не могу!
Зачем мне жить еще, когда любимый
Мой сын лежит убитый предо мною!
Истерзан я! Убей меня, молю!

АВЕНИР

Мы кровь твою, не медля, остановим!

САУЛ

Я не хочу! Когда в тебе осталось
Немного жалости, избавь скорее
Меня от лютого страданья! Больно...
А! Ты не хочешь? Подлый раб!.. Так сам я
Себя убить найду довольно силы!
Проклятье всем! Последнее проклятье!

(Гром и молния.)

Греми, шуми, блистай и разнеси
Саула прах, стихиями сотканный!
Заветный миг желанного покоя!..
Погас мой день! Прими меня, как друга,
Ты, вечный мрак безвременья!..

(Падает на меч. Гром и молния.)

IX

ПЕСНЬ ДАВИДА

Я последнюю песню пою над тобой!
Из-за гор розовеет заря.
Голос мой прозвучит похоронной трубой
Над покинутым прахом царя.

Разлетелись обрывки бунтующих гроз,
Глубь небес непостижно чиста,
И на горы ложатся сияния роз...
Тихо капли спадают с листа.

Пролетела гроза. Вечер сладко спокоен.
Твоя жизнь, о Саул, пронеслась, как гроза!
Ты в доспехах лежишь, ты, торжественный воин,
И навеки сомкнулись глаза.

Пусть ты мертвый лежишь. – Ты могуч и не жалок!
В лучезарное небо главу запрокинь,
И возложит на кудри венок из фиалок
Непорочная дева пустынь.

Розвят лучезарные искры заката
Золотые узоры клинка,
Рукоятка меча на груди твоей сжата,
И на ней отвердела рука.

Удалился из мира страданий и зла ты,
Удалился из жизни пустой.
На заре пламенеют железные латы,
Обагранные кровью густой.

На лице твоём знак неземного покоя...
Ты последнюю тайну проник!..
Над тобою, вечернюю тишь беспокоя,
Неустанно лепечет родник...

Ты не чувствуешь боли, ты – в жизни нездешней!..
Глубоко пронзена голова.
Спи, усталый, ласкаем прохладой вешней!
Благовонна густая трава.

Всходят звезды. Но ярче, прекрасней, чудесней
Созерцаешь созвездия ты!
Оглашаются горы пастушеской песней,
Погасают в тумане хребты.

Спи! Рососо блистают душистые травы,
Дождь струится с зеленых ветвей.

В благовонной тени упоенной дубравы
Запеваёт ночной соловей.

Спи, мой царь, горячо, неизменно любимый,
Над тобой моя старая песня звучит!
Я – твой раб! Я, – когда-то тобою гонимый,
Но тебя не предавший Давид!

1904

«ЖИВОЙ СМЫШЛЕННЫЙ АНГЕЛЕНОК...» ПОЭТ СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Прекрасная! кормилицю нежной
Дни детства моего вскормила ты!

С. М. Соловьев, *Италия*

Среди поэтов русского символизма Сергей Михайлович Соловьев (1885 – 1942), внук великого русского историка Сергея Соловьева и племянник философа Владимира Соловьева, занимает особое место. Будучи троюродным братом Александра Блока (был и первым шафером на его свадьбе в 1903 г.) и ближайшим другом Андрея Белого¹, он следовал примеру своих молодых соратников на поэтическом поприще, находясь при этом под сильным влиянием творчества Вл. Соловьева, и в 1903 г., вместе с Андреем Белым и Эллисом, состоял в литературном кружке «аргонавтов», почитателей раннего Блока и его мистической поэзии о Прекрасной даме. Окончив в 1904 году Московскую частную гимназию Л. И. Поливанова, Соловьев поступил на историко-филологический факультет Московского университета, сначала на словесное, потом на классическое отделение, которое окончил в 1911 г.

Включенные в рукописный журнал А. Блока «Вестник» за 1896 – 1897 гг. ранние литературные опыты Соловьева тесно связаны с примером Александра Блока². Здесь ощутимы те же мистические упования, очарование перед красотой богослужения, кото-

¹ О дружбе между двумя молодыми поэтами см. мемуарные книги А. Белого *Воспоминания о Блоке, На рубеже двух столетий, Начало века, Между двух революций* и его же поэму *Первое свидание*.

² См.: Дикман М. И. *Детский журнал Блока «Вестник», «Литературное наследство»*. Т. 92: *Александр Блок. Новые материалы и исследования*. М., 1980. Кн. 1. С. 203–221; Лавров А. В., *Юношеские стихотворения Сергея Соловьева в рабочих тетрадях Александра Блока*, Блоковский сборник XV. *Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000, С. 210–238.

рые «сроднили троюродных братьев на рубеже веков»³. Соловьев стал интенсивно писать стихи с 1898 г., переводил Г. Гейне и А. Мюссе, подражал Фету и вскоре направил свой путь в русло мистической поэзии Владимира Соловьева и блоковских *Стихов о Прекрасной Даме*. Именно Блоку он посвящает целый ряд стихотворений, как следующее, написанное в Дедове 13 июня 1899 г.:

Истертый в прах, подавлен миром,
Измучен пошлостью людской,
Склонился я перед кумиром
Своей презренной головой.

Но голос твой раздался ясно,
Меня воззвал из темноты,
И я увидел, что ужасно
Незнание чистой красоты.

Я понял твой размах могучий
И дух мой с ним соединил,
И с ним теперь лечу над тучей,
Исполнен новых, свежих сил.

Об атмосфере, возникшей после первой встречи Блока с Андреем Белым в Москве в начале 1904 года, пишет А. В. Лавров:

«...мистический энтузиазм, роднивший гимназиста Соловьева со студентами Бугаевым и Блоком, был подлинным – настолько, что на его основе сложился на короткое время, в 1903 – 1904 гг., своего рода эзотерический триумвират соловьевцев»⁴.

Однако вскоре поклонничество в отношении ранней блоковской поэзии превратилось у Соловьева в неприятие последующего,

³ Котрелев Н. В., Лавров А. В. *Переписка Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915)*, «Литературное наследство». Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980. Кн. 1. С. 309.

⁴ Лавров А. В. «Продолжатель рода» – Сергей Соловьев. В кн.: Соловьев С. *Воспоминания*. М., 2003. С. 8.

зрелого творчества автора *Балаганчика*⁵. Соловьёву была присуща значительная доля мистического, визионерского фанатизма, и когда в поэзии Блока стали проявляться новые тенденции, явно противостоящие прежним заветам молодых соловьевцев, разрыв стал неизбежным.

К этому надо добавить, что в тот же период, не без влияния нового ментора молодого поэта – мэтра русского символизма Валерия Брюсова, тематический и формальный диапазон творчества Соловьёва стал расширяться. О разном характере поэзии Блока и Соловьёва писали Н. В. Котрелев и А. В. Лавров. Они отмечали: «При всем сходстве первоначальных лирических импульсов Блок и Соловьёв действительно в ходе творческого становления оказались на противоположных полюсах символистской поэзии, стали выразителями различных творческих принципов: у Блока преобладает музыка стиха, у Соловьёва – пластика образа; у Блока на первом плане – субъективный мир поэта <...> у Соловьёва – тяготение к передаче мира в его объективной данности; у Блока самодовлеющая лирика, у Соловьёва – тяготение к эпике даже в лирических сюжетах»⁶.

Вдобавок Соловьёв пережил некоторый идейный и творческий кризис (в биографическом плане он совпал с семейной драмой: кончина отца и последующее самоубийство матери в начале 1903 года), что и привел его к новому облику поэта-филолога. В его поэзии решающим стало динамическое противопоставление и слияние христианского мистицизма и эдонического язычества, небесной и земной красоты. Как точно отмечает А. В. Лавров, «образ грядущей гармонии этих начал открылся Соловьёву в танце Айседоры Дункан»⁷, о чем он сам писал в заметке *Айседора Дункан в Москве* 1905 г. и в стихах из первой книги *Цветы и ладан*:

⁵ О разных этапах отношений между Соловьёвым и Блоком см. вступительную статью Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова к *Переписке Блока с С. М. Соловьёвым (1896–1915)*, цит., с. 308–324.

⁶ Котрелев Н. В., Лавров А. В. *Переписка Блока с С. М. Соловьёвым (1896–1915)*, цит., с. 313.

⁷ Лавров А. В. *«Продолжатель рода» – Сергей Соловьёв*, цит., с. 9.

Я помню пляску нимфы Диркейских струй,
О, Айседора, рощ Эриманфских цвет!
В покрове из цветов весенних
Ты устремлялась к родному солнцу!

То резвым фавном, ствол приложив к губам,
Топтала стебли диких, лесных цветов;
То, наклоняясь к белой влаге,
Изнемогала в истоме сладкой.

То, позабывши шелест родных дубрав,
Хитонем красным нежную скрывши грудь,
Сменяла ты напев свирельный
Новыми гимнами арф небесных.

Ты заменяла родины злачный луг
Садами кринов и золотых плодов,
И полевые розы Мосха
Райскою лилией Фра Беато.

В заглавии своего первого поэтического сборника, вышедшего в 1907 г., Соловьев обозначил духовную антитезу, одновременное двойное стремление. Как резюмирует М. Л. Гаспаров, «...языческие цветы и христианский ладан сосуществовали в ней, не смешиваясь, а строго распределяясь по разделам»⁸.

За разочарованием в поэзии Блока последовало сильное увлечение Соловьева поэзией и поэтическим методом Валерия Брюсова, аполлиническим принципом его творчества и мировоззрения. В Брюсове Соловьев видел «поэта мысли, классика по форме, ученого изыскателя, организатора и практика»⁹.

⁸ Гаспаров М. Л. *Сергей Соловьев*. В кн.: *Русская поэзия серебряного века. 1890–1917: Антология*. М., 1993. С. 271.

⁹ См. процитированный А. Лавровым мемуарный набросок Соловьева Брюсов эпохи *Urbi et orbi* и Венка (1924): Лавров А. В. «*Продолжатель рода*» – *Сергей Соловьев*, цит., с. 10–11.

Именно Брюсов, вместе с Горацием, Ронсаром, Пушкиным, Крыловым, Баратынским и Вяч. Ивановым, указан Соловьевым среди главных образцов своей первой поэтической книги, которую Александр Блок резко определил как «справочная книга для поэтов»¹⁰, в то время как Андрей Белый, в знак старой дружбы, отозвался о ней положительно и отметил: «образы его – аполлинический сон над бездной»¹¹. Суждение особенно интересное, если учесть, что Вячеслав Иванов приписал черты дионисийства поэзии Блока. Так получилось, что Блок и Соловьев оказались выразителями противоположных поэтических начал, что выразилось в конфликте между ними. Разрешение этого конфликта последовало с новым поворотом Блока (в 1910 г.) к религиозно-теургическому символизму, с его «возвращением в дом отчий».

Кумир молодого поэта, Валерий Брюсов, заметил, что поэзия Соловьева еще не вышла «за пределы перепевов и подражаний», а *Цветы и ладан* – «книга, быть может поэта, но еще не книга поэзии, а только книга стихов...»¹².

Теперь Соловьев «не ограничивается воспроизведением позднеромантических и предсимволистских образцов, снискавшим ему в узком дружеском кругу известность наиболее правомерного *соловьевца*»¹³: в его стихах заметно влияние поэзии Баратынского и Пушкина, философско-эдонической традиции, которую несколько лет спустя в новом кризисном состоянии сам Соловьев определил как «батюшковско-пушкинский волнизм»¹⁴.

Другой поэт-неоклассик, Борис Садовской, отметил, что Соловьев «должен быть причислен к числу виднейших представите-

¹⁰ См. статью А. Блока *О лирике*, напечатанную в *Золотом руне* (1907, № 6).

¹¹ «Перевал». 1907. № 7. С. 58.

¹² Рецензия Брюсова напечатана в «Весах» (1907, № 5). Брюсов отметил также небезупречность формальной стороны поэтической книги Соловьева.

¹³ Вишневецкий И. *Живые и «блистательная тень»: Трансформация образа Италии в поздней поэзии Сергея Соловьева*. В кн.: *Русско-итальянский архив*. Trento, 1997. С. 357–358.

¹⁴ В письме к А. К. Виноградову от 11 мая 1912. См.: Вишневецкий И., цит., с. 345.

лей нео-пушкинской школы»¹⁵; аналогичное мнение выразил позже Сергей Дурылин: «прекрасная ясность стала действительным достоинством его поэзии, ревность по строгой форме всегда была ему присуща»¹⁶. Данный подход вернее передает весь смысл и значение поэтического творчества Соловьева, который в новой книге сказок и поэм *Crurifragium* (1908) счел нужным детально ответить на критику Александра Блока и любимого мэтра символизма, Валерия Брюсова.

Второй сборник стихов Соловьева, *Апрель*, посвященный Андрею Белому, вышел в 1910 г. и тоже был холодно встречен В. Брюсовым, который, среди прочего, отметил: «Он всё еще не нашел ни своего стиха, ни своего круга наблюдений, ни, главное, своего отношения к миру. У молодого поэта по-прежнему нет определенного мирозерцания, осмысливающего отдельные впечатления и объединяющего разнородные переживания»¹⁷.

Диалог-полемика продолжалась дальше. Соловьев напечатал третью книгу стихов, *Цветник царицны* (1913), где опять решил ответить Брюсову. И эта книга, как и предыдущая, свидетельствовала о напряженном поиске новых форм и тем, но «основы поэтики Сергея Соловьева» оставались «по-прежнему внутренне конфликтными и неустоявшимися»¹⁸.

На этот раз Соловьеву ответил не Брюсов, а другой критик, В. Шмидт, который, улавливая давние критические замечания Брюсова, так определил поэзию Соловьева: «В лучшем случае, ему удастся недурно сделать стихотворение под того или иного поэта, т. е. передать своими стихами чужое “отношение к миру”. Но как только он покидает заимствованный канон и пытается настроить лиру на свой собственный лад – муза его беспомощно опускает руки»¹⁹.

¹⁵ «Русская мысль». 1907. № 6. Отд. III. С. 107.

¹⁶ Дурылин С. *Луг и цветник: О поэзии Сергея Соловьева*. «Труды и дни», 1914, тетрадь 7, с. 152.

¹⁷ Рецензия вышла в «Русской мысли» (1910, № 10).

¹⁸ Вишневецкий И., цит., с. 358.

¹⁹ «Русская мысль». 1913. № 10. Отд. IV. С. 367.

Вообще поэзию Соловьева критики объявляли «безжизненной амальгамой чужих мыслей, чужих изобретений»²⁰; в ней разочаровался Гумилев, который определил стихи Соловьева как «то упражнения на исторические и мифологические темы, то неловкое наивничанье “под” старых поэтов»²¹.

Точное определение его первых поэтических книг предложил М. Л. Гаспаров, который писал: «Книги Соловьева читаются как антологии. Как Жуковский, только менее умело, он складывал свой художественный мир из чужих миров – у Жуковского переводных, у Соловьева подражаемых»²².

Итак, первые четыре книги Соловьева представляют собой сложное и противоречивое собрание поэтических испытаний и переосмыслений, которые живо вписаны в болезненное развитие биографии поэта. Если кратковременная идеализация крестьянско-народного мира обернулась любовью к девушке из народа (ситуация послужила Андрею Белому прообразом для сюжета *Серебряного голубя*²³), безответная влюбленность в будущую актрису Софью Гиацинтову довела поэта до психического расстройства и до попытки самоубийства 31 октября 1911 г.

Новый этап в творчестве Соловьева связан с новой фазой биографии поэта. Осенью 1912 г. поэт обвенчался с Татьяной Тургеневой (младшей сестрой Аси Тургеневой) и вместе с женой отправился в Италию.

Надо отметить, что Италия сыграла значимую роль в истории семьи Соловьева. Мать поэта, Ольга Коваленская, в 1879 г. училась живописи у художника флорентийской художественной Академии, для нее, по свидетельству сына, Италия стала «второй родиной». Сам Соловьев провел с семьей в Италии зиму 1890 –

²⁰ «Современный мир». 1910. № 6. Отд. II. С. 103.

²¹ Гумилев Н. С. *Письма о русской поэзии*. М., 1990. С. 167.

²² Гаспаров М. Л. *Стих начала XX в.: строфическая традиция и эксперимент*. В кн.: *Связь времен: Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в.* М., 1992. С. 351.

²³ Об этом см.: Лавров А. В. *Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого*. В кн.: Лавров А. В. *Андрей Белый. Разыскания и этюды*. М., 2007. С. 105–129.

1891 гг., побывав в Сорренто, Риме, Флоренции и Бордигере²⁴. Неудивительно, что путешествие по Италии, с которым связана многогранная и художественно зрелая поэма *Италия* (1914), стало поводом для полной переоценки ценностей и для внутреннего переосмысления своего искусства и его идейных основ, что и отразилось в оценке поэта своих предыдущих сочинений. Поэма *Италия*, написанная большей частью онегинской строфой, оказалась высшим результатом стремления Соловьева к «обретению концептуального поэтического единства». В ней реализовались его требования формальной точности и стихотворного разнообразия и, одновременно, динамика переосмысления его религиозных и философских убеждений. Поэтическое путешествие по Италии стало также стимулом для глубокого размышления о красоте и святости, о собственной жизни и о судьбах своей семьи:

Страна цветов! в мечтах влюбленных
Храню я, как заветный клад,
Твоих фиалок благовонных
Чуть слышный, легкий аромат,
Златовоздушные мимозы,
Вдоль стен вьющиеся розы
И рощи пальм по склонам гор.
Их каждый год сечет топор
В священный дар, на праздник Рима.
Олива, искривясь от мук,
Простерла узловатый сук,
В листве из голубого дыма.
В ее тени ронял Христос
Росу окровавленных слез.

Здесь мой отец мечтой упорной,
Забыв о настоящем зле,
От жизненной юдоли черной
Летел к своей святой земле.

²⁴ Вишневецкий И., цит., с. 342–343.

И пели пальмы и маслины
Ему о рае Палестины
И трогали его до слез.
Не чаял он грядущих гроз
И брату слал привет любовный
На север, в темную Москву...
А тот, во сне и наяву
Горел идеею церковной,
За что его равно бранил
Безбожник и славянофил.

Неслучайно новый поэтический сборник, четвертый, вышедший в 1914 г., куда и вошла поэма *Италия*, получил название *Возвращение в дом отчий*, которое красноречиво указывало на возвращение поэта к подлинным истокам, семейным, христианским.

Сборник был посвящен другу отца поэта, епископу Трифону, и само посвящение засвидетельствовало о коренных изменениях в мировоззрении поэта. Это сильно отражено, например, в стихотворении *В Галиции*:

Там веры совершались чудеса,
Там ждет давно народ многострадальный,
Там нас зовут Богемии печальной
Приветливо шумящие леса.

В 1915 г. Соловьев принимает духовный сан и в феврале 1916 г. рукоположен в священники. Отказ от предыдущих философских убеждений, от языческого эдонизма, от любимого классика Гёте, от концепций неохристианства (от Мережковского до антропософии) отражен в его религиозной книге *Богословские и критические очерки* (1916).

В поэтической перспективе отмечается также значительная перемена, которая хорошо вырисовывается, если сравнить, например, поэму *Италия* с циклом *Призраки Италии* 1922 года. Классический контекст поэмы *Италия*, написанный еще верным поклонником Гёте, сменяется медитативным, элегическим тоном

поэта-священника; холодную симметрию классических форм и идеалов сменяют платоническая тема дантовской *Vita Nuova* и образ святого Франциска. Конечно, в данном переходе проявляется и новый подход к русской классической поэзии. Теперь ощутимо влияние позднего, «религиозного» Пушкина, философской лирики Баратынского. Критикой указано и возможное знакомство Соловьева с *Фракийскими элегиями* В. Г. Теплякова²⁵. Интересно еще отметить, как комплексный образ Италии и ее духовный пласт важны для творческих и идейных тенденций позднего Соловьева, когда он редактирует незавершенный брюсовский перевод вергилиевой *Энеиды*, доводит его до конца (кн. VIII–XII) и размышляет о значении и судьбе вечного города Рима (см. его стихотворение 1924 г. *Эней у берегов Лацциума*).

Довольно трудно проследить дальше сложное и противоречивое развитие идейных и религиозных убеждений Соловьева, от «всплеска патриотизма и мессианических чаяний»²⁶ военного времени, когда поэт еще отстаивает преимущество православия перед католицизмом, до восторженного восприятия католицизма (особенно после поездки 1915 г. в Галицию), когда он по стопам дяди, Вл. Соловьева, стал поддерживать примирение и сближение церковей. Чуть позже, после Февральской революции, Соловьев стал призывать к воссоединению церковей во вселенской церкви, к восстановлению единства с Римом. Победу большевизма Соловьев истолковал как торжество антиевропейских и антихристианских начал. В этой перспективе он не мог приветствовать скифство и восприятие Блоком и Белым русской революции, как не мог приветствовать и новые славянофильские настроения в русской духовной культуре. После окончания Духовной академии в 1918 г. Соловьев переселился в Саратовский край, где жил и служил два года. Об этом периоде он писал в поэме *Чужбина* (1922). После переезда в Балашов произошел окончательный распад семьи: жена его бросила, и Соловьев вернулся в Москву один. Здесь в 1920 г. он не без долгих колебаний принял решение перейти в католи-

²⁵ Вишневецкий И., цит. с. 362.

²⁶ Лавров А. В. «Продолжатель рода» – Сергей Соловьев. Цит., С. 19.

цизм и вошел в общину католиков восточного обряда²⁷. После кратковременного возвращения в 1921 г. в лоно православия, в 1924 г. Соловьев окончательно переходит в католицизм и становится католическим священником восточного обряда. Дочь поэта Наталья Сергеевна отмечает: «Силу выдержать все испытания давала религия. В начале 20-х годов Соловьев перешел в католичество, которое воспринималось как сохранившаяся твердыня веры. Католические священнослужители подвергались жестоким гонениям, и перемену конфессии в такое время можно понять как стремление к мученичеству. В 1926 г. С. М. Соловьев становится вице-экзархом греко-католиков, главой официально не зарегистрированной общины в Москве. При этом “западником” он не стал, сохраняя веру во Вселенскую церковь и особое предназначение России»²⁸.

В стихотворении 1918 г., обращенном к А. В. Карташеву, *Он не лжет – этот ангел на площади града Петрова...*, Соловьев, как точно отметил И. Вишневецкий, синтезирует собственную историософскую концепцию, которая лежит в основе его искусства и мировоззрения, явно проектируется в его биографии²⁹. История у Соловьева – динамическое противопоставление «хтонического, природного, и мироустрояющего, государственнического начал» (тут явное влияние позднего Пушкина, *Медного всадника*); собственное участие в истории воспринято Соловьевым как «странствие или путь в образах троянско-энеевского мифа» и, наконец, восприятие Рима – как «первого и главного исторического основания вселенской Теократии»³⁰.

Отсюда у Соловьева органическое понимание творчества и жизни в их разных проявлениях. Отсюда его экуменический па-

²⁷ О Соловьеве и католицизме см.: Смирнов М. *Последний Соловьев. Главы из книги*. «Russian Studies». 2001. Т. III. № 4.

²⁸ Соловьева Н. С. *Штрихи к портрету отца*. В кн.: Соловьев С. М. *Стихотворения (1917–1928)*. М., 1999. С. 5–6.

²⁹ Об этом стихотворении см. статью Г. Струве *Об одном стихотворении Сергея Соловьева*. «Мосты». Вып. 10. Мюнхен, 1963. С. 179–184.

³⁰ Там же. С. 354–355.

фос, который до известной степени сближает его с Вячеславом Ивановым на основе идей Владимира Соловьева³¹, идеализация Рима, что подтверждается аналогичными интересами обоих поэтов в области классической филологии, изучения античного и христианского наследия, эстетики античного театра.

Что касается дальнейшего собственно творческого пути Соловьева, помимо преподавания античной литературы в Брюсовском институте и потом в Московском университете, он примыкает к группе московских «неоклассиков» (А. Эфрос, К. Липскеров, С. Парнок и др.), участвует в альманахе *Лирический круг I* (М., 1922), куда вошел его отклик на смерть А. Блока, стихотворение *Стирфорс* (герой романа Диккенса *Жизнь Дэвида Копперфильда*) с намеком на роль Блока в его жизни. Последняя прижизненная публикация стихов Соловьева появилась в альманахе *Никитинские субботники* в 1926 – 1927 гг. Одновременно он всё интенсивнее занимается прозой, много переводит из античных (Сенека, Вергилий, Эсхил и т.д.) и из новых авторов (от Шекспира до Гёте и Мицкевича). В 1923 г. он заканчивает фундаментальный труд о дяде, *Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева*, который был опубликован лишь в 1977 г. в Брюсселе. В то же время он занимался писанием мемуаров. Известные его *Воспоминания об Александре Блоке* были напечатаны в 1925 г. в Ленинграде в книге *Письма Александра Блока*.

Дальше Соловьев, как католический священник, был отстранен от преподавания и в феврале 1931 г. арестован и приговорен к 10 годам лагерей с заменой на ссылку в Казахстан. Из-за тяжелого психического состояния и благодаря ходатайству Максима Горького он был перевезен в психиатрическую больницу недалеко от Москвы (ст. Столбовая), позже перешел в больницу имени Кащенко. В августе 1941 г. он был эвакуирован в Казань, где и скончался 2 марта 1942 г.

До недавнего времени литературное наследство Сергея Соловьева оставалось в большей части неизданным, и до сих пор многое еще ждет своего публикатора. Что касается собственно поэти-

³¹ «Символ». 1993. № 29. С. 249.

ческого творчества, то самая полная подборка последних стихов была издана дочерью поэта в 1999 (Сергей Соловьев, *Стихотворения 1917-1928*, Москва), в то время как отдельные тексты появились в разных журналах и сборниках³².

В своих поздних стихах Соловьев окончательно отказывается от прежнего эстетизма и в суровых и четких формах стиха передает всю идейную многозначность своих духовных исканий. Если в *Дневнике изгнанника* передан весь трагизм впечатлений и переживаний эпохи революции и гражданской войны, то коктейльские стихи 1926 – 1927 гг. (Соловьев останавливался у Максимилиана Волошина) представляют собой удачную попытку передать всё изумление перед неожиданной красотой одухотворенной природы.

В стихотворении *Мои книги* (1924) Соловьев кратко изложил собственный творческий путь от «первороденной книги» *Цветы и ладан* до сборника *Возвращение в дом отчий*. Так он заключил свое сочинение:

Четвертый том, тебя читали мало:

Не для детей житейской суеты

Моя рука те строки написала,

Но для меня других дороже ты.

К языческой охолодевшись лире

И разлюбив неверные цветы,

Я там нашел епископский трикирий

И фимиама истинного дым,

И кровь Христа, сокрытую в потире,

Ассизи, катакомбы, вечный Рим.

³² Например, приложения в указанных работах И. Вишневецкого и А. Лаврова: Вишневецкий И. *Живые и «блितательная тень»: Трансформация образа Италии в поздней поэзии Сергея Соловьева*, цит., с. 372–383; Лавров А. В. *Юношеские стихотворения Сергея Соловьева в рабочих тетрадях Александра Блока*, цит., с. 212–237.

Несмотря на утверждения самого поэта и обвинения современной ему критики в эклектизме и неоригинальности, творческий путь Сергея Соловьева вырисовывается вполне органично с первых стихов до последних, неоконченных и неопубликованных отрывков. Поэт-мистик, поэт-ученый, Соловьев в духе средневековых авторов создал огромную и многодетальную стихотворную кафедрадь (о ее сложной формальной стороне довольно обширно писал М. Л. Гаспаров). Она стремится к небесам благодаря не столько эстетическим порывам поэта, сколько силе духовных убеждений верующего слуги Божьего.

Для современного читателя поэзия Сергея Соловьева не только интересный и многоплановый пример поэтического энциклопедизма, но и свидетельство неиссякаемого богатства литературного и духовного наследия русского Серебряного века. Его противоречивая и сложная личность в своих стремлениях, удачах и неудачах дает полное представление о великом литературном и жизненном значении эпохи русского символизма.

Стефано Гардзонио
9 декабря 2007 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Антология – «Антология». М.: Мусагет, 1911.

В – журнал «Весы».

Воспоминания – Соловьев С. Воспоминания. М., 2003.

ЗР – журнал «Золотое руно».

СЦА – Северные цветы ассирийские. Альманах. М.: Скорпион, 1905.

ЦВЕТЫ И ЛАДАН

Сборник вышел в 1907 в Москве тиражом 500 экз. В ст-нии «Мои книги» (17 декабря 1924) поэт подробно охарактеризовал свою первую книгу стихов:

Вот ты, перворожденная моя,
«Цветы и ладан» – ладана немного,
Земных цветов пьянящая струя

Дурманит ум, отводит прочь от Бога.
Но ждет Бернард коленопреклонен,
Пречистую у райского порога.

К груди Христа припав, вкушает сон
Блаженный ученик. И Магдалины
Доходит плач из глубины времен.

Но гаснут Галилейские долины,
Сверкает шлемом яростный Ахилл,
Несутся в бой герои-исполины.

Над насыпями греческих могил
Бушует ветер. След веков Эллады
Уходит вдаль. В разливе юных сил

Шумит весна в ветвях родного сада,
Леса и рощи полны тайных чар.
Задумчивая грустная дриада

Скользит среди нимф, которых пел Ронсар,
И песни Руси слышны в свисте ветра,
В напевах Сафо – русских губ угар.

(РГБ. Ф. 696. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 98.)

В более позднем ст-нии «Перечитывая “Цветы и ладан”» (20 октября 1927) Соловьев писал:

На утре дней я с лирой вышел
И пел про воды, про леса
И про богов. Никто не слышал
И сердцем не отозвался.

(РГБ. Ф. 696. Карт. 1. Ед. хр. 12. Л. 145.)

Посвящение – Киселев Николай Петрович (1884 – 1965), библиограф, книговед. Друг А. Белого и Соловьева. В 1906 – 1907 один из «аргонавтов», в 1913 – 1915 секретарь изд-ва «Мусaget».

Предисловие (с. 7). *Беато Анжелико* (наст. имя Фра Джованни да Фьезоле; ок. 1400 – 1455) – итальянский живописец Раннего Возрождения, доминиканский монах. *Беноццо Гоццолли* (1420 – 1497) – итальянский живописец Раннего Возрождения. Поэтическая трактовка религиозных сюжетов сочетается у него с условным «ковровым» построением пространства (фреска «Шествие волхвов», дворец Медичи Риккарди во Флоренции). *Перуджино* Пьетро (наст. фам. Ваннуччи; 1445 – 1523) – итальянский живописец Раннего Возрождения, представитель умбрийской школы. *Фидий* (нач. V в. – 432/31 до н. э.) – древнегреческий скульптор периода высокой классики, создатель скульптур в Парфеноне. *Пракситель* (ок. 390 – 330 до н. э.) – древнегреческий скульптор (Афины). *Гораций* – Квинт Гораций Флакк (65 – 8 до н. э.), древнеримский поэт. *Ронсар* Пьер де (1524 – 1585) – французский поэт Возрождения, глава «Плеяды».

I. Иаков (с. 11). СЦА.

II. Святой путь (с. 13). *Посвящение* – Сизов Михаил Иванович (1884 – 1956), физиолог, педагог, критик, переводчик. В 1906 – 1907 один из «аргонавтов». *Иммануэль* («с нами Бог») – одно из наименований Иисуса Христа.

III. Мария Магдалина (с. 15). *Эпиграф* – из поэмы Альфреда де Мюссе «Ролла» (Rolla, 1833), парафраза Евангелия от Иоанна (12, 3): «Миро Марии, чьи ступни будут помазаны тобой?»

V. Вечеря (с. 22). *Эпиграф* – из «Трактатов о Евангелии от Иоанна» св. Августина (XXXVI, 1, 20). Перевод: «От сей груди он вкушал втайне». Повествование от лица апостола Иоанна.

VI. Отречение (с. 23). В основу ст-ния лег евангельский сюжет о троекратном отречении апостола Петра, предсказанного ему Христом.

VII. Сестре (с. 24). СЦА. *Посвящение* – возможно, Наталья Ивановна Сизова, сестра М. И. Сизова.

VIII. Видение Святого Бернарда (с. 26). *Святой Бернард* – Бернар Клервосский (1090 – 1153), французский богослов-мистик, аббат монастыря в Клерво. Считается главным поборником культа Девы Марии. Канонизирован в 1174.

X. Святая Цецилия (с. 29). *Святая Цецилия* (II или III в.) – христианская мученица, широко почитаемая в Западной церкви. Покровительница музыки и музыкантов, в 1584 стала патронессой Академии музыки. Среди атрибутов Св. Цецилии – арфа, орган и венец из лилий и роз.

XI. Пресвятая Дева и Бернард (с. 30). *Посвящение* – Иван Сергеевич Щукин, сын фабриканта и известного коллекционера живописи С. И. Щукина, друг Соловьева.

XII. Свете тихий! (с. 31). *Святая Агата* (ок. III в.) – легендарная христианская святая и великомученица. *Василиск* – мифическое животное, способное убивать взглядом или дыханием; служит живой метафорой дьявола. *Ехидна* – мифологическое существо, полуженщина-полужмя.

XIV. Храм (с. 35). Речь идет о Храме Рождества Богородицы в с. Надворажино (не сохранился): «Храм был сырой и темный: легкие голубые

арки терялись во мгле. Кое-где поблескивали тусклые серебряные образы. Редкая живопись была нежная и изящная, в стиле Александровской эпохи. Главный алтарь был во имя Рождества Богородицы. За окном алтаря зеленели кладбищенские деревья <...>, весной к стеклам прилипла белая черемуха» (Воспоминания. С. 121). *Минея* – Четырехминей (Миней четии), книги для чтения в церкви на каждый день месяца. Кроме житий святых в них помещены все книги Св. Писания, множество поучений и разных статей духовного содержания.

XV. Раба Христова (с. 37). В стихотворении речь идет об Авдотье (Евдокии) Федоровне Любимовой, вдове Степана Борисовича Любимова, бывшего священником Храма Рождества Богородицы в с. Надовражино (Воспоминания. Гл. 8).

ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ

В. 1906. № 10, окт. С. 1–10, в составе восьми стихотворений: I, II, IV, VI, III, VII, V, IX.

Эпиграф – из стихотворения А. С. Пушкина «Осень» (1833).

II. Жаркий полдень (с. 41). В первой публикации – под загл. «Жаркий день».

IV. Последняя роза (с. 43). В первой публикации – под загл. «Роза».

VIII. У пруда (с. 47). Дедовский пруд неоднократно упоминается Соловьевым в произведениях разных лет как яркая примета «родного пепелища», «родового гнезда» Коваленских. «Старый пруд» озаглавлена неизданная поэма (1916), посвященная А. Г. Коваленской (РГБ. Ф. 696. Карт. 1. Ед. хр. 9).

SILVAE

Silvae – лесá (лат.).

Эпиграф – из поэмы Альфреда де Мюссе «Октябрьская ночь» (La Nuit d'octobre, 1837). Перевод: «Дни творчества! Единственные дни, когда я жил!»

I. Истре (с. 50). *Истра* – река на западе Московской обл., протекает недалеко от Дедова. На Истре стоит Ново-Иерусалимский монастырь, в котором неоднократно бывал Соловьев (см. «Воспоминания», «Богословские и критические очерки» и др.). *Возле роиц Иерусалима / Ты зовешься Иордан...* – реальный факт: многие места близ Ново-Иерусалимского монастыря имеют евангельские названия (см. Воспоминания. С. 185–186).

II. Валерию Брюсову (с. 52). Ст-ния написаны в период «дикого увлечения» (Переписка с А. Блоком. С. 398) юного поэта творчеством В. Я. Брюсова (1905). 10 марта 1905 он писал своему кумиру: «думая о ваших стихах, заметил в них Леонардовскую черту. В вас сильно сладострастие познания, вы зорко проникаете туда, куда страшно и не надо заглядывать. Смерти таинство проверь. Это проверь так гениально, что трудно о нем говорить» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 23. Л. 1). **2.** *Ариадна, Орфей, Медея* – герои античной мифологии, упоминающиеся в ст-ниях В. Брюсова. **3.** Ст-ние В. Брюсова «Озимя» впервые опубликовано в ж. «Вопросы жизни» (1905, июль). **4.** СТЕФАНΟΣ (Венок) – сб. ст-ний В. Я. Брюсова (1906). *Эта* – гора в Фессалии, место погребального костра Геракла. *Ядовитый плащ кентавра...* – одежды, пропитанные ядовитой кровью смертельно раненного Гераклом кентавра Несса; испытывая в них страшные муки, Геракл лег на погребальный костер.

III. Андрею Белому (с. 55). Андрей Белый (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880 – 1934) – поэт, прозаик, теоретик символизма, которого Соловьев неоднократно называл братом. **1.** *Эпиграф* – из ст-ния А. Белого «Преданье» (1903). *Sanctur amor* – святая любовь (лат.). **2.** *Эпиграф* – из «Илиады» Гомера (Песнь XXII, ст. 389–390; в тексте сб. ошибочно указана Песнь X). В переводе Н. Гнедича: «Если ж умершие смертные память теряют в Аиде, / Буду я помнить и там моего благородного друга!» *Орест* – сын царя Агамемнона, отомстивший за его убийство; Орест и его друг Пилад символизировали крепкую дружбу. *Эврот* – река, на которой стоит Спарта. *Менетий* – один из аргонавтов, отец Патрокла. Подразумевается Н. В. Бугаев, умерший, как и М. С. Соловьев, в 1903. *Скамандр* – река возле Трои. *Фетида* – мать Ахилла. Подразумевается О. М. Соловьева.

IV. Максу Волошину (с. 58). Сонет написан в Коктебеле, во время краткого пребывания там Соловьева в июле 1907. *Где реет тень сестры над урной брата...* – скорее всего намек на сюжет «Ифигении в Тавриде».

V. А. Г. Коваленской (с. 59). *Коваленская* Александра Григорьевна (1829 – 1914) – бабушка поэта. *Эриннии* – в греч. мифологии богини мщения. *Гекуба* – жена троянского царя Приама, мать Гектора; потеряла своих детей в Троянской войне. *Скейский дуб* – родовое дерево. *Ксанф* – бог реки Скамандра возле Трои. Подразумевается дедовский пруд. *Поликсена*, *Кассандра* – дочери Приама и Гекубы, плененные и казненные греками. Поликсена была обручена с Ахиллесом. ...*вешний младенца смех*; *румянец веселой нимфы* – речь идет о младших внучках А. Г. Коваленской – Александре и Елизавете, детях ее сына Виктора Михайловича.

VI. Г. А. Рачинскому (с. 60). *Рачинский* Григорий Алексеевич (1859 – 1939) – председатель московского Религиозно-философского общества, философ, переводчик. Редактор последних трех томов собрания сочинений В. С. Соловьева (по завещанию М. С. Соловьева). После смерти родителей Соловьева (1903) был его опекуном. *Никодим* – тайный ученик Иисуса Христа, приходивший к нему по ночам (Иоанн. 3, 1–21). Вместе с Иосифом Аримафейским участвовал в снятии с креста тела Иисуса и положении его во гроб. *Нафанаил* (Варфоломей) – один из 12-ти апостолов, родом из Каны Галилейской; распространял евангельское учение в Индии, Армении и Албанополе (Дагестане). За веру претерпел страшные мучения: с него заживо содрали кожу и распяли. *Рамо* (церк.-слав.) – плечо. *Аарон* – старший брат Моисея, его спутник и сподвижник во время исхода; первый первосвященник евреев. Прообраз Иисуса Христа как служителя Бога.

VII. С. Н. Величкину (с. 61). *Величкин* Сергей Николаевич – сын старшей дочери Е. Ф. Любимовой, Марии Степановны. Летом 1905 Соловьев писал Т. А. Рачинской, ходатайствуя для С. Н. Величкина о месте в Московской гимназии: «Сергей Николаевич – мой лучший друг с детства, хороший, умный и образованный человек, а сверх того племянник Зязи [А. С. Любимовой – В. С.]» (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 3222. Л. 3). *Аир* (болотный) – растение с длинными мечевидными листьями, цветет в мае-июне, распространяет сильный аромат.

IX. Из Эпифаламы (с. 65). *Эпифалама* (эпиталама; от греч. epithalamios – свадебный) – ст-ние или песня в честь свадьбы, получившие литературное оформление в античной поэзии в VIII–VI вв. до н. э. *Primavera* (итал.) – весна; название картины С. Боттичелли. *Вертумен* – в римской мифологии бог всяких перемен (во временах года, течениях рек, настроениях людей и т. п.), муж Помоны. *Помона* (от *romo*, «древесный плод») – в римской мифологии богиня плодов. *Геспер* – в греч.

мифологии божество вечерней звезды, самой прекрасной из звезд. *Клир* – причт, люди, которым выпал жребий (греч. «клирос») служить при храме.

X. Москва (с. 67). *Гофман*, Виктор Викторович (1884 – 1911) – поэт, прозаик. **1.** *Пролетка* – легкий четырехколесный открытый экипаж. *Клирос* – место для чтецов и певцов в церкви. *Штатный переулоч* (в Москве, близ Арбата) – адрес из детства Соловьева: «Я начинаю себя помнить в небольшом белом двухэтажном доме в тихом Штатном переулке между Пречистенкой и Остоженкой» (Воспоминания. С. 79). **2.** *Гетера* – одно из названий публичной женщины. *Городовой* – в России с 1862 года низший чин городской полицейской стражи. *Далеко сад раскинулся тенистый...* – Александровский сад. *Вывеска Феррейна* – аптеки на Никольской улице.

XIII. Белица (с. 72). *Белица* – послушница в монастыре, готовящаяся для пострижения в монахини.

XIV. Ромео и Джульетта (с. 74). США.

XV. Um die Linde (с. 76). *Um die Linde* – возле лип (нем.). *Эпиграф* – из поэмы В. Я. Брюсова «Замкнутые» (1900–1901).

XVI. Геркулес на распутье (с. 78). ЗР. 1906. № 7–8–9. С. 105–106. «...ото всех картин остались “Персей и Андромеда” у нас в передней и еще в темном коридоре прорванная картина “Геракл на распутье”, между Афродитой и Афиной» (Воспоминания. С. 85). Речь идет о дедовском флигеле, где жили Соловьевы летом. *Киприда* – одно из имен Афродиты.

XVII. Алтарь Диониса (с. 81). *Дионис* – сын Зевса и фиванской царевны Семелы, бог вина и виноградной лозы. Его культ связан с весельем и экстагическими оргиями. В римской мифологии ему соответствует Вахх. Его сошествие осенью в подземный мир воспринималось как смерть, за которой каждой весной следовало воскресение. Стал классическим античным прообразом Иисуса Христа. *Дриады* – в греч. мифологии нимфы деревьев, обитавшие в лесах и рощах.

XVIII. Воспоминание (с. 82). В ст-нии отражены впечатления от поездки в Италию вместе с родителями в сентябре 1890 – апреле 1891 (Воспоминания. С. 91–98). *Ривьера* – полоса побережья Средиземного моря от Канн во Франции до г. Специя в Италии. *Бордигера* – город в Италии, в провинции Маурицио (Лигурия), у моря.

XIX. Мунэ Сюлли и Айседора Денкан (с. 83). *Мунэ Сюлли* Жан (1841 – 1916) – французский актер. В 1881 впервые выступил в роли Эдипа («Эдип-царь» Софокла). Актер «Комеди Франсез». Гастролировал в России (1894, 1899). *Дункан* Айседора (1877 – 1927) – американская танцовщица, одна из основательниц школы танца модерн. Использовала древнегреческую пластику. Балетный костюм заменила хитомом, танцевала без обуви. Первый концерт Дункан в Москве состоялся в Большом зале консерватории 24 января 1905 (исполнялись танцы на музыку Шопена). Соловьев был на этом концерте и написал рецензию «Айседора Денкан в Москве» (В. 1905. № 2, февр. С. 33–34): «Айседора Денкан дала нам предчувствие того состояния плоти, которое я называю “духовной телесностью”. В ее танце форма окончательно одолевает косность материи, и каждое движение ее тела есть воплощение духовного акта». *Иония* – Малая Азия. *Кадм* – сын финикийского царя Агенора и брат похищенной Зевсом Европы. Был послан отцом на поиски сестры и, не найдя ее, по повелению дельфийского оракула, основал город Фивы в Беотии – на том месте, куда привела его встреченная возле храма корова. Далее речь идет о фиванском царе Эдипе. *Отцеубийца* – царь Эдип. *Киферон* – остров близ Пелопонеса, известный храмом Афродиты. *Исмена* – младшая дочь Эдипа. *Диркейские струи* – от названия одной из гор в Греции. *Эриманфские рощи* – леса на берегу Аркадии. *Крин* – лилия. *Мосх* (II в. до н. э.) – древнегреческий поэт, представитель буколической, т. е. пастушеской поэзии. Особенно известна его поэма «Европа», где использован миф о похищении Европы Зевсом. *Орк* – в римской мифологии божество смерти, а также само царство мертвых. Соответствует греческому Аиду. *Оцет* – укус. *Софокл* (ок. 496 – 406 до н. э.) – древнегреческий поэт-драматург, один из трех великих представителей античной трагедии.

ПИЭРИЙСКИЕ РОЗЫ

Пиэрия – область на севере Греции, во Фракии, где обитали музы.

Этиграф – из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

I. Дафна (с. 85). Сюжет – см. Овидий, *Метаморфозы*, I, 452–567. *Дафна* – в греч. мифологии нимфа, дочь речного бога Пелея; спасаясь от преследования влюбленного Аполлона, превратилась в лавр. *Эрот* – в греч. мифологии бог любви, сын Афродиты. *Феб*, *Делий*, *Пеан* – наименования Аполлона. *Диана* – в римской мифологии аналог Артеми-

ды. *Дельфы* – место, где проводит Аполлон весну и лето, там расположено его святилище. *Кларос* – святилище Аполлона близ города Колофона. *Патара* – город на ликийском побережье, где находился храм и прорицалище Аполлона. *Тенедос* – остров у побережья Трояды, где Аполлон особенно почитаем. *Цитра* – струнный, преимущественно щипковый музыкальный инструмент.

II. Пирам и Фисба (с. 90). Сюжет – см. Овидий, *Метаморфозы*, IV, 55–167. *Нин* – легендарный основатель ассирийского царства.

III. Ио (с. 97). Сюжет – см. Овидий, *Метаморфозы*, I, 568–667. *Посвящение* – Эллис (наст. имя и фам. Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт, переводчик, критик; один из «аргонавтов». *Ио* – в греч. мифологии дочь аргоесского царя Инаха, возлюбленная Зевса. Опасаясь ревности Геры, Зевс превратил Ио в белую телку; Гера потребовала ее себе в дар и приставила к ней стражем Аргоса. После освобождения Ио, гонимая оводом, пересекла Грецию, Азию и Египет, где приняла человеческий вид и родила от Зевса сына Эпафа, родоначальника многих героев. *Пеней*, *Энипей* – реки в Фессалии. *Сперхей* (Сперхий) – река в Фессалии. *Инах* – отец Ио. *Луг асфodelей* – подземное царство Аида. *Парфенон* – здесь: святиня, сокровище. *Гимен* – бог супружества Гименей. *Борей* – северный ветер. *Пастбища Лерны* – ликейские поля располагались на Пелопонесе, родине Ио.

IV. Сиринга (с. 103). Сюжет – см. Овидий, *Метаморфозы*, I, 689–712. *Сиринга* – в греч. мифологии нимфа-гамадриада, обитавшая в Аркадии. *Делос* – остров, где родились Аполлон и Артемида. *Пан* – божество стад, лесов и полей.

V. Ифигения в Авлиде (с. 105). Вопросы жизни. 1905. № 5, май. В основе ст-ния эпизод из «Илиады» Гомера. Из порта Авлиды греческие корабли должны были отправиться к Трое, но не было попутного ветра. Прорицатель Калхас объявил, что нужно принести в жертву Артемиде дочь Агамемнона Ифигению. Ее вызвали якобы для обручения с героем Ахиллом. Узнав истинную причину, Ифигения мужественно приняла свою судьбу. Но в последний момент богиня заменила Ифигению ланью, а девушку унесла в далекую Тавриду, сделав жрицей своего храма. *Атрид* – отец Ифигении Агамемнон. *Лета* – река в царстве мертвых.

VI. Ахиллес (с. 107). *Ахиллес* (Ахилл) – один из главных героев Троянской войны; сын Фетиды, морской богини, и Пелея, царя г. Фтии в Фессалии. Совершил много подвигов под Троей, но на десятый год войны

был убит стрелой Париса, направленной Аполлоном в единственное уязвимое место Ахиллеса – пятку (отсюда выражение «ахиллесова пята»). **1.** Речь идет о соре между Агамемноном и Ахиллесом. *Мирмидоняне* – фессалийское племя, жившее во Фтиотиде, владениях Пелея и Ахиллеса. *Илион* – Троя. **2.** *Гектор* – сын троянского царя Приама, убитый Ахиллесом. *Гефест* – сын Зевса и Геры, бог огня и кузнечного дела. По просьбе Фетиды выковал для Ахиллеса латы, щит и оружие. *Парки* – римское название греческих богинь судьбы мойр. **3.** *Ида* – гора возле Трои, где был воспитан Парис. *Пергам* – название троянского акрополя. *Хрисеида* – красавица-рабыня, дочь жреца Аполлона Хриса, захваченная Ахиллесом в городе Фивы, союзном Трое. **5.** *Эак* – дед Ахиллеса.

VII. Неоптолем (с. 114). *Неоптолем* – сын Ахиллеса и Деидамии, дочери царя о. Скирос Ликомеда, у которого Фетида скрывала своего сына от войны, зная, что ему суждена гибель под Троей. По пророчеству, был необходим грекам для победы над Троей. Убил в сражениях многих детей Приама и его самого. *Сын Лаэрта* – Одиссей. *Меч воткнут Саламинским царем...* – речь идет об Аяксе, сыне Теламона, царя Саламина и брата Пелея, отца Ахилла. Аякс – самый сильный греческий герой. По вине Афины впал в безумие и покончил жизнь самоубийством. *Керы* – духи смерти, крылатые женоподобные существа, похищающие в момент гибели душу умершего.

VIII. Дидона и Эней (с. 117). СЦА. Эпизод из «Энеиды» Вергилия. *Дидона* – сестра царя Тира, основательница Карфагена. *Эней* – сын Анхиза и Афродиты, родственник Приама. После гибели Трои спас из огня сына и отца. После долгих странствий основал свое царство в Италии. *Ореады* – горные нимфы.

IX. Эней – товарищам (с. 119). *Пенаты* – здесь: святыни Трои, которые увез с собой Эней. *Креуза* (Креуса) – жена Энея; исчезла в самом начале пути Энея от Трои. *Правнук Анхизов* – считается, что потомками сына Энея Аскания (Юла) был род Юлиев (в т. ч. Юлий Цезарь и Август).

ПЕСНИ

Эпиграфы – 1) из ст-ния А. В. Кольцова «Русская песня» (1841); 2) из ст-ния Н. А. Некрасова «Огородник» (1846).

- I. Разлука (с. 120).** Возможно, прототип героини – крестьянка из Надовражино Еленка, на которой Соловьев собирался жениться в 1906.
- II. Двоеженец (с. 123).** *Иван Постный* – 11 сентября (н. ст.), день усекновения главы Иоанна Предтечи. *Лития* – моление, особенно усердное по случаю общественных бедствий. Соединяется то с крестным ходом, то с выходом в притвор или на кладбище.
- III. Монашка (с. 134).** *Гарнитуровый платок* – из плотной шелковой ткани.
- IV. Весенний ветер (с. 137).** *Плис* – плюш, хлопчатобумажная ткань с ворсом («бумажный бархат»); получила распространение в XVII в.

Веснянки

Веснянки – старинные обрядовые песни у славян. Им приписывалось магическое значение.

Эпиграфы – 1) из поэмы Овидия «Фасты» (кн. V). В переводе Ф. Петровского: «Мать цветов, появись, тебя славим мы в играх веселых!»; 2) из поэмы А. де Мюссе «Майская ночь» (*La Nuit de Mai*, 1835). Перевод: «Это ты, моя светлая!»

I. Primavera (с. 142). США.

II. Пастораль (с. 144). *Лель* – славянский бог любви, подобный Амуру, Эроту. *Лада* (ладо) – наименование одного из супругов, милый, любимый.

III. Нимфа весны (с. 147). *Эпиграф* – из подражания Ж.-Б.-Л. Грессе Вергилию (Буколики. Эклога IX). Перевод: «Из гротов Амфитриты, / Климена, услышь мой голос! / Месяц цветов зовет тебя / Вернуться в наши леса!» *Элизей* (Элизиум, Елисейские поля) – в греч. мифологии обитель блаженных, загробный мир для праведников. *Пактол* – река в Лидии, берет начало на известной вином горе Тмол. Изобиловал в древности золотым песком, который, как считалось, был источником богатств Креза. *Митра* – головная повязка. *Бромий* («бурный», «шумный») – одно из прозвищ Диониса.

V. Надгробие (с. 153). *Посвящение* – возможно, Сергей Сергеевич Щукин, брат друга Соловьева И. С. Щукина.

- VIII. Ξανθή κόρη (с. 156).** *Ξανθή κόρη* (греч.) – золотоволосая дева.
- XI. Хлое (с. 159).** *Эпиграф* – из Катюлла (Carmina. 51). Перевод – «Смех рокочущий». *Хлоя* – героиня повести Лонга «Дафнис и Хлоя». *Гибла* – гора на о. Сицилия.
- XII. Другу (с. 160).** *Трахинийские девы* – г. Трахина располагался в Фессалии, неподалеку от горы Эты – места предсмертных мук Геракла. *Теламониад* – сын Теламона Аякс.
- XIII. Женщине (с. 161).** *Дочь Лато* – Артемида; считалась покровительницей родов. *Илифия* – в греч. мифологии проявлялась то как враждебная, то как спасительная сила при рождении. Иногда просто агрибут Геры или Артемиды, иногда самостоятельное существо. Почиталась в Египте и даже отождествлялась с богиней Изидой.
- XIV. Небу (с. 162).** *Потир* – церковный сосуд (чаша), который при совершении евхаристии используется для освящения и раздачи вина.

АПРЕЛЬ

Вторая книга стихов

1906–1909

Опубликована изд-вом «Мусагет» в 1910. В ст-нии «Мои книги» охарактеризована таким образом:

Очарованьем Пушкинского метра
Исполнен ты, печальный мой «Апрель»,
Где покорилась юному Деметра.

Блестят пруды, в лугах поет свирель,
И манит сумрак сладостью дубравной
Под древнюю раскидистую ель,

Где средь фиалок нимф ласкают фавны...
И все как сон, как лилий вешний дым,
И благовестом Пасхи православной

Наполнен мир под небом голубым.
Ликует всё в надежде воскрешенья.
О Русь, могло под небом лишь твоим

Родиться это смелое смешенье
Святых молитв с пахучим ядом зла...
Как далеко загадок разрешенье!

(РГБ. Ф. 696. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 98)

Эпиграф – из ст-ния Ф. И. Тютчева «Нет, моего к тебе пристрастья...» (1835).

СНЫ АПРЕЛЬСКИЕ

- I. «Ты взманила к вешним трелям...» (с. 165).** В. 1907. № 8. С. 9–10.
- II. «Я блуждал в лесу родимом...» (с. 166).** В. 1907. № 8. С. 11–12. *Гиацинты* – гиацинты.
- III. «Тают тайные печали...» (с. 167).** В. 1907. № 8. С. 13–14. *Елей* – оливковое масло, употребляемое для лампад и для помазания при крещении, в большие церковные праздники и в Таинстве Елеосвящения, означает благодать примирения, исцеления и оживления.
- IV. «Охотно в келье молчаливой...» (с. 168).** *Посвящение* – Сергей Нилович Попов, двоюродный брат Соловьева по линии отца, сын старшей сестры М. С. Соловьева Веры Сергеевны. Прозаик, поэт. «...этот молодой человек отличался совершенно исключительной добротой, доходящей до самопожертвования», «всего больше... любил природу» (Воспоминания. С. 188).
- V. «Присев на ветхое крыльцо...» (с. 169).** *Благовест* – колокольный звон к началу службы.
- VI. «Весь день я просидел прилежно...» (с. 170).** *Тацит* (ок. 58 – 117) – римский историк. Главные труды – «Анналы» и «История» в 14 книгах (сохр. 1–4 и начало 5-ой), а также очерк о религии, общественном устройстве и быте др. германцев («Германия»).
- VII. Сонет (с. 171).** *Мирт* – род вечнозеленых кустарников и деревьев. Листья и другие его части содержат эфирное масло, плоды – пряность.

VIII. Возвращение весны (с. 172). В. 1908. № 8. С. 7–8, № 1 в цикле «Сельская цевница». *Зегзица* – кукушка.

XII. Улыбка прошлого (с. 176). В. 1909. № 4. С. 10, № 2 в цикле «Апрель». *Эпиграф* – из поэмы А. де Мюссе «Августовская ночь» (*La Nuit d'août*). В переводе С. Шервинского: «Ах! Юной я была... и нимфой».

ЛИРА ВЕКОВ

I. Гимн Анодиомене (с. 177). *Анодиомена* («появившаяся на поверхности моря») – одно из имен Афродиты. *Кровь святая от темных чресл...* – по одной из версий о происхождении Афродиты, она родилась из крови оскопленного Кроном Урана. Кровь попала в море и образовала пену, из которой родилась богиня (греч. бцѣпь – «пена»). Образ «темного Хаоса светлая дочь» – по той же легенде.

II. Элегия (с. 178). В. 1908. № 8. С. 9–10, № 3 в цикле «Сельская цевница». *Посвящение* – Михаил Алексеевич Кузмин (1872 – 1936), поэт, прозаик, критик, драматург, переводчик, композитор. Соловьев опубликовал рецензии на книги М. Кузмина «Сети» (В. 1908. № 6. С. 64–65) и «Комедии» (В. 1909. № 3. С. 93–95), упоминал о нем в статье «Символизм и декадентство» (В. 1909. № 5. С. 53–56). *Кифера* – одно из наименований Афродиты по названию острова близ берегов Пелопонеса, на котором стоял посвященный ей храм. *Дафнис* – сицилийский пастух и поэт, умерший от неутоленной страсти к нимфе Наиде; главный герой повести Лонга «Дафнис и Хлоя». *Аретуза* (Аретуса) – источник на о. Итака. *Птоломей* (Птолемей; ок. 90 – 160) – др.-греч. астроном и географ, создатель геоцентрической системы мира, т. е. движения планет вокруг неподвижной Земли. *Сиракузы* – город на о. Сицилия, родине Дафниса.

III. Остров Феаков (с. 179). Место, куда попал Одиссей во время своих странствий. *Пиния* – итальянская сосна, растущая по берегам (и островам) Средиземного моря. *Белорукая царевна* – царевна Навсикая.

IV. Сафо (с. 181). *Сафо* (VI в. до н. э.) – др.-греч. поэтесса с о. Лесбос. Воспевала любовь, красоту, дружбу. *Митилена* – город-порт на о. Лесбос. *Лесбос* – греческий остров в Эгейском море близ побережья п-ва Малая Азия, один из центров греческой культуры.

V. Геракл на Эте (с. 182). По др.-греч. мифологии, на горе Эта завершилась земная жизнь Геракла. В первых строфах перечисляются подвиги

ги Геракла: победа над немейским львом, лернейской гидрой, посещение сада Гесперид. *Геспериды* – нимфы, дочери Ночи, хранительницы золотых яблок вечной молодости. *Иннолита* – царица амазонок. Добывание ее пояса – девятый подвиг Геракла.

VI. Asclepiadeus maior (с. 183). *Asclepiadeus maior* – большой асклепиадов стих (лат.). *Посвящение* – Владимир Оттонович Нилендер (1883 – 1965), филолог-классик, поэт, переводчик, участник кружка «аргонавтов»; близкий друг Соловьева со студенческих времен.

VII. Идиллия (с. 184). В. 1908. № 8. С. 10–11, № 4 в цикле «Сельская цевница». *Тутир* – сын пастуха Филета, герой повести Лонга «Дафнис и Хлоя».

VIII. Аполлон с кифарой (с. 186). В основе ст-ния миф о любви Аполлона к нимфе Дафне. *Кифара* – др.-греч. струнный щипковый музыкальный инструмент. По мифу, Аполлон получил кифару от Гермеса.

IX. Отрок со свирелью (с. 187). *Наяды* – в греч. мифологии нимфы рек, ручьев и озер.

X. Песня Дафниса (с. 188). В. 1909. № 4. С. 13–14, № 4 в цикле «Апрель». *Цевница* – многоствольная флейта.

XI. С латинского (с. 189). *Сатурналии* – в Др. Риме ежегодные празднества в декабре в честь бога Сатурна. Сопровождались карнавалами, пиршествами, во время которых не соблюдались сословные различия; бедным раздавали деньги, друг другу делали подарки. *Цистерна* – водоем. *Фалерн* – вино, названное по месту, где выращен виноград. *Патриций* – в Др. Риме родовая аристократия. *Асс* – др.-рим. медная монета, чеканилась с V в. до н. э., в обращении – до первой половины III в.

XII. Ричард Львиное Сердце (с. 191). *Ричард I Львиное Сердце* (1157 – 1199) – англ. король (с 1189), большую часть жизни провел вне Англии, возглавлял 3-й крестовый поход (1189 – 1192). Убит во время войны с Францией. *Паладин* – доблестный рыцарь, беззаветно преданный идее, человеку, делу. *Шотландский бард* – Вальтер Скотт (1771 – 1832), шотландский поэт, любимый зарубежный писатель Соловьева и его родных (матери, бабушки).

XIII. Иоанна Дарк (с. 192). *Посвящение* – Наталья Михайловна Дементьева (урожд. Коваленская; 1852 – 1900), писательница, любимая тетка Соловьева по линии матери. В очерке «Ольга Михайловна Соловьева» (РГАЛИ. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 16) Соловьев упоминает повесть

Н. М. Дементьевой «Иоанна д'Арк» (М., 1895). Поэт вспоминал: «Она писала тогда книгу об Иоанне д'Арк, читала мне отрывки и показывала картинки <...> Дева в латах и шлеме, знамя с лилиями Франции – всё это раз и навсегда вошло в мою душу под влиянием тети Наташи. Ряд лет я читал об Иоанне д'Арк всё, что мне попадалось под руку, и писал во множестве видов ее историю, а мать моя ее иллюстрировала» (Воспоминания. С. 99). О взаимоотношениях тети и племянника – в поэме «Старый пруд» (1916): «Была родная мне, и воедино / Сливались наши души...» (РГБ. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 37). Смерть Дементьевой от неизлечимой болезни была ударом для Соловьева. На ее похоронах в Петербурге присутствовал другой очень дорогой для Соловьева родственник – В. С. Соловьев, умерший летом того же года. *Иоанна (Жанна) д'Арк* (1412 – 1431) – народная героиня Франции, легендарная Орлеанская дева. В ходе Столетней войны (1337 – 1453) возглавила борьбу французского народа против англичан. В 1920 канонизирована католической церковью. *Маас* – река у Домреми. *Домреми* (Дом-Реми) – родина Жанны д'Арк. *Орифлама* (фр. золотое пламя) – во Франции до XV в. королевское знамя, поднимаемое на копье в разгар боя. *Дюнуа* – Жан Дюнуа-и-Лонавиль (1402 – 1568), граф, незаконный сын герцога Орлеанского. Оборонял Орлеан до прихода Жанны д'Арк. *Ла Гир* – Этьен де Виньоль, прозванный Лагир (1390 – 1444), капитан, сопровождавший Жанну д'Арк во время осады Орлеана.

XIV. Иоанн Грозный (с. 194). *Посвящение* – Анатолий Корнилиевич Виноградов (1888 – 1946), русский советский писатель, автор художественно-биографических и документальных книг. В 1920-х ученый секретарь Государственного Румянцевского музея. Друг Соловьева. *Иван IV Васильевич Грозный* (1530 – 1584) – великий князь «всея Руси» (с 1533), первый русский царь (с 1547). Для укрепления самодержавия в 1565 ввел опричнину. Внутренняя политика Ивана Грозного сопровождалась массовыми репрессиями. *Феодор* – Федор Иоаннович (1557 – 1598), сын Ивана IV, последний русский царь из династии Рюриковичей. Передал управление страной своему шурину Борису Годунову. *Дмитрий* – Дмитрий Иванович (1582 – 1591), младший сын Ивана IV. В 1584 отправлен с матерью (М. Ф. Нагой) в Углич. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

XV. Сергей Радонежский (с. 196). *Сергий Радонежский* (в миру Варфоломей; 1315 – 1391) – православный святой. Монашествовал возле Радонежа, собственными руками возведя скит. В 1353 возведен в пре-

свитеры. Отказался от шапки митрополита. Благословил на победу на Куликовом поле Дмитрия Донского. Основанная им Лавра – всероссийский духовный центр. *Стихира* – церковная песнь, написанная на греч. языке стихами. *Фелонь* – верхняя риза священника; напоминает багрянцу, в которую Пилат облек Иисуса Христа. Символ правды. *Аналой* – в православной церкви высокая подставка, на которую при богослужении кладут для чтения церковные книги, ставят иконы и крест.

ШЕСТЬ ГОРОДОВ

Эпиграфы – 1) из ст-ния Ф. И. Тютчева «Ужасный сон отяготел над нами...» (1863); 2) из ст-ния Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858).

I. Киев (с. 197). *Канон* – соединение песнопений в честь праздника или Святого. В каноне может быть до 9 песней, каждая песнь состоит из ирмоса и нескольких тропарей. Ирмос поется, тропарь читается. *Сулица* – короткое метательное копьё с металлическим наконечником. *И шеломом черпать Дон...* – парафраза из «Слова о Полку Игореве»: «испити шеломом Дону». По комментарию Д. С. Лихачева, «эта фраза имела символическое значение: пить шлемом из реки – значит завоевать ту местность, где эта река протекает». *Вежа* (др.-рус.) – шатер, кибитка. *Мономах* – Владимир Мономах (1053 – 1125), князь смоленский (с 1067), черниговский (с 1078), переяславский (с 1093), великий князь киевский (с 1113). Сын Всеволода I и дочери византийского императора Константина Мономаха. Боролся с феодальными междуусобицами. В «Поучении», обращенном к сыновьям и внукам, призывал укреплять единство Руси. *Баян* (Боян) – певец-поэт, пользовавшийся в Древней Руси большой славой; жил и творил в конце XI – начале XII вв. *Лучше смерть, чем плен и цепи...* – парафраза из «Слова о полку Игореве»: «Луце жь бы потяту быти, неже полонену...» *Смерч Батыев* – татаро-монгольское нашествие.

II. Новгород (с. 200). *Стекольный* – старинное название Стокгольма. *Ганзейские купцы* (от понятия «Ганза») – торговый союз немецких городов, существовавший в XI – XV вв. С Ганзой вел торговые дела Новгород. *Ильмень* – озеро в Новгородской области; из него вытекает река Волхов, на которой, в 6 км от Ильменя, стоит Новгород.

III. Москва (с. 202). *Златоуст* – Иоанн Златоуст (347 – 407), пресвитер Антиохии, с 397 – архиепископ в столице Византии Константинополе. Объяснил всё Священное Писание, в проповедях представил образцы духовного красноречия. В пасторской деятельности был ревнителем церковного благочиния, защитником гонимых, вдов и сирот, обличителем пороков, в жизни – суровым подвижником монашества. Им был составлен чин Литургии, который до сих пор совершается в храмах. *Анастасия* – скорее всего Анастасия Романовна из семейства Захарьиных-Юрьевых, первая жена Ивана Грозного. *Ирина* – Ирина Федоровна, сестра Бориса Годунова; постриглась в Новодевичьем монастыре. Возможно, имеется в виду царевна Ирина Михайловна Романова – героиня исторической повести Вс. С. Соловьева (дяди поэта) «Жених царевны». *Пролог* – сборник кратких сказаний о святых и праздниках. *Успенье* – Успенье Пресвятой Богородицы (28 августа), православный праздник, упоминаемый уже в 420 г. *Сирин* – в средневековой мифологии райская птица-дева, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. В русском искусстве сирин и алконост – традиционный изобразительный сюжет. *Царьградова сестра* – Москва.

IV. Петербург (с. 205). *Бельт* – один из проливов (существуют большой и малый), соединяющий Балтийское море с проливом Каттегат, за которым начинается Северное море. *Гудят и стонут наковальни / Под тяжким молотом Петра...* – реминисценция пушкинских строк: «Так тяжкий млат, / Дробя стекло, кует булат». *Психея, Психе* (душа, дыхание) – в греч. мифологии олицетворение души. Объединив различные мифы о Психее, Апулей создал поэтичную сказку «Амур и Психея» о странствиях человеческой души, жаждущей слиться с любовью. *Венус* – Венера, в римской мифологии богиня садов, отождествляется с греч. богиней любви и красоты Афродитой. Ее сына Энея римляне считали своим прародителем. *Купидо* – Купидон, в римской мифологии божество любви. Соответствует римскому Амуру и греческому Эроту.

V. Город современный (с. 207). *Князь Хаоса* – дьявол. *Вертеп* – здесь: трущоба, притон. *Упырь* – вампир, вурдалак, оборотень, мертвец, выходящий из могилы, чтобы пить кровь живых людей. *Содом и Гоморра* – два города в устье реки Иордан, жители которых, по Библии, погрязли в распутстве и за это были испепелены небесным огнем. Из пламени Бог вывел только Лота с семьей.

VI. Сион грядущий (с. 209). В предпоследней строфе развернута картина «антихристова злого поруганья» – вольный пересказ Апокалипси-

са (Откр. 6–8). *Сион Грядущий* (то же, что Иерусалим) – речь идет об установлении Царствия Божьего на земле после Второго пришествия Христа. *Сретенье* – встреча. *Антихрист* – противник Христа, который перед концом мира должен стремиться к истреблению христианства, но потерпит крах. *Орамай* – пахарь.

Баллада о графе Равенсвуде (с. 212). Написана по мотивам произведения Вальтера Скотта.

ОЧАРОВАННЫЙ РЫЦАРЬ

Эпиграф – из стихотворения М. Ю. Лермонтова «1831-го июня 11 дня».

I. Три видения (с. 218). *Фиал* (от греч. *phiale* – кубок) – др.-греч. металлическая, реже глиняная чаша для пиров или возлияний богам. Украшалась росписью или рельефами.

II. Поединок (с. 219). *Черный монах* – неоднократно встречается в творчестве Соловьева, например в «Повести о несчастном графе Ригеле», там же есть указание на один из источников легенды – стихотворение М. Ю. Лермонтова «Баллада» (Из Байрона; 1830).

III. Признание (с. 221). *Иванова ночь* – ночь с 23 на 24 июня (7 июля), праздник, связанный с летним солнцестоянием. *Иван Купала* – народное прозвище Иоанна Крестителя. Имеет языческие корни. Во время Иванова дня Купалу (куклу) топят в воде, разжигают священные костры, через которые прыгают участники обряда, и т. д. Широко распространено у славянских народов предание об алом цветке папоротника, который расцветает в эту ночь и способен указать клад. *Испил я нектар неба...* – т. е. уподобился олимпийским богам, питье и пища которых – нектар и амброзия.

IV. Замок двух принцесс (с. 223). *Стигмат* (от греч. *stigma* – укол, пятно) – стигматы символизировали пять ран Распятого Спасителя и появлялись чудесным образом на теле некоторых исключительных личностей (напр., Франциска Ассизского, Екатерины Генуэзской и др.).

VII. Magnificat (с. 229). *Magnificat* (лат.) – восхваление. *Архангел* – высший ангельский чин.

IX. В вечерний час (с. 232). *Таинства Соронских роз и лилий...* – указание на Библию (эти цветы связаны с пророчествами о Спасителе).

X. Путь царевны (с. 233). Образный строй ст-ния навеян сказкой Г.-Х. Андерсена «Снежная королева», любимой Соловьевым.

XIII. Портрет (с. 236). В. 1909. № 4. С. 11–12, № 3 в цикле «Апрель». *Где черно-изумрудный пыл...* и т. д. – реминисценция из ст-ния Ф. И. Тютчева: «Я очи знал, – о, эти очи! / Как я любил их, – знает Бог!».

СТРЕЛЫ КУПИДОНА

Эпиграф – из ст-ния А. С. Пушкина «Певец» (1816).

I. Лесному богу (с. 240). В. 1908. № 8. С. 12–14, № 5 в цикле «Сельская цевница».

II. Элегия (с. 243). *Хлебозор* – отдаленная молния, зарница во время цвета и налива хлеба.

IV. Подражанье Шенье (с. 245). В. 1908. № 8. С. 8–9, № 2 в цикле «Сельская цевница». *Шенье* Андре Мари (1762 – 1794) – французский поэт и публицист. В элегиях воссоздал светлый мир Эллады, предвосхитив романтическую поэзию.

V. Наступление весны (кантата) (с. 246). *Сатурн* (лат. Saturnus) – один из древнейших римских богов, интерпретируется как неумолимое время, поглощающее то, что породило, или как семя, возвращающееся в землю. Научил своих подданных земледелию, виноградарству и цивилизованной жизни, поэтому Лация стала называться «землей Сатурна». Ему посвящен праздник сатурналий (17 декабря). *Зефир* – в греч. мифологии бог западного ветра; перен. – теплый, легкий ветер.

VI. К Делии (с. 248). *Тюльпы* (от фр. tulipes) – тюльпаны. *Хариты* – в греч. мифологии три богини красоты и изящества (Аглая, Ефросина, Талия). Им соответствовали римские Грации. *Филомела* – ласточка (возможно, Соловьев подразумевает соловья, в которого, по мифу, превратилась сестра Филомелы – Прокна).

VII. «Прошла гроза, и семицветных радуг...» (с. 250). *Расин* Жан (1639 – 1699) – французский драматург, представитель классицизма.

IX. Осень (с. 253). *Эол* – в греч. мифологии повелитель ветров, здесь: ветры. *Аквилон* – ветер в римской мифологии.

X. Привет осени (с. 254). В. 1908. № 8. С. 16, № 7 в цикле «Сельская цевница».

XV. «Мой милый дом, где я анахоретом...» (с. 259). *Анахорет* (греч.) – пустынный, отшельник. *Вдвоем с моим поэтом...* – с А. Белым. Соловьев и Белый провели весну и лето 1907, снимая дачу в с. Петровском, т. к. флигель Соловьева в Дедове отстраивали после пожара. *Флориан Жан Пьер Киари де* (1755 – 1794) – французский писатель, автор стихотворных идиллий, басен, пасторальных повестей и романов («Галатея», «Блиомбери», др.). *Rive fleurie* – цветущий берег (фр.). *Камена* – в римской мифологии нимфа ручья. Отожествлялась с музыкой.

XVII. Галатея (с. 263). В. 1908. № 8. С. 14–15, № 6 в цикле «Сельская цевница». Мотив покончившей счеты с жизнью молодой женщины, утонувшей в пруду, появляется в творчестве Соловьева неоднократно, связан с дедовской усадьбой: «Меж крестьян ходило предание, что по ночам над прудом и по берегам показывается призрак белой женщины» (Воспоминания. С. 48). *Посвящение* – Илья Михайлович Ковалинский (Коваленский; 1790 – 1855), прадед Соловьева, статский советник, светский человек, поклонник «Аполлона и Венеры», масон, пожалованный в 1819 орденом Иоанна Иерусалимского. Переменил образ жизни после женитбы на крестьянке, стал богомолен, много лет трудился над хронологией библейской истории. *Галатея* – в греч. мифологии имеет два значения: 1) дочь Нерея, морская нимфа, nereида; 2) возлюбленная скульптора Пигмалиона, превратившаяся из прекрасной статуи в живую женщину. *Селена* – луна.

Дщи Сиона

I. Вход во Иерусалим (с. 265). В. 1909. № 8. С. 7–8, № 1 в цикле «Терцины». *Тимпаны* – древние ударные музыкальные инструменты, род тарелок, а также литавры. *Нард* – благовонное растение, из которого добывается мирр. *Алоэ* – многолетнее растение семейства лилейных, символ смерти Христа и его погребения. Ароматный, терпкий сок алоэ смешивали с мирром для умащения тел умерших. *Давид* – царь Иудеи, пророк, песнопевец, автор Псалтири. Перенес Кивот Завета в Иерусалим. Считается прообразом Иисуса-Мессии. *Захария* – библейский пророк, предсказавший явление Спасителя, конец света и будущее Иерусалима. Из книги его пророчеств Соловьев использует реминисценции: «Ликуй и веселись, дочь Сиона! Ибо вот Я приду и поселюсь посреди тебя» (Зах. 2, 10); «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет тебе, праведный и спасающий, краткий, сидящий на ослице» (Зах. 9, 9).

II. Ангел и мироносицы (с. 267). В. 1909. № 8. С. 8–9, № 2 в цикле «Терцины». В основе ст-ния – евангельский сюжет (Матф. 28; Мар. 16; Лук. 24; Иоан. 20). *Рцыте* – скажите. *Фома, коснись до ран...* – евангельский эпизод: «Пришел Иисус, когда двери были закрыты, стал посреди их и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!» (Иоан. 20, 26–28). *Три солнца* – Петр, Иаков, Иоанн – ученики Иисуса Христа. *Раввунн* – учитель (*др.-евр.*).

III. Иоанн Креститель (с. 269). *Посвящение* – Поликсена Сергеевна Соловьева (1867 – 1924), поэтесса, переводчица, художница, редактор-издатель (совместно с Н. Манасеиной) журнала «Тропинка», младшая сестра М. С. Соловьева, отца поэта. *Акриды* – саранча, пища св. Иоанна Предтечи. Ее разрешалось есть евреям. *Осанна* – спасение от Бога. *Как ярый хмель, во чреве я выиграл...* – евангельский эпизод: «Когда Елисавета (мать Иоанна Предтечи– В.С.) услышала приветствие Марии, выиграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святого Духа» (Лук. 1, 41). *Вайя* – пальмовая ветвь, символ победы Христа над смертью.

V. Заклятие розами, лилиями и именем Марии (с. 271). ...*стамна с манною и неопальный куст...* – библейские понятия, связанные с эпизодами Священного Предания.

VI. Значение искусства (с. 272). *Посвящение* – Надежда Федоровна Коваленская (урожд. Мирошкина; ? – 1909), дочь профессора гражданского права Ф. М. Мирошкина; жена Н. М. Коваленского, старшего брата О. М. Соловьевой; окончила Московскую консерваторию (класс А. Г. Рубинштейна); руководила частной музыкальной школой. *Кадильница* – сосуд для каждения, означающего возношение молитв к Богу. *Трикирий* – трехсвечник, которым осеняют народ при богослужении. Символизирует Святую Троицу и свет Христа-Богочеловека. *Фимиа* (греч. thymiata, от thumiáo – жгу, курю) – благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях.

VII. Лепота мироздания (с. 274). Соловьев использует лексику и стилистику Псалтири (Пс. 65, 68, 148, 150): «Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны, огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его, горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры, звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые» (Пс. 148, 7–10). *Лепота* (церк.-слав.) – краса, красота, благолепие, великолепие. *Онагры* (церк.) – дикие ослы. *Елени* – олени.

VIII. Апостол Иоанн (с. 276). В. 1909. № 8. С. 11–13, № 3 в цикле «Терцины». *Посвящение* – Михаил Васильевич Соловьев (1791 – 1861), в 1817 был рукоположен в сан священника; до 1860 служил настоятелем церкви Московского коммерческого училища, где преподавал Закон Божий; за труды во время эпидемии холеры (1830) награжден орденом Св. Анны; в 1840 возведен в российское дворянство. *Кана Галлилейская* – место претворения Христом воды в вино и исцеления сына царедворца (Иоан. 2, 7–9). *Архитриклин* – служитель в парадной трапезной (триклиний у римлян – место приема пищи). *Силоам* – Силоамская купель на юге от Иерусалимского храма. Воды Силоама считаются священными. Здесь омылся исцеленный Христом слепорожденный (Иоан. 9, 1–7). *Праздник Кущей* – установлен евреями в память окончания сороколетнего странствия. *Он говорил:* «*вы – ветви, я – лоза*»... – сокращенная цитата из Евангелия от Иоанна: «Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и я в нем, тот приносит много плода, ибо без меня не может делать ничего» (Иоан. 15, 5). *Князь тьмы* – дьявол. *Крин Христа* – любимый ученик.

ДЕРЕВНЯ

Посвящение – неустановленное лицо.

Эпиграф, вопреки написанному, – из стиха Н. А. Некрасова «Корбейники».

I. Яблочная торговка (с. 278). ЗР. 1907. № 2. С. 28–29.

III. Ярило (с. 286). *Ярило* (Ярила) – в слав. мифологии божество весеннего плодородия. Сохранился в славянской весенней обрядности как персонаж низшей мифологии, воплощаемой в белорусской традиции в образе девушки, одетой в белое, с венком на голове, ржаными колосьями в правой руке и человеческой головой в левой. В позднейшей слав. обрядности ассоциировался с Юрием – Георгием. *Брашна* (церк.) – еда, пища. *Вниди* (церк.) – войди, вступи.

V. Духовные стихи (с. 290). *Вертоград* (церк.) – плодовый сад. *Купавы* – водяное растение с желтыми или белыми цветами.

VIII. Обманутая девушка (с. 297). *До Николы* – видимо, Никола Вешний (22 мая), праздник в память перенесения мощей св. Николая из Мар Ликийских в Бар. *Покров* – православный праздник Покрова

Пресвятой Богородицы (14 октября), установлен в русской церкви с XII в.

IX. Федя (с. 300). *Посвящение* – неустановленное лицо. *Монастырь предподобного Саввы* – Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде под Москвой (основан в 1377). *Послушник* – лицо, готовящееся к пострижению в монахи; воспитанник в монастыре. *Игумен* – настоятель монастыря. *Хоругвь* – вертикально свисающее полотнище с изображением Христа или святых, укрепленное на длинном древке и носимое при крестных ходах. *Тропарь* – стих или церковная песнь, изображающая жизнь Святого, смысл и событие праздника.

Послания и мадригалы

Эпиграф – из ст-ния А. С. Пушкина «19 октября» (1825).

I. Памяти А. А. Венкстерна (с. 306). *Венкстерн* Алексей Алексеевич (1856 – 1909) – поэт, переводчик, цензор. Соловьев учился в гимназии вместе с его сыном Володей, очень часто бывал у Венкстернов, особенно в их тульском имении Лаптево. На смерть А. А. Венкстерна (15 февраля 1909) он написал прочувствованный некролог (В. 1909. № 6. С. 89–92). *Трубицыно* – подмосковное имение двоюродной бабушки Соловьева С. Г. Карелиной (1826 – 1916), у которой поэт часто гостил.

II. Мадригал (с. 308). В. 1909. № 10–11. С. 142. Ст-ние является не только мадригалом, но и акростихом, посвященным Софье Владимировне Гиацинтовой (1895 – 1982), известной актрисе театра и кино, двоюродной сестре В. А. Венкстерна и племяннице А. А. Венкстерна. Соловьев знал ее еще ребенком. «Мадригал» вначале был записан в альбом С. В. Гиацинтовой (РГАЛИ. Ф. 2049. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 17) под загл. «Акростих», а затем опубликован. *Феокрит* (кон. IV – 1-я пол. III вв. до н. э.) – др.-греч. поэт, основатель жанра идиллии.

III. В. А. Венкстерну (с. 309). *Венкстерн* Владимир Алексеевич – товарищ Соловьева по гимназии. *Потом всё было бурей смято...* – имеются в виду события первой русской революции 1905 – 1907. *Лары* – в римской мифологии божества семьи, домашнего очага, усадьбы.

IV. Гиацинтии (с. 310). Ст-ние посвящено С. В. Гиацинтовой. *Теламон* – царь о. Саламина, отец Аякса и Тевкра, героев Троянской войны. *Лакедемон* – область на юго-востоке Пелопонеса со столицей Спарта, владение царя Менелая.

- V. С. Н. Величкину (с. 311).** *Эпиграф* – из Катуллы (Carmina. 14). В переводе Я. Голосовкера: «Если б света очей моих сильнее / Не любил я тебя...»
- VI. Мадригал по случаю болезни глаз (с. 312).** Ст-ние посвящено С. В. Гиацинтовой, записано в ее альбом под загл. «На болезнь глаз. Сонет» (РГАЛИ. Ф. 2049. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 25). *Flendo turgiduli rubent ocelli* (лат.) – от плача краснеют распухшие глазки. *Катулл* Гай Валерий (ок. 87 – ок. 54 до н. э.) – римский поэт.
- VII. Памяти Юрия Сидорова (с. 313).** *Сидоров* Юрий Ананьевич (1887 – 1909) – поэт, товарищ Соловьева по университету. *Стюарт, Мак-Айвор* – герои произведений В. Скотта, любимого обоими друзьями.
- VIII. Письмо (с. 314).** *Монэ* Клод (1840 – 1926) – французский живописец-импрессионист.
- IX. Андрею Белому (с. 317).** *Эпиграф* – из ст-ния А. Белого «Сергею Соловьеву» (1909, сб. «Урна»). ...*таинственный Дивеев...* – Дивеевский женский монастырь в Нижегородской области, основан старцем Серафимом Саровским в 1827.
- X. В. М. Коваленскому (с. 319).** *Коваленский* Виктор Михайлович (? – 1924) – дядя Соловьева, математик, приват-доцент кафедры механики Московского университета. ...*два обломка стародавней / Полуразрушенной семьи...* – к 1909 в когда-то многолюдном Дедове остались только А. Г. Коваленская, В. М. Коваленский с женой и младшими детьми и Соловьев. У Александры Григорьевны было шестеро детей и семеро внуков, выросших в имении Коваленских.
- XI. А. Г. Коваленской (с. 320).** ...*волшебница таинственного сада...* – усадьбы Дедово. ...*твои простые басни...* – А. Г. Коваленская писала сказки для детей, чаще всего назидательного характера. *Минвана* – героиня баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа».

ЦВЕТНИК ЦАРЕВНЫ

Эпиграф – из «Элегий» Тибулла (I, 1). В переводе А. Артюшкова: «Лишь бы смотреть на тебя, когда час мой настанет последний, / И умирая, тебя слабой рукой обнимать».

Посвящение – Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869 – 1970), камерная певица (меццо-сопрано), жена П. д'Альгейма, тетка сестер Тургеневых (Натальи, Анны, Татьяны).

Предисловие (с. 325). *Гёте* Иоганн Вольфганг (1749 – 1832) – немецкий поэт, мыслитель, естествоиспытатель. *Батюшков* Константин Николаевич (1787 – 1855) – русский поэт. *Зелинский* Фаддей Францевич (1859 – 1944) – филолог-классик, профессор Петербургского университета. *Джотто* ди Бондоне (1266/67 – 1337) – итальянский живописец, представитель Проторенессанса. Наиболее известны его фрески капеллы дель Арена в Падуе и церкви Санта-Кроче во Флоренции. *Леонардо* да Винчи (1452 – 1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. *Рафаэль* Санти (1483 – 1520) – итальянский живописец и архитектор, представитель высокого Возрождения.

ОБРАЗ МИЛЫЙ

Эпиграфы – 1) из ст-ния В. А. Жуковского «К ней» (1817); 2) из поэмы А. де Мюссе «Майская ночь» (La Nuit de Mai, 1835). Перевод: «О мой цветок, о моя бессмертная! / Единственная душа, верная и целомудренная, / В которой еще живет любовь ко мне!»

III. «Крепче голубой мороз...» (с. 332). *Посвящение* – неустановленное лицо.

VI. Бабушка и внучка (с. 335). *Посвящение* – Ахрамович (Ашмарин) Витольд Францевич (1882 – 1930), литератор, секретарь изд-ва «Музагет».

VIII. Раутенделейн (с. 337). *Раутенделейн* – героиня пьесы Г. Гауптмана (1862 – 1946) «Потонувший колокол». На рифме в строфе V подразумевается оригинальное произношение: «Раутенделяйн».

IX. Татьяна день (с. 339). *Плющихинский лихач* – в годы создания ст-ний «Цветника царевны» Соловьев жил на Плющихе в 6-м Ростовском переулке в доме Кожиной.

Розы Афродиты

Цикл ст-ний под тем же загл. – Антология.

Эпиграф – из ст-ния А. А. Фета «Ее не знает свет, – она еще ребенок...» (1847).

I. Парис (с. 346). Антология. С. 211–212. *Палестра* – частная гимнастическая школа в Древней Греции для обучения мальчиков 12–16 лет.

II. Посещение Диониса (с. 348). Антология. С. 219–220. *Менада* (вакханка) – спутница Вакха (Диониса).

III. Вакханка (с. 349). Антология. С. 221–222.

IV. Венера и Анхиз (с. 350). Антология. С. 217. *Анхиз* – отец Энея, представитель младшей ветви троянских царей. Боги, разгневавшись на Афродиту за то, что она внушала им любовь к людям, заставили ее полюбить смертного – Анхиза, который пас стада на Иде. От их любви родился Эней.

V. Купанье нимф (с. 351). Антология. С. 218. *Посвящение* – Кожебаткин Александр Мелентьевич (1884 – 1942), издатель, библиофил, секретарь изд-ва «Мусагет», владелец изд-ва «Альциона».

VI. Поцелуй (с. 357). Антология. С. 216.

XI. «Ты еще нежным была и не знающим страсти младенцем...» (с. 361). *Цикута* (вех) – род многолетних водных и болотных трав семейства зонтичных. *Каллимах* (ок. 310 – ок. 240 до н. э.) – др.-греч. поэт, представитель александрийской школы. *Мельпомена* – в греч. мифологии одна из муз, покровительница трагедии. Жрецами Мельпомены называют актеров. *Цинтия* – имя возлюбленной римского поэта Секста Проперция. Настоящее ее имя Гастия; предком ее был историк Гастий, современник Цезаря.

XIV. Из Иоанна Секунда (с. 365). *Иоанн Секунд* (наст. имя Ян Николай Эверарт; 1511 – 1536) – нидерландский поэт. Писал на латыни эротические стихи. *Кекрон* – по преданию, основатель и первый правитель

Афинского государства. Построил афинский акрополь, названный Кекропией; соединил разрозненно живших жителей Аттики.

ПЕСНИ

Этиграф – из ст-ния И.-В. Гёте «Близость любимого» (Nahe des Geliebten, 1795). В переводе М. Сандомирского: «Всё ты со мной, где б ни была ты в мире. / С тобой – мечты! / Закат потух, горит звезда в эфире. / Придешь ли ты?»

I. Элегия (с. 366). Антология. С. 214.

III. «Ты порвала семьи святыя узы...» (с. 368). Антология. С. 227, вариант ст. 1: «Ты порвала насильственные узы...».

IV. «Я тебя не беспокою?...» (с. 369). Антология. С. 226.

V. «Померкло театральное крыльцо...» (с. 370). Антология. С. 225.

VII. «Моя обетованная земля...» (с. 372). *Влахерн* – место в западной части Константинополя, прославленное своими святынями (напр., ризами Пресвятой Богородицы). С Богородичной церковью Влахерна связан чтимый в России праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

ПОЭМЫ

Этиграф – из Катуллы (Carmina. 8). В переводе С. Шервинского: «Катулл несчастный, перестань терять разум, / И что погибло, то и почитай гиблым».

I. Любовь поэта (с. 373). *Donne moi la rose* – Дай мне розу (*фр.*).

II. Московская поэма (с. 378). *И Вольф, и Теодор...* – Соловьев перечисляет магазины на Кузнецком Мосту. *Мельпомены храм* – речь идет о здании МХТ в Камергерском переулке. *Исконный твой очаг, великолепный Брюсов...* – в здании «Метрополя» помещалась редакция журнала «Весы», в котором главную роль играл В. Я. Брюсов. *Пентадий* (конец III – нач. IV вв.) – римский поэт, эпиграммист; Брюсов перевел несколько его ст-ний. *Верхарн* Эмиль (1855 – 1916) – бельгийский поэт-символист, драматург, критик; писал на французском языке. Впервые переведен на русский Брюсовым.

III. Езда на остров любви (с. 384). Под загл. «Зимняя поэма» – в альбоме С. В. Гиацинтовой (РГАЛИ. Ф. 2049. Ед. хр. 328. Л. 44–48). *Грессе Жан-Батист-Луи* (1709 – 1777) – французский поэт. *Парни Эварист* (1753 – 1814) – французский поэт. ...*один излюбленный артист...* – Василий Иванович Качалов (наст. фам. Шверубович; 1875 – 1948), актер МХТ. ...*милый Коридон...* – видимо, В. А. Венкстерн, гимназический друг Соловьева, в то время уже женатый. Был двоюродным братом С. В. Гиацинтовой. В Лаптеве их дома стояли рядом.

Послания и мадригалы

Эпиграф – из «Посвящения» (*Zueignung*, 1797) к «Фаусту» И. В. Гёте. В переводе Н. Холодковского: «Кому я пел когда-то, вдохновенный, / Тем песнь моя – увы! – уж не слышна...»

I. Письмо (с. 388). *Язон* (Ясон) – в греч. мифологии руководитель аргонавтов, отправившихся в Колхиду за золотым руном. *И неуверенный мой стих, / Как птичка, щебетала Хлоя...* – подразумевается С. В. Гиацинтова.

II. Триолет (с. 391). Антология. С. 213.

III. Мадригал (с. 392). *χλωρός* (греч.) – зеленый.

VI. А. А. Бенкендорфу (с. 396). *Бенкендорф* Александр Александрович (1884 – ?) – товарищ Соловьева по гимназии Л. И. Поливанова. ...*к твоей Лилете...* – имеется в виду Татьяна Александровна Шуцкая, кузина детей Венкстернов, впоследствии жена Бенкендорфа. Соловьев вспоминал о лете 1902: «Каждый день я обедал у Гиацинтовых или Венкстернов, где появилась Таня Шуцкая, отношения с которой превратились для меня в сплошной холодный флирт, с непрерывными остротами и взаимными колкостями. Приехал из Тамбовской губернии и Саша Бенкендорф, также проводивший всё свободное время у Венкстернов и уже заметно ухаживающий за своей будущей женой Таней Шуцкой» (Воспоминания. С. 325).

VII. А. К. Виноградову (с. 397). *Посвящение романа «Хлоя»* – имеется в виду оставшаяся в рукописи повесть Соловьева «Жертва идола» (1911, исправлена 1923; РГАЛИ. Ф. 2049. Оп. 1. Ед. хр. 404).

VIII. À Pierre D'Alheim (с. 399). *Пьер* (Петр Иванович) *Д'Альгейм*, барон (1862 – 1922) – французский писатель и журналист, основатель

Дома песни (1908 – 1916), муж певицы Марии Алексеевны Олениной д'Альгейм, тетки жены Соловьева Т. А. Тургеневой.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРОШЛОГО

Эпиграф – из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

I. Святой Борис (с. 402). *Святой Борис* – сын Св. Владимира, князь ростовский; 24 июля 1015, по приказанию брата Святополка (Окаянного), коварно убит на берегу реки Альты. Вместе с младшим братом Борисом, загубленным 24 июля, причислен к лику святых.

II. Марфа – Михаилу Романову (с. 403). *Посвящение* – Нина Корнилиевна Виноградова, сестра А. К. Виноградова; преподавала в частной школе на Моховой. *Михаил Романов* – Михаил Федорович Романов (1596 – 1645), русский царь (с 1613), первый царь из рода Романовых. Избран Земским собором. До 1633 года находил поддержку у патриарха Филарета.

III. Мои предки (с. 404). *Эпиграф* – из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов». **1.** *Служителя Господня Соловьева...* – Михаил Васильевич Соловьев (1791 – 1861), прадед поэта. **2.** *Как богатырь трудился дед...* – Сергей Михайлович Соловьев (1820 – 1879), великий русский историк, автор «Истории России» (в 29 тт.), академик Петербургской академии наук (1872), ректор Московского университета (1871 – 1877). *Петр* – Петр I Великий (1672 – 1725), русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721). Государственный, военный и культурный деятель, преобразователь России. *Фукидид* (ок. 460 – 400 до н. э.) – древнегреческий историк. Автор «Истории» (в 8 кн.) – труда, посвященного Пелопонесской войне (до 411 до н. э.); это сочинение считается вершиной античной историографии. **3.** *Черная Слобода* – рязанское имение прапрадеда Соловьева, Михаила Ивановича Коваленского (1745 – 1807), писателя, гос. деятеля, друга и биографа Г. С. Сковороды. *Поп* (Поуп) Александр (1688 – 1744) – английский поэт, представитель просветительского классицизма. *...князь полуденных Тавр...* – Григорий Алексеевич Потемкин (1739 – 1791), русский государственный и военный деятель, ближайший помощник и фаворит Екатерины II. После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического. *...безбожник Фернея...* – Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Аруз; 1694 – 1778) – французский писатель и философ-просветитель. Почетный член Петербургской Академии Наук (с

1746). В имени Ферне (с 1758) провел последние годы. *Сковорода* Григорий Саввич (1722 – 1794) – украинский философ-мистик. **4. Наследник твой единственный...** – Илья Михайлович Коваленский (1790 – 1855), прадед поэта, который был женат на рязанской крестьянке Марфе Григорьевне.

У НОГ ЦАРЕВНЫ

Эпиграф – из ст-ния Е. А. Баратынского «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (1844)

I. Рождение Венеры (с. 410). По мотивам картины С. Боттичелли.

II. Плач Орфея (с. 412). В. 1909. № 4, апр. С. 7–9, № 1 в цикле «Апрель». *Харон* – в греч. мифологии перевозчик мертвых в Аиде; за работу получал от каждого плату в один обол. *Фракия* – обширная область на северо-востоке Греции, у берегов Мраморного моря и пролива Дарданеллы.

III. Ифигения в Тавриде (с. 414). В. 1909. № 4, апр. С. 14–15, № 5 в цикле «Апрель». *Посвящение* – Эмиль Карлович Метнер (псевд. Вольфилг; 1872 – 1936) – литератор, музыкальный критик, философ. С 1902 друг А. Белого и Соловьева. В 1909 совместно с А. Белым и Эллисом организовал изд-во «Мусагет». В 1912 – 1916 издавал философско-эстетический журнал «Труды и дни».

IV. Гермес (с. 416). *Гермес* – вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших.

V. Орест – Электре (с. 417). *Посвящение* – Мария Алексеевна Венкстерн, дочь А. А. Венкстерна, сестра В. А. Венкстерна, подруга юности Соловьева. *Электра* – младшая дочь царя Агамемнона. *Эвмениды* – богини мести, обитавшие в Аиде; появлялись на земле, чтобы возбудить месть, безумие, злобу.

IX. Разбойничьей девочке (с. 421). *Маленькая разбойница, Кай, Герда* – персонажи сказки Г. Х. Андерсена «Снежная королева».

X. Н. П. Киселеву (с. 422). *Аканф* – акация. *Эриманф* – река в Аркадии; также божество этой реки. *Тирезий* – в греч. мифологии сын нимфы Харикло, фиванский прорицатель. *Сарова / Благословенный ключ...* – Саровская пустынь (Тамбовской обл.) основана в 1690 иеромонахом Иоанном; прославлена чудесами и подвигами св. Серафима.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВ

1913–1915

Книга вышла в Москве в 1916.

Посвящение – отец Трифон (Борис Петрович Туркестанов; 1861 – 1934), митрополит, известный проповедник, первый vikарий Московской епархии, епископ Дмитровский (с 1923 в сане архиепископа, с 1931 в сане митрополита). Духовный путь начинал в Оптиной Пустыни. В юности дружил с М. С. Соловьевым, отцом поэта. Соловьев познакомился с епископом Трифоном и монахами Богоявленского монастыря в Москве летом 1913.

Этиграф – из «Исповеди» св. Августина (Confessiones. Lib. I. Cap. I). Перевод: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе».

Вступление (с. 427). *Монастырь Богоявления* – основан в конце XIII в. князем Даниилом Московским, закончен в 1304 при Иване Калите, окончательный вид приобрел в 1693–1696. В предреволюционный штат монастыря входили управляющий – преосв. Трифон, епископ Дмитровский; наместник – архимандрит Ипполит; ризничий – игумен Иона; пятеро иеромонахов и восемь иеродьяконов. *Десница* (церк.) – правая рука. *Дикий* – двусвечник в левой руке архиерея, символ двух естеств в Иисусе Христе. *Клобук* – головной убор монашествующих. *Зане* (церк.) – ибо, для того, потому что, так как. *Неблаженный* (неблаженный) – чуждый соблазна, чистый. *Казанская* – православный праздник во имя чудотворной иконы Казанской Божьей Матери (21 июля – в память явления иконы в Казани; 4 ноября – в связи с чудесным освобождением от поляков в 1612). *Старинный князь московский Даниил...* – Даниил Александрович (1261 – 1303), сын Александра Невского, князь Московский с 1276. Получил по завещанию Переяславль-Залесский, чем положил начало росту Московского княжества. Основал Данилов и Богоявленский монастыри. Канонизирован русской православной церковью. *Зрак* – здесь: вид. *Херувим* (др.-евр. пламенеющий) – высший чин ангелов. *Рипиды* (церк.) – круглый, на древко насаженный образ херувима, которым дьякон веет над Св. Дарами. *О, княжеского рода цвет прекрасный...* – епископ Трифон происходил из семьи кавказских князей. *Золотой телец* – идол в виде быка; был

сооружен ветхозаветным Аароном по требованию народа, поклонявшегося золотому тельцу как воплощению Бога (Исх. 32). Символ власти и богатства. ...о святом заторнике Сарова... – речь идет о преп. Серафиме Саровском, православном святом, особенно чтимом в России. ...когда с моим отцом / Бродили вы... – Соловьев неоднократно вспоминал о юношеской дружбе между М. С. Соловьевым и Б. П. Туркестановым. *Оптина обитель* – Оптина (Введенская) Пустынь, мужской монастырь, в 2 км. от г. Козельска Калужской обл. Основан в XIV в. Оптою (Макарием). К монастырю примыкает Иоанно-Предтеченский скит (основан в 1821). Является своеобразным религиозно-философским центром, духовной святыней нации. Пустынь посещали Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и мн. др. После революции скит и монастырь были закрыты. Пустынь возвращена русской православной церкви в 1987.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

I. Привет Новому Иерусалиму (с. 431). Воскресенский монастырь, или «Новый Иерусалим», на реке Истре к северо-западу от Москвы (ок. 50 км), возле города Истра, заложен Патриархом Никоном на земле, купленной у Боборыкина, по модели, привезенной из Иерусалима Арсением Сухановым. Окончен в 1685; в 1721 в соборе устроен шатер над Гробом Господним (сгорел в 1726, восстановлен на средства Императрицы Елизаветы Петровны в 1748 трудами московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского) по плану Растрелли). *Пророк Амос* – третий из малых Пророков, пастух из Феокии, жил при Озии, царе Иудейском, и Иеровоаме, 2-м царе Израиля. *Кувуклий* (лат. Cubicularium) – спальня в Византийском дворце. *Синедрион* – верховное еврейское судилище из 72-х членов, основанное Вавилонским царем Иосафатом (2 Пар. 19). Сначала находился в Иерусалиме, после его падения был перенесен в Иамнию, в конце III в. в Тверду. После окончательного рассеяния евреев был заменен местными синагогами. *Центурион* (лат. centurio) – командир подразделения (центурии) в др.-римском легионе. *Никонова древняя обитель* – Ново-Иерусалимский монастырь. *Неделя Ваий* – вербное воскресенье. *Добрый пастырь* – Иисус Христос: «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей...» (Ис. 40, 11). *Лев святого Марка* – символ Венеции. *Владыка полумира* – папа Римский. *Тиара* – папская митра (головной убор) из трех корон с крестом наверху;

три короны означают три царства: небесное, духовное и светское. *Золотая пещера* – наименование монастыря, в данном случае Ново-Иерусалимского. *Архимандрит* – начальник монастыря. ...*русский патриарх / Войдет в свой храм...* – речь идет о необходимости церковной реформы в начале XX в., созыве Собора и выборах патриарха, что произошло в конце 1917 – начале 1918.

II. Епископу Дионисию (с. 434). *Кардиналы* – высший духовный сан в Риме. Из них – 6 епископов, 50 – священников и 14 диаконов. Носят красные мантии и широкополые шляпы с красными шнурами. Названы так потому, что они – главные деятели, рычаги папского правления (*cardo* – крюк). *Ватикан* – холм в Риме на правом берегу Тибра; здесь находятся Собор Св. Петра и Папский дворец. Ныне – государственный город в пределах столицы Италии, центр католической церкви, резиденция ее главы, Папы Римского. *Второго Павла словом золотым...* – видимо, подразумевается Павел II, Папа Римский в 1963 – 1968, покровитель науки; благодаря его деятельности была основана первая печатная типография в Риме. ...*Яникул, обгаренный / Божественною кровию Петра...* – возможно, эдикула (алтарь, статуя), под которой, по одной из версий, были захоронены останки Св. Петра, в римском соборе его имени. *Генисарет* – озеро в Галилее, прославленное чудесами Иисуса Христа (Мат. 14, 34). *Омофор* (греч. «раменоносник») – одно из семи архиерейских облачений, возлагаемых на рамена (плечи): широкая лента, которая вешается через плечо и спускается спереди и сзади. Символизирует заблудившуюся овцу (человечество), которую Господь взял на Свои плечи и сочтал со Своими овцами (ангелами). Кресты, которыми украшается омофор, показывают, что священнослужитель готов последовать страстям Христовым.

III. Святой Москве (с. 437). *В чашах рдеет кровь...* – вино для причастия. В Писании постоянно встречается слово «чаша» в прямом и переносном смысле. *Кроткий старец в белом клобуке...* – Макарий, митрополит Московский (с 25 ноября 1912). *Анастасий* – возможно, Анастасий (Александров), с 1914 епископ Ямбургской и Петроградской епархий. ...*третий черноризец строгий...* – преподобный Трифон. *Строгий ангел Дмитровских полей...* – в 1901 архимандрит Трифон был назначен Священным Синодом епископом Дмитровским и настоятелем Московского Богоявленского монастыря. *Амвросий* Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812 – 1891) – иеросхимонах, старец, духовный писатель. Канонизирован русской православной церковью. *Мощи патриарха Гермогена...* – Гермоген был патри-

архом с 1607, известен как хранитель России в смутное время; писал грамоты с увещанием народа, составил сказание о Явлении Казанской иконы Божьей Матери. В 1612 замучен поляками.

IV. 14 сентября 1913 года (с. 440). *Миланский эдикт* – заявление, которое навсегда установило свободу вероисповедания в Римской империи. Явилось результатом политического соглашения, заключенного в Милане между Римским императором Константином I и Лицинием в феврале 313. *Денница* – утренняя заря. *Пред взором Константина...* – Константин I, также Константин Великий (280 – 337), первый римский император, который стал христианином. В православии почитается святым.

V. Епископу Трифону, путешествующему за границей (с. 442). *Донской монастырь* – в Москве, за Калужской заставой, построен в 1591 в память спасения Москвы от нашествия шведов и татарского хана Казы-Гирея. *Гермоген* – один из иеродьяконов Богоявленского монастыря. *Жезл корня Иессея...* – Иессей – отец царя Давида, с которого часто начинали генеалогическое древо Иисуса Христа. Выражение «корень Иессея» (Ис. 11, 1–10) относится к Давиду.

VI. Братья Богоявленского монастыря (с. 444). *Вот день, когда Христос был встречен Симеоном...* – евангельский эпизод встречи Мессии с его первыми учениками: «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». (Мат. 4, 18–19). *...со славой...* – в церковной службе повтор: «Слава и ныне, и присно, и во веки веков...» «Славой» называется треть кафизмы, отделяемой троекратным пением: «Слава и ныне...», «аллилуйя» и «Господи помилуй».

VII. Гермогену монаху (с. 447). *Келейник* – служитель монашескому лицу, послушник или монах, служка. *Фиваида* – пустыня на Юг от Египта, местопребывание пустынников в IV и V вв.

VIII. Памяти Ю. А. Сидорова (с. 449). *Анагност (греч. чтец)* – человек, занимавший других чтением вслух (на пиру, семейном вечере и т. п.). *...в глубь пустынь уводит нас Египет...* – речь идет о пустынниках IV–V вв., спасавшихся в Египетских землях. *Афон* – святая гора в Фессалии, на полуострове Халкидики на северо-востоке Греции, центр православного монашества. Находился под юрисдикцией Константинопольской патриархии с правом самоуправления. Известен с Апо-

тольских времен, с VIII в. насчитывает 20 монастырей. *Киновия* – монастырское общежитие.

IX. Оптина Пустынь (с. 451). *Феодосий* – преподобный Феодосий, схигумен, скитоначальник Оптинский. *Нектарий* – преподобный Нектарий (в миру Николай Васильевич Тихонов; 1856 – 1928), иеросхимонах Оптиной Пустыни, один из прославленных старцев (избран в 1912). *Скит* – Иоанно-Предтеченский в Оптиной Пустыни. *Кафизма* – каждый из двадцати отделов Псалтыри. *Епитрахиль* – облачение священника на шею и груди (надевается под ризу), опускающееся до полу. Символ благодати священства.

X. Блаженный Августин – святой Моники (с. 453). *Августин*, Святой (354 – 430) – епископ Гиппона в Римской Африке, ведущий богослов ранней христианской церкви. *Моника* – мать Августина. *Амвросий*, Святой (339 – 397) – епископ Милана, библейский комментатор, автор модели отношений государства и церкви. Крестил Св. Августина Гиппонского. *Манихейство* – религиозное учение, основано в III в. Мани, который, по преданию, проповедовал в Персии, Средней Азии, Индии. В основе – дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Воспринималось римскими христианами как ересь. Бл. Августин одно время был увлечен манихейством. *Медиолан* (Милан) – город в Сев. Италии, на Паданской равнине в области Ломбардия.

XI. Пустынная жизнь (с. 456). *Стрекало возжелений* – острое проявление (острие, жало) похоти.

XII. Василий Великий – Григорию Богослову (с. 458). *Василий Великий* (Василий Кесарийский; ок. 330– 379) – христианский церковный деятель, богослов, отец Церкви. Брат Григория Нисского, близкий друг Григория Богослова, вместе с которым изучал философию в Афинах. С 370 епископ г. Кессария (М. Азия), создал много благотворительных учреждений. С его именем связана одна из основных литургий Восточной церкви. Им разработаны принципы христианской космологии. *Григорий Богослов* (Григорий Назианзин; ок. 300 – ок. 390) – христианский мыслитель, поэт, церковный деятель, один из трех (наряду с Иоанном Златоустом и Василием Великим) вселенских учителей Восточной церкви; епископ г. Назианза (М. Азия). Председательствовал на 2-м Вселенском соборе в Константинополе в 381. Его «Пять слов о богословии» способствовали утверждению православного понимания Св. Духа как Третьего лица Троицы. *Макрина* – сестра и на-

ставница Василия Великого и Григория Нисского. *Демосфен* (ок. 384 – 322 до н. э.) – афинский оратор, вождь демократической антимакедонской группировки. *Ливия* – речь идет о Ливийской пустыне, где спасались Василий Великий и Григорий Богослов. *Авва* (церк.) – отец. *Евсевий* – с 315 епископ Кессарии Палестинской, сподвижник и жизнеописатель Константина Великого, деятельный член I-го Вселенского Собора. *Юлиан* – Юлиан Отступник (331 – 363), римский император с 361. Получил христианское воспитание; став императором, объявил себя сторонником языческой религии, реформировал ее на базе неоплатонизма; издал эдикты против церкви. Прозвище получил от христианской церкви. ...*возмездьем / Ему была парфянская стрела...* – Юлиан был убит 26 июня 363 в войне с персами. *Валент* – Валент Флавий (ок. 328 – 378), император восточной части Римской империи, покровитель ариан. Потерпел поражение от вестготов в Адрианопольском сражении (378), во время которого и погиб. *Арианство* – течение в христианстве. Его зачинатель – св. Арий из г. Александрия. Ариане не принимали один из основных догматов официальной церкви – о единственности Бога-Отца и Бога-Сына (Христа); по учению Ария, Христос как творение Бога-Отца – существо ниже его стоящее. Осуждено как ересь Соборами 325 и 381 гг. *Афанасий* (Великий) Александрийский (ок. 295 – 373) – христианский богослов, епископ г. Александрия, отец Церкви. В борьбе с арианством разработал учение о «единосущии» Бога-Отца и Бога-Сына, ставшее догматом на 1-м (325) и 2-м (381) Вселенских соборах; защищал независимость церкви от имперской власти.

XIII. Прощание святого Антония с Афоном (с. 462). *Святой Антоний* – Антоний Печерский (983 – 1073), родом из Любича, был пострижен на Афоне, поселился близ Киева, в пещере, ископанной Илларионом; основатель Киево-Печерского монастыря. *Фавор* – название многих холмов в Палестине. На Фаворе близ Назарета произошло Преображение Иисуса Христа (Мат. 17, 5). *Печерские пещеры* – Киево-Печерская лавра во имя Успения Пресвятой Богородицы.

XIV. Архимандриту Петру (с. 464). *Архимандрит Петр* – Василий Константинович Зверев (1876 – 1929), домашний учитель Соловьева в детстве. Постригся в монахи (отец Петр), в 1926 стал архиепископом Воронежским; скончался в Соловецком лагере особого назначения. *Иеромонах* – священнослужитель средней (второй) степени христианской церковной иерархии, принявший монашество. *Царские Врата* – центральная часть иконостаса; раскрываются в определенные моменты богослужения.

I. Вольтер (с. 466). *На рубеже двух жизней...* – имеются в виду события жизни Соловьева конца 1910 – 1912: нервный срыв, попытки самоубийства, болезнь, выздоровление, женитьба на Т. А. Тургеневой и перемена жизненного пути (вместо карьеры ученого поэт решает стать священником). *Лесничий* – Владимир Константинович Кампиони, отчим Т. А. Тургеневой. В его имении Боголюбцы под Луцком на Волини поэт проводил лето 1912. *Почаев* – Почаевская лавра (Западная Украина), Почаево-Успенский мужской монастырь в г. Почаеве, недалеко от границы; основан в 1261 монахами, бежавшими из разоренного Батьем Киева. В 1559 в обители обретена чудотворная икона Богородицы. В Почаеве «показывается» стопа, т. е. след Богородицы, источающий целебную воду. До начала XVIII в. – один из центров борьбы с католичеством и униатством. В 1720 передан униатам. После подавления Польского восстания 1830–1831 возвращен православному духовенству. Статус лавры получил в 1833.

II. Падуа (с. 469). *Падуа* – город в Сев. Италии, каналом связанный с Адриатическим морем. В XV–XVII вв. крупный культурный центр, известный университетом, массой уникальных архитектурных сооружений. *Святая кисть ученика Франциска...* – речь идет о Беато Анжелико. *Франциск Ассизский* (наст. имя Джованни Бернадоне; 1181/82 – 1226) – итальянский проповедник, монах, основатель ордена францисканцев. *Иоаким и Анна* – праведные родители Божией Матери. *Тосканский монах* – Франциск Ассизский.

III. Беноццо Гоццолли (с. 471). *Пред грозным Саладином...* – в 1219 Франциск Ассизский направился в Египет, где вошел в лагерь сарацинов и проповедовал султану, который под впечатлением его речей дал разрешение посетить святые места в Палестине. *Маги* – здесь: волхвы. *Медици* Лоренцо (прозвище Великолепный; 1449 – 1492) – итальянский поэт, правитель Флоренции с 1469, меценат; способствовал культуре Возрождения. *Палеологи* – династия греческих царей в XIII–XV вв. Соловьев имеет в виду Константина 11-го, последнего Византийского императора, погибшего в 1453 во время взятия Царьграда турками.

IV. Кременец (с. 473). *Кременец* – город в Западной Украине. Известен с 1226. С XIV в. отнесен к Литве и Польше, в 1793 – 1917 находился в составе Российской империи. Известен руинами замка конца XIII – нач. XIV вв., монастырем XVI – XVIII вв., Богоявленским собором

XVII в. *Словацкий* Юлиуш (1809 – 1849) – польский поэт-романтик, родившийся в Кременце.

VI. 13 октября, 1914 года (с. 477). *13 октября* (ст. ст.) – день рождения Соловьева.

VII. «Ты Радости Нечаянной недаром...» (с. 478). Эпиграф – из «Божественной комедии» Данте (Рай. Песнь XXIII). В переводе М. Лозинского: «О Беатриче, милый, нежный вождь!» ...*Радости Нечаянной... молилась...* – речь идет об иконе Нечаянная Радость. Сюжет ее взят из сочинений свят. Дмитрия Ростовского (XVII в.): грешник молится Богородице с младенцем, и у Спасителя на теле открываются раны; но Богородица умоляет Христа простить раскаявшегося грешника, которому дается «нечаянная радость», после того как он целует раны Христа на иконе. С 1832 находится в московской церкви Неопалимой Купины на Девичьем поле, с 1835 прославилась как чудотворная. *Христа любимый ученик* – Иоанн. *Ты повела меня стезею света...* – речь о Татьяне Алексеевне Тургеневой (1896 – 1966), на которой Соловьев женился 16 сентября 1912.

VIII. Святая Русь (с. 480). *Сергий, муж, кому не будет равных...* – Сергий Радонежский. *Савва Преподобный...* – Савва Звенигородский или Сторожевский, ученик преп. Сергия, духовник Звенигородского князя Юрия Дмитриевича; правил Сергиевой лаврой после преподобного Никона; в 1347 основал монастырь у горы Сторожевской.

ТЕНИ АНТИЧНОГО

I–II. Трахиниянки Софокла (с. 483, 485). Вольный перевод двух отрывков из ранней трагедии Софокла. В основе сюжета – история гибели греческого героя Геракла. **I.** *Сын Алкмены* – Геракл. *Деянира* – жена Геракла. *Кадмов сын* – Геракл, родившийся в Фивах, основанных, по мифу, Кадмом. **II.** *Ахелой* – река между Этолией и Акарнанией. Здесь речь идет о речном боге, претендовавшем, как и Геракл, на руку Деяниры. *Зевсово чадо, покинувший Вакховы Фивы...* – Геракл. Фивы названы Вакховыми, т. к. Вакх (Дионис) был сыном Семелы, дочери основателя Фив Кадма.

III. Воспитание Ахилла (с. 487). В основе сюжета – эпизод из «Илиады» Гомера. *Кентавр Хирон* – воспитатель мальчика Ахилла. *Скирос* – остров в Эгейском море. У царя Скироса Ликомеда мать Ахилла Фе-

тида от скрывала сына, переодетого в женское платье, спрятав его среди царских дочерей.. Хитроумный Одиссей сумел найти Ахилла и оба они отправились на войну.

Италия (поэма)

Отд. изд. М., 1914. Написана в 1914 по впечатлениям поездки в Италию с юной женой зимой 1912–1913.

Вступление (с. 489). *Дни детства моего вскормила ты...* – с сентября 1891 до середины апреля 1892 поэт вместе с родителями путешествовал по Италии. В «Воспоминаниях» эта поездка определяется как очень важная в процессе становления мальчика.

I. Венеция (с. 491). *Порция* – героиня пьесы У. Шекспира «Венецианский купец». *Дездемона* (греч. Несчастливая) – главная героиня трагедии У. Шекспира «Отелло, венецианский мавр». *Чертоги дожа* – дворец дождей в Венеции, выдающийся памятник итальянской готической архитектуры (XIV–XV вв.). В сочетании с собором, библиотекой Сан-Марко и другими зданиями образует главный архитектурный ансамбль города. *Ponte di Sospiri* (итал.) – Мост Вздохов. *Тинторетто* (наст. имя и фам. Якопо Робусти; 1518 – 1594) – итальянский живописец, один из ведущих мастеров венецианской школы Позднего Возрождения. *Карпаччо* Витторе (ок. 1455 – 1526) – итальянский живописец, представитель венецианской школы Раннего Возрождения.

II. Бордигера (с. 494). *Вентимилья* – город на берегу Средиземного моря, около франко-итальянской границы; близ него расположена группа пещер Гримальди. *И брату слал привет любовный...* – В. С. Соловьеву.

III. Рим (с. 499). *Лациум* (Лацио) – область в Центральной Италии на Апеннинском п-ове, в ней расположен Рим. *Тускуланум* – древний город Лациума с виллами богатых римлян, виллой Цицерона. *Лукулл* (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец, прославившийся не только воинскими успехами, но и богатством, роскошью, любовью к пирам. *Платан* – род крупных листопадных деревьев, высотой до 50 м.; живет свыше 2 000 лет. *Петр* – собор Св. Петра в Риме. *Противник Катилины* – Марк Туллий Цицерон (106 – 43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель. *Ростра* – в Др. Риме ораторская трибуна на форуме, украшенная носами трофейных кораблей. *Триум-*

виры (от лат. tres – три, vir – муж) – в Др. Риме в период гражданских войн I в. до н. э. союз влиятельных политических деятелей и полководцев, объединившихся с целью захвата власти. *Тога* (от tego – покрывало) – верхняя одежда граждан Древнего Рима, полотнище белой шерстяной ткани эллипсоидной формы, драпировавшееся вокруг тела. *Сабинские горы* – римские холмы, на которых обитали италийские племена между реками Тибр, Атернус и Анио. Из данных племен образовался римский народ. *Стиль* – здесь: стило. *Баллиста* – метательная машина в древности. *Ватикан* – город-государство в пределах столицы Италии, Рима, на холме Монте-Ватикана; центр католической церкви, резиденция ее главы Папы Римского; дворец Папы также называется Ватиканом. *Антифон* – стих из Псалмов. *Бедекер* Карл (1801 – 1859) – немецкий издатель; в 1827 основал в Кобленце изд-во путеводителей по разным странам. Слово «Бедекер» стало названием путеводителей, которые выпускаются до наших дней. *Льва Тринадцатого брат* – Лев XIII (1810 – 1903), папа Римский с 1878. Почетный член Петербургской Академии Наук (1895). *Эрн* Владимир Францевич (1882 – 1917) – религиозный философ, публицист. *Старец Пимен* – в «Воспоминаниях» Соловьев писал о своих римских впечатлениях: «Здесь впервые я начал посещать каждое воскресенье русскую церковь <...>. Отворялась дверь, и я попадал в рай. Старый седой архимандрит Пимен так хорошо служил. Помню, первая обедня, на которую пришли, была в день св. Екатерины» (Воспоминания. С. 94). *Капитолийский холм* – один из семи холмов, на которых возник Древний Рим; на нем находился Капитолийский храм, в котором происходили заседания сената, народные собрания. *Октавиан* Август (63 до н. э. – 14 н. э.) – римский император. Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. После смерти Цезаря сосредоточил в своих руках власть, сохранив традиции республиканского учреждения; этот режим получил название принципат. *Сибилла* (Сивилла) – древняя жрица-прорицательница. Одна из них, Тибуртинская, во время Рождества Иисуса Христа возвестила, что дева родила царя, который будет более велик, чем римский император Август. *Monte Cavo* (итал.) – Гора Пещер. *Ганнибал* (246 – 183 до н. э.) – карфагенский полководец. В ходе 2-й Пунической войны (218 – 201) совершил переход через Альпы и одержал ряд блистательных побед, но не устоял перед римлянами. *Беглец Германии своей...* – Иоганн Вольфганг Гёте, посвятивший Италии цикл стихов «Римские элегии» (1790). *Проперций* Секст (ок. 50 – ок. 15 до н. э.) – римский поэт, основоположник элегического стиля. *Sistina* (итал.) – Сикстинская. *Trinita de' Monti* – букв. Троица Гор. ...образ милый, образ нежный... – Т. А. Тургенева.

IV. Неаполь (с. 512). *Помпеи* – город в Южной Италии, у подножия вулкана Везувий. В 79 был обращен в руины и засыпан пеплом при извержении Везувия. С 1748 ведутся раскопки: открыта часть городских стен, форумов, храмов, театров, рынков, жилых домов, с мозаиками и фресками, останками погибших жителей и многим другим. *Байи* – знаменитые в древности морские купания знатных римлян на берегу Кампаньи. *Неронова пещера* – Нерон (37 – 68), римский император, прославился своей жестокостью, сжег большую часть Рима, преследовал христиан, скрывавшихся в пещерах. *Тримальхион* – герой книги Петрония «Пир Тримальхиона». *Save canem* – Остерегайся собаки (лат.). Надпись на мозаиках с изображением цепного пса, выложенных при входе в некоторых домах в Помпеях. *Жрица Кум* – Деифоба, мифологическая жрица Аполлона в Кумах; продала Тарквинию Сивиллины книги.

VI. Помпея (с. 519). *Триклиний* – столовая в древнеримском доме. *Луна-нар* – дом терпимости в Древнем Риме. ...*зараза охватила / Европу с четырех концов...* – речь идет о кризисе, который привел к началу первой мировой войны.

VII. Ассизи (с. 522). *Перуджия* – город в Центральной Италии, административный центр области Умбрия и провинции Перуджа. Памятники – остатки городских стен этрусков (IV–II вв. до н. э.), готическая церковь Сан-Эрколано (XIII – нач. XIV вв.), Палаццо Комунале (ныне национальная галерея Умбрии).

ВОЙНА С ГЕРМАНИЕЙ

Отд. изд.: К войне с Германией: Поэма. – М., 1914.

Эпиграф – из ст-ния В. Гюго «Наварин» (Navarin, 1827). Перевод: «Да здравствует Альбион, древняя владычица морей! / Да здравствует орел царей, парящий над двумя частями света! / Слава нашим лилиям, столь прекрасно сияющим! / ... / Я нашел тебя, Австрия! – Да, это она! / Не здесь, а там – среди флота неверных. / В рядах христиан тщетно будут тебя искать. / Мы застигаем, опозоренная и склонившая голову, / Твоего двуликого орла, прячущегося / Под султанами паши! / Это – воистину твое место, Австрия!»

I. Вильгельм (с. 524). *Вильгельм* Гогенцоллерн (1859 – 1941) – германский император и прусский король в 1888 – 1918, внук Вильгельма I

(1797 – 1888). Свергнут Ноябрьской революцией 1918. *Навуходонор II* – царь Вавилонии (605 – 562 до н. э.). Разрушил восставший Иерусалим (597, 587 до н. э.), ликвидировал Иудейское царство и увел в плен жителей Иудеи. При нем сооружены Вавилонская башня и висячие сады. *Льеж* – город в Бельгии на реке Маас, резиденция епископа (с VIII в.). *Вогезы* – горы на Северо-востоке Франции. *Калиш* – город в Польше. В период Северной войны, в Калишском сражении (18 октября 1706) русские войска под предводительством А. Д. Меншикова разгромили шведов.

II. К Воьльни (с. 527). *Дева Остробрамы* – в статье «Впечатления Галиции» (1915) Соловьев писал: «...не без влияния Польши создано исключительное поклонение Богородице, которое так поражает в городах и селах Западного края. Особенно сильно поклонение Ченстоховской и Остробрамской Божьей Матери. <...> Остробрамская Божия Мать названа так от польского слова «брама» – ворота. Ее икона находится над воротами в Вильне» (Богословские и критические очерки (1916; 1996). С. 240). *Осмомысл* – Ярослав Осмомысл (? – 1187), князь Галицкий, сын Владимира Володаревича. Многими международными связями усилил Галицкое княжество. Боролся против сепаратизма бояр.

III. К Англии (с. 529). *Гладстон* Уильям Юарт (1809 – 1898) – премьер-министр Великобритании, с 1868 лидер Либеральной партии. *Грей* оф Фаллодон Эдуард, виконт (1862 – 1933) – министр иностранных дел Великобритании (1905 – 1916). В 1907 заключил соглашение с Россией, которое способствовало оформлению Антанты.

IV. На взятие Львова (с. 531). *Збруч* – название реки. *Русины* – древнее славянское племя, жившее в Галиции еще до прихода венгров. С середины X в. были православными, потом стали юниатами. *Угорские горы* – венгерские, заселенные русинами. *Даниил Романович* (1201 – 1364) – сын Романа Мстиславовича, князь Галицкий (1211 – 1212 и с 1238) и волынский (с 1221). В 1254 получил от Папы Римского титул короля, при этом препятствовал распространению католичества на Руси.

V. Папе Бенедикту XV (с. 532). *Бенедикт XV* (наст. имя и фам. Джакомо дела Кьеза; 1854 – 1922) – Папа Римский в 1914 – 1922. Избран через месяц после начала Первой мировой войны. Отмежевался от сражающихся сторон и занимался помощью пострадавшим во время войны. Его попытка быть посредником в переговорах 1917 не принесла результата. *Реймс* – город во Франции, знаменит собором, памятником

зрелой готики. *Пий X* (1835 – 1914) – Папа Римский в 1903 – 1914. *Святыни Латерана* – пять Вселенских Соборов римско-католической церкви проводились в Латеранском дворце в Риме. Латеранский собор – общее название всех пяти. *Кардинал Рамполла* – Рамполья Мариано (1843 – 1913), итальянский прелат, кардинал (с 1887), сыгравший заметную роль в либерализации Ватикана под властью папы Льва XIII (1810 – 1903).

VI. К Франции (с. 534). *Вогезы* – горы на Северо-востоке Франции. *Брусилов* Алексей Алексеевич (1853 – 1926) – генерал, командарм в Галицкой битве, с 1916 – главком Юго-Западного фронта; провел успешное выступление, т. н. «Брусиловский прорыв».

VII. Пробудившемуся Исламу (с. 536). *Наследница Палеолога* – здесь: Москва. *Храм Юстиниана* – Софийский храм в Константинополе, возобновленный византийским императором Юстинианом I Великим (483 – 565).

VIII. Перед Луцком (с. 538). *Гедимин* (Гедиминас; ? – 1341) – великий князь литовский (с 1316). В союзе с Тверью выступал против Московского княжества, захватил западные русские земли с городами Полоцк, Гродно, Брест, Витебск, Минск и др.

IX. Холм (с. 539). *Холм* – древне-русский город, основан Даниилом Галицким (1201 – 1264), центр Холмской Руси, с 1366 в составе Польши; ныне г. Хельм в Польше.

X. В костеле (с. 541). В статье «Впечатления Галиции» (1915) Соловьев писал: «Когда я попал в костел в Холме, восторгу моему не было границ. Сидеть в уголке, устремляя глаза в готические своды, чуть тронутые нежными бледно-серыми красками, видеть, как на нескольких престолах священники возносят чашу, в белых, розовых и фиолетовых ризах, обрамленных кисеями и кружевами, под дивные звуки органа, доносящиеся сверху, как пение незримых ангелов – это было неописуемое наслаждение» (Богословские очерки. С. 218). *Антоний* – св. Антоний Падуанский (1195 – 1231), францисканец, Учитель Церкви. В христианском искусстве изображался с Младенцем Христом на руках; его атрибуты – лилия, цветущий крест, рыба, книга, огонь или пылающее сердце.

XI. К Польше (с. 543). *У Ченстоховской Матки Бозки...* – т. е. у чудотворной иконы «Ченстоховская Богоматерь» (14 в.) в г. Ченстохове на юге Польши.

XIV. Дарданеллы (с. 546). *Дарданеллы* – пролив в Турции между Европой и Азией, соединяющий Эгейское море с Мраморным. *Фемистокл* (ок. 525 – ок. 460 до н. э.) – афинский полководец, стратег. Сыграл заметную роль в период Греко-персидских войн (493 – 492 до н. э.). *Ксеркс I* (? – 465 до н. э.) – царь государства Ахеменидов (Древней Персии). Возглавлял поход персов на Грецию (480 – 479 до н. э.). *Дарий I* – царь государства Ахеменидов (522 – 486 до н. э.). Время его царствования – период наивысшего расцвета Персии. *Геллеспонт* – др.-греч. название Дарданелл. *Лемнос* – остров на Севере Эгейского моря (в составе Греции).

XV. К Италии (с. 548). *Духов день* – православный религиозный праздник (второй день Троицы). *Кавур* Камилло Бенсо (1810 – 1861) – премьер-министр Сардинского королевства. После объединения Италии (1861) – глава итальянского правительства. *Триест* – город и порт в Северной Италии, на Адриатическом море. *Квиринал* – один из семи холмов, на которых возник Древний Рим.

Раздор князей (с. 550). В основе поэмы исторические события 1097 г. Устав от междоусобиц, внуки Ярослава Мудрого (Ярославичи) съехались в Любече, чтобы договориться о мире, и целовали крест, что забудут распри. 5 ноября 1097 договор был вероломно нарушен киевским князем Святополком Изяславичем (княжил с 1093 по 1113) и Давидом Игоревичем, княжившем во Владимире-Волынском. Их жертвой стал Василько Ростиславович Галицкий, жестоко ослепленный. *Олег* Святославович (? – 1115) – княжил в Ростово-суздальской земле, на Волыни; потеряв владения (1076), бежал в Тмутаракань; дважды при поддержке половцев захватывал Чернигов, был в плену у хазар, затем в Византии в ссылке на о. Радос. В «Слове о полку Игореве» назван Гориславичем. *Владимир* – Владимир Мономах. *Ярополк* Изяславович – младший брат князя киевского Святополка; был убит князем Ростиславом Всеволодовичем, братом князя Владимира. *Бобрый рукав* – выражение из «Слова...», возможно, происходит от старинного, по Далю, названия сибирского хищника (бабра), равнявшегося по силе льву; второе значение слова «бабр» – королевский, царский тигр. *Древо искупленья* – крест. *Володарь* Ростиславович – брат Василька, вместе с ним правил на Волыни в городах Перемышль и Теробовль. *Вья* – шея. *Кремль святого Юра* – собор во Львове, в 1915 бывший резиденцией митрополита Андрея Шептицкого.

Повесть о великомученице Варваре (с. 564). *Зоя* – жизнь (*греч.*); кроме того, *Зоя* – раннехристианская мученица (II в.), сожженная за свои убеждения; причислена к лику святых. *Базилика* (*греч.* царский дом) – прямоугольное здание, разделенное рядами колонн на части (нефы). В Древнем Риме – судебное или торговое здание. *Свадьба Пелея и Фетиды и золотое яблоко раздора* – мифологический сюжет, с которого, по преданию, началась Троянская война. *Алтарь богу Солнца* – Аполлону-Гелиосу. *Стогна* – площади. *Алексей (I) Комнин* (1048 – 1118) – византийский император (с 1081). Отразил натиск норманнов, печенегов, турок-сельджуков. С помощью крестоносцев вернул империи часть Малой Азии. *Михайловский монастырь* – один из старинных мужских монастырей в Киеве, очень любимый Соловьевым. *Сюда пришел я когда-то бездомным скитальцем...* – Соловьев вспоминает свой первый приезд в Киев (1903) после смерти родителей.

CRURIFRAGIUM

Книга вышла в 1908 в Москве в типографии тов. А. И. Мамонтова. *Crurifragium* (лат.) – «дробление костей» (голеней), что связано со сквозной темой христианства, а шире – вечной борьбы добра и зла, света и тьмы, дьявольского и божественного начал. Соловьев не скрывал, что обращение к вечным вопросам бытия прямо связано с остро современным кризисом общества после разгрома первой русской революции.

Эпиграф (перевод) – Но теперь ваше время и власть тьмы (Лук. 22, 35).

Предисловие (с. 579). *Эпиграф* (перевод) – «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Иоан. 12, 31). *Логос* (*греч.*) – слово; здесь: божественное учение, высший разум. *Тартар* (Аид) – царство мертвых. *Прозерпина* (Персефона, Кора) – богиня царства мертвых, дочь Зевса и богини плодородия и земледелия Деметры, с разрешения отца похищенная Аидом. *Евхаристия* – таинство причастия Эроса (любви). *Ville tentaculaire* – город-спрут (*фр.*; букв. щупальцевый город). “Les villes tentaculaires” («Города-спруты») озаглавлен сборник статей Э. Верхарна (1895). *Эвдемонизм* (от *греч.* eudaïmonia – блаженство, счастье) – принцип этики, где главным критерием нравственности и основой морального поведения считается стремление к счастью. Наиболее полно проявился в философских учениях антич-

ного мира (Демокрит, Сократ, Аристотель). *Мир мой даю вам...* – слова Иисуса Христа ученикам (Иоан. 14, 27). *Филипп* из Вифсаиды Галилейской – по Евангелию, третий по счету из учеников, примкнувших к Иисусу (Иоан. 1, 43–44). *Гофман* Эрнест Теодор Амадей (1776 – 1822) – немецкий писатель-романтик, композитор, художник. *Буколический сюжет* – пастушеский.

Сказка о Серебряной Свирели (с. 585). *Серебряная Свирель* – возможно, прототипом героини являлась знаменитая певица Мария Алексеевна Оленина д'Альгейм (1861 – 1970), поразившая своим искусством А. Белого, Соловьева, его родителей и многих других. Концерты Олениной начались в 1902. А. Белый в статье «Певица» писал: «В музыке звучат нам намеки будущего совершенства. Вот почему мы говорим, что она о будущем. В Откровении Иоанна мы имеем пророческие образы, рисующие судьбы мира. «Вострубит бо, и мертвые восстанут, и мы изменимся...» Труба архангела – эта апокалиптическая музыка – не разбудит нас к окончательному постижению мира? Музыка о будущем» (Мир искусства. 1902. № 11. С. 303). А. Белый опубликовал еще одну статью о певице – «Окно в будущее» (В. 1904. № 12. С. 1–11), в оглавлении она называлась еще значимей – «Окно в вечность», что для друзей в те годы связывалось с эсхатологическими чаяниями. *Вечерня* – церк. служба; малая, в сокращенном чине, совершается накануне великих праздников, перед Всенощными; великая – первая часть Всенощной до Литии. *Герольд* – в Западной Европе в средние века глашатай, церемониймейстер при дворах королей и крупных феодалов, распорядитель на торжествах. *Голубой Луч* – его прототипом был А. Белый, первый сборник которого назывался «Золото в лазури»; непреодолимой казалась в момент создания сказки и его любовь к Л. Д. Блок (у Соловьева – чародейка Алая Пантера). *Черный Камень* – сам Соловьев. Символична обреченность рыцаря на одиночество: в 1903 Соловьев в один день потерял отца и мать, до этого (1900) самых любимых родственников – В. С. Соловьева и Н. М. Деметьеву. Камень – Петр; в триумвирате «соловьевцев» петрово начало соотносилось с личностью Соловьева (А. Белый. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 59–60).

Сказка о Апрельской Розе (с. 604). *Тенистая березовая аллея вела к пруду...* – пруд и усадьба Серой Суеты напоминают дедовские: «Березовая аллея ведет к пруду. Когда-то она была из одних берез, но березы дряхлеют, поднимается молодой ельник. <...> Я люблю путаться в широких полянах, отделенных друг от друга канавами и стенами елей» (Воспоминания. С. 88).

Червоный потир (с. 623). Альм. «Воздетые руки», 1905. *Посвящение* – Василий Васильевич Владимиров (1880 – 1931), одноклассник Б. Н. Бугаева в Поливановской гимназии, затем – товарищ в университете; один из «аргонатов», талантливый художник. *Лиэй* – одно из имен Диониса. *Менады* – в греч. мифологии спутницы бога Диониса. *Гелиос* – солнце. *Эос* – в греч. мифологии богиня утренней зари. *Скинния* – подвижной храм евреев, построенный Веселиплом и Элиавом по образцу, указанному Богом Моисею на горе Хорив (Исх. 25, 40). Представлял собой палатку из деревянных брусьев, покрытую покрывами и разделявшуюся завесой на святилище и на Святое Святых. При Давиде устроена была новая Скинния, для Иерусалима; Скинния Моисеева была поставлена в Гаваоне, перед ней молился Соломон о даровании ему мудрости (3 Цар. 3, 4).

Три девы (с. 646). *Капитолий* – один из семи холмов, на которых возник Древний Рим. На Капитолии находился Капитолийский храм, проходили заседания сената, народные собрания. *Тибулл Альбий* (ок. 50 – 19 до н. э.) – римский поэт. Основное содержание его любовных элегий – мечты о деревенской идиллии. *Проперций Секст* (ок. 50 – 15 до н. э.) – римский поэт, основоположник элегического стиля. *Тибур* (ныне Тиволи) – город в Италии, известен с IV в. до н. э., расположен в области Лацио, близ Рима. *Веронский певец* – Катулл. *Игемон* – правитель, высший чиновник в Древнем Риме, который назначался к наместнику провинций из значительных лиц и должен был заботиться о доходах казны и разбирать гражданским порядком разные дела. *Авентин* – один из семи холмов, на которых возник Древний Рим. Согласно преданию, на Авентин удалялись плебеи в период борьбы с патрициями. *Квиринал* – один из семи холмов, на которых возник Рим. *Тибр* – река, на которой стоит Рим. *Арка Траяна* – часть Форума в Риме, центра общественной и политической жизни; представляет из себя парадный архитектурный ансамбль, включавший триумфальные арки, в т. ч. арку Траяна. *Скрижали* (библ.) – каменные доски, на которых были написаны десять заповедей. *Юноша рядом стоит, золотыми сияя власами...* – апостол Иоанн: «Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит...» (Иоан. 19, 26). *Сатиры* – в греч. мифологии лесные божества, демоны плодородия в свите Диониса. *...Афродита... со свитой божественных граций* – в греч. мифологии богиню любви и красоты, родившуюся из морской пены, сопровождали юные хариты. В римской мифологии этих богинь красоты, изящества и радости называли Грациями. *Роспись на сундуке Хрисиллы* – библейский эпизод о сыновьях Иакова и гонении ими самого любии-

мого – Иосифа (Быт. 37). *Шуйца* – левая рука. *Чресла* – поясница, крестец, часть тела над тазом. *Ложе Тифона покинув, Эос...* – Тифон (Титон), в греч. мифологии божество света, «полдень», «начало конца дня»; отец Мемнона и Фаэтона, супруг Эос, которая, полюбив Тифона, унесла его на Олимп, попросив для него у Зевса бессмертия, но забыв о вечной молодости, поэтому Тифон состарился.

Веснянка (с. 673). *Посвящение* – Алексей Сергеевич Петровский (1881 – 1958), близкий друг А. Белого и Соловьева; один из «аргонавтов», впоследствии переводчик, сотрудник библиотеки Румянцевского музея. *Омофор* – часть архиерейского облачения, надевается на плечи. *Манна небесная* – чудесная пища вкуса муки с медом и оливковым маслом, данная Богом евреям в пустыне (Исх. 16). *Прозябать* (церк.-слав.) – расти, прорасти. *Царские врата* – центральная часть иконостаса, за которой находится алтарь; раскрываются в определенные моменты богослужения. *Домовина* – гроб (однодеревный, долбленный).

ПОЛЕМИКА

Ответ Валерию Брюсову (с. 682). *Один критик* – имеется в виду критический разбор «Цветов и ладана», сделанный А. А. Блоком в статье «О лирике» (1907). *βαθὺς λειμὼν* – выражение из трагедии Эсхила «Прометей прикованный». В переводе С. Апта: «сочный луг».

Г. Блок о земледелях, долгобородых арийцах, паре пива, обо мне и о многом другом (с. 687). *Савонарола* (Savonarola) Джироламо (1432 – 1498) – настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал культуру (организовал сожжение произведений искусства). После изгнания Медичи из Флоренции в 1494 способствовал установлению республиканского строя. В 1497 отлучен от церкви, по приговору синьории казнен, а его труп сожжен. *De gustibus non est disputandum* – О вкусах не спорят (лат.). *Микель-Анджело* – Микеланджело Буонарроти (1475 – 1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт. *Морис Денис* (искаж.) – Дени (Denis) Морис (1870 – 1943), французский живописец, один из основателей группы «Наби»; представитель символизма и стиля модерн. *Метерлинк* Морис (1862 – 1949) – бельгийский драматург, поэт; писал на французском языке. Лауреат Нобелевской премии (1911). *Нам кем-то высшим подвиг дан...* – из ст-ния В. Я. Брюсова «В ответ П. П. Перцову» (1902).

ПОЭМЫ

Дева Назарета. Свободная совесть. Лит.-филос. сб. Кн. 1. М., 1906. С. 94–101. Поэма посвящена Деве Марии, которая, по Евангелию, жила в галилейском городе Назарете, была обручена с Иосифом из рода Давидова и приняла Благоую Весть от Ангела Гавриила (Лук. 1, 26–38).

I (с. 695). *Эпиграф* – из ст-ния В. С. Соловьева «Поллион <Из Вергилия>» (1887). *Антоний* Марк (ок. 83 – 30 до н. э.) – римский полководец, сторонник Цезаря. В 42 получил в управление восточные области римской державы. В 43 образовал с Октавианом и Лепидом второй триумvirат, разбив войска Брута и Кассия (42). *Апофеоза* (апофеоз; от греч. apotheosis – обожествление) – прославление, возвеличивание какого-либо лица, события, явления. *Изида* (Исида) – в егип. мифологии богиня плодородия, воды, ветра, символ женственности, семейной верности, богиня мореплавания. В греко-римском мире ее называли «та, у которой тысяча имен». «Культ Исиды повлиял на христианскую догматику и искусство. Образ Богоматери с младенцем на руках восходит к образу Исиды с младенцем Гором» (Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М., 1980. С. 568–570). *Таинственный ответ* – предсказание о рождении Спасителя. В книге пророка Исаяи (7, 14) сказано: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил».

II (с. 696). *Эпиграф* – из «Метаморфоз» Овидия (гл. I; в публикации ошибочно указана гл. II). В переводе С. Шервинского: «Пало, повержено в прах благочестье, – и дева Астрея / С влажной от крови земли ушла – из бессмертных последней...». *Золотую росу...* и т. д. до *Дева правды Астрея...* – краткое изложение отрывка 1 главы «Метаморфоз» Овидия о завершении золотого века. *Аркада* – ряд одинаковых арок, опирающихся на колонны или столбы. Применяется главным образом при устройстве открытых галерей. *Астрея* – в греч. мифологии дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости, сестра Стыдливости, обитавшая среди счастливых людей золотого века. Затем испорченность людских нравов заставила Астрею покинуть землю и вознестись на небо, где она почитается под именем созвездия Девы (Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М., 1980. С. 118).

III (с. 697). *Эпиграф* – из ст-ния В. С. Соловьева «Нильская дельта» (1898). *Magna Mater* – Великая Мать (*лат.*).

IV (с. 699). *Кедрон* – поток, обтекавший Иерусалим с востока. *Антониева башня* – претория на северо-западном углу Иерусалимского храма, построена Иродом Великим и названа в честь полководца Марка Антония. Здесь Пилат судил Иисуса Христа. *Иосиф* из Назарета, святой – плотник, уроженец Вифлеема, принадлежавший к царскому дому Давидову; впоследствии супруг Марии.

V (с. 702). *Эпиграф* (перевод) – «се, Раба Господня, да будет мне по слову твоему» (Лук. 1, 38). Соловьев использовал в этой части поэмы сюжет Благовещения (Лук. 1, 26–38). *Гефсимания* – сад на западном склоне Елеонской горы, место «моления о чаше» и предательства Иуды. *Ангел с крыльями белыми* – Гавриил. *Лилия* – символ вечной девственности и чистоты Богородицы. Цветы лилий по форме напоминают Евангельскую трубу, возвестившую о рождении (а следовательно, о смерти и Воскресении) Христа. По преданию, лилии выросли из слез раскаяния, пролитых Евой, покидавшей Эдем. В этой связи лилия выступает символом Марии как Второй Евы, которая открыла людям путь в рай.

Саул и Давид. (с. 704). Свободная совесть. Лит.-филос. сб. Кн. 2. М., 1906. С. 87–149. В феврале 1905 Соловьев писал А. Блоку: «Соколов хотел издать моего “Саула” к Пасхе. Но я сказал ему, между прочим, что определенно предпочитаю “Северные цветы” альманаху “Гриф”» (А. Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. Лит. наследство. Т. 92. М., 1980. С. 391). Драма не была опубликована ни в альм. «Гриф» (февраль 1905), ни в СЦА (М.: Скорпион, 1905), включившем подборку стихов Соловьева «Предания». Соловьев неоднократно упоминает в письмах о публичных чтениях «Саула», упрекая себя за «несовершенство и ученичество» (Там же. С. 396). В письме Блоку от 25 января 1905 молодой поэт делится своим замыслом и главной идеей: «Готовлюсь писать драму “Давид” и потом “Соломон”. “Давид” начинает слагаться в голове довольно стройно, и я надеюсь в нем довольно полно выразиться. *Прообраз Христа красной нитью должен идти по драме* (курсив мой – В.С.)» (Там же. С. 388). В основе – сюжет 1-й Книги царств (9–20, 23, 31), творчески переосмысленный автором. *Точило* – чан, яма для выжимания винограда. *Кармил* – горный хребет, идущий от Акроского залива на юго-восток до Самарийских гор. Дал название ордену монахов-кармелитов, основанному у этой горы пророком Илией. *Самуил* – пророк, израильский судья. Спасал евреев от филистимлян, поставил на царство Саула, потом Давида; написал Книгу царств. Мощи его из Иудеи были перенесены в Константино-

поль. *Филистимляне* – народ, населявший с XII в. до н. э. юго-восточное побережье Средиземного моря, из числа «народов моря». Войны филистимлян с иудеями отражены Библией. В VIII в. до н. э. покорены Ассирией. От филистимлян происходит название Палестина. *Песня Давида* – вольное переложение «Песни песней» царя Соломона. *Ермонские горы, Гелвуйские горы, Ездrelонская долина* – географические названия царства Иудейского. *Его убив, себя убил навеки...* – ницшеанский мотив: «люди убили Бога» («Так говорил Заратустра»). *Пустыня Энгадди* – эпизод 24 главы 1-й Книги царств. *Авесса* – вымышленный персонаж. *Аэндорская колдунья* – волшебница, библейский персонаж (1 Цар. 28). *Шомера* – вымышленный персонаж. *Авенир* – возможно, оруженосец Саула. В Библии безымянный. *Сон Саула* – весть о Христе и заповедях Иисуса (Иоан. 14–15). *Песнь Давида* – в основе 2 Цар. 1; акценты расставлены иначе, чем в Библии.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦВЕТЫ И ЛАДАН

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

МАСЛИНА ГАЛИЛЕИ

I. Иаков	11
II. Святой путь	13
III. Мария Магдалина	15
IV. Перед Иерусалимом	17
V. Вечера	22
VI. Отречение	23
VII. Сестре	24
VIII. Видение святого Бернарда	26
IX. Родные страны	28
X. Святая Цецилия	29
XI. Пресвятая Дева и Бернард	30
XII. Свете тихий	31
XIII. Вечерняя молитва	33
XIV. Храм	35
XV. Раба Христова	37

ЗОЛОТАЯ СМЕРТЬ

I. Гимн осени	39
II. Жаркий полдень	41
III. Рябина	42
IV. Последняя роза	43
V. На балконе	44
VI. Серый день	45
VII. Печаль	46

VIII. У пруда	47
IX. Успокоенность	48

SILVAE

I. Истре	50
II. Валерию Брюсову	52
III. Андрею Белому	55
IV. Максиму Волошину	58
V. А. Г. Ковалевской	59
VI. Г. А. Рачинскому	60
VII. С. Н. Величкину	61
VIII. И. С. Щукину	62
IX. Из Эпифаламы	65
X. Москва	67
XI. В вагоне	70
XII. На побережье	71
XIII. Белица	72
XIV. Ромео и Джульетта	74
XV. Um die Linde	76
XVI. Геркулес на распутье	78
XVII. Алтарь Диониса	81
XVIII. Воспоминание	82
XIX. Мунэ Сюлли и Айседора Дёнкан	83

ПИЭРИЙСКИЕ РОЗЫ

I. Дафна	85
II. Пирам и Фисба	90
III. Ио	97
IV. Сиринга	103
V. Ифигения в Авлиде	105
VI. Ахиллес	107
VII. Неоптолем	114

VIII. Дидона и Эней	117
IX. Эней – товарищам	119

ПЕСНИ

I. Разлука	120
II. Двоеженец	123
III. Монашка	134
IV. Весенний ветер	137

ВЕСНЯНКИ

I. Primavera	142
II. Пастораль	144
III. Нимфа весны	147
IV. Пушкиниана	151
V. Надгробие	153
VI. Веснянка	154
VII. Любовь	155
VIII. Xanqh kogh	156
IX. Июльский вечер	157
X. Древней роще	158
XI. Хлое	159
XII. Другу	160
XIII. Женщине	161
XIV. Небу	162

АПРЕЛЬ

СНЫ АПРЕЛЬСКИЕ

I. «Ты взманила к вешним трелям...»	165
II. «Я блуждал в лесу родимом...»	166

III. «Тают тайные печали...»	167
IV. «Охотно в келье молчаливой...»	168
V. «Присев на ветхое крыльцо...»	169
VI. «Весь день я просидел прилежно...»	170
VII. Сонет	171
VIII. Возвращение весны	172
IX. «Весенний ливень, ливень ранний...»	173
X. «Взор твой, нежный и печальный...»	174
XI. «Коснись рукой до струн, презренных светом...»	175
XII. Улыбка прошлого	176

ЛИРА ВЕКОВ

I. Гимн Анадиомене	177
II. Элегия	178
III. Остров Феаков	179
IV. Сафо	181
V. Геракл на Эте	182
VI. Asclepiadeus major	183
VII. Идиллия	184
VIII. Аполлон с кифарой	186
IX. Отрок со свирелью	187
X. Песня Дафниса	188
XI. С латинского	189
XII. Ричард Львиное Сердце	191
XIII. Иоанна Дарк	192
XIV. Иоанн Грозный	194
XV. Сергей Радонежский	196

ШЕСТЬ ГОРОДОВ

I. Киев	197
II. Новгород	200
III. Москва	202

IV. Петербург	205
V. Город современный	207
VI. Сион грядущий	209
 БАЛЛАДА О ГРАФЕ РАВЕНСВУДЕ	 212

ОЧАРОВАННЫЙ РЫЦАРЬ

I. Три видения	218
II. Поединок	219
III. Признание	221
IV. Замок двух принцесс	223
V. Встреча	226
VI. Мать и дочь	227
VII. Magnificat	229
VIII. В подводном гроте	230
IX. В вечерний час	232
X. Путь царевны	233
XI. «Как робко вглядываюсь я...»	234
XII. Отрывок	235
XIII. Портрет	236
XIV. У окна	238

СТРЕЛЫ КУПИДОНА

I. Лесному богу	240
II. Элегия	243
III. Стансы	244
IV. Подражание Шенье	245
V. Наступление весны	246
VI. К Делии	248
VII. «Прошла гроза, и семицветных радуг...»	250
VIII. «Я побежден. Усилия напрасны...»	252
IX. Осень	253

X. Привет осени	254
XI. «С деревьев сняв лучем янтарным...»	255
XII. «Лазурью осени прощальной...»	256
XIII. «Мороз, как хищник разъяренный...»	257
XIV. «Сияньем, золотым и алым...»	258
XV. «Мой милый дом, где я анахоретом...»	259
XVI. Из дневника	261
XVII. Галатея	263

Дщи Сиона

I. Вход во Иерусалим	265
II. Ангел и мироносицы	267
III. Иоанн Креститель	269
IV. Рождество Христово	270
V. Заклятие розами, лилиями и именем Марии	271
VI. Значение искусства	272
VII. Лепота мироздания	274
VIII. Апостол Иоанн	276

ДЕРЕВНЯ

I. Яблочная торговка	278
II. Проклятая	282
III. Ярило	286
IV. Свидание	288
V. Духовные стихи	
1. «Восстанем, сестра моя, рано...»	290
2. «Вот здесь...»	291
VI. Упырь	293
VII. Песня	295
VIII. Обманутая девушка	297
IX. Федя	300

Послания и мадригалы

I. Памяти А. А. Венкстерна	306
II. Мадригал	308
III. В. А. Венкстерну	309
IV. Гиацинтии	310
V. С. Н Величкину	311
VI. Мадригал по случаю болезни глаз	312
VII. Памяти Юрия Сидорова	313
VIII. Письмо	314
IX. Андрею Белому	317
X. В. М. Коваленскому	319
XI. А. Г. Коваленской	320

ЦВЕТНИК ЦАРЕВНЫ

<i>Предисловие</i>	325
--------------------------	-----

ОБРАЗ МИЛЫЙ

I. Явление музы	329
II. «Дальше, дальше ото всех...»	331
III. «Крепче голубой мороз...»	332
IV. «Ты знаешь, ты знаешь...»	333
V. Песня сердца	334
VI. Бабушка и внучка	335
VII. Воскресение	336
VIII. Раутенделейн	337
IX. Татьянин день	339
X. Прости	341
XI. «Да, ты права...»	342
XII. Литва	344
XIII. Предкам Коваленским	345

Розы Афродиты

I. Парис	346
II. Посещение Диониса	348
III. Вакханка	349
IV. Венера и Анхиз	350
V. Купанье нимф	351
VI. Подруги	352
VII. Дафнис и Хлоя	354
VIII. Поцелуй	357
IX. Эпиталама	358
X. «Глазки смеются твои...»	360
XI. «Ты еще нежным...»	361
XII. «Цинтия, тише целуйся...»	363
XIII. Saturnalia	364
XVI. Из Иоанна Секунда	365

ПЕСНИ

I. Элегия	366
II. «Я лежу, зачарованный сном...»	367
III. «Ты порвала...»	368
IV. «Я тебя не беспокою...»	369
V. «Померкло театральное крыльцо...»	370
VI. «Твое лицо...»	371
VII. «Моя обетованная земля...»	372

ПОЭМЫ

I. Любовь поэта	373
II. Московская поэма	378
III. Езда на остров любви	384

Послания и мадригалы

I. Письмо	388
II. Триолет	391
III. Мадригал	392
IV. Памяти Н. М. Дементьевой	393
V. Послание	395
VI. А. А. Бенкендорфу	396
VII. А. К. Виноградову	397
VIII. À Pierre d'Alheim	399
IX. Памяти Льва Толстого	400

Благословение прошлого

I. Святой Борис	402
II. Марфа – Михаилу Романову	403
III. Мои предки	404

У ног царевны

I. Рождение Венеры	410
II. Плач Орфея	412
III. Ифигения в Тавриде	414
IV. Гермес	416
V. Орест – Электре	417
VI. «Когда я был отчаяньем объят...»	418
VII. Темный принц	419
VIII. «Когда я в бездну пал...»	420
IX. Разбойничьей девочке	421
X. Н. П. Киселеву	422
XI. Андрею Белому	423
XII. «Последний луч...»	424

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

Вступление	427
------------------	-----

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ ОТЧИЙ

I. Привет Новому Иерусалиму	431
II. Епископу Дионисию	434
III. Святой Москве	437
IV. 14 сентября 1913 г.	440
V. Епископу Трифону путешествующему за границей	442
VI. Братии Богоявленского монастыря	444
VII. Гермогену монаху	447
VIII. Памяти Ю. А. Сидорова	449
IX. Оптиная Пустынь	451
X. Блаженный Августин – святой Моники	453
XI. Пустынная жизнь	456
XII. Василий Великий – Григорию Богослову	458
XIII. Прощание святого Антония с Афоном	462
XIV. Архимандриту Петру	464

НА РУБЕЖЕ

I. Волынь	466
II. Падуя	469
III. Беноццо Гоццолли	471
IV. Кременец	473
V. Анне Николаевне Кампони	475
VI. 13 октября 1914 года	477
VII. «Ты Радости Нечаянной не даром...»	478
VIII. Святая Русь	480

ТЕНИ АНТИЧНОГО

I. «Трахинянки» Софокла. Пародос	483
II. «Трахинянки» Софокла. Первый стасим	485
III. Воспитание Ахилла	487

ИТАЛИЯ

Вступление	489
I. Венеция	491
II. Бордигера	494
III. Рим	499
IV. Неаполь	512
V. Сорренто	516
VI. Помпея	519
VII. Ассизи	522

ВОЙНА С ГЕРМАНИЕЙ

I. Вильгельму	524
II. К Вольни	527
III. К Англии	529
IV. На взятие Львова	531
V. Папе Бенедикту XV	532
VI. К Франции	534
VII. Пробудившемуся Исламу	536
VIII. Перед Луцком	538
IX. Холм	539
X. В костеле	541
XI. К Польше	543
XII. На границе	544
XIII. В Галиции	545
XIV. Дарданеллы	546
XV. К Италии	548

РАЗДОР КНЯЗЕЙ	550
Эпилог	562
ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЕ ВАРВАРЕ	564

CRURIFRAGIUM

Предисловие	579
Сказка о Серебряной Свирели	585
Сказка о Апрельской Розе	604
Червонный потир	623
Три девы	646
Веснянка	673
Полемика	682

ПОЭМЫ

Дева Назарета. <i>Поэма</i>	695
Саул и Давид. <i>Драматическая поэма</i>	704
<i>Стефано Гардзонио. «Живоймышленный ангеленок...»</i> Поэт Сергей Соловьев	778
<i>Примечания</i>	792

Соловьев С. М.
С56 Собрание стихотворений. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 856 с. –
(Серебряный век. Παράλληλων)

ISBN 978–5–902312–22–2

Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942), «Соловьёв-младший», внук историка и племянник поэта-философа, известен современному читателю в основном как автор «Воспоминаний», написанных в 1930-е годы. Между тем его поэтическое наследие велико и достойно: перед нами не просто поэт Серебряного века, но поэт-символист первого ряда.

В настоящее издание вошли пять прижизненных книг С. М. Соловьева: «Цветы и ладан», «Апрель», «Цветник царевны», «Возвращение в дом отчий», «Crucifragium», а также поэмы «Дева Назарета» и «Саул и Давид». Публикация поэтических произведений Соловьева заполняет одну из самых серьезных лакун в истории литературы Серебряного века.

ББК 84(2Рос=Рус)6

Соловьев Сергей Михайлович

Собрание стихотворений

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *В. Резвый*

Подписано в печать 25.08.07. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс Печать офсетная.
Печ. л. 53,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 745

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б.

E-mail: agathon@humanus.ru

Отдел реализации: (495) 786-36-35

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К°»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

9 785902 131222 2